

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2025 **ТОМ 10** NO 2

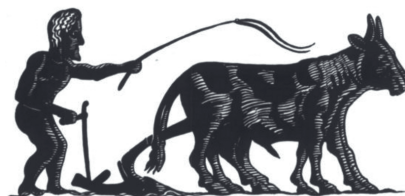
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцюк, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.Б. Безгин, Тамбовский государственный технический университет
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сунгконгэ, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)
Д. Челетти, Падуанский университет, Падуя (Италия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Картина «Старик-огородник». Суриков В.И. 1882. Государственный
Русский музей, Санкт-Петербург

© РАНХиГС, 2025

Содержание

Теория

- Merl S.* Collectivization and socialist agriculture (1917–1992):
Revised comparison of the Soviet and East-European experience.
Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953) 6
- Гачева А. Г.* Проблема борьбы с голодом в философии русского
космизма: от Василия Чекрыгина до Владимира Вернадского. 37

История

- Афанасенков В. О.* Государственная статистика животноводства
в России конца XIX — начала XX вв.: дискуссии
и перспективы изучения 63
- Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г.* Сельское население Волго-Каспийского
рыболовного района во второй половине XIX — начале XX века:
особенности формирования, социальная структура, специфика
хозяйственной деятельности 83
- Федоров Р. Ю.* Эволюция экологических знаний и социоприродных
взаимодействий в практике создания колхозных садов в Сибири 103

Современность

- Шерешева М. Ю., Беляев А. А.* К вопросу о Зерновой бирже БРИКС:
роль российских платформенных В2В-технологий 118
- Макеева С. Б.* Современный опыт реализации китайской стратегии
по развитию сельского хозяйства в Северо-Восточном регионе КНР 136
- Mukha V. N., Chemulova A. V.* Discovering social aspects of rurbanization:
A literature review 161

Интервью с исследователем

- Гордеев А. В., Никулин А. М.* «Сегодня надо существенно
перенастроить государственную аграрную политику, чтобы поддержать
развитие сельских территорий» 180

Рецензии

- Троцук И. В.* Типология и топология сельского расселения:
возможности и ограничения краткого изложения 196
- Гусаков Т. Ю.* В поисках устойчивости: география и ее опора. 207
- Ишмухаметов Р. Р.* Сельские школы и приемное родительство:
экономика и забота 213

Научная жизнь

- Гонина Н. В.* Концепт «переселенческое общество»: от традиционных
взглядов к новым подходам. 219
- Овчинцева Л. А.* Тренды российской сельской экономики
и сельского развития (по материалам аграрных конференций
конца 2024 — начала 2025 года) 231
- Полещук И. К.* Человеческий капитал в сельском развитии: БРИКС и мир . . . 237
- Кадашова Н. А.* Вместе — мы сильнее! 269
- Никулин А. М., Никулина Е. С.* Голоса Воронежских ТОСов:
«Ты начинаешь чувствовать территорию, на которой живешь...» 272

Russian peasant studies

Vol. 10. 2025. No 2

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil), RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.B. Bezgin, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian
Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy
of Sciences
Kim Chang Jin, SungKongHoe University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues
and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)
D. Celetti, University of Padua, Padua, Italy.

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow,
Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Merl S.* Collectivization and socialist agriculture (1917–1992):
Revised comparison of the Soviet and East-European experience.
Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953) 6
Gacheva A.G. Fight against hunger in the philosophy of Russian cosmism:
From Vasily Chekrygin to Vladimir Vernadsky 37

HISTORY

- Afanasenkov V.O.* Pre-revolutionary official statistics of animal husbandry:
The state of historiography and research prospects 63
Vinogradov S.V., Eshchenko Yu.G. Rural population of the Volga-
Caspian fishing region in the second half of the 19th — early 20th centuries:
Features of formation, social structure, specific economic activity 83
Fedorov R.Yu. Evolution of ecological knowledge and social-natural
interactions in the development of collective-farm gardens in Siberia 103

THE PRESENT TIME

- Sheresheva M.Yu., Belyaev A.A.* On the BRICS Grain Exchange:
The role of the Russian platform B2B-technologies 118
Makeeva S.B. Current implementation of the Chinese strategy
for agricultural development in the North-East 136
Mukha V.N., Chemulova A.V. Discovering social aspects of rurbanization:
A literature review 161

INTERVIEWS

- Gordeev A. V., Nikulin A.M.* “Today we need to significantly change
the state agricultural policy to support the development of rural areas” 180

REVIEWS

- Trotsuk I.V.* Typology and topology of rural settlement:
Possibilities and limitations of a brief presentation 196
Gusakov T.Yu. In search of sustainability: Geography and its basis 207
Ishmukhametov R.R. Rural schools and foster parenting:
Economy and care. 213

SCIENTIFIC LIFE

- Gonina N.V.* The concept of “resettlement society”: From traditional
interpretations to new approaches. 219
Ovchintseva L.A. Trends in the Russian rural economy and rural
development (based on the materials of agrarian conferences
in late 2024 — early 2025) 231
Poleshchuk I.K. Human capital in rural development:
BRICS and the world 237
Kadashova N. A. Together we are stronger!. 269
Nikulin A.M., Nikulina E.S. Voices of the Voronezh territorial
public self-governments: “You begin to feel
the territory you live in...” 272

Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience. Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953)

S. Merl

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University, Universitätsstr., 25, 33615 Bielefeld, Germany. E-mail: stephan.merl@uni-bielefeld.de

Abstract. Literature on collectivization in Eastern Europe presents an outdated picture of Soviet collectivization close to Stalin's interpretation, and literature on Soviet collectivization ignores alternative policies to promote forced industrialization in countries with predominantly small-scale peasant farms. Before discussing collectivization and socialist agricultural policy in Eastern Europe, the author examines collectivization in the Soviet Union under Stalin, combining this analysis with some methodological reflections on the approach and central terms applied. Then the author focuses on the entangled comparison of collectivization and socialist agricultural policy after the World War II in Eastern Europe and the Soviet Union to thoroughly reassess this policy by answering the following key questions for the assessment of socialist agricultural policy: whether enforced collectivization was necessary or harmful for industrialization; whether Stalin's collectivization aimed at modernization of the agrarian sector at all; why socialist agricultural policy, after liquidation of private farms during collectivization under Stalin and Khrushchev, since the late 1970s in almost all socialist countries returned to supporting private small agricultural production. In addition to focusing on the decisive turning points of the agricultural policy, the author keeps the whole period in view, distinguishing the following phases with basically different political approaches: (1) collectivization under Stalin as based on class war and peasant subjugation to transfer capital from agriculture to industry; (2) collectivization under Khrushchev striving to complete it, although this policy was basically put in question (in 1953 in the Soviet Union and in 1957 in the GDR and Hungary); (3) efforts to stabilize the economically weak collective farms in the 1960s after finishing collectivization and replacing Khrushchev; (4) the final turn to modernization of agriculture expecting economies of scale through different concepts of industrialization in the 1970s; (5) the failure of these concepts causing a cost trap and enforcing the rehabilitation of small-scale private agriculture in the 1980s. The first part of the article shows how Stalin in 1929 turned collectivization away from modernization goals, which made collectivization an end in itself, enforcing the diversion of resources from agriculture to industrialization. Stalin did not trust the peasants and ignored their great capacities of increasing production, which made members of collective farms forced laborers with limited civil rights. Mechanization ensured primarily state control over agriculture and prevented an increase in yields.

Key words: collectivization of agriculture, Stalin, Khrushchev, socialist agriculture, mechanization, kolkhoz system, industrialization of agriculture, modernization, Soviet Union, Eastern Europe, small peasant farms, Chayanov, economies of scale, private plots, social differentiation, exploitation, myth of infallibility, Litsom k derevne

EDN: ADGDWI

Looking through recent publications on collectivization in Eastern Europe and the Soviet Union, I was shocked by their deficiencies: works on collectivization in Eastern Europe often lacked information on the Soviet Union, being based on outdated literature or just Stalin's interpretation; often they present collectivization in Eastern Europe as a process from 1948–1949 to the turn of the 1960s, ignoring the significant policy ruptures after Stalin's death. Literature on Soviet collectivization ignores alternative policies. Thus, a comparison of collectivization and socialist agricultural policy in the Soviet Union and Eastern Europe may provide new insights. In Eastern Europe, small farmers coped with forced deliveries and provided capital for industrialization, which denies Stalin's statement that small peasant economy was not capable of reproduction and suggests that forced industrialization would have worked in the Soviet Union on the basis of small peasant economy as Chayanov suggested in the 1920s (Merl, 2022). This would have saved the Soviet Union from huge losses of social capital and agricultural productive forces determined by Stalin's policy. The suggested comparison also shows how long it took after the replacement of Khrushchev to finally stabilize collective farms as they needed significant state investment.

S. Merl

Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience. Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953)

Stalin's collectivization: a step to agricultural modernization or an end in itself?

Under Stalin, the goal of collectivization changed from a means to modernize agriculture within socialist economy to a means of subjugating peasants and getting capital for industrialization, thus, serving as a social engineering way to change the rural society in the desired direction (Irodachi, Bauerkämper, 2024: 6). Paying special attention to the economic aspects, I will show that Stalin's collectivization hindered modernization of agriculture and the Soviet Union's economic development.

In the *Collectivization in Eastern Europe*, edited by Irodachi and Bauerkämper, Viola did not provide an objective description of Stalin's collectivization with all its errors and changes, necessary for a fruitful comparison. Instead, she preferred lofty statements and broader theoretical categorizations, for instance, referring to Scott's "high modernism" and Bauman's "gardening state" (Viola, 2014: 63). This sounds academic but lacks practical usefulness for comparison. She argues that collectivization primarily aimed at changing the nature of peasants (whatever this should mean) and blames Lewin's (1974) "taking grain" for being too narrow. She mentions the "colony" status of the countryside as assuring and rationalizing its plunder" (Viola, 2014, 50–54, 68): "Collectivization was nothing if not a massive

exercise in social engineering aimed at developing, overnight, a new society and economic policy. Undesirable elements — the ‘weeds’, to use the Bauman metaphor — were mercilessly removed. An attempt to create ‘a new man’ — the *kolkhoznik* — followed, through education, new labor patterns, and military indoctrination” (Viola, 2014: 64)¹. While working on the topic for more than fifty years, I have never found a hint that Stalin considered members of the collective farm as “new” men. He trusted them no more than any other peasant. Viola’s focus on “resistance” also does not help to understand peasant exploitation. Instead of “resistance”, we should speak of the struggle for simple existence of members of collective farms under Stalin. Instead of critical analysis, Viola (2014: 55–56) presents the secret police reports on the “tough resistance of kulaks” as if they were true². Some of her statements are misleading, like that collectivization was an “integral component of Stalin’s First Five-Year Plan” (Viola, 2014: 49), although even its final version in May 1929 did not define collectivization as a precondition for industrialization, suggesting its start only in 1933, when the Soviet industry would be able to produce tractors (Pyatiletny plan, 1930: 338; Merl, 1985a: 184–211)³.

Recent studies of Soviet collectivization, in particular Stalin’s actions and interventions, have ignored how strongly Stalin influenced collectivization, often presenting his interpretations as correct (see, e.g.: Kondrashin, 2024). I will consider Stalin’s intervention in collectivization policy from 1924 to 1953, when he changed his approach radically several times. Such underestimation of Stalin’s role and his continuous interventions in collectivization leads to misinterpretations. Today we can better understand what was behind Stalin’s actions, especially Davies contributed to this understanding by referring to the archival materials to explain Stalin’s economic decisions⁴, for instance, his reaction to the bad harvest of 1936, different from 1932/1933, although the grain shortage was even more severe (Davies, 2014). We learn about Stalin’s decision making (cautious or pressing) and understanding of situations. Whenever

1. Collectivization was inspired by “rational planning” for the sake of “human betterment” (according to Bauman).

2. Based on the archival material, she mentions “kulak heavy attacks on the regime and its officials”, “widespread resistance” and “peasant sabotages”, concluding that the destruction of traditional elites, i.e., “liquidation of the kulak as a class”, was “a composite — and indeed requisite — measure” (Viola, 2014: 55).

3. The final plan suggested 13% collectivization for 1933, and Danilov rightly argued that this plan in May 1929 still presented the alternative — quick industrialization without forced collectivization.

4. Especially the final four volumes of his industrialization series based on the archival material provide important insights in Stalin’s actions: Davies, 1996; Davies, Wheatcroft, 2004; Davies, 2014; Davies, Harrison, Khlevnyuk, Wheatcroft, 2018.

his dictatorial rule was put in question, Stalin reacted wisely and effectively (Merl, 2012b).

Sometimes Stalin's actions suggested that he had doubts and was not sure what to do. As he usually moved forward by exerting extreme pressure on officials to exceed the set goals, we should consider situations in which he acted differently — interrupted campaigns, suddenly acted with more caution or even set moderate goals. This happened in March 1930 to collectivization, in 1931 in response to the crisis of industrialization (Merl, 2012b)⁵, in late 1932 during the famine, and with ending the “Great Terror” in 1938 (Merl, 2012b)⁶. In such cases Stalin temporarily set more moderate goals, as for the second Five-Year Plan, or looked for a compromise as in the end of 1932 with members of collective farms under famine. When the threat was overcome, Stalin often returned to the previous pace and extreme pressure on officials.

S. Merl

Collectivization and socialist agriculture (1917–1992):

Revised comparison of the Soviet and East-European experience.

Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953)

Literature on East European agriculture after WWII

A comparison requires valid data on all East European countries, while my archival studies involved mainly Russian and partly GDR and Hungarian materials. In addition, I have considered basic research on collectivization and socialist agricultural policy in Eastern Europe. From 1988 to 1991 I worked as a follower of Karl-Eugen Wädekin at the Justus-Liebig University in Gießen and taught International Agricultural Policy, thus observing the agricultural transformation in Eastern Europe and the Soviet Union (Merl, 2023b).

Wädekin (1974; 1978) conducted comprehensive research in his two volumes on the Socialist agricultural policy: first, a comparative study of collectivization in the Soviet Union and Eastern Europe up to 1960; second, a comparative study of socialist agriculture in the Soviet Union and Eastern Europe up to 1976. Both volumes offer additional insights and a framework for comparing Socialist and Western agricultural policies. My contribution updates this research by today's knowledge of Stalin's and Khrushchev's intentions and the data covering the period from the mid-1970s to the early 1990s, including the assessment of Socialist agricultural policy through its transformation to the market economy in the 1990s.

I would like to mention three new studies important for reassessing collectivization and socialist agricultural policy. Swain (1985) conducted a pioneer study of collectivization in Hungary, focusing

5. A standard example of Stalin's political turns is his speech to industrial managers in June 1931. He did not confess that he had pushed industrialization too hard but reduced the 1932 goals significantly.

6. In 1938, Stalin blamed Ezhov for the great terror and ordered him to be shot, although we know from the archives that Stalin gave all orders.

on its outcomes in the sociological perspectives⁷. Irodachi's and Bauerkämper's book (2014) provides several valuable national studies: although most are limited to collectivization until the early 1960s, some show stabilization of collective farms after collectivization and final outcomes of socialist agricultural policy⁸. Varga (2021) published a study important for understanding the failure of socialist agricultural policy on the example of Hungarian transformation from 1948 to 1990.

I am mostly interested in the economic aspects of collectivization and socialist agriculture, including agricultural modernization. Lenin expected that small farmers, under the threat of economic "collapse", as the Marxist theory suggested, would voluntarily join collective farms, and provided tractors (mechanical power), would convince peasants. For Lenin, modernization was the central aspect and not exploitation of peasants to finance industrialization as under Stalin. Lenin, however, paid no special attention to severe rural underemployment. I refer to the collectivization experience of Eastern Europe for a better understanding of possible Soviet alternatives, while the standard approach, on the contrary, compares collectivization in Eastern Europe with the "Soviet model" which did not exist. Very few studies have considered in detail the whole path of Socialist agricultural policy (collectivization and socialist agriculture) from 1924 to 1992, but only such a comprehensive approach allows for a reassessment⁹. I will start with some methodological remarks about sources and myths of the achievements of collectivization, which are still widespread not only in the Russian literature.

Methodological remarks on the use of sources

Archival material and other sources of the Stalin period present the "official" point of view, not the "truth". Already Fainsod (1958) showed in his study of Smolensk that there was the same interpretation in the published and archival materials; therefore, every "fact" or interpretation needs critical verification. However, in recent publications, not only young and inexperienced historians use archival material uncritically and present their findings as the "truth" (see, e.g.: Viola, 2014; Kondrashin, 2024). What the secret policy reports present as sabotage, terror acts or resistance often were only

-
7. He also conducted comparative studies of collectivization in Eastern Europe (Swain, 2014) and of what happened after the end of socialist regimes in four countries (Swain, 1999).
 8. The editors blamed previous research for not having paid enough attention to what collectivization meant for peasants (pp. 4, 33), but contributions partly answered the same questions (pp. 4–6).
 9. See, e.g.: Merl, 2019 and Merl, 2020b on the whole relevant period in Russia and the Soviet Union, Varga, 2021 — on Hungary from 1945 to 1990.

reactions to attacks of the regime¹⁰. Thus, most horses and cows died at collective farms due to the lack of fodder or epidemics, not due to the “peasant resistance”. In any case, it is necessary to check whether other reasons were possible and plausible, but a desperate fight for survival should not be called resistance.

Officials falsified reports in reaction to the pressure “from above”: fearing the loss of their jobs, they reported what Stalin or Khrushchev wanted to hear, pointed at alleged culprits to be made responsible in public for mistakes. With such pressure on officials first Stalin and then Khrushchev lost the opportunity to get honest reports, describing the situation as drastic and miserable as it really was. Many recent works ignore comprehensive studies of Soviet collectivization conducted in the 1970s — 1980s (see, e.g.: Danilov, 1957, 1977, 1979; Fitzpatrick, 1994; Hunter, 1988; Jasny, 1949; Karcz, 1979; Kollektivizatsiya, 1989; Lewin, 1968; Millar, 1974; Millar, Nove, 1976; Tragediya sovetskoi derevni, 1999–2006).

Stalin never admitted his mistakes (or miscalculations) even to his closest companions. By blaming others for his mistakes and miscalculations, Stalin could change his policy, while denying such changes in public. This was his strategy to construct the myth of his infallibility already in the early 1930s¹¹. To maintain his dictatorial rule, Stalin’s actions had to be unpredictable and incalculable for others (Gregory, 2004; Merl, 2017a, 2021b). In public, he always presented others as scapegoats and often ordered those who had warned him before to be killed or executed, which is what happened in 1932 to the vice minister of state farms, Mikhail Volf, who had explained already in mid-1928 why collectivization would cause a famine (Merl, 2023a).

Khrushchev’s approach was somewhat different. Stalin maintained the myth of his infallibility by being extremely careful with public statements, which allowed him to correct his policy in case of failure or danger without being blamed for mistakes. On the contrary, Khrushchev often made foolish promises in public, which is why he was blamed for failures, for example, when he failed to keep his promise to surpass the US in the per head consumption of milk and meat by 1961 (Merl, 2002).

What myths are based on the achievements of collectivization?

“Class differentiation” of the Russian peasantry was a myth, although there was social differentiation (Chayanov, 1927; Shanin, 1972; Merl, 1981). Class differentiation did not develop in any East European

10. During my research in the mid-1970s, I checked the archival data on “terror acts” by “kulaks”, and most were just helpless revenge for the acts of state terror.

11. See my comment on Stalin’s “dizziness with success” in Merl, 2024c.

country; however, in some countries, there was a huge difference between noble estate owners and landless workers. There were no convincing criteria of the “exploiting” farmer (Merl, 1981; Swain, 2014), since seasonal hiring during the peak harvest was a widespread practice. Only in some countries with the developed peasantry, as in Germany, farmers hired workers on a permanent basis, as a rule, one farmhand and one maid.

However, there were two other forms of “exploitation” during collectivization: exploitation of peasants by the state and “self-exploitation” of the small peasant economy. State exploitation was the key feature of collectivization under Stalin: the state set the producer prices to control the income of collective farms and required to dispose their production without taking care of re-production. “Self-exploitation” was a widespread practice of the small peasant economy: peasants used “family labor” in their production, having no fixed value compared to working time and wages in the socialist industry (Swain, 1985).

Considering “modernization by mechanization” under Stalin, one should admit that modernization would have required more than tractors and since the mid-1930s also combines. The crucial questions were as follows: whether the traction power in the 1930s overcame or maintained the level achieved in 1929, i.e., whether the mechanical traction power allowed for more than partial replacement of the animal traction power destroyed by “taking grain”; whether the available agricultural knowledge and technology (such as crop rotation) was used to significantly increase crop yields and livestock production. During collectivization under Stalin the answer to both questions was “no”. In the 1930s, the mechanical traction power did not fully replace the animal traction power of 1929. Mechanization was intended only to control agricultural production and even sabotaged the introduction of improved crop rotations (Merl, 2016a, 2016c). Imports of tractors and heavy agricultural machinery ceased in 1932 after the launch of the Stalingrad tractor plant, but tractors could be used only for a limited number of field works due to a great shortage of towed implements. Already in 1937, due to Stalin’s reorientation to military defense, the further supply of tractors and fuel was reduced, an increasing number of MTS-tractors were out of order due to the lack of spare parts and bad repair. In the 1930s, all attempts to increase agricultural production by seed rotation and simple measures (agro-minimum) were blocked by Stalin’s insistence on large areas of grain crops (Merl, 2016a, 2016c).

Collectivization under Stalin: Decisive turning points (1925–1953)

Stalin’s interest in collectivization was determined by his decision to accelerate industrialization in 1926. Further, I will consider in detail

Stalin's concept of collectivization, paying special attention to drastic changes in his approach, which started from "taking grain" and led to the subjugation of peasants as forced unpaid laborers to provide capital for industrialization.

S. Merl

Collectivization and
socialist agriculture
(1917–1992):

Revised comparison
of the Soviet and
East-European
experience.

Part I. Soviet
collectivization
under Stalin
(1925–1953)

Policy before the start of total collectivization at the end of 1929

Contrary to Stalin's dogmatic version, the 1917 land reform was not ordered from above: already under the Provisional Government, peasants started to occupy estate lands within their "revolution" against the noble landowners. The Bolsheviks initially intended to transform estates into large state farms, but Lenin decided to win the peasants' support for the revolution by the law proposed by the left wing of the Social Revolutionaries based on peasant electoral mandates, thus, being tolerant of peasants' initiatives to confiscate landlords' lands (Merl, 2017b, 2024a).

After the bad harvest of 1924, responding to the negative attitude of the rural population towards the new regime, the Bolsheviks developed an agricultural program *Litsom k derevne* ("turning to the village") to overcome the basic problem of rural underemployment. This program was to provide incentives to create new jobs in the countryside, to improve agricultural technologies to raise yields and animal productivity, to organize peasant farms in cooperatives and, finally, to ensure resources for national industrialization. The state was to support cooperatives with credits, inputs, processing and marketing means (Merl, 2022; Wehner, 1998).

All proposed measures were justified; however, the intention to start with the accumulation of capital in agriculture to finance the industry would not have led to rapid industrialization. *Litsom k derevne* was not a program of industrialization, but a feasible program to develop peasant agriculture, which had no alternative. The speed of agricultural development would depend on the state's willingness to provide funding and accept social differentiation in the countryside. As long as peasant farms retained the ability to produce, they would increase production and improve farming. Even in unfavorable market conditions, they had no choice but to take the burden and provide capital for industrialization. This is evident from the collectivization experience in the East European countries from 1948 to 1962 (see Part II). The capital transfer was organized by the price policy in connection with obligatory deliveries. As long as the state did not use violence, the risk of destroying peasant means of production was minimal, and peasants would retain agricultural production due to the lack of other sources of income (Merl, 1981, 2022).

In the mid-1920s, the first Five-Year-Plan for agriculture was developed. The group around Chayanov (Kondratiev, Makarov and Chelintsev) prepared projects for industrialization of agriculture,

starting with vertical cooperation, while collectivization was expected on the agenda only after the start of the national production of tractors and the introduction of mechanized agricultural technologies from 1933 (Merl, 1981, 2022)

Litsom k derevne was based on the revision of the concept of “class differentiation”. The *kulturniki* were considered “working peasants” due to not exploiting others (as pre-capitalist kulaks). Even if they temporarily hired a worker in addition to their family labor, they were not considered kulaks. Chayanov (1927) spoke of a new generation of farmers hardened in the World and Civil War and loyal to the Soviet power. *Litsom k derevne* intended to support the *kulturniki* as peasants willing to improve their farming methods and to make use of scientific knowledge to expand and intensify their production¹².

When grain procurement at the beginning of the 1925/26 campaign went slower than expected, Stalin blamed peasants for “sabotaging” grain procurement and, thus, industrialization, and made the Party revive the concept of “class war” for the countryside. However, his accusations were groundless: by the end of the procurement campaign in the spring of 1926, the set amount of grain was collected. As the state set low grain prices, the capital outflow from agriculture to industry in 1926/27 was significant. As peasants had no alternative than selling grain to the state, they were forced to accept low prices (Merl, 1981: 123–140; 2016b, 2020a).

Stalin’s return to the concept of “class war” was an attack on the *kulturniki* supported by other members of the Party leadership. Disenfranchisement in the election to the soviets in 1927 was expanded, and special “individual taxation” “for the richest 3% percents of peasants” was introduced (Merl, 2022; Merl, 2016b, 2020a). Although the available data shows that the “exploitation” of poor peasants by kulaks hardly existed in the Soviet countryside, and that there was no capitalist stratification, Stalin did not give up his attacks on the well-to-do peasants. Other Party leaders tried to defend them, saying that an increase in agricultural production significantly depended on their work, and suggested exempting the *kulturniki* from individual taxation and giving them back the right to vote for the local soviets (Merl, 2022).

Although the decision to speed up industrialization without accumulating capital in agriculture was right, a combination of forced industrialization with the support of peasant farms would have been feasible. Unfavorable producer prices set by the state for agricultural

12. In his recommendations to Molotov in 1927, Chayanov stressed basic points ignored under Stalin: the need to provide the state financial support to start agricultural modernization, the need to invest in agricultural research and in training agricultural producers to improve farming, and the need to grant farmers autonomy of decisions on the best use of human capital and means of production.

goods would have been possible only without an attack on the well-to-do peasants, since they would have increased production and improved their farming to reduce their burden. Stalin's attack on the well-to-do farmers also hit rural households that did not hold enough implements and animal traction power to cultivate their fields and depended on rented means of production (Merl, 2022).

Fearing to be called “kulaks” and “class enemies”, the well-to-do peasants and the *kulturniki* responded to Stalin's attack by stopping what was classified as exploitation — rental of farm implements and horse traction power, which widely practiced before in the grain producing regions. However, hired labor hardly existed: only 0.5% of peasant farms hired workers in the Soviet countryside (Merl, 1981, 424–437).

A feasible alternative to ensure the grain procurement for export to finance industrialization would also have been the return to a tax in kind introduced by Lenin in 1921. However, in the mid-1920s, nobody considered this solution. The tax in kind had provided the state with more than necessary amount of grain. In 1924, the tax in kind was substituted by a tax in cash, since the costs of procuring and storing the grain seemed too high. Only at the end of 1932 Stalin decided to return to a tax in kind by introducing the obligatory deliveries but denied that he copied Lenin.

In 1928, at the July Plenum of the Central Committee, Stalin claimed that peasants had to pay a tribute for industrialization, referring to Preobrazhensky's concept (after his exclusion from the Party) of “primary socialist accumulation”. In 1929, Stalin transferred this claim to collectivization, ordering to organize collective farms on the basis of peasant farms' implements (Merl, 2016b, 2020a). In his approach to the peasantry, Stalin did not know any other way than violence, although he never spoke of it in public. He preferred to put pressure on his officials, leaving them no alternative than to use force against peasants (otherwise officials would risk being repressed).

At the beginning of 1928, Stalin intervened in the slowly progressing grain procurement campaign. Just before, for the 10th anniversary of the Revolution, in November 1917, the Party gave poor peasants the privilege to pay less taxes, which reduced the pressure for them to market grain and reduced the state grain procurement. When visiting the Urals and Siberia, Stalin put local officials under severe pressure. He reestablished the procurement dictatorship of the War Communism by ordering in January 1928 the forced grain procurement and expropriation of stored grain (even from millers). Local markets were closed. This had fatal consequences for the national grain supply, and in the spring of 1928, it even became necessary to import grain (Merl, 2016b, 2020a, 1981).

In the article “At the grain front” in the summer of 1928, Stalin claimed that the grain marketing was cut half compared to the prewar level and blamed small peasant farms for not delivering enough grain

to market. However, his data covered only the grain export and the grain consumption in urban areas, ignoring the fact that peasants in the “grain consumption zone” in the central and north regions also consumed marketed grain, often transported over hundreds of kilometers. With this consumption, grain marketing was only 20% below the prewar level due to the still lower gross grain harvest and the growth of the (mainly) rural population (Merl, 1981, 2016b, 2020a)¹³.

While the state kept forcing grain procurement, in the beginning of 1928, the first collectivization campaign started. The state promised peasants willing to organize a collective farm a tractor for each new farm, which was attractive for rural households with land but without necessary implements, especially because Stalin’s return to the class war had made it difficult to find a peasant willing to rent implements and animal traction power. Although in the spring of 1928 only about 1% of peasants organized collective farms, the state was not able to keep the promise: only 1% of the new collective farms got tractors. The number of available tractors was very limited, since most had to be imported, and the imports were sharply reduced in 1926.

In the letter published in the *Pravda* in June 1928, peasants from Samara described their idea of large economy — “peasant-state farms” instead of collective farms: the state would control production and pay modest monthly salaries to farmers. Thus, peasants identified the core problem of collectivization — peasant survival under severe rural underemployment. From the government, Mikhail Volf, responsible for the First-Year Plan in agriculture (later he was appointed as Vice Minister of state farms), answered peasants in the *Pravda*: he hinted that mechanization would further reduce the labor input in agricultural production, thus making the problem of rural underemployment worse. He stated that it would be necessary to develop new, more labor-intensive production branches in agriculture to cope with the surplus of workforce in the countryside and to avoid famine in the future (Merl, 1993: 487–494).

In the summer of 1928, the Party leadership evaluated the results of the collectivization campaign and concluded that nobody needed such dwarf collective farms with several members, no farm implements and widely scattered land plots. The Party leaders decided that scarce tractors would be provided only to collective farms with large

13. Although the manipulation is evident, based on this data, Kondrashin (2024: 483–484) argued that in the mid-1920s, collective farms marketed 47.2% of their grain and that Stalin’s decision about collectivization was justified. But the source provides data for collective and state farms together: state farms had a high share of grain marketing, since they did not use grain for fodder and workers, while collective farms marketed at best about the same share of grain as middle peasants and hardly used any grain for fodder (Merl, 1981: 445–463).

land plots, which should be established from above by organizations capable of operating tractors and tractor colons.

From now on, collective farms (with tractors) were organized from above, and voluntary entry into the collective farm was increasingly replaced by forced entry. To get large fields necessary for tractor colons, almost all members of the village commune had to join. To force them to do it, those refusing to join were given plots far from the village. In addition to the pressure from above, Stalin's decisions started a bureaucratic competition between organizations capable of agricultural production with tractors: *Khlebotsentr*, *Kolkhozsentr* and *Traktortsentr*. They all wanted to get scarce tractors, but only projects promising the largest number of peasants and hectares had a chance.

In 1929, the competition for tractors increased when the regional party organizations were to present their five-year plans. Under the general pressure to overfulfill the plans set from above, all developed extremely ambitious plans far from reality and promised to complete total collectivization in a shorter time to get all tractors (only about two out of thousands of regions had a chance to get tractors). They declared themselves "areas of total collectivization" (Merl, 1985b: 370–380)¹⁴.

Thus, the (reasonable) Party decision in the summer of 1928 when combined with the pressure from above had negative consequences. Just the lack of tractors determined the promised rate of collectivization under the competition between bureaucratic organizations. Trying to fulfill their plans, they put even more pressure on peasants. As the pressure increased and farmers were forced to join collective farms against their will, it became quite typical that after signing the contract men left to find work in the industry, since in the field "steel horses" took their jobs away¹⁵.

To stop this crazy competition and to bring the number of organized large farms in line with available tractors, intervention from above was necessary. But Stalin continued to increase the pace of collectivization. Neither he nor Molotov wanted to stop this "revolutionary process". From the ambitious "success" reports Stalin got the impression that peasants would show little resistance to forced collectivization, which obviously determined his decision to start mass collectivization on the basis of peasant implements. This

S. Merl

Collectivization and socialist agriculture (1917–1992):

Revised comparison of the Soviet and East-European experience.

Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953)

14. However, *Kolkhozsentr* and some other organizations suggested a higher pace than the First-Year Plan, explaining the need to establish large collective farms by providing the state with marketed grain. They expected that the state would take on a significant share of the costs. When the state reduced its share to 0.73 billion rubles, they simply increased the share to be provided by peasants from initial 30% to 48%.

15. Some of the projects initially received a lot of publicity, for example the Sevchenko state farm in Ukraine, organizing farmers with tractor colons (Merl, 1985b, 2016b, 2020a).

meant that middle peasants with farm implements would be forced to join collective farms: instead of receiving tractors from the state, collective farms were to use peasants' means of production, which led to expropriation of middle peasants after their entry into the collective farm (Merl 2016b, 2020a).

In his speeches Stalin now talked about a "desire" of the middle peasants to join collective farms, which put hard pressure on the officials: they had to force unwilling middle peasants to join. This increased pressure and violence against peasants even further. At the same time, the already small funding of agriculture was cut (Merl, 2022; Wehner, 1998). Although this meant that the state would finance only industrialization, the state propaganda continued to present collectivization as mechanization of agricultural production with tractors. Agro-industrial complexes were established, and huge state farms were organized, although none of these projects got the necessary state funding (Merl, 1985b: 365–369).

To reserve all state funding for industrialization and to continue collectivization on the basis of peasant implements was Stalin's decision. This means, contrary to Viola's claims (2014: 58), that "taking grain" to finance industrialization was the main motive for his decision to carry out collectivization. Stalin expected that "taking grain" from collective farms would be easier than from many individual peasants, and huge grain exports would provide funding for industrialization (Merl, 1985b: 370–400). And Stalin continued to emphasize that his plans were not obligatory but should be exceeded as much as possible.

Total collectivization and the uprising of peasant women (1929–1930)

In 1929, at the November Plenum, Stalin ordered to start total collectivization with the participation of worker brigades sent to the countryside for taking grain. He also sent 25,000 skilled industrial workers and Party members to the countryside for a two-week training, after which they would take over the management of collective farms (Merl, 1990b: 73–90; Viola, 1987). Obviously, Stalin believed that to manage a large agricultural farm no special knowledge was necessary. He did not mention that private plots should be kept in collective farms.

In this campaign, there was no place for voluntariness. The Party conducted a seemingly democratic voting among those present to distribute responsibility. This method had been used for the first time at the beginning of 1928 to make peasants within village communes vote for "self-taxation" ordered by the state. All members of the village had to attend the meeting convened and held by the state officials (instead of the village headman). Outsiders, secret policemen and members of worker brigades took part to prevent villagers from

expressing their opinion openly. To ensure liability, every member of the village commune had to attend the meeting about organization of the collective farm. At the beginning, it was possible to express different opinions, but at the voting at the end, everybody had to agree, being “convinced” by the officials’ arguments. Those present knew that any dissenting vote would have consequences such as punishment on the spot (arrest). Sometimes, the chairman without discussion put the following question to a vote “Who is against Soviet power?”. When nobody dared to say “I am”, he would sum up: the decision to establish a collective farm was unanimously made. By this manipulation, even those who were against became part of the binding decision, as they were present and did not protest openly (Merl, 2012: 28–29, 64–72).

The officials had no real chance to convince peasants of the advantages of collective farming, since it was obvious to everybody that there were none. Peasants knew how poorly such farms worked. If they failed to “convince” peasants, Stalin blamed the officials for not being able to do their job and replaced them. With such pressure, Stalin reached both goals: the officials reported “successes” and pushed collectivization ahead by putting increasingly more pressure on peasants, scaring them with the enemy pictures of “sabotage” and threatening to declare them counterrevolutionaries or kulaks.

In December 1939, in his speech at the Conference of Marxist agricultural scientists, Stalin announced crucial decisions about the final nature of Soviet collective farms, when the campaign of total collectivization was already underway. He changed the classification of collective farms: previously they were called “transitional type”, now — “socialist forms of production”. This had a repressive meaning: as “socialist forms”, collective farms lost the ability to disobey the state orders. From now on, failures to comply with the state orders meant that they were “pseudo-collective farms” and had to be liquidated, losing all their property.

At this conference, Stalin also made his final decision on kulaks: they were forbidden to be accepted into collective farms. Before (and later in some East European countries) some officials proposed to accept kulaks with strict restrictions. Some kulaks had been already accepted after giving all their property to the collective farm in the hope that this would give them a chance for survival. Now Stalin announced the “liquidation of kulaks as a class”, and the corresponding degree of the Central Committee followed on January 30, 1930 (Merl, 1990a: 61–103). Many peasants, whom the Party had praised as *kulturniki*, shared the fate of “kulaks”. The order to arrest kulaks and deport their families was the most effective measure to make peasants collective farmers by force. Due to the vague criteria, every peasant could be declared a “kulak” or a “podkulak”. The share of peasant farms registered as members of collective farms increased from 20% to 59% from January to March 10, 1930.

In his speech to Marxist agricultural scientists, Stalin argued that petty peasant farms were not able to ensure even simple reproduction in agriculture. To what extent Stalin lost ground in his attitude to the petty peasantry can be seen in the further history of collectivization in Eastern Europe, which convincingly proved that small peasant farms were able to ensure reproduction even in very unfavorable conditions of obligatory deliveries and class wars. In East Europe, most small farmers resisted this extreme pressure for more than a decade, showing even better economic results than collective farms subsidized by the state (see Part II). This suggests that the funding of industrialization based on small peasant farms would have also worked in the Soviet Union, despite Stalin's claim that large enterprises, even if they work with peasant implements in the "manufacture period of collective farms", would be superior.

On January 5, 1930, the Central Committee issued a decree to speed up collectivization more and reduce its time frame, having identified three regions, which proved to what extent collectivization was to provide grain for exports: collectivization in the main grain producing regions should be finished first — in the Lower and Middle Volga regions and in the North Caucasus already in the fall of 1930 or in the spring of 1931; in all other grain producing regions — from the fall of 1931 to the spring of 1932; in all other regions — until the end of the First Five Year Plan (in 1933) (Merl, 1985: 377). This decree did not mention the supply of tractors.

When Stalin ordered to start total collectivization at the November Party Conference, there was no final kolkhoz charter. Only in December 1929, Yakovlev's commission was given the task of developing the charter of the collective farm. In the recommendation for this commission, the Central Committee decree as of January 5, 1930, mentioned "artel" as a "transitional form", which meant that only commune would be the final form. All means of commodity production were to be socialized. The mention of artel as a transitional form under the extreme state pressure on the officials to "exceed" every plan was understood as a direct order to organize communes. Stalin personally contributed to this understanding, when he approved the preliminary version of the artel charter, published on February 6, 1930, with no mentions of a private plot or a private cow (Merl, 1985b: 396–399). Thus, it was no wonder that some officials started to expropriate even small livestock and poultry, i.e., Stalin did not expect serious resistance to collectivization.

During the collectivization campaign, widespread private farms were liquidated, and cows were expropriated. Uprisings of peasant women against "expropriation of the cow" started and in February 1930 turned into a mass movement. Women attacked regional centers of the state power with the traditional peasant weapon: sickles, pitchforks and scythes. In some rural districts, the Soviet

regime lost control (Merl, 1985b: 148–153)¹⁶. Such a harsh reaction of peasant women was determined by the fact that the loss of the cow threatened the survival of the family. Whole districts run out of the state control. Women led the resistance as they had less to fear: men risked being arrested or shot on the spot, but the regime did not dare to touch women or call mothers of most Red Army soldiers counterrevolutionaries, saboteurs or enemies of the people. In all cases, a man behind the uprising had to be found and repressed as “kulak” or “priest”. Therefore, to suppress this riot, the Red Army could not be sent, and the secret police could only be used to a limited extent.

Only then Stalin realized that the accelerated collectivization campaign with full liquidation of private farms caused a critical situation, threatening his rule. He was extremely concerned about rapidly quickly spreading uprisings of peasant women against “collectivization of the cow”. This chaos also jeopardized the start of the spring sowing campaign. Stalin understood that he had to act immediately.

Although he was responsible for the actions of the state officials by starting the total liquidation of private farms, Stalin blamed them and defused the situation by stressing the voluntary entry into the collective farm. But the most important was his concession to peasant women — he allowed to keep a private cow and a private plot after joining the *artel*. To address peasant women directly, on March 2, 1930, Stalin published in the *Pravda* an article about “dizziness with success” together with the revised final version of the *artel* charter, with the peasants retaining their private plot, cows and some livestock as collective farmers (Merl, 2016b, 2020a, 2024c).

With Stalin’s interventions, the Party and the state soon took back control. As Stalin fulfilled the main requirements of peasant women, the uprisings died down within a few days. Formally, some officials were arrested and convicted. But the consequences for collectivization were severe: the registered rate of collectivization fell from 59% in March to about 20% in June 1930. Several “collective farms” disappeared: to exit the collective farm in March–April 1930 was still easy, as in most cases there was no real organization yet. In 1930, the spring sowing campaign and the fall harvesting campaign were carried out mainly by individual peasants.

Stalin’s responsibility for the “abuses” is out of question — he put the officials under pressure to speed up total collectivization, and “dizziness with success” pushed him forward. By blaming the officials for all abuses, Stalin acted differently from Lenin in 1921: to create a myth of his infallibility, he did not confess in own mistakes or

16. There were some local uprisings of peasant women due to the lack of grain already in the spring of 1928. The uprisings became widespread in the fall of 1929 and turned into a mass movement at the beginning of 1930.

failures. His reaction in March 1930 became his pattern of coping with crises and threats in order to maintain his rule: he denied any personal responsibility and even changes made in the course. In March 1930, his intervention was combined with a temporary, rather tactical retreat and a permanent concession: his condemnation of the harm of “voluntary entry” was tactical. Already in the fall of 1930 he ordered to restart collectivization and liquidation of kulaks, allowing the same violence against the peasants but at the same time a private plot and a cow for collective farmers.

It would be wrong to consider private plots as primarily a concession: they were a precondition to stabilize the system of collective farms after the 1932/1933 famine, and Stalin preserved this combination of small and large economies until the end of his life. In 1933, he finally understood the importance of private plots as a way for collective farmers to survive by producing some food, while the state could get all produce of collective farms without paying for it. This was also the reason why Stalin insisted on making private plots an obligatory part of the collective-farm charter in Eastern Europe.

Stalin was deeply traumatized by the fact that he had not foreseen the conflict with peasant women about the cow. On April 3, 1930, in another article in the *Pravda*, Stalin blamed the Party for not paying enough attention to the work with peasant women. Even at the first Congress of the collective-farm shock workers on February 19, 1933, at the peak of the famine, he admitted the previous “slight misunderstanding” between the Soviet power and peasant women “about the cow”, and received applause for the statement “Today this problem is solved” (Merl, 2024c).

Final formation of the collective-farm system after the 1932/32 famine through the compromise that ensured survival

Stalin’s intervention on March 2, 1930, did not change his approach to collectivization: arbitrary grain procurement continued just as under War Communism, ignoring the collective farms’ needs for reproduction. Often after forced procurement, there was no grain to feed the family, horses and to sow. In the summer of 1930, it would have been possible to stop forced collectivization: the good harvest proved that private farms still were able to produce, although the market was destroyed. The critical loss of animal traction power happened later, at collective farms. When the liquidation of the most successful farmers started, the social costs were already high, and the destruction of livestock began. The state could procure grain by obligatory deliveries but only provided reproduction and incentives to increase production.

Already in the fall of 1930, Stalin ordered to restart collectivization with the same repressions against peasants. Even the “liquidation

of kulak farms” and deportation of their families (Viola, 2007) continued as they had proved to be the most effective means to drive peasants into collective farms (Merl, 1990a). Nobody wondered where new “kulaks” came from after their “liquidation as a class” at the beginning of 1930. In the following years, the authorities continued to uncover “kulaks” in order to intimidate peasants and prevent them from leaving collective farms (Merl, 1990a).

Due to rural overpopulation, seasonal work was the best what collective farms could offer their members. To survive, all needed food, regardless of their necessity for production: collective farms had a fixed number of workers, while state farms hired workers only during peak seasons. Already after the 1931 procurement campaign, there was the need to transport grain as “seed loan” back to collective farms, otherwise they would not have been able to cultivate their fields.

Stalin’s rapid policy changes concerning the “voluntary principle” disturbed peasants and contributed to the breakdown of their resistance. By this time all farms had already suffered from terror, and only in the national districts at the Soviet borders, especially in the Caucasus and Middle Asia, armed conflicts against collectivization continued. Most incidents, classified by the secret policy as “terror acts” were rather helpless reactions of the peasants who had suffered from expropriation. This does not mean that there was no peasant resistance against collectivization, but it had taken place mainly at the beginning of the state terror in 1929 — the beginning of 1930, while later it became a peasant fight just for survival.

To what extent the peasant “resistance” and other factors played a role can be seen in the enormous loss of livestock from 1928 and 1933. Only slaughtering the livestock can be considered resistance. Some livestock was slaughtered by farmers, but most cows and traction animals died for other reasons (especially lack of fodder) for which the state alone was to blame. The data on livestock during collectivization explains quite reliably the reasons why and how its numbers declined. Even the time of its decline reveals a lot: in 1929–1930, it was most likely slaughtered by peasants in response to the threat of expropriation, in 1931–1933, primarily due to the lack of fodder. Even food was scarce, and millions of people died of hunger.

While slaughtering farm livestock for meat, peasants tried to keep cows and traction animals (horses and oxen) as long as possible. Poultry was the first to disappear in the countryside, already during the first state attack on peasants in the beginning of 1928; pigs and cattle (other than cows) were slaughtered with the start of enforced collectivization in 1929–1930. Peasants did not want to give their livestock to collective farms: by January 1930, the number of pigs had been halved (to 52% of 1928); 35% of cattle (without cows) were slaughtered in 1929; in 1933, only 47% (compared to 1928) of livestock was left. But cows (milk was necessary for children and for the family

survival) and traction animals (necessary for cultivating fields) were kept as long as possible: the number of cows dropped only to 87% in January 1930; two thirds of cows were still alive in the beginning of 1933; the number of horses dropped by about 10% in 1929–1930. By 1933, the number of horses was halved, mainly due to the lack of fodder at collective farms from 1930 to 1932. Forced collectivization caused chaos, nobody had clear ideas about organization of work and responsibility for feeding livestock, when fodder and food were in extremely short supply, not enough for all to survive (Merl, 1985b: 220–229).

A real turning point in Stalin's agricultural policy occurred only when the catastrophe of the 1932/33 famine was already unavoidable. Stalin looked for such a compromise with peasants that would allow them to survive, while the state would retain the right to dispose the collective farm products. Stalin basically returned to the tax in kind in the form of obligatory supplies hidden under a rather symbolic payment far below the costs of production but combined with the guarantee to have a private plot.

In the spring of 1932, Stalin was not yet fully aware of the scale of the catastrophe. He was still confident in the possibility of procuring the required amount of grain and of fulfilling the high procurement plan by giving peasants more incentives and a guarantee of some payment for their work. By the decree of May 6, 1932, local markets were again legalized — as “kolkhoz markets”, but they were allowed to work from January 15, 1933, only after fulfilling the regional procuring plan (Merl, 2023a). In July 1932, the advance distribution in kind was announced — as bound to the number of workdays, thus, establishing the principle of payment based on the work done. During threshing, 10% to 15% of threshed grain was to be distributed based on the number of workdays earned to this time (Merl, 1990a: 327–391)¹⁷. Due to the terror under the famine, both decrees became effective only after the 1933 harvest — in 1933–1934.

Stalin's first measure after realizing the emergency of famine was the decree “for protecting socialist property” of August 7, 1932, which declared the production of collective farms “socialist property”. Stalin personally prepared this decree to save the poor harvest for the state. In addition, the Torgsin started to sell bread and flour for gold (Osokina, 2021; Merl, 2023a: 187)¹⁸. Although Stalin had realized how serious the situation was, he publicly claimed that only malicious saboteurs died of hunger, which was a fair punishment for them.

17. Before, distribution often followed demand (very high as many members were hardly needed for work). However, increasingly more members got nothing as the state took everything.

18. This decree underlines that Stalin understood how dangerous the situation was. In 1932–1933, Torgsin offered to pay in gold for grain also in the countryside.

In January 1933, the decree returned the tax in kind: collective and private farms were obliged to deliver grain by hectare norms since the 1933 harvest. Obligatory delivery norms were also introduced for private plots of the members of collective farms — half of those introduced for private farmers (Merl, 1990a: 129–158).

Although Stalin copied Lenin's political turn of 1921, he never admitted it and the fact that forced industrialization with collectivization had caused a famine, since this would have put his rule at jeopardy. He denied the famine and spoke of sabotage. The peak of repression was reached when he ordered to introduce passports and to arrest peasants trying to flee from starving regions (Merl, 2023a: 190–193). Although talking about famine was taboo, later Stalin blamed managers of the Ministry of Agriculture “for counterrevolutionary activity” — “organization of the famine” — in Ukraine, Northern Caucasus and Belorussia. They were convicted and many were executed for destroying tractors and agricultural machinery, for not having sown the fields (Merl, 2023a: 192; Tragediya, 2001, vol. 3: 7–47). Only in September 1988, for the first time the *Pravda* admitted that there was a famine in 1932/33 (Danilov, 1988).

The three elements in force since 1933 — forced deliveries, the guaranteed private plot and the advanced payment in kind during threshing — “established the kolkhoz system”. They were part of Stalin's compromise under the famine of 1932/33, which put an end to his previously arbitrary policy. This compromise stabilized the collective-farm system at least temporarily. In 1935, Stalin ordered an attempt to consolidate lands of collective farms by the state land certificates “for eternity”.

Private plots allowed collective farmers to produce some basic food. After discussing the size of private plots with Stalin at the second conference of collective-farm shock workers in January 1935, this size was set to 0.5 hectares (with regional differences from 0.25 to 1 hectares), and the right to a plot was confirmed in the collective-farm charter of 1935. Many plots were slightly enlarged. There was no allowance for grain cultivation, but some used the plot to grow corn. At the newly opened kolkhoz markets, collective farmers were allowed to sell self-grown products for cash. As they got hardly any money for work from their collective farm, they sold products to pay taxes to the state and to buy other goods (Merl, 1990a: 281–294)¹⁹. Collective farmers were to provide the state with a certain amount of potatoes, meat (regardless of keeping livestock) and milk (if keeping a cow). All additional products could be kept or marketed for attractive prices, which was an incentive to increase production on private

19. Only cotton growing collective farms in Middle Asia paid money to their members since 1935, after the state significantly raised the procurement price for cotton. However, at the same time collective farmers had to buy food at high prices at the market (Merl, 1990a: 371–390).

plots. From 1933 to 1935, the state provided support for buying young animals for fattening to restore livestock numbers which had sharply decreased during collectivization. Food production on private plots became essential for supplying Soviet people with meat, potatoes and fruits under extreme deficit in the state trade and for providing collective farmers with more than half of their money income (Merl, 1990a: 404–417).

In the late 1920s, Stalin ignored the potential of small private production, now he recognized it and confirmed the right to the private plot after the famine, which combined forced labor at collective farms with self-exploitation on private plots. Stalin finally understood that agriculture could not be controlled only by violence and terror — collective farmers needed a perspective for survival. Although this combination of large and small economies was a precondition for the very operation of collective farms, Stalin just tolerated private small production without ceasing to suspect it ideologically. Khrushchev seems to have never understood why Stalin decided to tolerate private plots, which is why his ideological fight against them in the late 1950s determined the final failure of his agricultural policy.

“Advanced payment” during threshing provided collective farmers with at least some grain (and/or potatoes). Often this was their only payment for work, since at the end of the agricultural year hardly anything was left for distribution. Thus, workdays before the harvest brought collective farmers some grain, while workdays after threshing were just lines on the paper; therefore, work on collective farms sharply reduced after threshing (Merl, 1990a: 373). The term “advanced payment” is misleading as this normally was the only payment members got from their collective farms.

As collectivization failed to ensure food supply outside urban areas, at the end of 1933, Stalin “granted” to all people living in the countryside a small plot of land (from 0.125 to 0.25 hectares) to produce some food. “Kulaks” deported to special settlements got such a plot too but not forced laborers in camps. Since 1934, almost all non-agricultural workers and employees living in the countryside had to produce part of their food, many of them also kept some livestock. Since 1939, they were also obliged to deliver some potatoes to the state as a tax in kind. Only the state officials, party members and intelligentsia were exempt from this tax (Merl, 1990a: 320–326)²⁰.

To hide the failure of collectivization and the persistent grain shortage, Stalin ordered to falsify the grain harvest statistics: since 1933, instead of the actual harvested crop (the crop in the barn), the data showed the “biological” harvest (grain ripening in the fields), which was about 30% higher, but these 30% could not be consumed or exported (Davies, 2018: 320–321).

20. In 1941, they kept 4.9 million heads of cattle (including 3.5 million cows) and 2.7 million pigs.

One of the widespread myths about Stalin's collectivization is "mechanization". In fact, at the end of the 1930s, the traction power available in Soviet agriculture in 1929 was not restored. Modernization would have required an increase in traction power, but the supply of tractors under Stalin had only partly replaced horse traction power in the 1930s. In mid-1929, the total horse traction power was 29.9 or 30.1 million (23.6 million horses, 6.1 million oxen and 35,000 tractors), at the end of 1935 — 12 million horses, 2.6 million oxen and 380,000 tractors (with 6.5 million horse powers). Depending on how mechanical traction power is converted to horse traction power, this was 60% or at best 70% of the 1929 traction power (Merl, 1990a)²¹. The supply of tractors was significantly reduced after 1937. In 1940, at best the traction power of mid-1929 was restored, more likely about 90% of it (Merl, 1990a: 44). The huge shortage of traction power determined extremely low grain yields in the 1930s, not exceeding or even below the previous level of small peasant economies. Often the quality of field work was poor (Merl, 2019: 51–53 [tables]).

Thus, traction power, despite supplies of imported tractors, decreased significantly in the early 1930s. Not the "peasant resistance" but the lack of traction power was the main reason for the poor field cultivation, and the growth of weeds created additional problems for harvesting. Imports of a large number of tractors in 1930–1931 were not planned and became necessary as the number of collective and state farms increased significantly, but there were not enough horses due to the previous lack of fodder. Imports were harmful for industrialization due to the currency shortage. In fact, nearly all currency earned from grain exports in 1930–1931 — at the peak of forced industrialization — was spent on imports of tractors as an emergency measure (Merl, 1990a: 214)²².

The number of combine harvesters had increased since the mid-1930s, but they were used mainly to control harvesting (Merl,

S. Merl

Collectivization and
socialist agriculture
(1917–1992):

Revised comparison
of the Soviet and
East-European
experience.

Part I. Soviet
collectivization
under Stalin
(1925–1953)

21. As the use of tractors is more limited (for example for transportation), normally two mechanical tractor power are equal to one horse traction power. Thus, traction power decreased to 60% at the end of 1935, if considering them as similar (1=1) — to 70%.

22. In 1930, grain exports brought in 701.5 million rubles (147 rubles per ton vs 193 in 1929), in 1931 — 523 million rubles (104 per ton). In 1930, for imports of tractors and agricultural machinery 382 million rubles were spent (vs 213 million in 1929), in 1931 — 369 million (240 million on tractors). In 1932, grain export brought in 180 million rubles, in 1933 — 139, no tractors or agricultural machinery were imported. When justifying Stalin's collectivization by high exports of grain, Kondrashin (2024: 535) ignores the fact that in 1930–1931, most of the currency earned was spent on imports of tractors and agricultural machinery.

1990a: 45)²³. Those presenting mechanization under Stalin as a success ignore how much agriculture depended on transportation previously provided by peasant carts and horse-drawn carriages. The available caterpillar tractors were not suitable for transportation, but the number of trucks in agriculture was next to zero throughout the 1930s and increased from 200 in 1931 to about 75,000 only in 1938 (Merl, 1990a: 43–45).

As the state did not pay for the work of collective farmers and prices for obligatory deliveries did not cover the costs of production, collective farms operated with losses; therefore, the state had to prevent any non-agricultural activities. Due to the extreme shortage of services in the countryside, they would have provided collective farms with income but would have stopped immediately the unprofitable agricultural production. Also processing of agricultural products was not allowed to collective farms, since the state received a significant portion of budget revenues from selling processed food.

Soviet industrialization under Stalin was strongly based on the capital transfer from agriculture. In addition, in the 1930s, Stalin introduced a state monopoly on processing agricultural products. The state sold processed products at high prices, including a turnover tax, which became the main item of budget revenues. As the tax was included in the state selling prices, it was hidden from the people. From 1934 to 1938, this tax provided up to two-thirds of the total budget revenues, after the war — more than half, after Stalin's death — about 5%–10% (Merl, 1987: 724–728)²⁴.

Under Stalin, collective farmers were treated as forced laborers, deprived of many civil rights. After the introduction of internal passports at the end of 1932, they lost freedom of mobility: to leave the collective farm to earn money, they needed permission from the local authorities. In the constitution of 1936, Stalin excluded collective farmers from the social security system. Their status became close to serfs: they had to work on collective farms without real wages, had no freedom of mobility and no social guarantees.

By the end of 1932, collectivization had been mostly completed in the grain growing areas. In 1936, the registered private farms were mostly run by the elderly producing only for own needs on a land plot of one hectare or less (Merl, 1990a: 251).

The next significant rupture in Stalin's agricultural policy was

23. On January 1, 1933, there were 2,200 combine harvesters, on January 1, 1936, — 29,336. There were mass deliveries of combine harvesters only in 1936 and 1937. On January 1, 1938, their number reached 104,864. After the start of forced collectivization, in 1930–1931, the state focused on importing threshing machines: their number increased from 2,900 in January 1931 to 27,800 in January 1932 and reached 78,000 in January 1935.

24. In the 1930s, the previous indirect tax on consumption became a “turnover tax” on processed food, directly transferred by state enterprises as “profit transfer”.

determined by the bumper harvest of 1937. Although such a good harvest could have stabilized collective farms, on the contrary, it put their further existence at risk. In 1937, collective farms in many grain growing regions for the first time collected a lot of grain during threshing. Peasants thought that the worst was over and that they could leave collective farms and return to private farming. Some collective farmers bought a horse and announced their withdrawal from the collective farm, since having a horse opened opportunities for earning money. Since collectivization and Stalin's ban on non-agricultural activities at collective farms, transportation and services were in great shortage in the Soviet countryside. Stalin was very concerned about the possible revival of private farming in the long run; therefore, he imposed restrictions. A special horse tax was introduced for individual households, and the tax was so high that it closed the possibility to make a living with one's own horse (Merl, 1990a: 156–158).

At the 18th Party congress in 1939, Stalin warned the Party members that private plots could be used to re-establish private farming if the Party would allow their "misuse". After the congress, restrictive measures were introduced: the "surplus" parts of private plots were cut off, and a minimum number of workdays was made obligatory for all members of the household. Those who did not work the minimum number of workdays lost the right to a private plot (Merl, 1990a: 295–319; Merl, 2019: 59–60).

The introduction of the obligatory minimum of workdays was to prevent collective members from working on their plots to produce products for marketing instead of working in collective-farm fields. There was no real labor shortage, the required number of workdays was very low (60–80, 100 only in the cotton growing regions), since collective farms could only offer seasonable jobs²⁵. So, the state wanted to overcome the peasants' reluctance to work for free at collective farms. Many collective farmers, especially men, looked for side jobs. Families with many dependent members (children, elderly) were in dire straits. Even hiring workers for money from neighboring collective farms was a widespread practice: collective farms were not allowed to pay their members but could pay to hired workers (Merl, 1990a: 383)²⁶.

The Party congress did not abolish the right to a private plot but significantly worsened its legal status. Before, the state tax had been equal for all plots, now a progressive tax on income from the private plot was introduced. The same taxation had been a strong

S. Merl

Collectivization and
socialist agriculture
(1917–1992):

Revised comparison
of the Soviet and
East-European
experience.

Part I. Soviet
collectivization
under Stalin
(1925–1953)

25. Non-agricultural side activities would have allowed for better use of workforce.

26. In 1940, to increase interest in working on collective farms, on Khrushchev's initiative, a decree introduced bonuses in kind for over-plan production (Merl, 1990a: 391–404).

incentive to increase production on private plots by working more intensively but it determined social differentiation. The requirement of a minimum number of workdays for every collective farmer hit the wives of Stakhanovites the most: they had not worked at collective farms before, since their husbands earned many workdays and got special rewards (Merl, 1990b: 213–233).

In July 1939, the All-Union campaign against the “misuse” of plots and a general remapping started. The land plot allowed for rural workers and employees was reduced to 0.15 hectares, and they were obliged to deliver part of their production to the state²⁷. This attack on private plots caused a new wave of slaughtering livestock and cutting down fruit trees, worsening the already insufficient food supply (Merl, 1990a: 317). In the Western regions near the Polish border and in the Baltic states, the *khutors* were ordered to be liquidated (here collective farmers still lived in isolation from each other). Taken together, all these measures were aimed at preparing for war.

After the German attack in 1941, there were rumors that collective farms would be liquidated after the War. These rumors were not officially denied so as not to jeopardize the people’s unity against the German aggressors, which underlines to what extent collective farms under Stalin were not stabilized — many members still considered them as a temporary institution and a deprivation. The victory over Germany strengthened Stalin’s dictatorship and the myth of his infallibility. Despite the catastrophic consequences of collectivization for the members of collective farms, Stalin continued to put them under heavy pressure. Re-collectivization began in the territories that were under German occupation, and in 1948 Stalin ordered to start collectivization in the annexed territories (Feest, 2014).

High taxes, repressive use of the “minimum of workdays” and further restrictions imposed on private plots made life in Soviet collective farms in 1947–1953 even more unbearable and miserable than in the second half of the 1930s. Distribution for workdays in kind and cash was lesser than in the 1930s (Bronson, Krueger, 1971). What hit collective farmers the hardest was the 1947 monetary reform which aimed at devaluing the money that collective farmers had earned and saved during the war by selling their agricultural produce.

Collective farms suffered from the lack of mechanized traction power and trailed implements. In 1950, the industrial production had already doubled its pre-war level, while the MTS only restored their

27. Remapping hit the hardest the regions with the largest outflow to the industry. In these regions, the remaining people could no longer use the left plots to produce additional fodder. In total, about 15% of plots was cut off: 50% of land of individual peasants and 30% of land of workers and employees. Most of this land was idle, since collective farms did not start to cultivate it.

prewar level of mechanization (Wädekin, 1974: 87). During the war, losses and failures (including due to the lack of spare parts and proper repairs) were high; in 1950, the statistics indicated a lot of defective machinery (Merl, 2020c: 2021).

Under Stalin, there were no signs of changes in the agricultural policy. On Khrushchev's initiative, only the enforced merging of the mostly small and village-tied collective farms began — their number decreased from 240,000 to 80,000 in the mid-1950s. This merger was based on Khrushchev's idea that larger farms would ensure economies of scale. However, general assemblies of collective farmers often did not agree to the merger, since it meant the further loss of control in favor of even more anonymous management.

Conclusion

Stalin had no collectivization concept to follow from the beginning. He started from the idea of “modernization” to establish collective farms based on the mechanized traction power on large territories. Then he changed the priority to forced industrialization and decided to get the necessary capital from agriculture. In 1929, he ordered to carry out total collectivization on the basis of peasant implements and to squeeze capital out of agriculture by subjugating peasants. For Stalin, collectivization became an end in itself. In March 1930, his concession to the rebellious peasant women became a precondition for his final approach: he gave up the idea of total liquidation of private farming and allowed collective farmers to have a private plot, a cow and some livestock. After his policy had led to the famine of 1932/33, Stalin established the “kolkhoz system” as a compromise: the peasantry gave the state control over all collective farm products, while the state created opportunities for peasants' survival through a small advanced payment in kind during threshing and a permission to use family labor on private plots. Mechanization under Stalin primarily served the state control over collective farms and peasants. He never returned to modernization of agriculture again, since it would have required the state financing of collective farms.

By creating the “kolkhoz system” based on the obligatory private plot production of collective farmers, Stalin revised his own theory that small peasant farms would not be able to ensure forced industrialization, which the further experience of collectivization in Eastern Europe proved: based on obligatory deliveries for ten years, small private farms provided capital for industrialization. The largest losses of social capital and agricultural productive forces were determined in all countries by the “class war”.

The following part will show how Soviet collectivization with extremely poor economic results was presented to Eastern Europe as a successful model for overcoming rural backwardness and financing

industrialization. After Stalin's death, there was an urgent need to find a working model for stabilizing collective farms, which together with modernization of agriculture became the key task for East Europe and the Soviet Union.

References

- Bauerkämper A., Iordachi C. (2014) The collectivization of agriculture in Eastern Europe: Entanglements and transnational comparisons. Iordachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 3–46.
- Bronson D. W., Krueger C. B. (1971) The revolution of Soviet farm household income 1953–1967. *The Soviet Rural Community. A Symposium* (J. R. Millar Ed.), Urbana, pp. 214–258.
- Chayanov A. (1927) Pismo A. V. Chayanova V. M. Molotovu o predstavlenii zapiski "O sovremenennom sostoyanii selskogo khozyaistva SSSR po sravneniyu i polozheniem selskogo khozyaistva kapitalisticheskikh stran" (October 6, 1927) [Letter from A. V. Chayanov to V. M. Molotov on the current state of agriculture in the USSR compared with its pre-war state and the situation in agriculture of capitalist countries (October 6, 1927)]. Aleksandr Vasilievich Chayanov. *Ne publikovavshiesya i maloizvestnye raboty*, Moscow: "Dashkov i Ko", pp. 205–244.
- Danilov V. P. (1957) *Sozdanie materialno-technicheskikh predposylok kollektivizatsii selskogo khozyaistva v SSSR* [Creation of Material-Technical Prerequisites for Collectivization of Agriculture in the USSR], Moscow.
- Danilov V. P. (1977) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie, zemlepolzovanie, khozyaystvo* [Soviet Pre-Collective-Farm Village: Population, Land Use, Economy], Moscow.
- Danilov V. P. (1979) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsialnaya struktura, sotsialnye otnosheniya* [Soviet Pre-Collective-Farm Village: Social Structure, Social Relations], Moscow.
- Danilov V. P. (1988) Kollektivizatsiya: kak eto bylo [Collectivization as it was]. *Pravda* of August 26, September 16.
- Davies R. W. (1996) *The Industrialization of Soviet Russia 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933*, London: Macmillan Press Ltd.
- Davies R. W., Wheatcroft S. G. (2004) *The Industrialization of Soviet Russia 5: The Years of Hunger. Soviet Agriculture, 1931–1933*, London: Palgrave Macmillan.
- Davies R. W. with the participation of Khlevnyuk O. V., Wheatcroft S. G. (2014) *The Industrialization of Soviet Russia 6: The Years of Progress. The Soviet Economy, 1934–1936*, London: Palgrave Macmillan.
- Davies R. W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S. G. (2018) *The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939* (= The Industrialization of Soviet Russia 7), London: Palgrave Macmillan.
- Fainsod M. (1958) *Smolensk under Soviet Rule*, Cambridge: Mass.
- Feest D. (2014) The collectivization of agriculture in the Baltic Soviet republics, 1944–1953. Iordachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 79–109.
- Fitzpatrick Sh. (1994) *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization*, New York; Oxford: Oxford University Press.
- Gregory P. (2004) *The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Secret Soviet Archives*, Cambridge.
- Hunter H. (1988) Soviet agriculture with and without collectivization, 1928–1940. *Slavic Review*, vol. 47, pp. 203–216.

- Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) (2014) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press.
- Jasny N. (1949) *Socialized Agriculture of the USSR. Plans and Performance*, Stanford.
- Karcz J. F. (1979) Agriculture and the economics of Soviet development. Wright A. W. *The Economics of Communist Agriculture. Selected Papers*, Bloomington, pp. 441–480.
- Kollektivizatsiya (1989) Istoki, sushchnost, posledstviya. Beseda za “kruglym stolom” [Collectivization (1989) Origins, essence, consequences. A round table discussion]. *Istoriya SSSR*, no 3, pp. 3–62.
- Kondrashin V. V. (2024) *Rossiiskaya derevnya v usloviyah industrialnoy modernizatsii* [Russian Village under Industrial Modernization], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Lewin M. (1968) *Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization*, London.
- Lewin M. (1974) “Taking grain”: Soviet policies of agricultural procurements before the war. Abramsky C. (Ed.). *Essays in Honor of E. H. Carr*, London, pp. 281–324.
- Merl S. (1981) *Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925–1928*, München; Wien: Oldenbourg.
- Merl S. (1985a) Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit. Fischer W. (Ed.) *Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit*, St. Katharinen, pp. 175–229.
- Merl S. (1985b) *Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im sowjetischen Dorf (1928–1930)*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Merl S. (1987) Wirtschafts- und Sozialgeschichte Rußlands und der Sowjetunion 1914–1980. Fischer W. (Ed.). *Europäische Wirtschafts- und Sozialgeschichte vom Ersten Weltkrieg bis zur Gegenwart* (= Handbuch der europäischen Wirtschafts und Sozialgeschichte Bd. 6), Stuttgart, pp. 640–728.
- Merl S. (1990a) *Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930–1941*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Merl S. (1990b) *Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre? Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Merl S. (1991) Kollektivierung und Bauernvernichtung. Geyer D. (Ed.) *Die Umwertung der sowjetischen Geschichte*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 103–132.
- Merl S. (Ed.) (1993) *Sowjetmacht und Bauern. Dokumente zur Agrarpolitik und zur Entwicklung der Landwirtschaft während des “Kriegskommunismus” und der Neuen Ökonomischen Politik*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Merl S. (2002) Entstalinisierung. Reformen und Wettlauf der Systeme 1953–1964. Plaggenborg S. (Ed.) *Handbuch der Geschichte Russlands. Bd.5: 1945–1991. Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion*, Stuttgart: Anton Hiersemann, pp. 175–325.
- Merl S. (2012a) *Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich* (= Das Politische als Kommunikation 9), Göttingen: Wallstein.
- Merl S. (2012b) Trägt Baberowskis Gewaltansatz zum Verständnis der Herrschaft Stalins bei? Anmerkungen zu “Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt”. *NPL*, vol. 57, pp. 215–232.
- Merl S. (2016a), Kak udalos Stalinu vospriyati “zelenoj revoljutsii” v Rossii? K voprosu o tormozenii agrarno-technicheskogo progressa (1927–1941) [How did Stalin manage to prevent the “green revolution” in Russia? On the slowdown of agrarian-technical progress (1927–1941)]. *Krestyanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost. Uchenye Zapiski*, issue 10, Moscow, pp. 88–147.
- Merl S. (2016b) Stalins Irrweg der Kollektivierung. Destruktive Kräfte und Lähmung der Initiative. *Osteuropa*, vol. 66, no 8–10, pp. 55–80.

S. Merl

Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience. Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953)

- Merl S. (2016c) Why did the attempt under Stalin to increase agricultural productivity prove to be such a fundamental failure? On blocking the implementation of progress in agrarian technology (1929–1941). *Cahiers du Monde Russe*, vol. 57, pp. 191–220.
- Merl S. (2017a) Sovetskaya ekonomika: sovremennye otsenki [Soviet economy: Today's assessments]. *Ekonomicheskaya Istoriya. Ezhegodnik 2016/17*, Moscow, pp. 303–349.
- Merl S. (2017b) Traditionalistische Widersetzlichkeit oder ideologische Programmatik? Russlands Bauern im Kräftefeld von Agrarreform und revolutionärer Mobilisierung (1856–1941). *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie*, vol. 65, no 2, pp. 73–94.
- Merl S. (2019) Reassessment of the Soviet agricultural policy in the light of today's achievements. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 1, pp. 45–69.
- Merl S. (2020a) Oshibochny put kolektivizatsii po-stalinski. Razrushitelnye sily i paralich sobstvennoj initsiativy [The wrong way of collectivization in the Stalinist way: Destructive forces and paralysis of one's initiative]. *Alternativy. Teoreticheskyy i Obshchestvenno-Politichesky Zhurnal*, no 1, pp. 91–115.
- Merl S. (2020b) Agricultural reforms in Russia since 1856 to the present: Successes and failures in the international comparative perspective. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 2, pp. 56–87.
- Merl S. (2020c) Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986). *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 4, pp. 78–117.
- Merl S. (2021) Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: Internal aspects (1953–1986). *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 1, pp. 26–69.
- Merl S. (2022) Was Chayanov's concept of peasant agriculture under the Soviet rule realistic? The emerging of the *kulturniki* in answer to the *Litsom k derevne* policy. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2, pp. 6–37.
- Merl S. (2023a) Der Holodomor 1932/1933 in der Ukraine — ein Völkermord? Benz W. (Hrsg.) *Die Ukraine. Kampf um Unabhängigkeit. Geschichte und Gegenwart*, Berlin: Metropol-Verlag, pp. 175–198.
- Merl S. (2023b) "Ja posledovatelno vnoshu svoi vklad v otsenku sovetskoi ekonomicheskoi modeli" ["I consistently contribute to the assessment of the Soviet economic model"]. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 1, pp. 131–163.
- Merl S. (2024a) Dekret über den Grund und Boden. "100(o) Schlüsseldokumente" zur russischen und sowjetischen Geschichte im 20 Jahrhundert. URL: <https://www.100odokumente.de/Dokumente/Hauptseite>.
- Merl S. (2024b) Beschluss über die Ersetzung der Lebensmittel- und Rohstoffbeschaffung durch die Naturalsteuer. "100(o) Schlüsseldokumente" zur russischen und sowjetischen Geschichte im 20 Jahrhundert. URL: <https://www.100odokumente.de/Dokumente/Hauptseite>.
- Merl S. (2024c) Stalin: Vor Erfolgen von Schwindel befallen. Zu den Fragen der kollektivwirtschaftlichen Bewegung. "100(o) Schlüsseldokumente" zur russischen und sowjetischen Geschichte im 20 Jahrhundert. URL: <https://www.100odokumente.de/Dokumente/Hauptseite>.
- Millar J. R. (1974) Mass collectivization and the contribution of Soviet agriculture to the first five-year plan. *Slavic Review*, vol. 33.
- Millar J. R., Nove A. (1976) A debate on collectivization: Was Stalin really necessary? *Problems of Communism*, vol. 25, no 4, pp. 49–62.
- Osokina E. (2021) *Stalin's Quest for Gold. The Torgsin Hard-Currency Shops and Soviet Industrialization*, Ithaca: Cornell UP.
- Pyatiletny plan (1930) narodno-khozyaystennogo stroitelstva SSSR* [Five-Year Plan (1930) for the USSR National-Economic Development], vol. 2, Moscow.

- Shanin T. (1972) *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society. Russia 1910–1925*, Oxford.
- Swain N. (1985) *Collective Farms Which Work?* Cambridge.
- Swain N. (1999) Agricultural restitution and co-operative transformation in the Czech Republic, Hungary and Slovakia. *Europa-Asia Studies*, vol. 51, no 7, pp. 1199–1219.
- Swain N. (2014) Eastern European collectivization compared 1945–1962. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 497–534.
- Tragediya sovetskoi derevni* (1999–2006) *Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy 1927–1939* [Tragedy of the Soviet Village (1999–2006) Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials 1927–1939], vol. 1–5, Moscow.
- Varga Zs. (2021) *The Hungarian Agricultural Miracle? Sovietization and Americanization in a Communist Country*. Transl. by F. T. Zsigó, Lanham: Lexington Books.
- Viola L. (1987) *The Best Sons of the Fatherland. Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization*, New York; Oxford.
- Viola L. (2007) *The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements*, New York; Oxford: Oxford University Press.
- Viola L. (2014) Collectivization in the Soviet Union: Specificities and modalities. Irodachi C., Bauerkämper A. (Eds.) *The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe. Comparison and Entanglement*, Budapest; New York: CEU Press, pp. 49–77.
- Wädekin K-E. (1974) *Sozialistische Agrarpolitik in Osteuropa I. Von Marx bis zur Vollkollektivierung*. In Kommission bei Duncker & Humblot, Berlin (= Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens, Bd. 63).
- Wädekin K-E. (1978) *Sozialistische Agrarpolitik in Osteuropa II. Entwicklungen und Probleme 1960–1976*. In Kommission bei Duncker & Humblot, Berlin (= Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens, Bd. 67).
- Wehner M. (1998) *Bauernpolitik im proletarischen Staat. Die Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik 1921–1928*, Köln.

S. Merl

Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience. Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953)

Коллективизация и социалистическое сельское хозяйство (1917–1992): пересмотр советского и восточно-европейского опыта. Часть 1: советская коллективизация при Сталине (1925–1953)

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета, Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд (Германия).
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Аннотация. Работы о коллективизации в Восточной Европе предлагают устаревшее объяснение ее советской версии в духе сталинских определений, а исследования советской коллективизации игнорируют альтернативные возможности, которые существовали в странах с преобладанием мелких крестьянских хозяйств для форсированной индустриализации. Прежде чем рассматривать коллективизацию и социалистическую аграрную политику в Восточной Европе, автор анализирует сталинскую модель коллективизации, акцентируя внимание читателя на методологических принципах своего подхода и его центральных понятиях. Затем автор переходит к сложностям сопоставления коллективизации и социалистической аграрной политики в послевоенный период в Советском Союзе и Восточной Европе, чтобы обосновать следующие исследовательские вопросы: была ли форсированная коллективизация полезна или вредна для индустриализации; была ли сталинская модель коллективизации в принципе нацелена на модернизацию аграрного сектора; почему после ликвидации частных хозяйств в ходе коллективизации при Сталине и Хрущеве, с конца 1970-

х годов практически во всех социалистических странах государство возобновило поддержку малого сельскохозяйственного производства. Автор не только акцентирует внимание на поворотных пунктах советской аграрной политики, но и дает ей обобщенные характеристики, выделяя в ней следующие этапы на основе принципиально разных политических подходов: (1) коллективизация при Сталине — классовая война и порабощение крестьян как идеологические инструменты изъятия капитала из сельского хозяйства на нужды промышленности; (2) коллективизация при Хрущеве, стремящемся ее завершить, несмотря на первые сомнения в ее необходимости (в 1953 году в Советском Союзе и в 1957 году в ГДР и Венгрии); (3) попытки стабилизировать экономически слабые колхозы в 1960-е годы — после завершения коллективизации и смещения Хрущева; (4) последняя попытка модернизации сельского хозяйства посредством различных концепций индустриализации в 1970-е годы в надежде на экономию за счет масштаба; (5) провал этих концепций, что породило ловушку стоимости и привело к восстановлению малого сельского хозяйства в 1980-е годы. Заключительная часть статьи суммирует достижения и провалы социалистической аграрной политики по ее результатам в 1990-е годы. В первой части статьи показано, как в 1929 году Сталин устранил задачу модернизации из программы коллективизации, что превратило последнюю в самоцель и инструмент перекачки ресурсов из аграрного сектора в промышленный. Сталин не доверял крестьянам и не верил в их способность наращивать производство, поэтому колхозники были превращены в подневольных работников с ограниченными гражданскими правами. Даже механизация была призвана обеспечить государственный контроль и потому препятствовала росту урожайности.

Ключевые слова: коллективизация сельского хозяйства, Сталин, Хрущев, социалистическое сельское хозяйство, механизация, колхозная система, индустриализация сельского хозяйства, модернизация, Советский Союз, Восточная Европа, малые крестьянские хозяйства, Чаянов, экономия за счет масштаба, частные земельные наделы, социальная дифференциация, эксплуатация, миф о непогрешимости, политика «лицом к деревне»

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма: от Василия Чекрыгина до Владимира Вернадского

А. Г. Гачева

Анастасия Георгиевна Гачева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН; руководитель Центра исследований космизма Московской высшей школы социальных и экономических наук; главный библиотекарь Библиотеки № 180 им. Н. Ф. Федорова ГБУК г. Москвы «Мосразвитие». 121069, Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1. E-mail: a-gacheva@yandex.ru

Аннотация. Статья продолжает разговор о путях борьбы с голодом в философии русского космизма. Представлено отражение темы голода и его преодоления через общее дело в художественном творчестве В. Н. Чекрыгина и его трактате «О Соборе Воскрешающего Музея». Рассмотрены конкретно-практические предложения Н. Ф. Федорова и его продолжателей А. К. Горского, Н. А. Сетницкого, В. Н. Муравьева, связанные с идеей искусственного вызывания дождя, обращения армии в естествоиспытательную силу, показано их место в «экономике регуляции», которую выстраивал русский космизм. Проанализированы подходы Горского, Сетницкого, Муравьева к теме труда, их видение культуры будущего. Показано, что в отличие от прометеистической трактовки темы регуляции у биокосмистов и А. М. Горького, Горский, Сетницкий, Муравьев вслед за Н. Ф. Федоровым представляли регуляцию как религиозный долг человека, исполняющего заповедь «обладания землей», возделывания мира, его преобразования в Царствие Божие. Рассмотрены взгляды деятелей естественнонаучной ветви космизма Н. А. Умова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, выдвигавших представление о человеческом разуме как ключевом агенте развития мира, творце ноосферы и вводящих в число ноосферных задач решение проблемы голода.

Ключевые слова: философия космизма, проблема голода, эксплуатация, регуляция, наука, экономика, наследие Н. Ф. Федорова, проекты космистов 1920–1930-х гг. А. К. Горского, Н. А. Сетницкого, В. Н. Муравьева, биокосмизм, В. Н. Чекрыгин, трактат «О Соборе Воскрешающего Музея»

EDN: AFTTUR

Василий Чекрыгин: «Голод в Поволжье» и «Собор Воскрешающего Музея»

Тема преодоления голода в религиозном ключе звучала в начале 1920-х годов у ведущего представителя художественного космизма, яркого деятеля русского авангарда Василия Николаевича Чекрыгина (1897–1922). Прошедший в 1910-е годы период богоискатель-

ства, увлечения футуризмом и разрыва с его идейной платформой, художник-мыслитель, стремившийся к синтезу традиции европейского Возрождения с эстетикой русской иконы и фрески, в начале 1920-х годов обращается к идеям Н. Ф. Федорова, воспринимая философа как своего учителя. Его особенно волнует федоровская идея воскресительного искусства, побеждающего смерть и распад.

Остро чувствующий страдание мира, в 1922 году Чекрыгин работает над серией рисунков «Голод в Поволжье», запечатлевая изможденные, исхудавшие лица, ослабевших, отчаявшихся людей, умирающую крестьянку рядом с ребенком, детей, животы которых пухнут от голода. Влюбленный в духо-телесную красоту человека, явленную в античном искусстве и Ренессансе, у Фидия, Джотто, Леонардо да Винчи, в иконных ликах Рублева, в творчестве Александра Иванова, он болезненно воспринимает истончение человеческого тела, призванного быть благодатным сосудом для духа.

Для Федорова память о «черном-пречерном хлебе» (Федоров, 1999: 161), который ели крестьяне в годину голода, вместе с горьким откровением о войне и неродственности, стала толчком к рождению учения о преодолении голода, смерти и розни (Гачева, 2024: 27–36). Чекрыгину опыт голода, вылившийся в серию «Голод в Поволжье» (1922), войны, революционного противостояния, запечатленный в серии рисунков «Расстрел» (1920) и автопортрете «На фронте» (1918) с лежащим на столе «Делом об убитых», дал импульс к созданию главного произведения его жизни — проекта росписи Храма-Музея всеобщего дела, для которого он сделал графическую серию «Воскрешение мертвых». А параллельно художник, один из создателей творческого объединения «Маковец», работал над литературно-философским текстом «О Соборе Воскрешающего Музея» (1921–1922), в котором словесно запечатлел путь художника (и путь мира) от падения и смерти к опаматованию, воскрешению, преображению.

Тема голода как горькой меты несовершенного, смертного мира, как беды, которая поражает землю и живущих на ней и которую нужно преодолеть силой знания и искусства, творчества и любви, проходит через весь текст Чекрыгина. Экспозиция сочинения — плач художника над погибающим миром, где «голод, злые ветры и смерть томят живое», где «мертвы мертвые и не возвращаются» (Pro et contra, 2008: 451). Чекрыгин создает апокалипсический образ угасающей, обреченной Вселенной: умирающие звезды, «истощающаяся земля, оскудевающие реки, редющие леса, в которых боятся вить гнезда птицы» (Там же: 456) — и над всем этим «голод» и «мор», несущие смерть человеку.

Художник-мыслитель прямо следует оптике Федорова, соединяющей цепочкой причинно-следственной связи закон пожирания и борьбы, царящий в природе, голод, томящий не только людей, но все живое, и смертное, послегрехопадное состояние Вселен-

ной. В падшем, искаженном мире место неслиянно-нераздельного бытия по образу Троицы, в котором нет истощения, убыли, недостатка, но абсолютная полнота и взаимопитание энергиями любви, занимает распадшееся, разрозненное бытие, элементы которого находятся в состоянии взаимного противоборства и выживание одного обеспечивается умалением и гибелью другого. Голод — необходимый спутник этого состояния мира, маркер необеспеченности, зыбкости жизни, сигнал бедствия, подаваемый организмом, стремящимся жить, а не умирать. Однако ценой преодоления голода, а значит, выживания в порядке природы становится смерть других существ, идущих на элементарное поддержание твоей собственной жизни, которая также не может быть прочной и вечной. Настойчиво подчеркивает Чекрыгин, что своя жизнь, спасаемая за счет чужой, неустойчива, мимолетна и неизбежно кончается смертью. Убивая и расчленяя живое, человек невольно... убивает себя:

Пожирает трупы человек, но они — его же плоть.

Не ты ли был козой и птицей, ослом и волком и рыбой и пожирал рыб и побеги трав? Но трава была ты, и неисчислимые сердца разрывал не ты ли, себя ущербляя?

Ты был птицей и ловил мотыльков на холодной от ночи плоти цветов. Львом бросался на ягненка, а он, еще не зная мира и обманываясь, был готов к игре с тобой и прыгал к тебе в неразумной радости, и погибал, познав зло в брате-себе.

Волком ты рвал тело собак, но ягненок и собака были — ты. Так умерщвлял ты себя, узаконяя зло мира.

Живущий в доли человек разбивает и пожирает сердца духов, но дикий голод усиляется.

Ищет новых сил он, чтобы жить, и живет, ища силы, осуждение себе пьет и ест человек, борясь с живым, чтобы жить.

Куда ни обращает взор человек — ограничено пространством и временем знание его, всюду смерть мира видит он, но, сознавая болью распадение мира, делами в хаосе он раб, косо вращающий колесо жизни.

(Pro et contra, 2008: 457–458)

Изображая распавшееся, разрозненное бытие, поработненное слепым, смертным законам, Чекрыгин подчеркивает его трагизм, его нравственную неправду, остро осознаваемую лишь человеком, *animal religiosum*, которому в великих религиозных системах дан образ подлинной онтологической нормы: многоединства по образу Троицы в христианстве, «*Tat twam asi*» («Это тоже ты») в индуизме, где каждый элемент бытия не мыслится в его отдельности, но связан с другими, отражается в них, составляет с ними — одно. Следуя Федорову, для которого «все вещество есть прах предков»

(Федоров, 1995а: 290), он разворачивает его тезис о «скрытом каннибализме» живущих, добывающих себе из продуктов природы «и пищу, и одежду» (Там же: 109): «Поедая мертвый прах отцов, губим себя, и зверей, и вселенную» (Pro et contra, 2008: 461). Художник воздвигает протест против падшего состояния мира, где человек жадно, ожесточенно и безнадежно борется за смертную жизнь и не достигает победы: «Алкая пожрать небеса, рассыпается в прах человек, подверженный, как раб, косному закону падения тел» (Там же: 457).

Протестует Чекрыгин и против несправедливого состояния социума, против торжества городской, торгово-промышленной цивилизации, города, истощающего село, против промышленности, которая расчленяет живое, производя из него мертвые вещи, критикует хищническое хозяйство, громоздящее фабрики и заводы, уничтожающее леса, иссушающее реки, следствием чего снова становится голод.

Подобно ветхозаветным пророкам, подобно Иоанну Предтече, учившему: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3:2), Чекрыгин воздвигает призыв к опаматованию и прозрению, к объединению человечества, погрязшего во взаимной вражде, к спасению мира, бьющегося в тисках смерти и розни. Голод, представавший в начале трактата знаком падения и катастрофы, теперь побуждает к умопремене: «голод учит объединиться в единую армию — небесное воинство, отложить междуусобные раздоры <...> и соединенной силой обратиться против подлинного врага — слепых стихий, несущих смерть человеку» (Там же: 472). Звучит завет обратиться орудия войны в средство регуляции и спасения жизни, «обеспечить урожай от произвола слепых сил, накормить голодных миром» (Там же: 473).

Чекрыгин разворачивает впечатляющую картину регуляции метеорологического, а затем космического процесса, управления ростом жизни и ходом земли, пресуществления слепой «силы, которая носит в себе голод, язву и смерть» (Там же: 474), в просветленную, источающую свет и жизнь. Трудовое действие человека-художника, спасающее от болезни и голода, предстает как священное дело, как начало внехрамовой литургии, кульминацией которой становится всеобщее воскрешение.

Как А. К. Горский рисовал образ «атмосферической музыки», строящей «воздушные волны» (Горский, 2018а: 226), гармонизирующей их ход, так В. Н. Чекрыгин пророчит явление «будущей музыки, оживляющей прах умерших», прибавляя к ней и космический танец, в котором «перестроит человек плоть свою» (Pro et contra, 2008: 467, 480), обретая бессмертие и не нуждаясь более в том, чтобы питать свою жизнь чужой жизнью, на что он был обречен в смертном мире, существуя под дамокловым мечом голода. В преображенной Вселенной, где все связано цепью родства и любви, голода, как и смерти, больше не будет.

Вопрос о голоде был в фокусе внимания Горского и Сетницкого и после переезда в Москву, куда они попадают первый — в 1922-м, второй — в 1923 году. Значимым событием для обоих становится знакомство с Валерианом Николаевичем Муравьевым (1885–1930), философом, бывшим дипломатом, в 1923–1924 годы — заместителем заведующего библиотекой ВСНХ. Сблизившись на почве интереса к идеям Федорова, трое мыслителей предпринимают ряд совместных проектов, направленных на расширение аксиологического горизонта строительства новой жизни, которое осуществляла советская власть. Подхватывая актуальные лозунги эпохи, они стремятся дать им не социальное, но планетарно-космическое измерение, подчеркивая, что хозяйственная деятельность СССР нуждается в «новой строительной идеологии» (Муравьев, 2011b: 419), в основу которой должна быть положена не классовая борьба, а сотрудничество мыслящих и трудящихся людей в деле «овладения природой» (Там же: 419), не эксплуатация, а регуляция. Проблему труда, науки, новой культуры они трактуют в контексте идеи творческого преобразования мира, антиэнтропийной сущности жизни и деятельности человека.

В 1924 году Горский и Сетницкий активно сотрудничают в журнале «Октябрь мысли», публикуя в нем статьи, посвященные проблемам научной организации труда (НОТ) и научной организации умственного труда (НОУТ), связывая в один узел задачу организации трудового усилия и постановки научного знания как значимых составляемых земно-космического хозяйствования, преобразующего природу, побеждающего время и смерть. Трое мыслителей задумывают серию из пяти сборников по трудоведению («Трудоведение. Труд как система деятельностей», «Активность и труд», «Работа и труд», «Цель труда», «Труд как сотрудничество») и четырех сборников по НОУТ («Научная организация умственного труда», «Интернационал науки», «Проективизм», «Звук») (Сетницкий, 2003: 539–540), однако подготовить и сдать в издательство ВСНХ удалось лишь первый из них (впрочем, и он не прошел сквозь игольное ушко цензуры).

Рассматривая феномен труда, философы-космисты исходили из федоровской идеи обращения дарового в трудовое, формулируя принцип «максимальной активности субъекта действия», подчеркивали проективную роль сознания в процессе труда, целью которого «является преобразование природы и управление ею» (Муравьев, 2011b: 123), настаивали на целостности трудового процесса, выступая против тейлористского дробления трудовых операций (Сетницкий, 2003: 330–332), утверждали коллективность труда, кооперацию субъектов трудового действия, указывая на его несовместимость «с распадом и рознью» (Муравьев, 2011b: 124).

В 1924 году В. Н. Муравьев выпускает книгу «Овладение временем как основная задача организации труда», в которой прямо ставит конечной целью труда «космическое преобразование» (Муравьев, 2011b: 108), победу жизни над смертью и воскрешение, намечая широкую программу перестройки социально-хозяйственной и творческой деятельности (политики, экономики, производства, строительства, техники, педагогики, медицины, искусства) в свете задачи «преодоления времени», превращения человека в «строителя мира, архитектора вселенной», организатора не только индивидуального и коллективного земного хозяйства, но хозяйства солнечного и вселенского (Там же: 97, 106. 107). «Космическое хозяйствование» требует полноты знания и управления законами жизни, ключевую роль в нем играют биология, генетика и та новая область знания и практики, которую философ называет «анастатикой», искусством воскрешать утраченную жизнь (Там же: 103).

Включаясь в споры о новой культуре, шедшие все первое пореволюционное десятилетие, Муравьев задавал понятию «культура» тот же бытийный масштаб, что и его современник П. А. Флоренский, определивший культуру как «сознательную борьбу с мировым уравниванием», как противодействие смерти и хаосу «во всех областях мироздания» (Флоренский, 1988: 114). Для Муравьева культура — это «деятельность, направленная к организации мира», она противостоит «слепому действию природных сил, ведущему к бесформенному состоянию или небытию» (Муравьев, 2011b: 214). Она не надстройка, не роскошь, не избыточность, без которой можно при необходимости обойтись, но «строительство жизни», «мир, измененный человеком согласно идеалам его разума» (Там же: 421). Философ предельно расширяет объем культурного делания, включая в него «все сферы человеческой мысли и практики, от искусства до экономики, от производства до земледелия, от педагогики до биологии, от техники до медицины, превращая лозунг строительства новой культуры в лозунг космического строительства.

В статье «Всеобщая производительная математика» (1923) и работе «Культура будущего» (1925) возникает образ будущей культуры, преобразующей мир на всех его уровнях — от планет и созвездий до микромира. Особое внимание Муравьев уделяет «культурной регуляции природы», намечая творческую реформу земледелия, включающую в себя преобразование пустынь, которые «будут засажены полезными злаками и обсажены деревьями», улучшение пород культурных растений и создание возможности их роста в разных климатических зонах, широкое использование солнечной, атмосферной и внутриатомной энергии, а в будущем — «создание растений лабораторным путем, без участия семян» (Там же: 165–166). Все это создает предпосылки для победы над голодом на всей планете. Но полнота этой победы будет достигнута только тогда, когда в сферу приложения творческих энергий будет включен самый организм человека, которому, благодаря развитию науки и техноло-

гий, будут сообщены свойства нетленности и пластичности, свободы перемещения, регенерации. «Научное преобразование организмов» (Муравьев, 2011: 159) позволит создать тела, не нуждающиеся в продуктах питания, способные к безграничному самовозобновлению. Муравьев подчеркивает, что преобразование органики позволит решить и проблему нравственную, достичь того «абсолютного милосердия ко всем тварям» (Там же: 171), которое задано человеку как высшая норма, но которое неосуществимо до тех пор, пока, чтобы поддерживать свою жизнь, он вынужден отбирать жизнь у братьев наших меньших, препарировать растения, превращая их в пищу, фабрикуя промышленные изделия. Вспомним в связи с последним «Песнь о хлебе» С. А. Есенина, написанную в голодный 1921 год, где выстраивается линия причинно-следственной связи между безжалостным «убийством» и расчленением зерна и человеческой жестокостью к себе подобным («И свистят по всей стране, как осень / Шарлатан, убийца и злодей / Оттого, что режет серп колосья, / Как под горло режут лебедей»). Муравьев сознает эту связь, настаивая на всецелом преображении, не только духовного, но физического естества человека.

В отличие от деятелей евгеники, с представителями которой, и прежде всего Н. К. Кольцовым, Муравьев активно общается в 1920-е годы, Муравьев, говоря об усовершенствовании человеческой природы, опирался не на идею селекции, а на идеал регуляции, открывающий перспективу бессмертия и совершенства каждому человеку. Более того, с его точки зрения, человек, эволюционно растущий, совершенствующий себя и мир, должен делать это вместе со всеми живыми существами, вовлекая их в преобразовательное действие. Переключаясь с деятелями русского авангарда В. Хлебниковым и П. Филоновым, предвосхищая будущие утопические поэмы Н. А. Заболоцкого «Безумный волк» и «Торжество земледелия», в которых животные, подтягиваясь за человеком по эволюционной лестнице, обретают разум, становятся исследователями, изобретателями, творцами мира (Семенова, 2016: 395–396, 468–493), Муравьев в философской мистере «София и Китоврас» и утопическом романе «Остров Буян» выстраивает образ мировой регуляции, в которую включается вся природа, чающая преображения. Ветра не хотят сушить почву, а вода — заливать посевы, обрекая живущих на голодную смерть, напротив, все существа и стихии мира стремятся действовать так, чтобы общим усилием обратить планету в цветущий сад, а затем распространить дело регуляции на всю Вселенную.

В свете этих космических перспектив рассматривает Муравьев и вопрос о борьбе с голодом. Голодная катастрофа первых лет революции видится ему симптомом кризиса государства и нравственного упадка общества. В набросках к мистере «София и Китоврас», сделанных в 1921–1922 годах, он рисует почти апокалипсическое видение разрушенной, опустошенной России, «точно выметенной

ливнем или выжженной палящим солнцем», в центре которой высятся поросший травой темный Кремль, а на площадях мертвой столицы «у полуистлевших трупов людей и животных» копошатся и грызутся «из-за остатков какие-то жалкие, оборванные существа — последние люди великого города» (Муравьев, 2011а: 406). В рассказе «Арканщики» философ поднимает острую и болезненную тему людоедства в районах Поволжья во время голода 1921–1922 годов, описывая поставленный на поток алгоритм заманивания и убийства людей с целью употребить их тело на мясо, а в последней версии мистерии «София и Китоврас» в диалоге героев возникает гротескный образ «уфимской бабы», говорящей: «Я есть хочу <...> ни на что не посмотрю, съем родимое дитя, а буду жить!» (Там же: 265).

Стремление вывести из тупика родную страну, обрушившуюся в экономическую и нравственную катастрофу, побуждает Муравьева, как и его идейных собратьев Горского и Сетницкого, обратиться к идеям и проектам Федорова, заостряя их конкретно-практически, но при этом не снижая их этической планки, держа в уме конечную цель предлагаемых мер хозяйственной регуляции. В этом стремлении включить в программу социально-экономического строительства новой России федоровские установки друзья-философы находили единомышленников среди своих современников, в том числе тех, кого идеи Федорова интересовали еще в дореволюционные годы.

22 июля 1922 года в «Известиях ВЦИК» печатается статья И. П. Брихничева «К голодной проблеме». Брихничев, один из создателей первого «Вселенского дела», ставший в мае 1922 года секретарем Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол), указывал на то, что ни финансовая помощь, ни даже «восстановление разрушенного хозяйства голодных губерний» не смогут оградить население от повторения голода в будущем, пока не ликвидированы его естественные причины, и выдвигал проект создания «Практического института по борьбе с голодом», который развернул бы широкую деятельность по изучению этих причин, намечая и пути их ликвидации. «Пора внять призывам старика Н. Ф. Федорова» (*Pro et contra*, 2008: 420), — подчеркивал он. Призывая к синтезу знаний и практики вокруг задачи преодоления голода, Брихничев заявлял: «Астрономия, метеорология, климатология должны быть “национализированы” и поступить на службу советскому строительству» (Там же: 420). Он приводил мнение физика, биолога П. И. Бахметьева, идеям и экспериментам которого в первом выпуске «Вселенского дела» уделялось особое внимание в связи с его изучением явления анабиоза: «анабиоз может быть использован в борьбе с вредителями полей, путем замораживания антисаранчовых и других личинок» и их транспортировки в места, зараженные саранчой, где они, «оживши, являются помощниками и друзьями земледельцу» (Там же: 420).

Муравьев горячо откликается на статью Брихничева. В заметке «Об использовании воинской силы для борьбы с природой» он подхватывает призыв обратиться к наследию Федорова, подчеркивая, что пережитый страной «страшный голод, повторение которого и впредь угрожает России, должен заставить <...> отнестись с сугубой внимательностью» (Муравьев, 2011b: 386) к мыслям философа. Приветствуя идею создания Института, Муравьев призывает не останавливаться на этом, подчеркивая что, по убеждению Федорова, дело исследования природы и борьбы с болезнетворными и стихийными ее силами не может быть прерогативой одного, даже самого крупного и щедро финансируемого учреждения, но должно стать «всеобщим, организованным, всенародным, всечеловеческим» (Там же: 386). Для преодоления кастовости науки, расширения масштаба действия, вовлечения в него широких масс Муравьев предлагает реализовать практически федоровскую идею обращения армии в естествоиспытательную силу, подчеркивая, что организованная военная сила может быть использована в деле широкой постановки метеорологических исследований и опытов с привлечением «новых технических методов, и в особенности воздухоплавания к разрешению этих задач» (Там же: 387). Мыслитель акцентирует нравственный характер переориентации военного дела на исследование природы, указывая, что оно имеет «громадное воспитательное значение» — способно «облагородить военную мысль» (Там же: 387), направить коллективную энергию человечества в мирное, созидательное русло.

На значимости регулятивных идей Федорова для строительства страны Муравьев в начале 1920-х годов прямо или косвенно (без упоминания фамилии мыслителя) настаивает в целом ряде записок и писем, обращенных к деятелям Советской России. Он пишет Г. В. Чичерину, предлагая идею создания «Международного института мира», нацеленного на выработку новых организационных идей, стоящих на принципе вселенскости человечества, преодоления национальных эгоизмов, примата общепланетарных задач. В 1920 году вступает в личный, а в 1923 году в заочный спор с Л. Д. Троцким, указывая на узость идейного базиса большевизма и подчеркивая, что дело строительства «новой культуры, нового строя всех жизненных отношений» (Муравьев, 2011b: 374) требует космичности мышления и неотложной разработки «программы космического преобразования» (Там же: 393). Муравьев отмечает, что у Федорова предвосхищены многие начинания советской эпохи: «у него мы найдем теорию трудовых армий, субботников, идею коллективного действия во всех его видах, замечательные мысли об организации науки, о массовой культуре», но, в отличие от партийных идеологов, философ задает этим формам социальной организации глобальную, всечеловеческую цель: «Он не хочет остановиться на чисто юридическом повороте, на разрешении социального вопроса в рамках политики, ибо убежден, что в конечном итоге ос-

нова всякого социального зла, как и зла вообще, лежит в законах слепой природы, которые нужно побороть» (Там же: 392).

О необходимости радикального расширения идеологии социально-экономического строительства, перехода от идеи классовой борьбы к проекту общего дела исследования природы и управления ею, требующего воспитания в личности творческого начала, чувства солидарности и всечеловеческой ответственности, Муравьев заявляет и в записке «Учреждение комиссии по управлению природой» (1924), и в развернутом письме Н. И. Бухарину (1925), расширяя идею И. П. Брехничева о создании «Практического института по борьбе с голодом» до проекта «Центрального института по овладению природой» (Там же: 419). Мыслитель намечает ряд перспективных и ближайших задач на пути «преобразования и обновления мира» (Там же: 425), включая в число первых «творчество жизни, омоложение, овладение временем, получение интраатомной энергии, междупланетные сообщения, превращение элементов, действие и на расстоянии», а ко вторым причисляя «разумное использование источающихся постепенно ресурсов» и «регуляцию погоды», называя ее «задачей колоссальной важности для будущего земледелия» (Там же: 425). Параллельно он готовит подборку фрагментов из первого и второго томов «Философии общего дела», дав им заглавие «Мысли Николая Федоровича Федорова об управлении погодой и космосом посредством регуляции электромагнитных сил природы»¹. Введением прямого слова философа общего дела в пространство современности стремится придать социально-экономическому и культурному проектированию эпохи не идеологический, а онтологический вектор.

Идея искусственного вызывания дождя в контексте «экономики регуляции»

Из масштабного спектра задач регуляции, которые философы-космисты в первой половине 1920-х годов стремились развернуть перед властью и обществом, наибольший шанс перейти от стадии идейного проектирования к стадии практического осуществления имела идея искусственного вызывания дождя, непосредственно связанная с проблемой предотвращения голода. Помимо Горского, Сетницкого, Муравьева ее неустанно продвигал Павел Иванович Иваницкий (1885–?), поэт, публицист, бывший член партии эсеров, один из активных деятелей Московской группы биокосмистов.

Биокосмисты — прежде всего лидер москвичей А. Агиенко (псевд. — Святогор) и А. Ярославский, создавший в 1922 году Северную группу биокосмистов в Петрограде, выдвигали лозунг «Им-

1. Машинописная подборка сохранилась в архиве В. Н. Муравьева: ОР РГБ. Ф. 189. Оп. 1. Карт. 12. Ед. хр. 16. Л. 2–27.

мортализм и интерпланетаризм» (Pro et contra, 2008: 410), соединяя, подобно философу общего дела, победу над пространством и победу над временем². «Поэт-биокосмист, — восклицал А. Святогор, — это борец и певец в таборе восставших против смерти и диктатуры пространства. О бессмертии и космическом полете, о воскрешении мертвых творит свои живые организмы поэт-биокосмист» (Там же: 408). «Борьба за социальную справедливость необходимо вырастает в борьбу со смертью, с враждебными человеку стихиями природы» (Святогор, 2017: 120).

Возникновение биокосмизма, наиболее активный и творческий его этап пришлось на 1921–1922 годы, совпав тем самым с периодом страшного голода. В статье «Голод и биокосмизм», помещенной в № 2 журнала «Биокосмист» за 1922 год, Святогор заявлял, что голод запускает механизмы социального распада, ужас голодной смерти уничтожает в индивиде все человеческое. Человек превращается в «раздраженный алчбой желудок», отчаянно кричащий о пище. Людоедство завершает падение: как позднее Муравьев, Агиенко выводит экспрессионистический образ «матери, гложущей кости своего ребенка», подчеркивая, что голод парадоксально и жестко утверждает правду биокосмизма, ибо «только борьба со смертью является подлинной, единственно прочной основой для духовного и материального объединения людей» (Там же: 123).

Призыв к победе над голодом стал для идеологов течения неотъемлемой составляющей их деклараций о победе над смертью, которую они объявляли главным врагом человечества и представляли не костлявой старухой с косой, а жирным буржуем, лопающимся от съеденного мяса. От победы над голодом, подчеркивали они, «зависит судьба революции» (Там же: 120), но эта победа требует не паллиативных мер по отысканию средств для «прокормления 35 миллионов голодных» (Там же: 121) и наилучшему распределению этих средств, а системного противодействия самой возможности возникновения голода, т. е. метеорологической регуляции. «Вопрос об управлении погодой — писал Святогор, — есть вопрос всемирный, интернациональный, космический» (Там же: 125), это необходимая ступень к будущей дороге в космос, управлению небесными телами. Лидер биокосмизма предостерегал от того, чтобы в деле борьбы с голодом останавливаться на программе-минимум: необходимо утверждать биокосмическую программу-максимум, требующую для абсолютной ликвидации голода ликвидировать смерть.

В качестве первого шага к управлению погодой и, следовательно, борьбе с голодом Святогор выдвигал искусственное вызывание дождя. Во втором номере журнала «Биокосмист» эту тему развивала заметка П. И. Иванецкого «Об искусственном вызывании дождя», следовавшая сразу после статьи «Голод и биокосмизм». Это

2. Подробнее о движении биокосмизма в контексте идей Н. Ф. Федорова см.: Hagemeister, 1989: 300–317.

была одна из первых его публикаций по проблеме искусственного дождевания, вместе с которой в течение трех лет в различных печатных органах появилось почти 40 посвященных ей статей и заметок, в которых, не говоря прямо о Федорове, он подспудно следовал его мысли, апеллируя и к американским опытам вызывания дождя, и к упомянутым в федоровской статье «Разоружение» брошюрам инженера А. Старкова «Опыты вызывания искусственного дождя в Америке» и «Можно ли вызывать дождь искусственным путем», вышедшим в 1892 году по следам голода.

Знакомство с Горским, Сетницким, Муравьевым дало Иваницкому мощный импульс к активизации его деятельности, направленной на продвижение идеи искусственного дождевания, атмосферической регуляции и привлечению внимания к ней властей. Помимо выступлений в печати, он сумел добиться специального заседания в Наркомземе, сделав обширный доклад, вызвавший со стороны слушателей, среди которых были и агрономы, и метеорологи, бурное обсуждение и... «резкую оппозицию и критику» (Сетницкий, 1933: 205). В 1925 году издательством «Новая деревня» была выпущена брошюра П. И. Иваницкого «Искусственное вызывание дождя и управление погодой посредством регуляции атмосферного и земного электричества», в которой был систематизирован и представлен значительный материал, связанный с опытами изучения атмосферных явлений и воздействия на них в Европе, США, России, Австралии, Алжире и др., в том числе с обсуждением вопроса об управлении погодой в Британской ассоциации. Касался Иваницкий и деятельности Научно-мелиорационного института в Петрограде, созданного в 1921 году по инициативе ученого-мелиоратора и гидротехника Г. А. Ризенкампа. Особое внимание уделил вызвавшим в 1923 году интерес российских ученых экспериментам по борьбе с облаками химика из Корнелльского университета Уайлдера Банкрофта и американского предпринимателя Люка Френсиса Уоррена, которые были проведены в США над аэродромом Мак-Кук при содействии «военного воздушного флота» (Иваницкий, 1925: 11).

Пропагандируя идею искусственного вызывания дождя, Иваницкий стремился представить ее как часть масштабного плана управления природой. Отдельную главку своей брошюры он посвятил В. Н. Каразину и его проектам, пересказывая, а местами приводя фрагменты федоровской статьи «В. Н. Каразин как метеороург, а не метеоролог», а в обширном примечании прямо подчеркивал, что «преемником и продолжателем» идей Каразина был Н. Ф. Федоров (Там же: 57).

Фамилия Иваницкого в кругу космистов 1920–1930-х годов стала нарицательной и использовалась шутивно-иронически как обозначение дождя и дождливой погоды. Произошло это с легкой руки Горского, неоднократно поминавшего Иваницкого в своих письмах именно в таком нарицательном качестве: «Иваницкий, нако-

нец, взбеленный от досады и устроил такой циклон, что впервые должен я целые сутки просидеть дома»; «Иваницкий мгновенно скис — сегодня жара чисто летняя» (Горский, 2018: 416, 574). Горский был убежден, что человек способен воздействовать на атмосферу не только при помощи орудий, но и психофизически, всем своим существом, соединяя, по образцу исихастского «умного делания», духовно-сердечное усилие и телесную энергетику. Более того, видел подкрепление религиозным интуициям в работах Б. Б. Кажинского, исследовавшего явления телепатии, «биологическую радиосвязь» и считавшего возможным направленное воздействие человека на окружающую среду (Кажинский, 1923, 1962). И в письмах своим ученицам О. Н. Сетницкой и Е. А. Крашенинниковой из Калуги (1937–1943) побуждал быть на страже и отбивать атмосферические атаки: «Не давай разгуливаться Иваницкому»; «Кстати, надо прекратить забастовку Иваницкого» и со своей стороны сообщал: «Иваницкий твякает, но мы его держим за хвостик» (Горский, 2018b: 578, 584, 586).

В 1933 году в работе «СССР, Китай и Япония: начальные пути регуляции» Н. А. Сетницкий отмечал значение деятельности П. И. Иваницкого, подготовившей почву для пробуждения в конце 1920-х годов внимания и интереса к проблеме искусственного дождения и ее системного введения в горизонт мысли и действия ученых и практиков. В 1928 году в журнале «Плановое хозяйство» появилась статья Б. Б. Кажинского «Искусственное регулирование погоды при помощи электричества», в которой управление погодой было названо значимым фактором для перспективного хозяйственного развития СССР и подчеркивалась необходимость введения этой задачи в «единый хозяйственный план» (Кажинский, 1928: 207). В 1931 году по инициативе журнала «Экономическая жизнь» было проведено Всесоюзное совещание по искусственному дождению и в том же году в Москве был создан Институт искусственного дождя с филиалами в Ленинграде, Ашхабаде и Ташкенте, легализовавший тему, поднятую в начале 1920-х годов Иваницким и философами-космистами Муравьевым, Горским, Сетницким (Сетницкий, 1933: 205–207). Об усилиях Иваницкого и подспудном значении его идей для разворота аграрных деятелей к проблеме искусственного дождения Сетницкий сообщал и в черновом письме Горькому (1932), подчеркивая, что «большинство лиц, выступающих сейчас по вопросу о дождении, так или иначе имели отношение или к НКЗему в те времена, когда Иваницкий обивал их пороги, или участвовали в упоминавшемся выше заседании, или были лично им посещены и одарены его брошюрой» (Сетницкий, 2003: 370).

Со своей стороны Горький, интересовавшийся идеями Н. Ф. Федорова, активно поддержал создание Института искусственного дождя и в серии статей 1931–1932 годов «Засуха будет уничтожена» (Комсомольская правда, 8 сентября 1931), «О “Библиотеке поэта”» (Известия ВЦИК; Правда, 6 декабря 1931), «О борьбе с природой»

(Известия ВЦИК; Правда, 12 декабря 1931), «О праве на погоду» (Ленинградская правда. 18 февраля 1932) называл противодействие засухе, провоцирующей неурожай и голодную смерть миллионов людей, не просто «общегосударственной задачей», но задачей общенародной, требующей «активного участия широчайших масс населения — от пионеров и “вездесущего” комсомола до старика колхозника, испытавшего каторжную жизнь во “власти земли” и многократно битого стихийными капризами природы» (Горький, 1953: 150, 197). Одновременно писатель подчеркивал, что борьба с засухой — лишь часть масштабного дела борьбы человечества против стихийных сил природы. В духе идей космизма писатель утверждал, что активная, преобразовательная роль человека задана ему объективно, самим ходом природного развития: «Энергия человека тоже создается природой, разум человека — самая ценнейшая, самая мощная из всех ее сил — сила, которая, подчиняя своим социальным интересам и целям все остальные энергии природы, преобразует ее сообразно этим интересам и целям» (Там же: 197).

Лозунг борьбы с природой фактически оказывается у писателя лозунгом борьбы за природу — против господства стихийных, разрушительных сил за новое, преобразованное ее состояние в результате умного и заботливого попечения человека. «Земля должна быть достойна человека, и для того, чтоб она была вполне достойна его, человек должен устраивать землю так же заботливо, как он привык устраивать свое жилище, дом» (Там же: 197) — таков пафос Горького, подчеркивающего, что мироустроительное отношение может осуществиться лишь при социализме и этим оно радикально отличается от эгоистического хозяйствования капитализма, эксплуатирующего не только человека, но и земные богатства.

Встраивая конкретные меры противодействия неурожаям и голоду (искусственное орошение, высадка и культивация зеленых насаждений в песчаных степях, борьба с облаками, вызывание осадков в засушливых зонах и т. д.) в широкий контекст управления природой, Горький следовал не только Федорову, но и Сетницкому, который в 1926–1936 годах переписывался с писателем и посылал ему свои работы и работы Горского, в которых развивалась тема регуляции природы, «анастатической и космократической проектики и практики» (Горский, 2018а: 745). Сетницкий, профессионально занимавшийся проблемами экономики, с первой половины 1920-х годов работал над книгой «Эксплуатация или регуляция?», предпринимая в ней, по определению А. М. Никулина, «попытку создания своеобразной политической экономии русского космизма» (Никулин, 2024: 51). Паразитарно-хищническому мироотношению, нещадно истощающему ресурсы земли, «домостроительству гибели», ведущему к кризису и краху цивилизации, он противопоставил регулятивно-творческую модель экономики, которая строится на принципе благого «домостроительства», не истощения, а умно-

жения бытия, «создания условий сохранения и обеспечения жизни» (Сетницкий, 2024: 129–130).

В разработку «экономики регуляции» встраивал Сетницкий и тему борьбы с голодом. В 1924 году он предпринял ряд значимых шагов по включению в «План капитального строительства СССР» тезиса о «борьбе с языком пустыни» (Сетницкий, 1933: 199), предполагающего разработку комплексных мер по предотвращению обезлесивания и истощения плодородных земель, на которое, как на угрозу, указывали еще в конце XIX века В. В. Докучаев, В. С. Соловьев, А. С. Ермолов и Н. Ф. Федоров. А в статье «СССР, Китай и Япония: начальные пути регуляции» (1933) представлял задачи регуляции климата, атмосферы и почвы как созидательный вектор не только внутренней политики СССР, но и ее внешней политики, как основу будущего сотрудничества держав, находящихся в ситуации взаимной настороженности, враждебности или прямого противоборства. Философ подчеркивал, что «в строительстве климата, в создании условий, обеспечивающих возможность жить на земле, заинтересованы все страны и все народы» (Там же: 246), и намечал перспективу превращения вопроса о регуляции в вопрос всенародный и всечеловеческий, открывающий перспективу не только планетарного, но и вселенского действия, когда человечество начнет управлять сначала ближним, а затем дальним космосом. «Элементарная проблема дождевания», связанная с задачей преодоления голода, оказывалась первой ступенью к обретению человечеством принципиально иного онтологического статуса, к превращению «из бессильного раба, паразита и захребетника природы» «в подлинно свободное существо, ведущее землю, как корабль в межзвездном пространстве» (Там же: 247).

Созидательное решение «продовольственного вопроса» Сетницкий искал на путях исследования культуры soi и перспектив ее использования в мировом хозяйстве. В черновом письме Горькому он прямо говорил о своей роли во «внедрении в севооборот Союза культуры соевых бобов», подчеркивая, что с 1925 по 1928 год неоднократно ставил этот вопрос в записках, «доходивших до наших органов верховного управления» (Сетницкий, 2003: 372). Помимо статей об использовании soi в пищевой промышленности, печатавшихся в журнале «Вестник Манчжурии», им была издана капитальная монография «Соевые бобы на мировом рынке» (Сетницкий, 1930), имевшая широкий резонанс как в Советской России, так и за рубежом.

Сетницкий был убежден, что переход от эксплуатации к регуляции, означающий радикальное изменение самих основ и целей хозяйствования, даст толчок и процессу внутренней перестройки социальной жизни людей, воспитывая культуру взаимопомощи, ответственности, самоотдачи, раскрывая социум как многоединство, в котором не должен пропасть ни один человек. Борьба с голодом, таким образом, обретала новый смысловой объем, выходя из об-

А. Г. Гачева

Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма: от Василия Чекрыгина до Владимира Вернадского

ласти чистой прагматики в сфере этики и аксиологии. Более того, в ней все отчетливее проступали христианские смыслы, смыкавшие регуляторную активность человека в природе с действием Христа, который исцелял, воскрешал, утишал бури, разделял хлебы, являя полноту власти над естеством.

Писания биокосмистов о голоде и борьбе с ним, равно как и статьи Горького, были выдержаны в духе прометеизма. Более того, в число враждебных общественных сил, не принимающих идеи активного сопротивления природной стихии и смерти, попадали не только капиталисты, но и служители культа, христианство объявлялось пассивной религией, стреноживающей преобразовательное действие человека. Не так было у Сетницкого, Муравьева и Горского. Выступая, подобно Федорову, против смешения с Богом хаотических, слепых сил природы, «несущих в себе язвы, голод и всяческие бедствия природного, общественного и личного характера, ведущих за собой в качестве *ultima ratio* смерть разумного существа» (Сетницкий, 2010: 377), они утверждали активно-христианскую модель действия, в которой человек, созданный по образу и подобию Божию, призван к регуляции стихий, к преобразованию мира на основе союза веры, науки, искусства.

**Проблема борьбы с голодом в естественнонаучном космизме:
К. Э. Циолковский, Н. А. Умов, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский**

Проблема борьбы с голодом входила в горизонт проектирования и тех ученых, которые принадлежали к естественнонаучной ветви космизма. У родоначальника теоретической космонавтики К. Э. Циолковского, физика-философа Н. А. Умова, автора учения о биосфере и ноосфере В. И. Вернадского, создателя гелиобиологии А. Л. Чижевского представление о человеке как сознательно-творческом деятеле в природе и истории неразрывно соединялось со стремлением вывести общественную и хозяйственную практику к новым, созидательным горизонтам, сделать мерой ее эффективности благо личности, жизнь, здоровье, развитие каждого живущего вне зависимости от его национальности, вероисповедания, социального статуса. Человек для них — землянин и шире — «гражданин Вселенной», если воспользоваться знаменитым определением К. Э. Циолковского. Всеземной, всекосмический статус существа, обладающего разумом и нравственным чувством, расширяет и сферу его ответственности за судьбу жизни, как в родовом, так и в личностном ее качестве, побуждая к поиску путей и средств обеспечения устойчивости и прочности существования на планете Земля, а в долгосрочной перспективе, когда человечество выйдет из своей земной колыбели, и в межпланетных пространствах. Проблема питания как необходимой основы поддержания процессов жизнедеятельности человека становится

ся здесь одной из важнейших. Соответственно, возникает задача преодоления рисков голодных катастроф, причем не только на социально-экономическом уровне, но и на уровне природно-онтологическом, предполагающем, как подчеркивал родоначальник философии космизма Федоров, всеобъемлющую регуляцию природных процессов, «перестройку биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» (Вернадский, 2004: 480).

Проблема борьбы с голодом рассматривалась представителями естественнонаучной ветви космизма как одно из слагаемых целенаправленной деятельности человека в природе. Еще С. А. Подолинский в работе «Труд человека и его отношение к распределению энергии» (1880) утверждал, что трудовое усилие идет в авангарде борьбы с энтропией, кумулируя энергию, препятствуя ее рассеянию. Н. А. Умов в серии статей и публичных выступлений 1900-х — первой половины 1910-х годов предлагал ввести для характеристики активно-творческой деятельности человечества, увеличивающей «стройность» природного мира, препятствующей затуханию бытийного «маятника», понятие «третьего закона термодинамики» (Умов, 1916: 200), и отмечал, что человек, борясь с энтропией, сопротивляясь небытию, создает вокруг себя своего рода «вторую природу» (Там же: 307), не умаляющую сферу жизни, но дающую существенный прирост к ней. А Вернадский в работах 1920-х — начала 1940-х годов подчеркивал, что с человеком рождается «новая форма биогеохимической энергии», «энергия человеческой культуры», которая, активизируясь и расширяясь, меняет лик земли, преобразуя биосферу в ноосферу, сообщая феномену жизни новое качество (Вернадский, 2004: 387).

Обосновывая творческую роль человека в мире эволюцией живого, идущей по линии усложнения природных форм, совершенствования нервной системы живых существ, возникновения и развития разума, Умов и Вернадский настаивали на ключевой роли последнего в биосфере. Одним из важнейших проявлений активности разума они полагали способность человека обеспечивать себя энергией и питанием не за счет естественных предложений природной среды, а через культивацию и переработку вещества геосферы и биосферы, через овладение все новыми и новыми источниками энергии. В работе «Научная мысль как планетное явление» (конец 1930-х годов), рассматривая с этой точки зрения этапы развития человечества, становления цивилизации, формирования ноосферы, Вернадский отмечал значимый «с геологической точки зрения» «сдвиг, длительно совершавшийся десятки тысяч лет назад, — приручение стадных животных и выработка культурных рас растений. Человек этим путем стал менять окружающий его живой мир и создавать для себя новую, не бывшую никогда на планете, живую природу. Огромное значение этого проявилось еще и в другом — в том, что он избавился от голода новым путем, лишь в слабой мере

известным животным, — сознательным, творческим обеспечением от голода» (Там же: 269–270).

Описывая современный этап развития цивилизации, Умов и Вернадский видели в нем не только масштабный научно-технический, но и мировоззренческий сдвиг, связанный с формированием планетарного сознания, ноосферного мышления, утверждающего единство человечества, требующего «демократизации способов и орудий служения людям» (Умов, 1916: 433), всеобщего доступа к достижениям науки, техники и технологий, способным улучшить качество жизни. В число ближайших ноосферных задач они включали «вопрос о прекращении недоедания и голодания» (Вернадский, 2004: 411), подчеркивая неотложность его решения. При этом путь к преодолению голода ученые-космисты полагали не столько в интенсификации использования природных ресурсов, сколько в развитии технологий, в расширении источников энергии, доступных человеку. Подобно Федорову, они прогнозировали перспективу истощения ресурсов земли, чреватую масштабным кризисом жизни, и одновременно указывали пути преодоления глобальных проблем: «Нам предстоит голод железа, нефти, угля. Благодаря тому, что наука не овладела еще нашей атмосферой, благодаря неизменно возрастающему приросту населения, вероятен голод хлеба: на очереди стоит изыскание способов увеличения производительности уже известных источников пищи и отыскание новых» (Умов, 1916: 436), — писал Умов, подчеркивая, что эти источники могут быть открыты не только в масштабах Земли, но и за пределами земной планеты — «в сокровищнице небесных пространств — космоса!» (Там же: 470). А Вернадский, отмечавший, что запасы сырья, активно используемого человеком, «уменьшаются с ходом времени» и вопрос о сырьевом голоде через несколько поколений неизбежно выдвинется на повестку дня, с уверенностью утверждал: «Но запасы энергии, находящиеся в распоряжении разума, неисчислимы. Сила приливов и морских волн, радиоактивная, атомная энергия, теплота Солнца могут дать нужную силу в любом количестве» (Вернадский, 1993: 301).

Будущее цивилизации ученые-космисты видели в максимальном использовании «лучистой энергии», в поставлении силы Солнца на службу жизни. Вернадский указывал, что в биосфере процесс усвоения и переработки энергии Солнца идет постоянно, живая природа, и прежде всего зеленые растения, накапливают ее естественным образом. Но перед человеком, опирающимся на научное знание, встает задача целенаправленного овладения и управления этим процессом. В программной статье «Автотрофность человечества» (1925) ученый намечал перспективы использования солнечной энергии не только в качестве топлива, но и для обеспечения животного организма питательными веществами, подобно тому, как это делают зеленые растения, строящие свои ткани из неорганических веществ под влиянием солнечного света. Человек, будучи ге-

теротрофным, обладает потенциальным качеством автотрофности, ибо гемоглобин человеческой крови близок по своему строению молекуле хлорофилла, а значит, в будущем наука сможет радикально изменить форму питания существа сознающего, на первом этапе — через искусственный синтез пищи, а в конечном итоге и трансформируя организм человека, чтобы приблизиться к «созданию нового автотрофного существа» (Там же: 303).

Автотрофность человечества, по Вернадскому, — путь к радикальному решению проблемы голода. Как и для Федорова, как для космистов 1920–1930-х годов Горского, Сетницкого, Муравьева, для него это проблема не только социальная, но и онтологическая. Точнее — и социальная, и онтологическая одновременно. С одной стороны, угроза голода усугубляется социальным неравенством, бедностью неимущих слоев, несправедливым распределением, плохой организацией социальной и медицинской помощи, о чем тот же Вернадский знал не понаслышке, будучи одним из активных организаторов помощи голодающим в 1891–1892 годах, а с другой — напрямую связана с самим типом функционирования человеческого организма, нуждающегося для поддержания жизни в расчленении и поглощении «других организмов» (Вернадский, 1993: 293). Тем самым и вопрос о преодолении голода, по Вернадскому, должен ставиться как в социально-этической, так и в онтологической плоскости, требуя для своего разрешения действенного союза научной мысли и общественной практики.

В действии человека в природе и обществе проявляется — и по мере становления и созревания ноосферы должен все отчетливее проявляться — ценностный, нравственный вектор. «Увеличение власти человека над энергией, временем, пространством» должно способствовать «этическому прогрессу» (Умов, 1916: 390–391). По мысли Умова, к этому побуждает человечество сам эволюционный закон, то «стремление к созданию стройности», которое «в природу живого» и которое «в сфере деятельности нервной системы выливается в новые формы — меру и ее высшие проявления — добро и красоту» (Там же: 297). Будущее ноосферы — в общечеловеческой солидарности, заставляющей относиться к другим людям, народам и странам не как к конкурентам в борьбе за ресурсы, а как к соратникам в общем деле.

И Умов, и Вернадский, обладавшие помимо научной гениальности широким общественным темпераментом, в своих публицистических выступлениях, особенно острых в периоды нестроений первых десятилетий XX века (революции 1905 и 1917 годов, Первая мировая и Гражданская война) призывали общественные и государственные круги к ответственной и зрячей активности, направленной на преодоление конфликтов не путем насилия, а энергией солидарности и служения. Вернадский, один из активных организаторов и участников общественной кампании борьбы с голодом 1891–1892 годов, земский деятель, выросший в конце 1890-х — 1910-е

годы в «крупнейшего эксперта в земской среде, а потом и в кадетской партии по сельскохозяйственным делам», ученый, являвшийся в разные годы «организатором лабораторий, институтов, библиотек, важнейших экспедиций, академических комиссий и даже целой Академии наук — Украинской» (Аксенов, 2014: 122, 7), не раз обращал свой публицистический темперамент к вопросу о борьбе с голодом и общественных и государственных мерах, призванных обеспечить действенность этой борьбы. Об этом его программная статья «Новое бедствие», напечатанная в газете «Русские ведомости» 4 августа 1905 года, в которой он писал об угрозе голода в результате неурожая и о необходимости немедленной сознательной и свободной общественной инициативы по недопустимости новой голодной катастрофы, подчеркивая, что «борьба с неурожаем должна вестись всем русским обществом» (Вернадский, 1995: 53).

В годы Первой мировой войны он прибавит к этому тезису тезис о науке, призванной работать не на вооружение, а на противодействие «разрушительным силам войны» (Там же: 202), и выскажется за системное развитие производительных сил страны, за «широкую организацию научных исследований нашей природы», «создание сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы в области технического использования данного нам природой богатства» (Там же: 206). В 1920–1940-е годы он последовательно будет отстаивать определяющую роль науки в цивилизационном движении, определяя ее как главную строительную силу ноосферы. Научная мысль, по Вернадскому, должна идти в авангарде социального развития, определяя его горизонты.

Старший собрат Вернадского Умов столь же высоко ставил науку и формулировал «исповедание естествоиспытателя», призванного «познавать архитектуру мира и в этом познании находить устои творческому предвидению» (Умов, 1916: 391). *Homo sapiens explorans* — именно так предлагал он называть вызревающий в недрах эволюции новый человеческий тип, «который в своих движениях, в своих воздействиях на природу, в построении машин, в своей психической деятельности — мысли и чувстве, в науке и этике — создает стройности» (Там же: 363). Действие «человека разумного исследующего» — это действие, устремленное к умножению блага, к обеспечению прочности существования, к защите человечества от угрожающих ему катаклизмов природы. О том же в статьях «Горе и гений» (1916), «Гений среди людей» (1918) писал К. Э. Циолковский. Для калужского философа, как и для А. С. Пушкина, «гений и злодейство — две вещи несовместные». Философ мыслит о гениальности с позиций деонтологии. Открытия и изобретения гениев противостоят злу и неправде, движут «вперед по пути истины — к прогрессу, единению, счастью, бессмертию и совершенствованию» (Циолковский, 2002: 298).

Среди неотложных задач, которые решает и призван решать человеческий ум, Циолковский называет задачу избавления рода людского от скудости существования, сопряженную с улучшением средств земледелия и сельскохозяйственного производства: «Знание дает прекрасные съедобные продукты, способ сохранять их и улучшать — высокие урожаи, неистощимость почвы» (Там же: 287). Мыслитель набрасывает проект социальной организации человечества, основанной на представлении о его планетарном единстве и общности бытийных задач, на принципе совершенствования жизни. Он подчеркивает нравственную недопустимость страданий людей, «заморенных нуждою и голодом» (Там же: 306), а значит, не проявивших во всей полноте те духовные и творческие потенции, которые были даны им природой. Будущий «идеальный строй жизни», по Циолковскому, открывает возможность по-настоящему состояться каждому человеку. «Единение избавит народы от войн и других видов самоистребления <...> обеспечит благосостояние и сделает всех счастливыми. <...> Не будет стенований от смерти, убийств, неудовлетворенных страстей, от боли, голода, жажды, холода, ревности, зависти, уничтожения и страха» (Там же: 378).

Примечательно, что Циолковский, человек аскетического склада, с юности жертвовавший внешними благами жизни во имя познания, развития, изобретения, а в московский период (когда он проходил свои университеты самообразования в библиотеке Румянцевского музея) сидевший буквально на хлебе и воде, тратя все присылаемые ему отцом деньги на опыты, трактует голод двояко: с одной стороны — как биологический сигнал, подаваемый живым организмом о том, что ему нечем поддерживать свои силы, с другой — как проявление ненасытной человеческой страсти, не знающей меры, как стремление к сытости, отяжеляющей и расслабляющей тело, угашающей энергию мысли и духа. Философ призывает к развитию научного знания, к принятию аграрно-экономических и социальных мер, позволяющих преодолеть фатальное, истощающее недоедание, смертельный голод, который стреножит личность, умаляет ее телесные силы, порабощает ум и сердце, подчиняя все существо человека стремлению утолить мучительное голодное чувство, а значит — препятствует мыслить, творить, открывать и создавать новое, работать на общее благо. Но одновременно он признает ценность разумного воздержания, переводящего жажду телесного насыщения в жажду познания, в алкание цели и смысла, призывает руководствоваться в решении проблемы голода античным понятием меры, приводящим к гармонии плоти и духа, — той самой меры, в которой Умов видел одно из высших проявлений стройности, единство идеи и формы, блага и красоты.

Ряд проективных предложений Циолковского прямо связан с перспективами развития земледелия: это и эффективное использование солнечной энергии, и скрещивание растений, и их выращивание в теплицах, и повышение плодородия почв. Целые стра-

ницы своих социально-философских сочинений философ наполняет выкладками и подсчетами, какой эффект может быть получен при принятии намеченной им модели хозяйствования. При этом вопрос об эффективном природопользовании и научном земледелии мыслитель относит к той стадии развития человечества, на которой ареал его местообитания ограничен только планетой Земля и сам человек физически не претерпевает никаких существенных изменений. Для жизни в космосе Циолковский предлагает иную модель, выстраивая ее на признании необходимости трансформации человеческого организма, сначала переходящего на «питание растительными продуктами» (Циолковский, 2002: 98) благодаря искусственной культивации растений в космических оранжереях, а затем, подобно растениям, начинающего питаться солнечной энергией, обретающего способность к свободному перемещению в пространстве и выживанию в разных средах. Переключаясь с идеями Федорова о «естественном тканетворении» (Федоров, 1995b: 295) и Вернадского об автотрофности человечества, родоначальник космонавтики рисует будущее «животное космоса», пронизываемое «лучами света», которое, подобно растению, создает свои органические ткани в результате процесса фотосинтеза. Более того, в отличие от жизнедеятельности земных существ, выводящих из организма продукты распада (углекислый газ, «мочевину, аммиак и проч.»), этот будущий космический организм сам перерабатывает их, превращая «в кислород и питательные вещества, которые пополняют убыль непрерывно работающих частей тела: мозга, мускулов и проч.» (Циолковский, 2002: 154).

Сначала земная, а затем космическая регуляция — в этом для космистов-ученых лежит ключ к решению проблемы голода. Они не отрывают процессы, протекающие в биосфере Земли, от процессов Вселенной, подчеркивая влияние космических факторов на земную жизнь. Книга Вернадского «Биосфера» (1926) открывается почти поэтической картиной Земли, охваченной потоками энергий, льющихся на нее из космического пространства и активизирующих живое вещество нашей планеты. По Вернадскому, само явление жизни космично: «Твари Земли являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма» (Вернадский, 2004: 38). О сложном влиянии жизнедеятельности Солнца «на весь органический мир, начиная от простейших растительных организмов и кончая человеком» (Чижевский, 2015: 113) писал А. Л. Чижевский. Вторя Вернадскому, он подчеркивал, что «земная жизнь и ее продукция есть превращенная энергия солнечного излучения» (Там же). Ученый, посвятивший свою жизнь исследованию последствий взаимодействия земных и космических факторов для природной и социальной истории, доказывал причинно-следственную связь между повышенной активностью Солнца и стихийными бедствиями: землетрясениями, наводнениями, засухами, неурожаями, вспышками эпидемий, обо-

рачивающимися нуждой и смертью от голода и болезней сотен тысяч и миллионов людей. Ученый подчеркивал необходимость системно изучать эту связь, учитывая ее в глобальном прогнозировании, в общественной и экономической практике. Солнечная система, Земля и человечество представляли в работах Чижевского как целостный организм, требующий зрячего и ответственного отношения. Наука, подчеркивал гелиобиолог, должна системно изучать воздействие солнечной радиации на природное целое, неотъемлемой частью которого является человек, и применять это знание в цивилизационном строительстве. А философ-космист Горский, общавшийся с Чижевским в 1920-е годы и использовавший выводы его исследований в работе «Острые мирового кризиса», ставшей частью серии очерков «Николай Федорович Федоров и современность» (1928–1933), подчеркивал, что человечество, взяв на вооружение принцип Федорова: «все должны быть познающими и все должно быть предметом знания» (Федоров, 1995а: 77), сумеет в будущем не только прогнозировать стихийные бедствия, вызванные активностью Солнца, но их предупреждать, выводя регулятивное действие за пределы земной планеты, разрабатывая, а затем осуществляя всеобъемлющий «план воздействия на космос в его целом» (Горский, 2018а: 806).

Заключение

Естественнонаучная мысль космизма видела в человеке сознательно-творческого и ответственного агента развития природного мира, деятельность которого обладает антиэнтропийной природой, преобразая биосферу в ноосферу. И в этом своем качестве подавала руку представителям религиозно-философского крыла течения, полагавшим христианский долг человека в исполнении заповеди обладания землей, в возделывании и преображении мира. Недаром П. А. Флоренский в письме В. И. Вернадскому от 21 сентября 1929 года высказал идею «пневматосферы», «особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры, или, точнее, круговорот духа» (Русский космизм, 1993: 165). Обе ветви сходились к родоначальнику космизма Н. Ф. Федорову, требовавшему «внесения в природу воли и разума» (Федоров, 1995а: 393) и видевшему «задачу христианства, как общего дела, <...> в том, чтобы объединить всех в труде познания смертоносной силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, в видах обращения слепой смертоносной силы в животворную, или точнее — оживотворяющую» (Там же: 379).

Философов и ученых-космистов объединял идеал регуляции, устремляющий к масштабному исследованию природных процессов и управлению ими. С точки зрения этого идеала рассматривали они и вопрос борьбы с голодом, подчеркивая, что справедливое, демократическое распределение ресурсов способно лишь приглушить, но не разрешить его до конца. Окончательное решение го-

лодной проблемы требует широкой научной работы и внедрения ее результатов в практику жизни, требует не просто социально-экономических, но онтологических изменений, вплоть до трансформации организма человека, обретения им «такого принципиально нового способа обмена веществ с окружающей средой, который в пределе не будет иметь конца» (Семенова, 2020: 55).

Библиография

- Аксенов Г. П. (2014). Три биографии Владимира Вернадского. М.: Архив РАН.
- Вернадский В. И. (1995). Публицистические статьи. М.: Наука.
- Вернадский В. И. (2004). Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс.
- Гачева А. Г. (2024). Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма: Н. Ф. Федоров и сборники «Вселенское дело» // Крестьяноведение. Т. 9. № 3. С. 25–46.
- Горский А. К. (2018a). Сочинения и письма: В 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН.
- Горский А. К. (2018b). Сочинения и письма: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН.
- Горький А. М. (1953). Сочинения: в 30 т. Т. 26. М.: ГИХЛ.
- Иваницкий П. И. (1925). Искусственное вызывание дождя и управление погодой посредством регуляции атмосферного и земного электричества. М.: Новая деревня.
- Кажинский Б. Б. (1923). Передача мыслей: Факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излучающихся наружу. М.: Б. и.
- Кажинский Б. Б. (1928). Искусственное регулирование погоды при помощи электричества // Плановое хозяйство. 1928. № 3. С. 231–241.
- Кажинский Б. Б. (1962). Биологическая радиосвязь. Киев: Изд-во АН СССР.
- Муравьев В. Н. (2011a). Сочинения: В 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН.
- Муравьев В. Н. (2011b). Сочинения: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН.
- Никулин А. М. Николай Сетницкий и Александр Чаянов: об идеалах, эксплуатации, некапиталистических системах и регуляции природы // Крестьяноведение. 2024. Т. 9. № 3. С. 47–72.
- Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2 (2008). М.: РХГА.
- Русский космизм: Антология философской мысли (1993). М.: Педагогика-пресс.
- Святогор (2017). Поэтика. Биокосмизм. (А)теология. М.: Common place.
- Семенова С. Г. (2016). Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. М.: Академ. проект, Парадигма.
- Семенова С. Г. (2020). Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия.
- Сетницкий Н. А. (1930). Соевые бобы на мировом рынке. Харбин: [б. и.]
- Сетницкий Н. А. (1933). СССР, Китай и Япония: Начальные пути регуляции // Известия юридического факультета. Харбин. Т. 10. С. 187–247.
- Сетницкий Н. А. (2003). Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1. Н. А. Сетницкий. М.: ИМЛИ РАН.
- Сетницкий Н. А. (2010). Избранные сочинения. М.: РОССПЭН.
- Сетницкий Н. А. (2024). Трудовое мироотношение. Из архива философа // Крестьяноведение. Т. 9. № 3. С. 127–148.
- Умов Н. А. (1916). Собрание сочинений. Т. 3. М., 1916.
- Федоров Н. Ф. (1995a). Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Прогресс.
- Федоров Н. Ф. (1995b). Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Прогресс.
- Флоренский П. А. (1988). Автореферат // Вопросы философии. № 12. С. 108–119.
- Циолковский К. Э. (2002). Гений среди людей. М.: Мысль.
- Чижевский А. Л. (2015). Солнечный пульс жизни. М.: Айрис-пресс.
- Hagemeister M. (1989). Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München.

Fight against hunger in the philosophy of Russian cosmism: From Vasily Chekrygin to Vladimir Vernadsky

61

Anastasia G. Gacheva, DSc (Philology), Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences; Chief Librarian, N. F. Fedorov Moscow Library No. 180. Povarskaya St., 25A, bld. 1, Moscow, 121069.
E-mail: a-gacheva@yandex.ru.

А. Г. Гачева
Проблема борьбы с голодом в философии русского космизма: от Василия Чекрыгина до Владимира Вернадского

Abstract. The article continues the discussion about the ways to fight against hunger suggested in the philosophy of Russian cosmism. Thus, the idea of overcoming hunger through the common cause is presented in the works of V. N. Chekrygin and his treatise *On the Council of the Resurrection Museum*. The author considers practical proposals of N. F. Fedorov and his followers — A. K. Gorsky, N. A. Setnitsky, V. N. Muravyov — related to the ideas of artificial rainmaking and of turning the army into a natural-science force, focusing on their place in the “economy of regulation” developed by Russian cosmism. The article presents the approaches of Gorsky, Setnitsky and Muravyov to the issues of labor and their visions of the culture of the future, emphasizing that, unlike A. M. Gorky’s and biocosmists’ Prometheistic interpretation of regulation, Gorsky, Setnitsky and Muravyov followed Fedorov in defining regulation as a personal religious duty to fulfill the commandment of “possessing land” and cultivating world to transform it into the Kingdom of God. The author considers the ideas of the natural-science branch of cosmism presented by N. A. Umov, K. E. Tsiolkovsky, V. I. Vernadsky and A. L. Chizhevsky, who defined the human mind as a key agent in world development and the creator of the noosphere, thus, interpreting hunger as a noospheric task.

Key words: philosophy of cosmism, problem of hunger, exploitation, regulation, science, economy, legacy of N. F. Fedorov, cosmists’ projects of the 1920s–1930s, A. K. Gorsky, N. A. Setnitsky, V. N. Muravyov, biocosmism, V. N. Chekrygin, treatise *On the Council of the Resurrection Museum*

References

- Aksenov G. P. (2014) *Tri biografii Vladimira Vernadskogo* [Three Biographies of Vladimir Vernadsky], Moscow: Arkhiv RAN.
- Chizhevsky A. L. (2015) *Solnechny puls zhizni* [Solar Pulse of Life], Moscow: Ayris-press.
- Fedorov N. F. (1995a) *Sobranie sochineniy v 2 tt., t. I* [Collected Works in 2 vols., vol. I], Moscow: Progress.
- Fedorov N. F. (1995b) *Sobranie sochineniy v 2 tt., t. II* [Collected Works in 2 vols., vol. II], Moscow: Progress
- Florensky P. A. (1988). Avtoreferat [Abstrakt]. *Voprosy filosofii*, no 12, pp. 108–119.
- Gacheva A. G. (2024) Problema borby s golodom v filosofii russkogo kosmizma: N. F. Fedorov i sborniki “Vselenskoe delo” [The fight against hunger in the philosophy of Russian cosmism: N. F. Fedorov and *Universal Cause* collections]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 3, pp. 25–46.
- Gorsky A. K. (2018a) *Sochineniya i pisma: v 2 kn. Kn. 1* [Works and Letters in 2 books. Book 1], Moscow: IMLI RAN.
- Gorsky A. K. (2018b) *Sochineniya i pisma: v 2 kn. Kn. 2* [Works and Letters in 2 books. Book 2], Moscow: IMLI RAN.
- Gorky A. M. (1953) *Sochineniya: v 30 t. T. 26* [Works in 30 vols. Vol. 26], Moscow: GIKhL.
- Hagemeister M. (1989) *Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung*, München.
- Ivanitsky P. I. (1925) *Iskustvennoe vyzyvanie dozhdya i upravlenie pogodoy posredstvom regulyatsii atmosfernogo i zemnogo elektrichestva* [Artificial Rainmaking and Weather Control through Regulation of Atmospheric and Terrestrial Electricity], Moscow: Novaya derevnya.

- Kazhinsky B. B. (1923) *Peredacha mysley: Faktory, sozdayushchie vozmozhnost vozniknoveniya v nervnoy sisteme elektromagnitnyh kolebaniy, izluchayushchikhsya naruzhu* [Thought Transmission: Factors Allowing for Electromagnetic Oscillations Emitted Outward in the Nervous System], Moscow.
- Kazhinsky B. B. (1928) *Iskusstvennoe regulirovanie pogody pri pomoshchi elektrichestva* [Artificial weather regulation by electricity]. *Planovoe Khozyaystvo*, no 3, pp. 231–241.
- Kazhinsky B. B. (1962) *Biologicheskaya radiosvyaz* [Biological Radio Communication], Kiev: AN SSSR.
- Muravyov V. N. (2011a) *Sochineniya v 2 kn. Kn. 1* [Works in 2 books. Book 1], Moscow: IMLI RAN.
- Muravyov V. N. (2011b) *Sochineniya v 2 kn. Kn. 2* [Works in 2 books. Book 2], Moscow: IMLI RAN.
- N. F. Fedorov: *pro et contra in 2 books. Book 2* (2008), Moscow: RKhGA.
- Nikulin A. M. (2024) Nikolay Setnitsky i Aleksandr Chayanov: ob idealah, ekspluatatsii, nekapitalisticheskikh sistemah i regulyatsii prirody [Nikolai Setnitsky and Alexander Chayanov: On ideals, exploitation, non-capitalist systems and regulation of nature]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 3, pp. 47–72.
- Russky kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli* [Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought] (1993), Moscow, Pedagogika-press.
- Semenova S. G. (2019) *Russkaya literatura XIX–XX vekov: ot poetiki k miroponimaniyu* [Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: From Poetics to the Worldview], Moscow, Akademichesky proekt; Paradigma.
- Semenova S. G. (2020) *Sozidanie budushchego: filosofiya russkogo kosmizma* [Creating the Future: Philosophy of Russian Cosmism], Moscow: Nookratiya.
- Setnitsky N. A. (1930) *Soevye boby na mirovom rynke* [Soybeans on the World Market], Harbin.
- Setnitsky N. A. (1933) SSSR, Kitay i Yaponiya: Nachalnye puti regulyatsii [USSR, China and Japan: Initial ways of regulation]. *Izvestiya Yuridicheskogo Fakulteta*, vol. 10, pp. 187–247.
- Setnitsky N. A. (2003) *Iz istorii filosofsko-esteticheskoy mysli 1920 — 1930-h gg. Vyp. 1* [From the History of the Philosophical-Aesthetic Thought of the 1920s — 1930s. Issue 1], Moscow: IMLI RAN.
- Setnitsky N. A. (2010) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Setnitsky N. A. (2024) *Trudovoe mirotnoshenie: Iz arkhiva filosa* [Labor worldview: From the philosopher's archive]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 3, pp. 127–148.
- Svyatogor (2017) *Poetika. Biokosmizm. (A)teologiya* [Poetics. Biocosmism. (A)theology], Moscow: Common place.
- Tsiolkovsky K. E. (2002) *Geny sredi lyudey* [A Genius among Men], Moscow: Mysl.
- Umov N. A. (1916) *Sobranie sochineniy, t. II* (Collected Works, vol. II), Moscow.
- Vernadsky V. I. (1995) *Publitsisticheskie statyi* [Journalistic Articles], Moscow: Nauka.
- Vernadsky V. I. (2004) *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere], Moscow: Ayris-press.

Государственная статистика животноводства в России конца XIX — начала XX вв.: дискуссии и перспективы изучения¹

В. О. Афанасенков

*Владислав Олегович Афанасенков, младший научный сотрудник РАНХиГС, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; младший научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1.
E-mail: erpaison@gmail.com*

В статье анализируются исследовательские подходы, гипотезы и оценки дореволюционной статистики животноводства, представленные в историографии. На раннем этапе в экспертном сообществе господствовало убеждение в низкой достоверности этой статистики, хотя большинство исследователей признавали ее пригодной для изучения динамики и географического размещения поголовья скота. Этап научного ретроспективного анализа начался с работы А. Л. Вайнштейна 1960 года, в которой данные текущего статистического учета сравнивались с итогами сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вайнштейн предложил метод корректировки текущих данных и повышательные поправки к ним. Он же поставил вопросы о сопоставимости статистики Ветеринарного управления до и после 1896 года, о сопоставимости данных Центрального статистического комитета и Ветеринарного управления МВД. Новейший этап историографии относится к дискуссии «оптимистов» и «пессимистов» 2000-х годов. Наиболее обоснованной в этой дискуссии представляется гипотеза С. А. Нефедова о том, что текущая статистика до революции полноценно учитывала только взрослое поголовье скота, в отличие от переписи 1916 года, зарегистрировавшей молодежь. Ни один из исследовательских вопросов, сформулированных в историографии, не получил окончательного разрешения. В частности, недостаточно изучены возможности использования данных о поголовье скота для реконструкции объемов производства продуктов животноводства. Новым аспектом исследования может стать взгляд на статистику как на элемент системы государственного управления.

Ключевые слова: аграрная история, Ветеринарное управление, Центральный статистический комитет, губернаторские отчеты, сельскохозяйственная перепись, А. Л. Вайнштейн

EDN: ALCYDM

Состояние сельского хозяйства — ключевой аспект дискуссии «оптимистов» и «пессимистов» о характере социально-экономического развития и успехах модернизации Российской империи в порефор-

1. Статья написана в рамках Госзадания РАНХиГС 10.9-2025-1 «Экономическая статистика и российское государство: исторический опыт взаимодействия (середина XIX — первая треть XX в.)».

менный период. Историки, используя одни и те же источники, нередко приходят к принципиально разным выводам. Большая часть этой дискуссии принадлежит обсуждению источников и методов их анализа. Весьма острым, в частности, является вопрос о достоверности официальной статистики животноводства и возможности ее применения в историко-экономических исследованиях.

Российская социально-экономическая статистика имеет долгую традицию изучения, однако статистика животноводства, как и само животноводство, находятся на периферии исследовательского интереса, уступая зерновому хозяйству, промышленности, демографии и другим сферам, считающимся более важными. Как исторический источник эта статистика пока изучена недостаточно. Статья представляет собой попытку обобщения существующих в историографии оценок, гипотез и сформулированных исследователями источниковедческих проблем. Представляется, что критический анализ, оценка их сильных и слабых сторон позволят наметить перспективные направления изучения источника.

Начальный этап историографии

Одной из наиболее известных работ начального этапа является книга М. И. Добротворского, редактора крупного специализированного журнала «Вестник общественной ветеринарии», выходившего до Революции. Свою работу автор позиционировал как своеобразный справочник по российской животноводческой статистике и ее публикациям. «До настоящего времени положение этой отрасли знания в России оставляет желать лучшего», — еще во введении замечал он (Добротворский, 1909: 1). История официальной статистики животноводства излагалась им весьма сжато, пореформенной эпохе отводилась лишь одна глава, в которой рассматривалась и постановка текущей статистики, и специальные правительственные исследования. Основное внимание автор концентрировал на методологических достижениях неправительственной, земской статистики, в многообразии подходов которой ему, вероятно, виделся потенциал развития и позитивный опыт для официальной статистики: анализировались вопросные бланки и формуляры, способы собирания, обработки и публикации цифровых материалов в разных земствах.

Как известно, долгое время (с 1842 года) безальтернативным источником о численности скота являлись данные, которые в составе особой ведомости включались во всеподданнейшие отчеты губернаторов. Дореволюционные авторы, выступавшие с критикой официальной статистики животноводства, были единодушны в оценке ее низкого качества. Публицист С. А. Приклонский в 1880-е годы писал: «К сожалению, статистика ведется у нас очень небрежно, так что цифровым данным следует придавать только более или ме-

нее приблизительную верность, а пользоваться ими можно разве на основании пословицы, что на безрыбье и рак рыба» (Приклонский, 1884: 275). «Наша официальная статистика до сих пор находится в самом неудовлетворительном состоянии», — уже в 1890-е годы подытоживал экономист-народник Л. Н. Маресс (Маресс, 1893: 62). Позднее к аналогичным выводам пришел И. Х. Озеров (Озеров, 1905: 13). Земский статистик Л. С. Личков, подробно разобравший проблемы статистики, основанной на показаниях волостных правлений, особняком ставил именно статистику животноводства: «Волостное правление всегда хорошо помнит, что... данные о скоте всегда сойдут благополучно, лишь бы сведения за данный год не были буквально похожи на предыдущий» (Личков, 1902: 22).

Появление новых систем учета сельскохозяйственных животных — Ветеринарного отделения (с 1876 года, сельский и городской скот) и Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД (с 1900 года, только сельский скот) — мало повлияло на ситуацию. Текущая статистика не перестала подвергаться резкой критике.

Большинство специалистов, подобно А. А. Радцигу, признавали, что без периодических общероссийских переписей любые цифры «всегда будут лишь приблизительными и гадательными» (Радциг, 1899: 36). Земские переписи охватывали лишь отдельные территории. В лучшем положении находился учет лошадей, периодически проводившийся военным ведомством, но и военно-конская перепись во всероссийском масштабе (78 губерний) была проведена только в 1912 году, тогда как предыдущие переписи одновременно затрагивали существенно меньшее число губерний.

Специалисты, основываясь на особенностях годового оборота стада разных животных и их хозяйственной специализации (продуктивный, рабочий скот), традиционно ранжировали статистику по качеству сообщаемых данных. Наиболее надежными считались материалы статистики коневодства, значительно менее надежными — крупного рогатого скота, затем — мелкого рогатого скота (овец и коз) (Историко-статистический, 1883: 4). Самыми ненадежными считались данные о численности свиней, хотя А. Ф. Фортунатов ставил их на один уровень с данными о скотоводстве и овцеводстве (Фортунатов, 1890: 40).

Фактически до 1960 года из работы в работу лишь воспроизводился тезис о дефектности статистических данных, который базировался на априорных посылах и зачастую не подкреплялся количественным анализом самих данных. В доказательную плоскость критику перевел А. Л. Вайнштейн, подведя фундамент под последующие дискуссии. В его статье (Вайнштейн, 1960а) были предложены ответы на ключевые вопросы к источнику, большая часть которых и сегодня сохраняет актуальность. Главная же его заслуга состояла в том, что, не ограничившись простой констатацией необходимости исправления заложенных в источнике искажений повышательными поправками, он конкретизировал их величину.

ИСТОРИЯ

Предпосылки для перехода к более глубокому анализу и осмыслению проблем статистики поголовья создала Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года, опубликованные (предварительные) итоги которой были приняты исследователями в качестве эталона, позволяющего измерить погрешность предшествующих статистик, поскольку перепись по умолчанию признавалась наиболее надежным видом статистического учета.

Перепись имела неожиданные результаты, показав значительный прирост поголовья, резко контрастировавший с обстоятельствами военного времени и потерей территорий. На это обратили внимание специалисты уже на стадии обработки материалов. Руководивший обработкой П. П. Румянцев, в частности, допускал, что «эти цифры не означают собой роста русского скотоводства за время войны; они скорее свидетельствуют о неточности данных Ветеринарного управления»² и «сильно преуменьшают количество скота»³. Впоследствии этот вопрос поднимался многими специалистами (Лискун, 1917: 23; Иванов, 1918: 7; Серебренников, 1920: 58–59; Когон, Шенкман: 1922: 24; Лосицкий, 1930: 83; Нифонтов, 1937: 5–8; Маслов, 1955: 439–440) и др.

С другой стороны, большую часть экспертов и общественности итоги обнадежили: «Когда в прессе были опубликованы вкратце результаты сельскохозяйственной переписи и было подчеркнуто, что скота... против 1913 года оказалось на 36% больше, — все успокоились» (Карпов, 1918: 42). К середине 1920-х годов оптимистическая точка зрения, согласно которой влияние Первой мировой войны на поголовье не приобрело разрушительного характера, а по-настоящему стремительное его сокращение началось только в 1918 году, усилившись в годы Гражданской войны и достигнув максимума к 1922 году, получила широкое распространение (см., например: Челинцев, 1924: 138–141, 149; Иванцов, 1925: 205; Antsiferov, Bilimovich, Batshev, Ivantsov, 1930: 180; Литошенко, 2001: 157). В данном случае разрыв между текущей статистикой и переписью трактовался в том ключе, что ответственность за деградацию животноводства целиком возлагалась на большевиков и политику военного коммунизма.

По вполне очевидным причинам подобная точка зрения не могла получить развитие в работах исследователей советского периода. Первая мировая война рассматривалась в качестве катализатора революционного процесса, до предела обострившего заложенные в капиталистическом строе пореформенной эпохи проблемы и про-

2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. I. Европейская Россия. Пг., 1916. С. XV.

3. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. II. Кавказ. Пг., 1917. С. VIII.

тиворечия, как «быстрый рост нужды и бедствий трудящихся масс, обострение классовой борьбы в стране, доведение этой борьбы до массовых вооруженных столкновений» (Анфимов, 1962: 3). Несмотря на то что статистические показатели, относящиеся к животноводству, широко привлекались для аргументации тезиса о нарастании продовольственного кризиса и падении благосостояния горожан и крестьянства, ключевой вопрос о том, как стыкуются данные текущего учета и переписи 1916 года, в историографии долгое время не поднимался. Итоги переписи не очень хорошо вписывались в схему эскалирующего кризиса, поэтому ее показатели использовались крайне избирательно.

Наиболее аргументированно «пессимистическую» концепцию представил А. Л. Вайнштейн. Главный акцент в его статье был сделан на сопоставлении данных ЦСК с переписью 1916 года, и результатами обосновывалась необходимость повышательных поправок в текущую довоенную статистику. Относительные разноречия между итогами переписи и данными ЦСК принимались за недоучет комитетской статистикой численности различных видов животных. За величину поправок предлагалось принять расхождение в численности сельских животных: по лошадям — 19,8%, крупному рогатому скоту — 41,5%, мелкому рогатому скоту (овцы и козы) — 68,8%, свиньям — 89,2% (Вайнштейн, 1960а: 112). Вайнштейн исходил из допущения, что размер недоучета в текущей статистике — величина постоянная. Следовательно, при приложении поправочных коэффициентов к данным за 1914–1915 годы ряд укажет на действительные изменения в поголовье.

От позднейших исследователей, обращавшихся к работе Вайнштейна, укрылись несколько важных аспектов проведенного сопоставления. Во-первых, Вайнштейн сравнивал данные ЦСК и переписи по двум группам губерний: (1) 44 губернии Европейской России (без Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Курляндской, Минской); (2) 44 губернии Европейской и 12 губерний и областей Азиатской России, перечень которых он не раскрыл. Приведенные выше расхождения, известные в качестве «поправок Вайнштейна», — результат сопоставлений именно по 56 регионам; расхождения по первой группе губерний оказались (кроме мелкого рогатого скота) хотя и близкими, но другими: 19,2%, 43,4%, 82,4% и 85,3% соответственно.

Во-вторых, Вайнштейн сравнивал данные переписи с цифрами ЦСК за 1916 год. Это примечательно, поскольку данные ЦСК за 1916 год никогда не публиковались и других указаний на существование таких данных за этот год в историографии не встречается. В советский период в изданиях ЦСУ для характеристики состояния животноводства в 1916 году всегда использовались именно итоги переписи. Вайнштейн, вероятно, пользовался неопубликованными материалами, которые были собраны, обработаны и сведены специалистами ЦСК. Поиск этих материалов в фондах архи-

вов представляет собой перспективную исследовательскую задачу, до решения которой проверку выводов Вайнштейна осуществить нельзя.

Проверку поправок на универсальность Вайнштейн произвел на довоенных данных из других источников. Вычисленные «коэффициенты превышения» данных земских переписей нескольких губерний (1910–1913 годов) над данными ЦСК свидетельствовали (с некоторыми оговорками) в пользу справедливости выводов, сделанных на материалах статистики военного периода: относительно численности КРС по сведениям о 6 губерниях превышение составило 37,8%, мелкого рогатого скота по сведениям о 3 губерниях — 40,9%, свиней по 4 губерниям — около 70% (Вайнштейн, 1960а: 106–108).

Несколько отклонившись от решения основной задачи, Вайнштейн также сопоставил ветеринарную и комитетскую статистику лошадей за 1909–1914 годы, обнаружив стабильное превосходство показаний Ветеринарного управления за пять предвоенных лет и небольшое (1,5%) превышение данных ЦСК за 1914 год. Первое обстоятельство закономерно объяснялось тем, что в ветеринарную статистику попадали лошади горожан, но допускалось, что «сведения В. У. страдали меньшим недоучетом, нежели данные ЦСК» (Вайнштейн, 1960а: 101). Соотношение показаний за 1914 год объяснялось тем, что две статистики фиксировали поголовье в разные моменты года. Так как Ветеринарное управление собирало данные на конец календарного года, в цифрах за 1914 год нашли отражение условия военного времени (реквизиции и пр.), которые статистика ЦСК (приуроченная к летнему периоду) учла только в данных за 1915 год. Вайнштейн, таким образом, наиболее четко сформулировал методологическое положение, являющееся неперменным условием корректной интерпретации животноводческой статистики: «При сравнении сведений, относящихся к одному календарному году, нужно еще принимать во внимание время года, к которому относятся сравниваемые данные, ибо внутригодичная численность скота отличается резко выраженной сезонностью» (Вайнштейн, 1960а: 96).

При характеристике ветеринарной статистики Вайнштейн выявил еще одну проблему, связанную со скачком численности скота, наблюдаемым в 1896 году: суммарные итоги по 50 губерниям Европейской России оказались выше прошлогодних сразу на 21,7%. По отдельным видам прирост составил: 10,1% (лошади), 20,5% (КРС), 22,3% (мелкий рогатый скот), 44,3% (свины). Объяснение скачка экономист видел в одномоментном повышении качества регистрации животных и на этом основании сделал вывод о заниженности цифр за 1887–1895 годы и невозможности их использования до того момента, пока не будут внесены соответствующие поправки (Вайнштейн, 1960а: 88). Здесь Вайнштейн мало добавил от себя, так как опирался на мнение чиновников самого Ве-

ветеринарного отделения, признававших прирост неестественным (Отчет, 1896: 7).

Несмотря на пессимистичную оценку точности абсолютных значений, Вайнштейн полагал, что статистика в целом годится для выявления межгубернских и динамических различий, поскольку ее данные «благодаря устойчивости методов регистрации от года к году *динамику* отражали правильно» (Вайнштейн, 1960а: 100). Такое мнение озвучивалось в литературе и задолго до работы Вайнштейна. Еще Фортунатов, считавший показания губернаторской статистики стоящими ниже действительности, подчеркивал, что «некоторые обстоятельства заставляют считать эти данные пригодными для относительных географических сопоставлений» (Фортунатов, 1890: 32, 37). Именно при анализе долгосрочных изменений в размещении и специализации производства в пореформенный период использовала статистику животноводства (по отдельным срезам) Е. С. Карнаухова. Абсолютные значения она рассматривала как малодостоверные и заниженные по сравнению с итогами переписи 1916 года (Карнаухова, 1951: 114). Наиболее достоверным источником сведений о динамике и видовой структуре животноводства публикации ветеринарного ведомства считали Я. С. Гросул и И. Г. Будак (Гросул, Будак, 1972: 24–25).

К тем же выводам, что и Вайнштейн, пришел И. Д. Ковальченко. Полагая официальную статистику животноводства полностью непригодной в плоскости абсолютных значений, он в то же время признавал, что она «позволяет изучить различные аспекты динамики и географии животноводства» (Ковальченко, 2004: 50). «Достаточно достоверными» признавались данные земских подворных и военно-конских переписей. Для ветеринарной и комитетской статистик Ковальченко намечал перспективу корректировки поправочными коэффициентами, величину которых должно было уточнить специальное исследование, охватывающее более широкий, нежели у Вайнштейна, хронологический период и учитывающее региональный фактор (Там же: 51).

Вслед за Вайнштейном необходимость поправок в текущую статистику признавал Л. М. Горюшкин, но его позиция выделялась оригинальностью на фоне других мнений в их поддержку. По мнению Горюшкина, не сопровождавшемся, впрочем, какими-либо аргументами и пояснениями, чтобы «подкорректировать» данные ЦСК, пользоваться нужно не только итогами переписи 1916 года, но также и переписи 1917 года (Горюшкин, 1988: 16).

А. М. Анфимов рассматривал динамику поголовья по данным ЦСК. Интересно его замечание относительно более высокой достоверности данных животноводческой статистики (ЦСК) сравнительно со статистикой урожайной: «...сведения о поголовье скота, представлявшиеся волостными правлениями на основе донесений сельских старост, должны быть точнее, скот как объект учета был более удобен» (Анфимов, 1980: 211). Тем не менее существенный не-

В. О. Афанасенков
Государственная
статистика живот-
новодства в России
конца XIX — на-
чала XX в.: дис-
куссии и перспек-
тивы изучения

доучет статистикой реального поголовья исследователь считал несомненным фактом: «...опубликованные материалы переписей 1916 и 1917 гг. несравнимы с довоенными, крайне заниженными данными Центрального статистического комитета МВД и военно-конской переписи 1912 г.» (Анфимов, 1962: 118). Трудно сказать, предполагал ли Анфимов возможность поправок, но, критикуя Ю. Кейдена и А. Н. Анцыферова за сочетание в едином ряде ветеринарных и комитетских данных и итогов переписи, на основании которого был сделан вывод о росте поголовья за годы войны, он назвал их «заведомо несравнимыми величинами» (Там же: 8).

«Оптимисты» и «пессимисты»

Новый виток интереса к дореволюционной статистике животноводства спровоцировала большая дискуссия о характере социально-экономического развития России в пореформенный период, разгоревшаяся в 2000-х годах. Статья Вайнштейна во многом стала той узловой точкой, вокруг которой выстраивали свои аргументы противоборствующие стороны.

К авторитету экономиста апеллировал Б. Н. Миронов, аргументируя тезис о том, что «официальные данные преуменьшали численность скота в еще большей степени, чем сборы хлебов» (Миронов, 2012: 238). Степень недоучета текущей статистикой животноводства реального поголовья Миронов оценил в 30–50% (Там же: 54), не конкретизируя и не подкрепляя тезис аргументами. В другом месте он писал об общем недоучете в 50%; лошадей — в 16%, КРС — в 45%, мелкого скота (овцы, козы, свиньи) — в 83% (Там же: 238–239). Примечательно, что, в отличие от Вайнштейна, пользовавшегося данными ЦСК за 1916 год, Миронов сопоставлял данные переписи 1916 года с цифрами Ветеринарного управления (не ЦСК) за 1913 год. Между темпом прироста поголовья от 1913 к 1916 году и величиной недоучета реального поголовья текущей статистикой им ставился знак равенства. Его утверждение, что «к аналогичным выводам пришел А. Л. Вайнштейн» (Там же: 239), следовательно, не вполне корректно.

Выводы Миронова также строились на искаженных данных. Сравнение приведенных в его таблице 6.15 значений (Там же: 238) дает результаты, смягчающие тональность оценок. Итоги 1913 года уступают переписи: по лошадям — на 13,8%, по КРС — на 31,2%, по мелкому скоту — на 43,2%. Среди источников таблицы, на которых были основаны эти оценки, встречается «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств» (вып. 9), который и содержит данные Ветеринарного управления по 50 губерниям Европейской России за 1913 год. Перепись охватила меньшее число губерний, чем учет Ветеринарного управления до войны. Вместо того чтобы исключить

из предвоенных данных полностью или частично оккупированные территории, Миронов, стремясь к сопоставимости, дополнил перепись данными ветеринарной статистики по Ковенской и Курляндской губерниям за 1914 год. Характерно, что Гродненскую губернию, утраченную в ходе кампании 1915 года, он не упомянул и, судя по всему, вычеркнул из сопоставлений. Однако вычтя из итогов 1913 года три указанные губернии и оставив данные переписи в том виде, как они показаны в первоисточнике, получим, что численность лошадей по переписи превышала показатель 1913 года лишь на 5,2%, КРС — на 19,2%, мелкого скота — на 31,5%.

В новой крупной работе по истории российской модернизации Миронов вновь заявил, что текущая статистика животноводства (в данном случае статистика ЦСК) страдала недоучетом поголовья, отослав читателя к вышеупомянутым данным. Но здесь возникло явное противоречие с его тезисом о том, что положение сельского хозяйства в годы Первой мировой войны не только не ухудшалось, а даже улучшалось. В том же разделе Миронов писал об увеличении числа лошадей как о реальном факте: «Число лошадей в 1916 г. сравнительно с 1913 г. увеличилось на 4%, несмотря на большие реквизиции... Поскольку военно-мобилизационные реквизиции осуществлялись... по ценам, близким к рыночным, они были выгодны для крестьянства» (Миронов, 2019: 100–101). Кроме того, оценки прироста численности других видов вновь были им пересмотрены: «Поголовье крупного рогатого скота в 1916 г. сравнительно с 1913 г. увеличилось на 20% и мелкого скота — на 45%» (Там же: 101). Эта работа — парадоксальный историографический факт. Аргументационная схема Вайнштейна, хотя и наполненная некорректными данными, оказалась направленной на обоснование тезиса, к развенчанию которого была предназначена изначально.

Вопреки мнению большинства исследователей, Миронов поставил под сомнение возможность применения данных текущего учета для изучения тенденций развития отрасли. Так, в одной из статей он писал: «По причине неточности статистики животноводства рискованно давать оценки как уровня производства мясомолочной продукции, так и его динамики» (Миронов, 2008: 93). Впоследствии в тексте монографии формулировка редуцировалась: «...из-за неточности статистики животноводства оценки производства мясомолочной продукции — весьма ориентировочны» (Миронов, 2012: 239). Исчезновение динамики из формулировки нельзя объяснить несоответствием данного аспекта проблемной направленности книги (уровень благосостояния населения), поскольку упомянутая статья имела аналогичную направленность.

М. А. Давыдов специально не анализировал данные статистики животноводства, констатируя ее недостоверность и заниженность в русле общей критики дореволюционной правительственной статистики, основанной на показаниях волостных правлений (Давыдов, 2016: 62, 91).

Размышления над положениями статьи Вайнштейна исходили и от представителей «пессимистического» направления — С. А. Нефедова и А. В. Островского. Наиболее значительный вклад в разработку проблемы после Вайнштейна сделал Нефедов. Не имея данных ЦСК за 1916 год, он предложил интерпретацию резкого прироста поголовья на основании уже известных опубликованных материалов. Проанализировав погубернскую динамику животноводства за годы войны (за 1914–1915 годы по комитетским данным, за 1916 год — по данным переписи), Нефедов обнаружил, что значительная часть прироста лошадей и крупного рогатого скота в 1916 году обеспечивалась губерниями с высоким процентом кочевого инородческого населения: Астраханской и Оренбургской. Объяснение исследователь видел в том, что скот кочевников не регистрировался текущей статистикой ЦСК, и в интересах сопоставимости далее не учитывал эти губернии.

Главным же исследовательским результатом статьи Нефедова стала гипотеза о том, что комитетская статистика *полноценно* учитывала *численность только взрослых животных*, а разница с переписью — следствие того, что перепись дополнительно учла молодняк. За удалением из итогов молодняка показания сближаются. Это наблюдение Нефедов полагал справедливым для всех видов (мелкий рогатый скот — с оговорками), за исключением свиней, стадо которых слишком интенсивно колеблется в течение года, что осложняет проверку (Нефедов, 2011).

Принципиальной новизны этот тезис не содержал. Вайнштейн (применительно к конскому поголовью) допускал, что едва ли не большая часть недоучета приходилась на молодняк (Вайнштейн, 1960а: 103), но общего вывода из частного суждения не сделал. Еще раньше к этой мысли пришел М. Ф. Иванов при характеристике данных о численности овец по ветеринарной статистике (1913 года) и переписи 1916 года: «Если сравнить все количество овец, зарегистрированное в 1916 г. с количеством овец в 1913 г., исчисленным по данным Ветеринарного управления, то, конечно, получается большой прирост овец, но это только потому, что в переписи посчитаны ягнята, которые в огромном большинстве к осени ликвидируются» (Иванов, 1918: 7). Близкую гипотезу о *полном недоучете* молодняка озвучил новосибирский историк В. И. Пронин. Он заключил, что «большой разрыв в данных между 1911–1915, с одной стороны, и 1916–1917 гг. — с другой, является только результатом более полного учета поголовья скота во время переписей». При выведении средних за 1911–1915 годы из итогов переписи Пронин вычел жеребят, телят, ягнят, козлят до 1 года и поросят до 4 месяцев, получив адекватные показатели прироста в 1916 году (Пронин, 1978: 113–114).

Новизна статьи Нефедова в другом. Оспаривая тезис Вайнштейна о том, что ряды данных ЦСК стали адекватно реагировать на изменение связанных с животноводством социально-эко-

номических факторов лишь после 1909 года, Нефедов подобрал регрессионную модель, показавшую, что и на более раннем этапе, 1904–1908 годов, данные ЦСК изменялись согласованно с переменными-предикторами — численностью населения, сборами зерновых, картофеля, укосами сена. Наиболее тесная связь наблюдалась с данными о численности лошадей и крупного рогатого скота, обладавшими большей точностью, нежели данные о мелком рогатом скоте и свиньях (Нефедов, 2011: 108–109). Таким образом, Нефедов в значительной степени реабилитировал статистику животноводства (во всяком случае комитетскую), показав, что она достоверно передает динамические изменения животноводства и представляет внушающие доверия абсолютные значения. Очевидно, динамический аспект проблемы был аргументирован с большей, прежде всего методологической, убедительностью. Обоснование второго аспекта нуждается в доработке путем расширения хронологических рамок. Перспективы аргументации видятся прежде всего в сопоставлении данных текущего довоенного учета с итогами земских переписей (с учетом и без учета молодняка), и синхронизации его результатов с наблюдениями Нефедова.

Проблему разрыва 1895/1896 года Нефедов не затрагивал, но кратко упомянул о скачке 1896 года (ошибочно соотнеся его с губернаторской статистикой), поддержав интерпретацию Вайнштейна (Там же: 98).

Важное место в историографии проблемы занимает книга А. В. Островского, причем не только как специально источниковедческое исследование, но и как детальное исследование истории организации отрасли животноводства в имперский период — вопросов о содержании, кормлении, обороте стада, функциях, продуктивных свойствах разных животных, торговле скотом и их продуктами (Островский, 2014). Островский полагал, что данные и текущей (Ветеринарного управления, ЦСК МВД), и основной (военно-конских переписей) официальных статистик занижали фактическую численность скота. Подобно предшественникам, он считал статистику животноводства пригодной для изучения динамики и размещения животноводства в пространстве, а структуру и фактический уровень поголовья предлагал изучать на основании данных переписи 1916 года. Впрочем, насчет того, как именно должно строиться это изучение, историк пояснений не оставил.

Кроме того, Островский выступил с собственной интерпретацией проблемы заниженности данных статистики ЦСК. По его мнению, она *недоучитывала* молодняк. Основой гипотезы были архивные материалы ЦСК за 1913 год, якобы свидетельствовавшие о существовании в ЦСК дифференцированного учета по трем половозрастным группам: (1) быки и волы, (2) коровы, (3) телята. Исходя из допущения, что корове соответствует только 1 теленок, и известной численности коров, а также принимая поправки на яловость, мертворождаемость и смертность в первые дни жизни,

Островский определил величину недоучета телят статистикой ЦСК в 27% (Там же: 35–38). На деле система была устроена несколько иначе: дифференцированная регистрация в статистике ЦСК действительно существовала, но вместо «телят», под которыми Островский, очевидно, понимал животных не старше 1 года, учитывался весь «молодой скот до 3 лет»⁴. Следовательно, предположение ошибочно в самом основании.

Поддержав гипотезу Вайнштейна об одномоментном улучшении учета в системе ветеринарной статистики, Островский предложил «предварительное» решение проблемы сопоставимости данных — ввести поправки в цифры за 1887–1895 годы на величину прироста 1896 года (Там же: 31–32, 37). Однако в следующей работе он отказался от первоначального варианта, используя более осторожную формулировку: «...вопрос о степени этой несопоставимости пока остается открытым» (Островский, 2016: 132).

Также Островский выявил в погубернских данных Ветеринарного управления регулярные повторы прошлогодних цифр. Повторы не были замечены Вайнштейном, анализировавшим только суммарные общероссийские данные. Это наблюдение представляется важным, хотя исследователь и не обратил внимание на очевидную связь повторов со скачком 1896 года.

Вообще систематические повторы значений в рядах ветеринарной статистики — факт, о котором известно давно. Судя по указанию В. И. Покровского, работа по выявлению повторяющихся цифр впервые была проделана будущим главой Ветеринарного управления В. Ф. Нагорским (по крайней мере по лошадям), но о публикации результатов этого анализа сведений нет (Сборник, 1902: 156). Статья Ф. А. Череванина, которого интересовали последствия неурожаев (колебаний урожая) для сельского хозяйства (численность сельского населения, посевные площади, дифференциация крестьянства, хлебные цены) и животноводства, в частности, не имеет прямой связи с проблемой 1895/1896 года. Вместе с тем его анализ показал, что «данные вет. упр. <...> не только неточны, не только изобилуют совершенно необъяснимыми скачками по отдельным годам, но... отличаются еще несравнимостью цифр для отдельных губерний за те же годы»; их использование проблематично: «...приходится <...> пробираться через эти цифры, как сквозь дремучий лес» (Череванин, 1927: 208). Не говоря прямо о наличии повторов, Череванин исключил из сводной и порайонной таблиц данные за 1889–1890 и 1893–1895 годы (Там же: 212, 230), для которых в большинстве погубернских рядов встречаются идентичные значения.

Какова связь между повторами и скачком поголовья? В недавней работе было показано, что прирост 1896 года стал следствием

4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 143. Л. 85 об.

несовершенной постановки статистики ветеринарного ведомства. До этого года регулярно повторялись данные прошлых лет, а в 1896 году ведомство одновременно обновило цифры по большей части губерний. В результате создалась иллюзия динамики (Афанасенков, 2023). В некотором смысле это действительно ознаменовало собой повышение качества статистики: в дальнейшем отмечаются лишь немногочисленные случаи повторов для некоторых губерний и в отдельные годы.

После снижения накала дискуссии «оптимистов» и «пессимистов» интерес к статистике животноводства угас. Единичные работы последних лет игнорируют этап разработки темы после Вайнштейна. Показательна в этом отношении статья О. В. Колесниковой, структура и выводы которой почти в точности воспроизводят статью Вайнштейна (Колесникова, 2023).

Возможна ли статистика производства продуктов животноводства?

Статья Вайнштейна была частью большого проекта по расчету «народного богатства» дореволюционной России и СССР (Вайнштейн, 1960 б; Вайнштейн, 1969). Именно поэтому она вызывает интерес представителей современной экономической истории, одной из ключевых исследовательских задач которой является вычисление исторического ВВП. Работы историков-экономистов (Грегори, 2003; Маркевич, Харрисон, 2013), использующих, в отличие от упомянутых выше авторов, поправки по прямому назначению, составляют своеобразное ответвление от историографической линии, идущей от Вайнштейна.

Дореволюционная текущая статистика животноводства состоит из одного, причем максимально простого, показателя — это статистика поголовья в самом общем виде, без разбивки на половые и возрастные группы. Других показателей (воспроизводства, продуктивности и др.) она не включала. Видимо, здесь кроется объяснение того факта, что исследователи, оценивавшие вклад отрасли в национальный доход, определяли лишь общую стоимость поголовья по конъюнктурным данным разных источников — это следствие отсутствия прямых данных о продукции животноводства.

Сложность организации такого учета очевидна. Даже в странах Западной Европы и США, где существовала развитая сельскохозяйственная статистика, в первой трети XX века для расчета продукции животноводства использовались определенные коэффициенты, полученные в рамках специальных обследований, и экспертные оценки. Советские статистики, даже несмотря на несравненно более совершенную сравнительно с дореволюционным периодом постановку учета, все же вынуждены были преодолевать ограничения источника, компенсируя его материалами крестьян-

ских бюджетов, статистикой Госстраха, перевозок и сведениями из других источников (Лосицкий, 1930: 96–100).

Метод реконструкции на основании экспертных оценок современников (разбор источников дореволюционного и раннесоветского периодов см.: Лубны-Герцык, 1927) в случае дореволюционной статистики животноводства не имеет альтернатив. Продуктивность животных в половозрастных группах различается, следовательно, нужно знать структуру поголовья. Источник, дающий сведения о структуре поголовья с высокой степенью детализации, — это материалы переписи 1916 года. Хотя для изучения продуктивного животноводства вопрос является ключевым, до сих пор возможность такой экстраполяции в историографии, за исключением попытки С. Н. Прокоповича (Опыт, 1918: 10), не обсуждалась. Но к этой задаче только предстоит подступить после решения вопроса о том, какую часть поголовья учитывала статистика.

Заключение

Лейтмотивом существующей историографии является проблема достоверности и надежности статистики животноводства. В своем развитии историография проделала путь от господства априорных оценок недостоверности текущей статистики животноводства к оформлению методологии научной критики, важнейшим приемом которой является сопоставление данных текущего учета с итогами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Статья Вайнштейна заложила основы для дискуссии о необходимости поправок на недоучет поголовья, которая не выявила единства мнений. С другой стороны, почти полный консенсус достигнут по поводу достаточной надежности животноводческой статистики для изучения динамики и географического распределения животноводства.

К числу других поставленных в литературе источниковедческих проблем относятся: (1) вопрос о природе скачкообразного увеличения значения в статистике Ветеринарного управления в 1896 году и (2) вопрос о сопоставимости показаний ветеринарной и комитетской статистик. Более сложным является вопрос о возможности использования данных дореволюционного текущего учета для определения выхода продукции животноводства. На данный момент ни одна из поставленных предшествующей историографией проблем не получила окончательного разрешения. Эмпирический материал для аргументации пока далек от исчерпания.

Отметим, что отождествление статистики с ее цифровыми материалами существенно упрощает характер этого исторического источника. Очевидно, необходимо учитывать, что правительственная статистика, как часть текущего ведомственного делопроизводства, была включена в механизмы государственного управления и выпол-

няла определенные административные функции; ее сбор, передача, обработка и использование координировались определенными органами и регламентировались соответствующими нормативными актами. Собственно, источниковедение и исходит из того, что источник можно комплексно оценить, «лишь зная историю организации статистического учета и состояние науки в этой области» (Антонова, 1968: 5). В наиболее общем виде сказанное очерчивается следующим кругом вопросов: С какой целью статистика начинала собираться? Менялась ли эта цель со временем? Какие органы власти были задействованы в сборе и передаче сведений с мест в центр? Кто был конечным получателем статистических данных? Конкурировали ли ведомства, собиравшие данные о животноводстве? Если по абсолютной точности статистические данные отличались низкой надежностью (приблизительной точностью), то почему государство удовлетворялось этим?

Поиск ответов на эти вопросы не должен заменять собой изучение количественных данных — это части одного целого. В противном случае мы рискуем подменить «источниковедческий анализ изучением истории становления и развития статистических органов и «статистического дела»» (Рынков, 2024: 122).

Библиография

- Антонова С. И. (1968). Статистические источники по истории СССР периода капитализма: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Анфимов А. М. (1962). Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М.: Издательство социально-экономической литературы.
- Анфимов А. М. (1980). Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М.: Наука.
- Афанасенков В. О. (2023). Статистика животноводства Ветеринарного отделения (управления) МВД: к вопросу о скачкообразном увеличении значений в 1896 г. // Отечественная официальная статистика: прошлое, настоящее, будущее: Сборник материалов Международной научной конференции. М.: Русайнс. С. 11–23.
- Вайнштейн А. Л. (1960а). Из истории предреволюционной статистики животноводства: о численности поголовья скота и изменениях ее в годы Первой мировой войны // Очерки по истории статистики СССР: (Сборник третий). М.: Госстатиздат ЦСУ СССР. С. 86–115.
- Вайнштейн А. Л. (1960б). Народное богатство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России: (Статистическое исследование). М.: Госстатиздат ЦСУ СССР.
- Вайнштейн А. Л. (1969). Народный доход России и СССР: История, методология исчисления, динамика. М.: Наука.
- Горюшкин Л. М. (1988). Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет.
- Грегори П. (2003). Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН.
- Гросул Я. С., Будак И. Г. (1972). Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861–1905 гг.). Кишинев: Карта молдовеняскэ.
- Давыдов М. А. (2016). Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя.

- Добровольский М. И. (1909). Опыт истории и методологии статистики животноводства. СПб.: Издание журнала «Вестник общественной ветеринарии».
- Иванов М. Ф. (1918). Русское овцеводство в связи с возможностью сбыта баранины на русские и иностранные рынки. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева».
- Иванцов Д. Н. (1925). Война и современное состояние русского сельского хозяйства // Труды Первого съезда русских деятелей сельского хозяйства, состоявшегося в г. Праге 18–24 апреля 1924 г. Вып. I. Прага: Хутор. С. 202–209.
- Историко-статистический обзор промышленности России (1888). Т. I: Сельскохозяйственные произведения, огородничество, садоводство и домашние животные, горная и соляная промышленность / Под ред. В. И. Ковалевского. СПб.: Типография А. С. Суворина.
- Карнаухова Е. С. (1951). Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1861–1914 гг.). М.: Издательство Академии наук СССР.
- Карпов А. А. (1918). Влияние войны на наше отечественное скотоводство и меры к его увеличению // Труды Всероссийского съезда по животноводству в Москве с 28 августа по 2 сентября 1917 года. Вып. 2: Доклады. М. С. 38–44.
- Ковальченко И. Д. (2004). Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН.
- Когон М., Шенкман И. (1922). Экспортные возможности России: статистико-экономический очерк / Под ред. и со вступ. ст. В. Г. Громана. М.: Издание НКВТ.
- Колесникова О. В. (2023). Статистика животноводства в дореволюционной России // Двадцать четвертые Петровские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 16–17 ноября 2022 г. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского. С. 322–329.
- Лискун Е. Ф. (1917). Мясной вопрос в современной хозяйственной обстановке. Пг.: Типография Императорской Академии наук.
- Литошенко Л. Н. (2001). Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Личков Л. С. (1902). К вопросу о реформе официальной статистики (преимущественно по данным юго-западного края) // Киевская старина. Январь. С. 1–34.
- Лосицкий А. Е. (1930). Статистика животноводства // Хозяйственная статистика СССР: Сборник статей. Л.: Прибой. С. 79–103.
- Лубны-Герцык Л. И. (1927). К вопросу о методах собирания и обработки статистических сведений по животноводству // Вестник статистики. № 2. С. 112–130; № 4. С. 131–152.
- Маресс Л. Н. (1893). Пища народных масс // Русская мысль. Кн. XI. С. 60–75.
- Маркевич А., Харрисон М. (2013). Первая мировая война, Гражданская война и восстание: Национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль.
- Маслов П. П. (1955). Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Миронов Б. Н. (2008). Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX — начале XX в.? // Уральский исторический вестник. № 3. С. 83–95.
- Миронов Б. Н. (2012). Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд., испр. и доп. М.: Весь мир.
- Миронов Б. Н. (2019). Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Нефедов С. А. (2011). Уровень потребления начала XX века и причины русской революции. Статья 2. Проблемы животноводческой статистики // Общественные науки и современность. № 3. С. 97–111.
- Нифонтов В. П. (1937). Продукция животноводства СССР / Под ред. И. А. Краваля. М.: Издательство «Плановое хозяйство».
- Озеров И. Х. (1905). Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко.
- Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900–1913 гг. (1918) / Под ред. С. Н. Прокоповича М.: [б. и.].

- Островский А. В. (2014). Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: ООО «Полторак».
- Островский А. В. (2016). Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX — начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Приклонский С. А. (1884). Народная жизнь на Севере. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко.
- Пронин В. И. (1978). Скотоводство в Сибири в XIX — начале XX в. (к статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 95–129.
- Радциг А. А. (1899). Скотоводство и молочное хозяйство в разных государствах. СПб.: Типография Т-ва «Народная польза».
- Рышков В. М. (2024). Статистические источники в свете видовой классификации // Уральский исторический вестник. № 3. С. 114–124.
- Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1 / Под ред. В. И. Покровского (1902). СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой.
- Серебренников И. И. (1920). Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири: (Сельскохозяйственная перепись 1916 года). Харбин: Типография КВЖД.
- Фортунатов А. Ф. (1890). Краткие очерки по статистике земледелия и скотоводства. М.: Тип. М. Волчанинова.
- Челинцев А. Н. (1923). Сельскохозяйственная география России. Берлин.
- Череванин Ф. А. (1927). Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет — 1883–1923 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Ч. 1. М.: РАНИОН. С. 160–301.
- Antsiferov A. N., Bilimovich A. D., Batshev M. O., Ivantsov D. N. (1930). Russian Agriculture during the War. New York: Greenwood Press.

В. О. Афанасенков
Государственная
статистика живот-
новодства в России
конца XIX — на-
чала XX в.: дис-
куссии и перспек-
тивы изучения

Pre-revolutionary official statistics of animal husbandry: The state of historiography and research prospects

Vladislav O. Afanasenkov, Junior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia; Moscow School of Social and Economic Sciences. Gazetny per., 3-5, bl. 1, Moscow, 125009, Russia. E-mail: erpaizon@gmail.com

Abstract. The article considers research approaches, hypotheses and assessments of the pre-revolutionary livestock statistics as presented in historiography. At the early stage, the expert community mainly believed in the low reliability of such data, although admitted its suitability for the study of livestock population dynamics and geographical distribution. The retrospective scientific analysis started with A. L. Vainshtein's article (1960) comparing annual statistics with the 1916 agricultural census. Vainshtein proposed a method for adjusting annual data and upward corrections and questioned the comparability of the Veterinary Department statistics before and after 1896 and the consistency of data of the Central Statistical Committee and the Veterinary Department of the Ministry of Internal Affairs. The most recent stage of historiography was marked by the debate between “optimists” and “pessimists” in the 2000s. The most reasonable hypothesis was proposed by S. A. Nefedov — that the pre-revolutionary annual statistics fully accounted for adult livestock, while the 1916 census also counted young cattle. None of the historiographic research questions have been resolved, including the use of the livestock population data for identifying the volume of livestock production. The author suggests considering statistics as an element of the state system of governance.

Key words: A. L. Vainshtein, agricultural census, agricultural history, Central Statistical Committee, provincial governors' reports, Veterinary Department

References

- Afanasenkov V. O. (2023) Statistika zhivotnovodstva Veterinarnogo otdeleniya (upravleniya) MVD: k voprosu o skachkoobraznom uvelichenii znachenij v 1896 g. [Livestock statistics of the Veterinary Department of the Ministry of Internal Affairs: On the sudden increase in values in 1896]. *Otechestvennaya ofitsialnaya statistika: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*, Moscow: Rusains, pp. 11–23.
- Anfimov A. M. (1962) *Rossiiskaya derevnia v gody Pervoi mirovoi voyny (1914 — fevral 1917 g.)* [Russian Village during the First World War (1914 — February 1917)], Moscow: Izd-vo sotsialno-ekonomicheskoy literatury.
- Anfimov A. M. (1980) *Krestyanskoe khozyaistvo Evropeiskoi Rossii, 1881–1904* [Peasant Economy of European Russia, 1881–1904], Moscow: Nauka.
- Antonova S. I. (1968) *Statisticheskie istochniki po istorii SSSR perioda kapitalizma* [Statistical Sources on the History of the USSR in the Capitalist Period], Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Antsiferov A. N., Bilimovich A. D., Batshev M. O., Ivantsov D. N. (1930) *Russian Agriculture during the War*, New York: Greenwood Press.
- Chelintsev A. N. (1923) *Selskokhozyaistvennaya geografiya Rossii* [Agricultural Geography of Russia], Berlin.
- Cherevanin F. A. (1927) Vliyanie kolebanij urozhayev na selskoe khozyaistvo v techenie 40 let — 1883–1923 gg. [The influence of harvest fluctuations on agriculture for forty years — 1883–1923]. *Vliyanie neurozhayev na narodnoe khozyaistvo Rossii*, vol. 1, Moscow: RANION, pp. 160–301.
- Davydov M. A. (2016) *Dvadtsat let do Velikoi voyny: rossiiskaya modernizatsiya Witte-Stolypina* [Twenty Years before the Great War: Witte-Stolypin Modernization of Russia], Saint Petersburg: Aleteiya.
- Dobrotvorsky M. I. (1909) *Opyt istorii i metodologii statistiki zhivotnovodstva* [Essay on the History and Methodology of Livestock Statistics], Saint Petersburg: Izdanie zhurnala “Vestnik obshchestvennoi veterinarii”.
- Fortunatov A. F. (1890) *Kratkie ocherki po statistike zemledeliya i skotovodstva* [Brief Essays on Agricultural and Livestock Statistics], Moscow: Tip. M. Volchaninova.
- Goryushkin L. M. (1988) *Istochniki po istorii krestyanstva i selskogo khozyaistva Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Sources on the History of Peasantry and Agriculture in Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century], Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet.
- Gregory P. (2003) *Ekonomichesky rost Rossiiskoi imperii (konets XIX — nachalo XX v.): Noveye podschety i otsenki* [Economic Growth in the Russian Empire (Late 19th — Early 20th Century): New Calculations and Estimates], Moscow: ROSSPEN.
- Grosul I. S., Budak I. G. (1972) *Ocherki istorii narodnogo khozyaistva Bessarabii (1861–1905 gg.)* [Essays on the Economic History of Bessarabia (1861–1905)], Kishinev: Kartia moldoveniaske.
- Istoriko-statistichesky obzor promyshlennosti Rossii (1888), t. 1: Selskokhozyaystvennyye proizvedeniya, ogorodnichestvo, sadovodstvo i domashnie zhivotnye, gornaya i solyanaya promyshlennost* [Historical-Statistical Overview of the Russian Industry (1888), vol. 1: Agricultural Products, Horticulture, Gardening, and Animal Husbandry; Mining and Salt Industry] (ed. by V. I. Kovalevsky), Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina.
- Ivanov M. F. (1918) *Russkoe ovtsevodstvo v svyazi s vozmozhnostiyu sbyta baraniny na russkie i inostrannye rynki* [Russian Sheep Breeding in Connection with the Possibility of Selling Lamb on the Russian and Foreign Markets], Moscow: Tovarishchestvo “Pechatnya S. P. Iakovleva”.
- Ivantsov D. N. (1925) *Voyna i sovremennoe sostoyanie russkogo selskogo khozyaistva* [The war and the current state of Russian agriculture]. *Trudy Pervogo s`ezda russkikh*

- deyatelei selskogo khozyaistva, sostoyavshegosia v g. Prage 18–24 aprelya 1924 g.*, vol. 1, Prague: Khutor, pp. 202–209.
- Karnauchova E. S. (1951) *Razmeshchenie selskogo khozyaistva Rossii v period kapitalizma (1861–1914 gg.)* [Distribution of Russian Agriculture in the Capitalist Period (1861–1914)], Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Karpov A. A. (1918) Vliyaniye voyny na nashe otechestvennoye skotovodstvo i mery k ego uvelicheniyu [The impact of the war on our cattle breeding and measures to increase its production]. *Trudy Vserossiyskogo s`ezda po zhivotnovodstvu v Moskve s 28-go avgusta po 2-e sentyabrya 1917 goda*, vol. 2: Reports, Moscow, pp. 38–44.
- Kogan M., Shenkman I. (1922) *Eksportnye vozmozhnosti Rossii: statistiko-ekonomichesky ocherk* [Export Potential of Russia: A Statistical-Economic Essay] (ed. by V. G. Groman), Moscow: Izdanie NKVT.
- Kolesnikova O. V. (2023) Statistika zhivotnovodstva v dorevoliutsionnoi Rossii [Livestock statistics in pre-revolutionary Russia]. *Dvadtsat chetvertye Petrovskie chteniya: Materialy Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 16–17 noyabrya 2022 g.*, Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya humanitarnaya akademiya im. F. M. Dostoevskogo, pp. 322–329.
- Koval'henko I. D. (2004) *Agrarnyy stroi Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Russia's Agrarian System in the Second Half of the 19th — Early 20th Century], Moscow: ROSSPEN.
- Lichkov L. S. (1902) K voprosu o reforme ofitsialnoi statistiki (preimushchestvenno po dannym yugo-zapadnogo kraia) [On the reform of official statistics (primarily based on the data on the South-Western region)]. *Kievskaya Starina*, January, pp. 1–34.
- Liskun E. F. (1917) *Myasnoi vopros v sovremennoi khozyaistvennoi obstanovke* [Meat Question in the Current Economic Situation], Petrograd: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.
- Litoshenko L. N. (2001) *Sotsializatsiya zemli v Rossii* [Socialization of Land in Russia], Novosibirsk: Sibirsky khronograf.
- Lositsky A. E. (1930) Statistika zhivotnovodstva [Livestock statistics]. *Khozyaistvennaya statistika SSSR*, Leningrad: Priboi, pp. 79–103.
- Lubny-Gertsyk L. I. (1927) K voprosu o metodah sobiraniya i obrabotki statisticheskikh svedeniy po zhivotnovodstvu [On the methods for collecting and processing statistical data on animal husbandry]. *Vestnik Statistiki*, no 2, pp. 112–130; no 4, pp. 131–152.
- Maress L. N. (1893) Pishcha narodnykh mass [Food of the masses]. *Russkaya Mysl*, no 11, pp. 60–75.
- Markevich A., Kharrison M. (2013) *Pervaya mirovaya voyna, Grazhdanskaya voyna i vosstanovlenie: Natsionalny dokhod Rossii v 1913–1928 gg.* [World War I, Civil War and Recovery: Russia's National Income in 1913–1928], Moscow: Mysl.
- Maslov P. P. (1955) *Kritichesky analiz burzhuaiznykh statisticheskikh publikatsiy* [Critical Analysis of the Bourgeois Statistical Works], Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Mironov B. N. (2008) Dostatochno li proizvodilos pishchevyykh produktov v Rossii v XIX — nachale XX v.? [Was there enough food produced in Russia in the 19th — early 20th century?]. *Uralsky Istorichesky Vestnik*, no 3, pp. 83–95.
- Mironov B. N. (2012) *Blagosostoyaniye naseleniya i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka* [Population Welfare and Revolutions in Imperial Russia: The 18th — Early 20th Century], Moscow: Ves mir.
- Mironov B. N. (2019) *Rossiyskaya modernizatsiya i revoliutsiia* [Russian Modernization and Revolution], Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Nefedov S. A. (2011) Uroven potrebleniya nachala XX veka i prichiny russkoi revoliutsii. Statiya 2. Problemy zhivotnovodcheskoi statistiki [Consumption level in the early 20th century and causes of the Russian revolution. Article 2: Problems of the livestock statistics]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, no 3, pp. 97–111.

В. О. Афанасенков
Государственная
статистика живот-
новодства в России
конца XIX — на-
чала XX в.: дис-
куссии и перспек-
тивы изучения

- Nifontov V. P. (1937) *Produktsiya zhivotnovodstva SSSR* [Livestock Production in the USSR] (ed. by I. A. Kraval), Moscow: Izd-vo "Planovoe khozyaistvo".
- Opyt ischisleniya narodnogo dokhoda 50 gub. Evropeiskoi Rossii v 1900–1913 gg. (1918) [A Calculation of the National Income of 50 Provinces of European Russia in 1900–1913] (ed. by S. N. Prokopovich), Moscow.
- Ostrovsky A. V. (2014) *Zhivotnovodstvo Evropeiskoi Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* [Animal Husbandry in European Russia in the Late 19th — Early 20th Century], Saint Petersburg: OOO "Poltorak".
- Ostrovsky A. V. (2016) *Rossiiskaya derevnia na istoricheskom pereputye. Konets XIX — nachalo XX v.* [Russian Village at the Historical Crossroads: Late 19th — Early 20th Century], Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK.
- Ozerov I. Kh. (1905) *Ekonomicheskaya Rossiia i ee finansovaya politika na iskhode XIX i v nachale XX veka* [Economic Russia and Its Financial Policy in the Late 19th — Early 20th Century], Moscow: Tipo-litografiia T-va I. N. Kushnerev i Ko.
- Prikionsky S. A. (1884) *Narodnaya zhizn na Severe* [People's Life in the North], Moscow: Tipo-litografiia T-va I. N. Kushnerev i Ko.
- Pronin V. I. (1978) *Skotovodstvo v Sibiri v XIX — nachale XX vv. (k statistike voprosa)* [Cattle breeding in Siberia in the 19th — early 20th centuries (its statistics)]. *Iz Istorii Altaya*, Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, pp. 95–129.
- Radtsig A. A. (1899) *Skotovodstvo i molochnoe khozyaistvo v raznykh gosudarstvakh* [Cattle Breeding and Dairy Production in Different Countries], Saint Petersburg: Tipografiya T-va "Narodnaya polza".
- Rynkov V. M. (2024) Statisticheskie istochniki v svete vidovoi klassifikatsii [Statistical sources in the context of typological classification]. *Uralsky Istorichesky Vestnik*, no 3, pp. 114–124.
- Sbornik svedenij po istorii i statistike vneshnei torgovli Rossii. T. 1* (1902) [Collection of Materials on the History and Statistics of Russia's Foreign Trade, vol. 1] (ed. by V. I. Pokrovsky), Saint Petersburg: Tipo-litografiia M. P. Frolovoi.
- Serebrennikov I. I. (1920) *Materialy k voprosu o chislennosti i sostave skota v Sibiri: (Sel'skokhozyaistvennaya perepis 1916 goda)* [Materials on the Number and Composition of Livestock in Siberia: (1916 Agricultural Census)], Harbin: Tipografiia KVZhD.
- Vainshtein A. L. (1960a) *Iz istorii predrevolyutsionnoi statistiki zhivotnovodstva: o chislennosti pogoloviya skota i izmeneniiakh ee v gody Pervoi mirovoi voyny* [On the history of pre-revolutionary livestock statistics: Number of livestock and its changes during the First World War]. *Ocherki po istorii statistiki SSSR: (Sbornik trety)*, Moscow: Gosstatizdat TsSU SSSR, pp. 86–115.
- Vainshtein A. L. (1960b) *Narodnoe bogatstvo i narodnokhozyaistvennoe nakoplenie v pre-revolyutsionnoi Rossii: (Statisticheskoe issledovanie)* [National Wealth and Economic Accumulation in Pre-Revolutionary Russia: (A Statistical Study)], Moscow: Gosstatizdat TsSU SSSR.
- Vainshtein A. L. (1969) *Narodny dokhod Rossii i SSSR: Istoriya, metodologiya ischisleniya, dinamika* [National Income of Russia and the USSR: History, Methodology of Calculations, Dynamics], Moscow: Nauka.

Сельское население Волго-Каспийского рыболовного района во второй половине XIX — начале XX века: особенности формирования, социальная структура, специфика хозяйственной деятельности¹

С. В. Виноградов, Ю. Г. Ещенко

Сергей Вадимович Виноградов, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья советского периода, профессор кафедры истории, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056 Астрахань, ул. Татищева, 20.
E-mail: dissovetdm@yandex.ru

Юлия Геннадьевна Ещенко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья советского периода, доцент кафедры истории, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056 Астрахань, ул. Татищева, 20.
E-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

EDN: ALJDCV

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена обострением продовольственных проблем в современном мире. Дефицит продуктов питания стимулирует научные поиски путей решения этих вопросов, в том числе с использованием исторического опыта. Волго-Каспийский рыболовный район в исследуемый период являлся крупнейшим поставщиком рыбы и рыбной продукции на отечественный продовольственный рынок. Однако лишь после отмены крепостного права и успешных преобразований в рыбной отрасли в результате Великих реформ 1860-х годов он стал привлекательным для переселенцев из других районов страны. Активной силой освоения рыбных ресурсов Волго-Каспия стали ловцы — сельские жители, для которых рыбный промысел являлся основной профессиональной деятельностью и источником средств для жизни. В статье исследуются особенности формирования, социальная структура и специфика хозяйственной деятельности сельского населения Волго-Каспийского рыболовного района во второй половине XIX — начале XX века. Авторы приходят к выводу, что сложившаяся модель освоения Волго-Каспийского рыболовного района, способствовавшая росту благополучия сельского населения, привлекала в регион все большее количество мигрантов. Но поощряя экономическую деятельность ловцов, государство не брало на себя ответственность за здравоохранение, образование и другие направления социальной поддержки, притом что рыболовство, особенно морское, являлось

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)», <https://rscf.ru/project/23-28-00547>.

травмоопасным видом деятельности. Более того, многие ловецкие поселения до начала XX века считались незаконными, а их жители в любое время могли быть выселены с обжитых мест. В статье использованы документы Государственного архива Астраханской области, материалы экономистов и исследователей рыбного промысла второй половины XIX — начала XX века, а также материалы регионального экономического журнала «Наш край».

Ключевые слова: Каспийское море, Волго-Каспийский рыболовный район, Астрахань, Волга, сельское население, ловцы, добыча рыбы, рыбопромышленник, трудовая миграция, торговля

Актуальность исследования обусловлена важностью продовольственной проблемы в современном мире. Дефицит продуктов питания стимулирует научную мысль на поиски решения этой проблемы, в том числе с использованием исторического опыта. Рассмотрим роль Волго-Каспийского рыболовного района в обеспечении продовольственной безопасности России на протяжении длительного исторического времени. В исследуемый период этот регион являлся крупнейшим поставщиком рыбы и рыбной продукции на отечественный продовольственный рынок.

Одним из источников исследования стали нормативно-правовые документы, опубликованные в собраниях законодательства Российской империи. Большое количество сведений и фактологического материала было также получено из фонда «Астраханское управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами» Государственного архива Астраханской области. Нами использовались сведения из журналов заседаний Астраханского правления рыбных и тюленьих промыслов, списки учета арендаторов промысловых вод, дела об организации торгов по билетному лову за разные годы и т. д. Большой пласт изученных архивных материалов касается правительственных инициатив по введению в действие Устава Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов 1865 года, а также особенностей его реализации в регионе: рапорты участковых надзирателей об организации рыбодобычи, жалобы ловцов, информация смотрителей рыболовных промыслов о количестве выловленной рыбы и т. д.

Сведения демографического характера содержатся в данных ревизий по учету жителей различных городов и поселений Астраханской губернии, а также в делопроизводственной документации Астраханского губернского статистического комитета. Некоторые документы вводятся в научный оборот впервые, в их числе «Записка о происхождении самовольных поселков Астраханской губернии в связи с историей колонизации Астраханского края» от 19.02.1898 года², «Краткий исторический

2. Государственный архив Астраханской области (далее — ГААО). Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162.

обзор Каспийско-Волжского рыболовства и Устав» от 15.05.1895 года³, «Рапорты землемеров о проходящих работах по снятию плана береговой полосы части Каспийского моря»⁴.

Во второй половине XIX — начале XX века проблемы освоения и развития Волго-Каспийского рыболовного района исследовались чиновниками имперского и местного уровня, а также учеными, изучавшими Каспийское море и прилегающие к нему районы (Гримм, 1896; Кевдин, 1915; Кузнецов, 1902; Бородин, 1903; Никольский, 1898). Большая работа по осмыслению истории колонизации Волго-Каспийского рыболовного района в XVIII–XIX веках велась в 1920-е годы астраханскими экономистами и краеведами, сотрудничавшими с журналами «Астрахань и Астраханский край» и «Наш край» (Кисилевич, 1924; Юдин, 1925; Зыков, 1924; Милованов, 1924; Загородников, 1929). Заккрытие этих краеведческих изданий в конце 1920-х годов притормозило на длительное время исследовательскую работу по истории Волго-Каспийского рыболовного района.

Особенности формирования и развития рыболовецкого населения в различных регионах России во второй половине XIX — начале XX века являются предметом исследования целого ряда современных историков (Южакова, 2008; Емельянов, 2015; Манджиев, 2020; Батмаев, Кольцов, Мургаев, Умгаев, 2021; Зиновьев, 2009; Шкунов, 2022). Активно продвигается изучение поморского населения северных регионов России в работах З. А. Тарховой (Тархова, 2021), И. Н. Тяпина (Тяпин, 2023), С. В. Лебедева (Лебедев, 2013). Истории дальневосточного рыболовецкого населения в исследуемый период в своих работах касаются А. П. Кузнецов (Кузнецов, 2013), А. Т. Мандрик (Мандрик, 1994), Л. И. Галлямова (Галлямова, 2013) и другие. Необходимо отметить, что ученые Дальнего Востока значительное место в своих работах уделяют роли иностранцев в развитии рыбного промысла этого региона (Гантимуров, 2011; Курмазов, 2005; Воробьева, 2024; Мандрик, 2008). Это тот аспект, который в изучаемый период кардинально отличал дальневосточное рыболовство от волго-каспийского, в котором влияние иностранцев на развитие рыбного промысла было минимальным.

Темам освоения природных ресурсов окраинных российских регионов, особенностям их освоения и заселения, которые тесным образом переплетаются с проблемами формирования сельского рыболовецкого населения в различных российских регионах, посвящено значительное количество работ в современной историографии, что лишний раз подтверждает их актуальность и востребованность, а также необходимость их дальнейшего продолжения и развития (Белоусов, 2011; Гранкин, 2021; Дамешек, 2011; Архипов, 2015).

3. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27.

4. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 28.

*С. В. Виноградов,
Ю. Г. Ещенко*

Сельское население
Волго-Каспий-
ского рыболовного
района во второй
половине XIX —
начале XX века...

Специфика хозяйственной деятельности Волго-Каспийского рыболовного района

Пространство Нижнего Поволжья и Северного Каспия от г. Саратова на севере и до полуострова Мангышлак и устья реки Терек на юге в правительственных документах второй половины XIX — начале XX века обозначалось как Волго-Каспийский рыболовный район (далее — район)⁵. В административном отношении большая часть этого района находилась в границах Астраханской губернии, а все территориальные органы управления Волго-Каспийскими рыбными и тюленьими промыслами располагались в Астрахани. В хозяйственном отношении Волго-Каспийский рыболовный район отличался как от соседних российских губерний Поволжья и Северного Кавказа, где основой экономики являлось земледелие, так и от скотоводческих территорий Калмыкии и Казахстана. В районе, в силу наличия значительных рыбных ресурсов и запасов соли, сформировался особый экономический контур, основанный на рыбном промысле. Для России с ее рискованным северным земледелием и периодическими неурожаями, Волго-Каспийский рыболовный район стал значимым и стабильным поставщиком продовольствия — рыбы и рыбных товаров. Поэтому стратегической задачей Российского государства начиная с XVI века стало удержание и освоение региона. Для этого правительство, применяя различные стратегии, стремилось заселить Волго-Каспийский рыболовный район. Но в условиях крепостного права добиться серьезных успехов в решении этой проблемы не удавалось (Виноградов, Ещенко, Савельева, Лихолет, 2022: 1565–1566). Так, попытка освоения территории Астраханской губернии во второй половине XVIII века с помощью льготной продажи земель дворянству, чтобы оно, как и в других регионах страны, заселяло их крепостными крестьянами, провалилась, так как крепостной труд в рыбном промысле оказался неэффективным, а развивать земледелие из-за климатических особенностей было невыгодно. В таких условиях государство вынуждено было лояльно относиться к вольной миграции в регион⁶.

Рыбные богатства и свободные, незаселенные пространства привлекали в Астраханскую губернию предприимчивых людей из разных сословий общества. Среди переселенцев было много беглых крепостных, нарушителей закона и т. д. В низовьях Волги, среди многочисленных рек и озер ее дельты, такие вольные мигранты с XVIII века стали создавать поселения. Помимо близости к рыбным угодьям эти места являлись естественной защитой от нападения

5. Устав Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов (выработанный Комиссией при Департаменте земледелия и сельской промышленности).

Б.м.: Типография и Литография Л. Бермана и Г. Рабинович, б.г. С. 1–2.

6. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 1 об.–2.

кочевников (Белоусов, 2021а, 2021б; Ещенко, Красноженова, 2023). Основным занятием переселенцев в низовьях Волги была рыбная ловля, а жители рыболовных поселков стали называть себя ловцами. Популярное в настоящее время слово «рыбак», обозначающее рыболова, до 1930-х годов в Волго-Каспийском рыболовном районе имело другое смысловое содержание — скупщик рыбы (Виноградов, Турицын, Ещенко, Савельева, 2021: 753).

Новый импульс трудовая миграция в Астраханскую губернию получила после отмены крепостного права. В рамках либерального Устава Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, принятого правительством в 1865 году, в рыбной отрасли района были осуществлены серьезные преобразования. Еще до принятия Устава, в 1864 году в Астраханской губернии в качестве эксперимента правительственные структуры начали вводить так называемый билетный лов. Для этого все государственные рыболовные воды поделили на участки. Покупка за умеренную цену билета давала право на осуществление лова в течение года или сезона, в зависимости от стоимости билета, и получение прибыли от продажи рыбы⁷. Через три года успешный опыт билетного лова стал распространяться правительством на другие рыболовные районы страны (Никольский, 1898: 7).

Министерство государственных имуществ в течение трех лет (1865–1868) сумело выкупить у помещиков земельные участки, расположенные у моря⁸. Таким образом, была сформирована полоса земли (шириной в одну квадратную версту и общей площадью приблизительно в 350 квадратных верст) по северному побережью Каспия от реки Терек на западе до реки Эмбы на востоке. Эта территория стала фактически «свободной экономической зоной»⁹. На нее правительством были распространены льготные условия для развития мелкого и среднего предпринимательства, через наем в аренду за умеренную плату (от 75 коп. до 3 р. 50 к. за 1 га, в зависимости от расположения участка) на долговременный период (минимум 25 лет) небольших земельных участков (400 м²) для осуществления хозяйственной деятельности, связанной с добычей и переработкой рыбы¹⁰. На протяжении второй половины XIX века постепенно улучшались условия кредитования для мелких и средних арендаторов и ловцов. Причем правительство следило за соблюдением баланса, не позволяя через различные административные, налоговые и прочие инструменты крупному рыбопромышленному капиталу поглотить небольшие предприятия (Зыков, 1924: 130).

7. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 8.

8. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–10.

9. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

10. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 35. Л. 147.

В результате успешных преобразований Волго-Каспийский рыболовный район в исследуемый период стал лидером рыбной отрасли Российской империи и значимой величиной мирового рыболовства. За период 1860–1900 годов волго-каспийская рыбодобыча увеличилась в 2,6 раза: со 140 360 т до 360 400 т и продолжала устойчиво расти (Зыков, 1924: 131). В 1913 году район давал 56% общероссийского и 6% мирового улова рыбы (Кевдин, 1915: 91; Мейснер, 1932: 7–8).

Проблемы заселения окраинного региона

После 1861 года трудовая миграция в Астраханскую губернию постоянно росла. Она делилась на сезонную и переселенческую. Большая часть сезонных мигрантов, а это в основном были крестьяне, каждую весну, перед ходом рыбы на нерест, прибывали в Астрахань на заработки. Они нанимались в качестве рабочих на промыслы, принадлежавшие купцам-рыбопромышленникам. Оплата таких работников по астраханским меркам была низкой, но для крестьян из центральных и поволжских губерний это были значимые суммы, которые они не могли заработать в своих деревнях, занимаясь земледелием (Бородин, 1903: 22).

В это же время в Астраханскую губернию увеличивался поток людей, приезжавших на постоянное место жительства. По темпам роста населения губерния занимала одну из лидирующих позиций в стране, наряду с Санкт-Петербургской и Ростовской. С 1861 по 1913 год население Астраханской губернии выросло с 400 тыс. до 1,2 млн чел. (Виноградов, Турицын, Ещенко, Савельева, 2021: 756). Значительная часть приезжих оседала в низовьях Волги. Многие из них уже имели опыт работы в рыбной отрасли в качестве сезонных рабочих. Как правило, эти люди, становились речными ловцами, либо нанимались в бригады к морским ловцам. Наиболее расчетливые и удачливые сами в перспективе становились морскими ловцами или перекупщиками рыбы.

По первой Всероссийской переписи 1897 года лиц «самостоятельно занятых в рыболовстве» в Астраханской губернии насчитывалось 124 тыс. чел. Однако В. А. Кевдин, комментируя эти данные, подвергал их сомнению, считая, что в реальности ловцов было значительно больше (Кевдин, 1915: 22–23). Известный исследователь рыбного промысла В. И. Мейснер, опираясь на материалы Министерства земледелия и государственных имуществ Российской империи, утверждал, что ловецкое население Волго-Каспийского рыболовного района составляло минимум 400 тыс. чел., не считая членов их семей (Мейснер, 1932: 21–22). Меньшие данные, 120–150 тыс. чел., без членов семей, в 1913 году приводили другие исследователи Волго-Каспийского рыбного промысла — К. А. Кисилевич, Ф. Загородников (Кисилевич, 1924: 4; Загородников, 1929: 43) и др.

По наблюдениям современников, после введения в действие Устава 1865 года на пустовавших землях в дельте Волги стали быстро расти новые ловецкие поселения, увеличивалось население уже имевшихся сел и поселков (Зыков, 1924: 132).

Все ловцы района подразделялись на речных и морских. Большинство, приблизительно 70%, были морскими ловцами, и только 30% относились к категории речных ловцов. Морское ловецкое население преобладало в дельте Волги от Астрахани и до Каспийского моря, а поселения речных ловцов были разбросаны вдоль Волги от Саратова и до ее низовьев¹¹. Часть земледельческого населения северных районов Астраханской губернии также предпочитало наниматься наемными рабочими на промыслы купцов-рыбопромышленников¹².

По мнению чиновника Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов К. Н. Лебедева, в официальных отчетах занижались данные по безбилетным (неучтенным) ловцам. В основном это были приезжие из других губерний, сбывавшиеся в бригады и занимавшиеся незаконной добычей рыбы в низовьях Волги и на каспийском мелководье. По его подсчетам, в 1885 году в дельте Волги незаконным браконьерским промыслом занималось не менее 10 тыс. чел.¹³. У таких браконьеров в 1880–1890-е годы имелись в дельте Волги и на островах Каспийского моря укромные убежища, позволявшие скрываться от сил правопорядка. Например, в отчетах участковых надзирателей часто фигурировал труднодоступный схрон «Гуниб»¹⁴.

Специфика хозяйственной деятельности ловецкого населения

Исследователи рубежа XIX — начала XX века отмечали устойчивый рост доходов и благосостояния в поселениях морских ловцов¹⁵. Их семьи жили в добротных домах, хорошо питались и одевались. К. А. Кисилевич выделял следующие признаки подъема хозяйства морских ловцов: хорошее состояние ловецких судов, «многие из которых имели новые, абсолютно белые паруса», и наличие в запасе нескольких комплектов достаточно дорогостоящих рыболовных снастей и сетей (Кисилевич, 1924: 20).

11. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1162. Л. 1 об.

12. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

13. Протоколы Комитета Каспийских рыбных и тюленьих промыслов: в 7-ми ч. Ч. V: 1882–1885 г. Астрахань: Паровая новая русская типография, 1894. С. 154–157.

14. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 966. Л. 18.

15. Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1874 г. Астрахань: Губернская типография, 1875. С. 49–50.

В первой половине XIX века морские ловцы занимались в основном добычей красной рыбы у восточного побережья Каспия в районе впадения в море реки Эмбы, это был так называемый «эмбенский лов» (сейчас территория Республика Казахстан)¹⁶. Но примерно с 1870-х годов, в связи с истощением запасов осетровых, ловцам частично пришлось перейти на смешанный лов, то есть заниматься дополнительно выловом сельди и частиковых рыб. Как бы то ни было, морские ловцы успешно приспосабливались к изменениям в конъюнктуре и наращивали свои доходы. Крупные рыбопромышленники, владевшие рыболовными промыслами в устье Волги, часто жаловались властям, что ловцы, добывая рыбу в море, периодически «облавливали» их, особенно это касалось осетровых рыб, что больно било по купеческим заработкам¹⁷. По размерам хозяйства и типу рыболовного судна морские ловцы в районе делились на три группы: ловцы-стоечники, русские ловцы-реюшечники и калмыцкие и казахские ловцы-бударочники.

Самым эффективным и доходным видом морского рыболовства являлось стоечное, называвшееся так по типу рыболовецкого судна, использовавшегося при добыче рыбы. Стоечным судном называли большую, в 15–20 м в длину и водоизмещением в 30–50 т., двухмачтовую палубную лодку, способную длительное время находиться в море. Название это судно получило по тактике лова. Доходя до места добычи, оно закреплялось якорем и стояло во время хода рыбы несколько месяцев, являясь для ловцов одновременно складом и местом пристанища. Помимо этого, стоечное судно использовалось как место для просушки и починки сетей и оборудования. Экипаж стойки состоял из 8–12 чел., включая лоцмана, услуги которого ловцы оплачивали весьма щедро. Добыча рыбы осуществлялась с помощью более мелких судов, подчалков — небольших безмачтовых лодок с экипажем из двух ловцов. С них выставлялись сети и вывозился улов к приемочным судам. Название эти лодки получили от толстой веревки — чалки, с помощью которой прикреплялись к стоечному судну во время его хода к месту лова. Стандартное стоечное судно имело 2–3 подчалка.

Стоечники представляли собой ловецкую элиту. Их рыболовные хозяйства были экономически самыми мощными и дорогостоящими в ловецких поселках. Стоимость стоечной лодки в 1913 году составляла приблизительно 800–1000 руб., ее рыболовное снаряжение — еще 1500 руб. Чистый годовой доход ловца-стоечника составлял приблизительно 1000 руб. К тому же в хозяйстве ловцов-стоечников использовалось от 5 до 10 наемных рабочих — «сотоварищей», как они назывались в ловецкой среде (Кисилевич, 1924: 20).

16. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

17. Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 г. / Изд. Астраханского губ. стат. комитета. Астрахань, 1915. С. 34.

Высокие доходы морских ловцов привлекали к рыбному промыслу все новые волны переселенцев в регион, являлись вдохновляющим стимулом, заставлявшим их изучать рыбное дело и совершенствоваться в нем. А работа в ловецкой бригаде «товарищем» была для начинающих важной ступенью в приобретении ловецкого мастерства. Ловцы проводили тщательный отбор кандидатов в свою ватагу, решительно избавляясь от не справившихся после первого же сезона. Впрочем, в желающих попасть в работники в стоечную бригаду недостатка не было. Многие «товарищи» в будущем становились морскими ловцами (Виноградов, Ещенко, Красноженова, Кулакова, 2023: 1265).

Реюшка значительно уступала по габаритам стоечным судам, соответственно, и рыболовное снаряжение ее было значительно проще и дешевле. Это было парусное полупалубное судно длиной в 10 м и средней стоимостью 250 руб. Экипаж реюшки составлял 3–5 чел. Ловецкая тактика реюшечного лова отличалась от стоечной. Реюшки ненадолго выходили в море, обычно во второй половине дня, для постановки сетей, а утром снимали улов. Такой режим работы был обусловлен относительно небольшим размером судна, которому опасно было длительное время находиться в море. Исключением из этого режима являлись три недели в апреле-мае во время хода сельди, когда экипажи судов вынуждены были находиться в море постоянно. Именно в это время в случае удачных уловов ловцы-реюшечники резко повышали свои доходы. Со временем наиболее удачливые и умелые из реюшечников, скопив необходимый капитал, становились ловцами-стоечниками (Загородников, 1929: 45–46). Годовой доход одного ловца-реюшечника составлял 400 руб. и выше, в зависимости от хода рыбы (Никольский, 1898: 81).

В начале XX века одним из факторов роста морского лова в Волго-Каспийском рыболовном районе стало вовлечение в него соседних кочевых народов — калмыков и казахов. Уже в начале 1910-х годов количество их рыболовных судов на Каспии стало превышать количество русских реюшек и стоечных. Но особенно эта диспропорция стала увеличиваться в период Первой мировой войны, в связи с призывом русских ловцов в армию (Кисилевич, 1924: 8).

Бывшие кочевники использовали в своей работе лодки-бударки, которые были меньше реюшек, да и рыболовная снасть на них значительно уступала в цене реюшечной. Годовой доход ловца-бударочника уступал доходу ловца-реюшечника и составлял в среднем 200–250 руб. (Ещенко, Красноженова, 2023: 39).

Среди речных ловцов выделялись пять наиболее распространенных групп, в зависимости от оснащения и места лова: неводчики, плавичи, вентерщики, снастичи и ставичи.

Ловцы-неводчики работали бригадами (ватагами) по 12 работников в каждой. Рыбопромышленники сдавали им в аренду второстепенные участки в низовьях Волги, либо выше Астрахани. Обычно эти

рыболовные воды не давали крупных уловов. Основой снаряжения неводческой бригады являлся небольшой невод, на ловецком жаргоне «волокуша», и неводник — большая лодка, служившая для перевозки рыболовных орудий и самих неводчиков к месту лова¹⁸. Некоторые бригады получали от рыбопромышленников так называемую «прорезь» — лодку для сохранения улова. Улов неводчиков принимался хозяевами промыслов в последнюю очередь и по ценам значительно ниже рыночных, а в периоды обильного хода рыбы купцы вообще отказывались от их услуг. По своему качеству рыба в уловах таких ловецких бригад была ниже, чем в уловах на промыслах купцов-рыбопромышленников, где работали наемные работники. Это объяснялось, во-первых, лучшим снаряжением купеческих промыслов и, во-вторых, второстепенностью самих рыболовных участков, где работали неводчики и было много мелкой некондиционной рыбы (Загородников, 1929: 44–45).

Большой удачей для неводчиков считался прямой наем всей бригады для работы на купеческом промысле. Неводные ватаги часто формировались по национально-религиозному признаку. Выделялись русские или православные, казахские и калмыцкие ватаги. Среди рыбопромышленников особым спросом пользовались калмыцкие неводные ватаги. Они выше всех и оплачивались. Причиной этого являлись прагматичные соображения владельцев рыбных промыслов. Дело в том, что основной поток рыбы шел из Каспийского моря вверх по Волге на нерест в апреле-мае. Во время него и происходила основная добыча. На этот период у православных и мусульман приходились праздники, во время которых запрещалось работать. А у буддистов-калмыков праздники в это время отсутствовали, поэтому они могли работать в этот напряженный период без выходных (Бородин, 1903: 19).

Средняя стоимость оснащения для бригады неводчиков по ценам 1913 года составляла приблизительно 400 руб., что было по силам даже для небогатой части ловецкого населения. В год неводчик мог заработать, при хорошем лове рыбы, до 250 руб. (Кисилевич, 1924: 5).

Самой распространенной категорией речных ловцов являлись плавичи, занимавшиеся добычей рыбы на строго фиксированных участках рыболовных вод, именуемых «плавами». Как правило, такие ловцы брали эти воды в субаренду у более крупных арендаторов, не справлявшихся с добычей на арендованном участке. Плавичи не специализировались на добыче какой-то одной породы рыб, поэтому в их оснащении имелось несколько видов сетей, подразделявшихся на мелко-, средне- и крупноячейные.

Плавичи собирались в небольшие группы по 4–6 чел. и осуществляли добычу, используя небольшую лодку-остроноску.

18. Труды Астраханского губернского статистического комитета. Выпуск третий. Астрахань: Губернская типография, 1874. С. 29–30.

На ней располагалось по два ловца, чаще всего взрослый ловец и помогавший ему подросток. Вместе они закидывали, а затем доставали с уловом плавную сеть с нужной ячейей. Все оснащение для плавного лова, включая лодку-остроноску, которую даже без капитального ремонта можно было использовать не менее чем 10 лет, обходилось ловцу в сумму 150 руб. Отсюда популярность и широкое распространение этого вида лова среди городского населения и его концентрация в районе Астрахани. Для различных категорий городского населения (мелких и средних чиновников, ремесленников, рабочих городских предприятий и даже священнослужителей) занятие таким видом лова являлось средством дополнительного заработка, и плавниками они становились на время хода рыбы на нерест, по возможности оставляя на это время свои основные занятия. Плавной лов, учитывая оплату субподряда, в год мог принести ловцу 150–200 руб. в зависимости от хода рыбы (Бородин, 1903: 17). К тому же городские жители, занимавшиеся плавным ловом, создавали благоприятное общественное мнение вокруг ловцов, что помогало решать их проблемы в органах власти различного уровня (Кисилевич, 1924: 5).

Из-за хронических суставных болезней, которыми обычно страдали пожилые ловцы, они не выдерживали длительное пребывание в море, поэтому вынуждены были переходить на более щадящие виды лова, в том числе на снастный лов. Ловцы-снастичи специализировались на добыче рыбы осетровых пород. Так же как и плавники, снастичи в основном использовали лодку-остроноску, удобную в небольших волжских протоках. Обычно они собирались в бригады из 6 чел. Основным рыболовным вооружением снастичей являлась крючковая снасть. Они размещали ее по маленьким речкам недалеко от ловецких поселков (Никольский, 1898: 38–39). Рыболовное оснащение для снастного лова обходилось ловцу в 60 руб., а годовой заработок составлял 150–250 руб.

Ловцы-вентерщики занимались добычей крупной частиковой рыбы: сазаном, судаком, лещом и т. д., которая обитала в покрытых густой растительностью приморских озерах, в самой нижней части дельты. Орудием лова для таких ловцов являлся так называемый вентерь — мешковидная сеть, стянутая четырьмя суживающимися к концу обручами. Ловцы устанавливали такие рыболовные устройства в озерах, в выкошенных среди камышовых зарослей участках, либо вдоль берегов небольших речек. Ловцами-вентерщиками становились жители северных уездов Астраханской губернии, приходявшие в низовья на время хода рыбы, и после этого возвращавшиеся по домам. Они оставляли часть рыболовных орудий на месте лова до следующего хода рыбы, предварительно договорившись об их сохранности с жителями близлежащих рыболовных поселков (Милованов, 1924: 30–31). Типичная бригада вентерщиков состояла из 3–4 ловцов, располагавшихся

на большой лодке речного типа, где находилась их рыболовная снасть. Ежегодный доход одного вентерщика составлял 200 руб. при стоимости рыболовных орудий в 70–100 руб., которые распределялись между всеми членами бригады. Стоимость речной лодки составляла около 20 руб. (Кисилевич, 1924: 5).

Еще одним способом заработка для пожилых жителей ловецких поселков, а также для ловцов, по тем или иным причинам не вышедших на морской лов, являлось ставное рыболовство. Для его осуществления в волжских протоках со слабым течением, либо в ильменах ловцы вбивали в дно кольца и ставили сети. Причем если вентерья ловцы прятали в прибрежных зарослях, то ставные сети ставились на открытой воде. Зачастую ставным ловом занимались 1–2 чел. Рыболовная снасть при таком виде рыболовства обходилась в 35 руб. В год один ловец, занимавшийся ставным ловом, зарабатывал до 140 руб. (Загородников, 1929: 44).

Создавая более или менее выгодные экономические условия для ловецкого населения района с целью привлечения новых переселенцев, государство устранилось от решения их социальных проблем. В ловецких поселениях отсутствовали какие-либо медицинские учреждения, хотя рыбный промысел, особенно морской, был очень травмоопасным, и многие ловцы погибали от отсутствия элементарной медицинской помощи (Полонский, 1898: 246). Что касается образования, то только богатые ловецкие селения могли содержать начальные школы. Государственные школы в ловецких селениях отсутствовали (Кисилевич, 1924: 20–21).

Долгое время правительство не могло определиться с решением проблемы статуса стихийно возникавших в районе с XVIII века ловецких поселений (Белоусов, 2021а, 2021б). Особую остроту эта проблема получила в пореформенный период в связи с быстрым ростом численности ловцов и увеличением, соответственно, количества новых поселений с неопределенным статусом. Об этом неоднократно докладывали в центральные органы империи астраханские губернаторы¹⁹. 28 июля 1878 года на заседании кабинета министров было принято Положение, по которому жителям незаконных ловецких поселений на 24 года разрешалось пользоваться землей, находившейся под их домами и хозяйственными постройками. Это было частичное решение, носившее ограниченный по времени характер, которое касалось только казенных земель, хотя подобные поселения находились и на частных землях, например, в Синеморском имении Кошелевых-Безбородко (Пелль, 1895: 23–24).

19. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «По предмету устройства поселков на прибрежной полосе Каспийского моря» от 28 июля 1878 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. № 58747. Т. 53. Ч. 2. С. 54–63.

В начале XX века, по мере окончания срока аренды, проблема ловецких поселений вновь стала обостряться, находя на этот раз сочувствие у оппозиционно настроенных политических сил и прессы. Это подталкивало правительственные структуры к разрешению этого кризиса, тем более оно уже затрагивало судьбы не менее 300 тыс. чел. (Ещенко, Красноженова, 2023: 39).

В июле 1904 года по представлению министра внутренних дел В. К. Плеве кабинет министров принял Правила об общественном устройстве поселков²⁰. Этот документ легализовал все ловецкие поселения, расположенные в нижнем течении Волги и на северном побережье Каспийского моря. Теперь они выходили из серой зоны, приобретая статус поселков мещан-землевладельцев и добровольных переселенцев, которые уже никто не имел права незаконно снести.

Заключение

Волго-Каспийский рыболовный район в исследуемый период — крупнейший в России поставщик рыбы и рыбных товаров, являвшийся стратегически важным для страны регионом, обеспечивавшим ее продовольственную безопасность.

Все попытки по заселению и освоению региона, предпринимаемые правительством до отмены крепостного права, не имели успеха, так как труд крепостных крестьян на рыбных промыслах был неэффективен, а вольная миграция в регион в тех экономических условиях была незначительной.

Освобождение крестьян и успешные преобразования в рыбной промышленности, осуществленные в рамках принятого в 1865 году Устава Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, сделали регион привлекательным для переселенцев, которые теперь получили возможность зарабатывать и улучшать свое материальное положение, занимаясь рыбным промыслом.

Значительную часть сельского населения района составляли так называемые ловцы. Для этой категории населения лов рыбы являлся основным видом деятельности, а доступность рыбного промысла в исследуемый период привела к значительному увеличению населения губернии. И хотя первые ловецкие поселения появились в низовьях Волги еще в XVIII веке, окончательно эта социальная группа сформировалась после 1861 года. В нижнем течении Волги

20. Высочайше утвержденные Правила об общественном устройстве ловецких поселков Каспийского побережья в пределах Астраханского и Красноярского уездов Астраханской губернии от 12 февраля 1904 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. 28 сентября 1904 г. № 149. Ст. 1558. С. 2585–2586.

и на северном побережье Каспийского моря ловцы составляли абсолютное большинство населения.

Ловцы делились на две группы: речные и морские. Лов рыбы в Каспийском море в тот период был наиболее производительным, а морские ловцы являлись экономически наиболее сильной частью ловецкого населения, особенно это касалось владельцев стоечных судов. Для переселенцев, связывавших свою судьбу с Волго-Каспийским рыболовным районом, пример удачливого морского ловца, который за несколько лет мог стать зажиточным хозяином, стал образцом для подражания, стимулом к занятию промыслом и совершенствованию своих профессиональных навыков.

В отличие от морских, речные ловцы не были самостоятельными хозяевами и работали на арендных началах в рыболовных водах крупных рыбопромышленников. Помимо этого, речной лов мог оказаться дополнительным видом заработка для отдельных групп населения, в том числе и городского, либо для крестьян северных уездов Астраханской губернии, а также пожилых жителей ловецких сел.

Поддерживая ловцов как экономическую силу в освоении Волго-Каспийского рыболовного района, государство устранилось от решения их социальных проблем. Ловецкие поселения в исследуемый период не имели ни государственных школ, ни больниц или пунктов по оказанию первой медицинской помощи, хотя рыбный промысел был травмоопасным. Более того, многие ловецкие поселения, возникнув стихийно, находились вне закона. Лишь в 1904 году после многолетней бюрократической волокиты было принято правительственное решение об узаконении их административно-территориального статуса.

Библиография

- Архипов С. В. (2015). Государственная переселенческая политика как один из факторов обеспечения национальной безопасности России в XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6–1 (56). С. 23–26.
- Батмаев М. М., Кольцов П. М., Мургаев С. М., Умгаев С. А. (2021). В. Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа // *Oriental Studies*. Т. 14. № 5. С. 910–918.
- Белоусов С. С. (2011). Государственная политика заселения Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов во второй половине XIX в. // Вопросы истории. № 3. С. 153–158.
- Белоусов С. С. (2021a). Переселения крестьян на помещичьи земли в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) (Migration of peasants to landowners' lands in the North-Western Caspian region (the second half of the XVIII — first half of the XIX century) // *Былые годы*. № 16 (3). С. 1124–1131.
- Белоусов С. С. (2021b). Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII — XIX в.) (Unauthorized fishing settlements of mi-

- grants in Kalmyk lands, mid-18th and 19th centuries) // *Oriental Studies*. Т. 14. № 4. С. 685–696.
- Бородин Н. А. (1903). Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение. СПб.: Тип. В. Киршбаума.
- Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г., Красноженова Е. Е., Кулакова Н. И. (2023). Трансформация государственной модели регулирования трудовой миграции на окраинные территории Российской империи в XIX в. (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // *Былые годы*. № 18 (3). С. 1263–1274.
- Виноградов С. В., Турицын И. В., Ещенко Ю. Г., Савельева Е. В. (2021). Значение трудовой миграции в освоении окраинных территорий Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // *Былые годы*. № 16 (2). С. 750–759.
- Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г., Савельева Е. В., Лихолет О. В. (2022). Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // *Былые годы*. № 17 (4). С. 1564–1574.
- Воробьева Э. А. (2024). Японский рыболовный промысел на русском Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в.: новые аспекты // *Вестник Томского государственного университета. История*. № 90. С. 5–16.
- Галлямова Л. И. (2013). Особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте реформ П. А. Столыпина // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. № 1 (167). С. 73–80.
- Гантимуров И. П. (2011). Защита экономических интересов России в области морского рыболовства на Дальнем Востоке (1821–1944) // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. № 1 (155). С. 13–21.
- Гранкин Ю. Ю. (2021). Параметры влияния политического центра России на окраинные территории в имперский период // *Гуманитарные и юридические исследования*. № 4. С. 32–37.
- Гримм О. А. (1896). Каспийско-Волжское рыболовство. СПб.: тип. В. Демакова.
- Дамешек Д. М. (2011). Окраинная политика как фактор инкорпорации сопредельных территорий Российской империи (XVIII — начало XX в.) // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук*. № 2. С. 61–65.
- Емельянов О. Б. (2015). Промысловое рыболовство в казачьих станицах терского левого бережья в первые пореформенные годы XIX в. // *Археология и этнология Северного Кавказа*. № 4. С. 57–75.
- Ещенко Ю. Г., Красноженова Е. Е. (2023). Проблемы обустройства вольных мигрантов в Волго-Каспийский рыболовный район в пореформенный период (Problems of accommodation of free migrants in the Volga-Caspian fishing region in the post-reform period) // *Вопросы истории*. № 5 (2). С. 30–43.
- Загородников Ф. И. (1929). Рыболовство Астраханского края. Астрахань: изд-во Астраханского ОкрОНО.
- Зиновьев В. П. (2009). Озерное рыболовство в Сибири в XIX — начале XX века // *Зиновьев В. П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX — начало XX в.* Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. С. 68–90.
- Зыков Ф. П. (1924). Астраханские морские ловцы в прошлом и современное их положение (историко-статистический очерк) // *Астрахань и Астраханский край. Сборник первый*. Астрахань: Коммунист. С. 119–150.
- Кевдин В. А. (1915). Современное рыболовство России. М.: тип. «Земля».
- Кисилевич К. А. (1924). К вопросу о восстановлении ловецкого хозяйства // *Наш край*. № 1. С. 1–64.
- Кузнецов А. П. (2013). Морские промыслы на Дальнем Востоке и российско-японские отношения в конце XIX — начале XX в. // *Российская история*. № 3. С. 114–124.
- Кузнецов И. Д. (1902). Очерк русского рыболовства: промысел различных водяных животных. СПб.: тип. В. Киршбаума.

*С. В. Виноградов,
Ю. Г. Ещенко*
Сельское население
Волго-Каспий-
ского рыболовного
района во второй
половине XIX —
начале XX века...

- Курмазов А. А. (2005). Российско-японские рыболовные отношения в конце XIX — начале XX в. // Известия ТИНРО. Т. 142. С. 391–402.
- Лебедев С. В. (2013). Русские поморы: прошлое, настоящее и будущее русского субэтнуса // Вопросы культурологии. № 2. С. 66–70.
- Манджиев А. К. (2020). К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период // Монголоведение (Монгол судлал). Т. 12. № 2. С. 232–243.
- Мандрик А. Т. (1994). История рыбной промышленности Российского Дальнего Востока (50-е годы XVII в. — 20-е годы XX в.). Владивосток: Дальнаука.
- Мандрик А. Т. (2008). История японского рыболовства на Дальнем Востоке в оценке зарубежных исследователей // История Дальнего Востока России (вторая половина XIX — XX в.) в освещении отечественной и зарубежной историографии. Владивосток: Дальнаука. С. 236–246.
- Мейснер В. И. (1932). Основы рыбного хозяйства: руководство к изучению рыбоведения и к постановке рационального рыбного хозяйства: общее введение. 2-е, перераб. изд. М.: Снабтехиздат.
- Милованов С. (1924). Рыбный промысел Астраханского края за последние двадцать пять лет с его количественной стороны // Астрахань и Астраханский край. Сборник первый. Астрахань: Коммунист. С. 1–38.
- Никольский А. М. (1898). Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание. СПб.: тип. Морского министерства.
- Пелль Ф. А. (1895). Синеморские рыболовные промыслы. Астрахань: Типография Н. Л. Рослякова.
- Полонский Г. Д. (1898). Работа фельдшерских пунктов на Астраханских рыбных промыслах // Рыбное дело. № 14. С. 246–248.
- Тархова З. А. (2021). Кого считать поморами сегодня и «классические» поморы начала XIX в. в описаниях К. С. Молчанова // Известия Русского Севера. № 1–2 (81–82). С. 85–90.
- Тяпин И. Н. (2023). Этническое происхождение и идентичность поморов: подходы, результаты выводы // Общество: философия, история, культура. № 10 (114). С. 96–103.
- Шкунов В. М. (2022). Торговля рыбным товаром на ярмарках Поволжья в XIX веке // *Cognito Rerum*. Т. 5. С. 34–37.
- Юдин П. (1925). К истории Астраханского рыболовства // Наш край. № 7. С. 58–69.
- Южакова Т. Л. (2008). Традиции в рыболовстве казачества на реке Урал (рубеж XIX–XX вв.) // Культурная жизнь юга России. № 4 (29). С. 67–70.

Rural population of the Volga-Caspian fishing region in the second half of the 19th — early 20th centuries: Features of formation, social structure, specific economic activity²¹

Sergey V. Vinogradov, DSC (History), Chief Researcher, Center for the Study of the History of the Lower Volga Region in the Soviet Period; Professor, Department of History, Astrakhan Tatishchev State University. Tatishcheva str., 20 Astrakhan, 414056
E-mail: dissovvetdm@yandex.ru.

21. This work was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00547 “Model of regulation of labor migration in the Russian Empire in 1861–1914 (on the example of industrial and commercial clusters of the Volga-Caspian fishing region)”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00547>.

Yuliya G. Eshchenko, PhD (History), Senior Researcher, Center for the Study of the History of the Lower Volga Region in the Soviet Period; Associate Professor, Department of History, Astrakhan Tatishchev State University. Tatishcheva str., 20 Astrakhan, 414056
E-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the growing food problems in the contemporary world. Food shortage stimulates scientific research, including in the historical perspective. The authors emphasize the importance of the Volga-Caspian fishing region for ensuring Russia's food security. In the period under study, this region was the largest supplier of fish and fish products to the national food market. But only after the abolition of serfdom and successful transformations in the fishing industry under the 1860s Great Reforms, the Volga-Caspian fishing region became attractive for migrants from other regions. In the second half of the 19th — early 20th centuries, fishermen (peasants) were an active force in the development of fish resources in the Volga-Caspian region, since fishing was their main professional activity and source of livelihood. The authors argue that the development model of the Volga-Caspian fishing region contributed to the well-being of its rural population and attracted an increasing number of migrants. However, while encouraging economic activity of fishermen, the state did not take responsibility for health care, education and other social spheres. Many fishing settlements were considered illegal until the early 20th century, and their residents could be evicted from homes at any time.

Key words: Caspian Sea, Volga-Caspian fishing region, Astrakhan, Volga, rural population, fishermen, fishing, labor migration, trade

References

- Arkhipov S. V. (2015) Gosudarstvennaja pereselencheskaja politika kak odin iz faktorov obespechenija natsionalnoj bezopasnosti Rossii v XIX v. [State resettlement policy as a factor of Russia's national security in the 19th century]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Art. Issues of Theory and Practice*, no 6–1, pp. 23–26.
- Batmaev M. M., Koltsov P. M., Murgaev S. M., Umgaev S. A. (2021) V. N. Tatishchev i voprosy uluchsheniya ekonomicheskogo polozheniya kalmytskogo naroda [Vasily Tatishchev and issues of improving the Kalmyk people's economic situation]. *Oriental Studies*, vol. 14, no 5, pp. 910–918.
- Belousov S. S. (2011) Gosudarstvennaja politika zaselenija Astrakhansko-Kizlyarskogo i Tsaritsynsko-Stavropolskogo traktov vo vtoroj polovine XIX v. [State settlement policy at the Astrakhan-Kizlyar and Tsaritsyn-Stavropol tracts in the second half of the 19th century]. *Issues of History*, no 3, pp. 153–158.
- Belousov S. S. (2021a) Pereselenija krest'jan na pomeshchichy zemli v Severo-Zapadnom Prikaspii (vtoraja polovina XVIII — pervaja polovina XIX vv.) [Peasant resettlement to landowners' lands in the North-Western Caspian region (second half of the 18th — first half of the 19th century)]. *Old Years*, no 16, pp. 1124–1131.
- Belousov S. S. (2021b) Samovolnye pereselencheskie rybatskie poselki na kalmytskikh zemljah (vtoraja polovina XVIII–XIX v.) [Unauthorized fishing settlements of migrants on Kalmyk lands (second half of the 18th–19th centuries)]. *Oriental Studies*, vol. 14, no 4, pp. 685–696.
- Borodin N. A. (1903) *Kaspijsko-Volzhscoe rybolovstvo i ego ekonomicheskoe znachenie* [Caspian-Volga Fishery and Its Economic Significance], Saint Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.
- Dameshek D. M. (2011) Okrainnaja politika kak faktor inkorporatsii sopredelnyh territorij Rossijskoj imperii (XVIII—nachalo XX v.) [Outskirts policy as a factor of incorporating adjacent territories of the Russian Empire (18th — early 20th centuries)]. *Bulle-*

С. В. Виноградов,
Ю. Г. Ещенко
Сельское население
Волго-Каспий-
ского рыболовного
района во второй
половине XIX —
начале XX века...

- tin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, no 2, pp. 61–65.
- Emelyanov O. B. (2015) Promyslovoe rybolovstvo v kazachih stanitsah terskogo lev-oberezhya v pervye poreformennye gody XIX v. [Trade fishery in the Cossack villages at the left bank of the Terek River in the early post-reform years of the 19th century]. *Archeology and Ethnology of the North Caucasus*, no 4, pp. 57–75.
- Eshchenko Yu. G., Krasnozhennova E. E. (2023) Problemy obustroystva volnyh migrantov v Volgo-Kaspijsky rybolovny rajon v poreformenny period [Problems of settling free migrants in the Volga-Caspian fishing region in the post-reform period]. *Issues of History*, no 5, pp. 30–43.
- Gallyamova L. I. (2013) Osobennosti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Dalnego Vostoka Rossii v kontekste reform P. A. Stolypina [Features of the social-economic development of the Russian Far East under P. A. Stolypin's reforms]. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, no 1, pp. 73–80.
- Gantimurov I. P. (2011) Zashchita ekonomicheskikh interesov Rossii v oblasti morskogo rybolovstva na Dalnem Vostoke (1821–1944) [Protection of Russia's economic interests in the sea fishery in the Far East (1821–1944)]. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, no 1, pp. 13–21.
- Grankin Yu. Yu. (2021) Parametry vlijanija politicheskogo tsentra Rossii na okrainnye territorii v impersky period [Parameters of the Russian political center influence on the outlying areas in the imperial period]. *Humanities and Law Studies*, no 4, pp. 32–37.
- Grimm O. A. (1896) *Kaspijsko-Volzhskoe rybolovstvo* [Caspian-Volga Fishery], Saint Petersburg: tip. V. Demakova.
- Yudin P. (1925) K istorii Astrakhanskogo rybolovstva [On the history of Astrakhan fishery]. *Our Region*, no 7, pp. 58–69.
- Yuzhakova T. L. (2008) Traditsii v rybolovstve kazachestva na reke Ural (rubezh XIX–XX vv.) [Cossack fishing traditions on the Ural River (at the turn of the 19th–20th centuries)]. *Cultural Studies of the Russian South*, no 4, pp. 67–70.
- Kevdin V. A. (1915) *Sovremennoe rybolovstvo Rossii* [Contemporary Russian Fishery], Moscow: tip. "Zemlja".
- Kisilevich K. A. (1924) K voprosu o vosstanovlenii lovetskogo khozajstva [On the restoration of fishery]. *Our Region*, no 1, pp. 1–64.
- Kuznetsov A. P. (2013) Morskie promysly na Dalnem Vostoke i rossijsko-japonskie otnoshenija v kontse XIX—nachale XX vv. [Sea fishery of the Far East and the Russian Japanese relations in the late 18th — early 20th centuries]. *Russian History*, no 3, pp. 114–124.
- Kuznetsov I. D. (1902) *Ocherk russkogo rybolovstva: promysel razlichnykh vodnykh zhivotnykh* [An Essay on the Russian Fishery: Catching Various Aquatic Animals], Saint Petersburg: tip. V. Kirshbauma.
- Kurmazov A. A. (2005) Rossijsko-japonskie rybolovnye otnoshenija v kontse XIX—nachale XX vv. [Russian Japanese fishery relations in the late 19th — early 20th centuries]. *TINRO News*, vol. 142, pp. 391–402.
- Lebedev S. V. (2013) Russkie pomory: proshloe, nastojashchee, i budushchee russkogo sub-etnosa [Russian Pomors: The past, present and future of the Russian sub-ethnos]. *Issues of Cultural Studies*, no 2, pp. 66–70.
- Mandzhiev A. K. (2020) K voprosu o razvitii rybolovstva u kalmykov v dorevoljutsionny period [On the development of the Kalmyk fishery in the pre-revolutionary period]. *Mongolian Studies*, vol. 12, no 2, pp. 232–243.
- Mandrik A. T. (1994) *Istorija rybnoj promyshlennosti Rossijskogo Dalnego Vostoka (50-e gody XVII v. — 20-e gody XX v.)* [History of Fishery in the Russian Far East (1650s–1920s)], Vladivostok: Izd-vo "Dalnauka".

- Mandrik A. T. (2008) Istorija japonskogo rybolovstva na Dalnem Vostoke v otsenke zarubezhnyh issledovatelej [History of the Japanese fishery in the Far East in the foreign researchers' perspective]. *Istorija Dalnego Vostoka Rossii (vtoraja polovina XIX–XX v.) v osveshchenii otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii*, Vladivostok: Izd-vo "Dalnauka", pp. 236–246.
- Meisner V. I. (1932) *Osnovy rybnogo khozjajstva: rukovodstvo k izucheniju rybovedeniya i k postanovke ratsionalnogo rybnogo khozjajstva: obshchee vvedenie* [Fundamentals of Fishery: A Guide to the Study of Fishery and Developing Rational Fisheries: A General Introduction], Moscow: Snabtekhizdat.
- Milovanov S. (1924) Rybny promysel Astrakhanskogo Kraja za poslednie dvadtsat pjat let s ego kolichestvennoj storony [A quantitative assessment of fisheries in the Astrakhan Region over the last twenty-five years]. *Astrakhan i Astrakhansky kraj*, Astrakhan: Communist, pp. 1–38.
- Nikolsky A. M. (1898) *Astrakhanskije morskije lovtsy. Statistiko-ekonomicheskoe opisanie* [Astrakhan Sea Fishermen. A Statistical-Economic Description], Saint Petersburg: tip. Morskogo ministerstva.
- Pell F. A. (1895) *Sinemorskije rybolovnye promysly* [Sea Fisheries], Astrakhan: Tip. N. L. Roslyakova.
- Polonsky G. D. (1898) Rabota feldsherskih punktov na Astrakhanskih rybnym promyslah [Work of paramedic stations in Astrakhan fisheries]. *Fishery*, no 14, pp. 246–248.
- Shkunov V. M. (2022) Torgovlja rybnym tovarom na jarmarkah Povolzhja v XIX veke [Fish trade at the Volga Region fairs in the 18th century]. *Cognito Rerum*, vol. 5, pp. 34–37.
- Tarkhova Z. A. (2021) Kogo schitat pomorami segodnja i "klassicheskie" pomory nachala XIX veka v opisaniyah K. S. Molchanova [Who should be considered Pomors today and "classic" Pomors of the early 19th century in the descriptions of K. S. Molchanov]. *News of the Russian North*, no 1–2, pp. 85–90.
- Tyapin I. N. (2023) Etnicheskoe proiskhozhdenie i identichnost pomorov: podkhody, rezul'taty, vyvody [Ethnic origin and identity of Pomors: Approaches, results, conclusions]. *Society: Philosophy, History, Culture*, no 10, pp. 96–103.
- Vinogradov S. V., Eshchenko Yu. G., Krasnozheno E. E., Kulakova N. I. (2023) Transformatsija gosudarstvennoj modeli regulirovaniya trudovoj migratsii na okrainnye territorii Rossijskoj imperii v XIX v. (na primere Volgo-Kaspijskogo rybolovnogo rajona) [Transformation of the state model for regulating labor migration to outlying areas of the Russian Empire in the 19th century (on the example of the Volga-Caspian fishing region)]. *Old Years*, no 18, pp. 1263–1274.
- Vinogradov S. V., Turitsyn I. V., Eshchenko Yu. G., Savelyeva E. V. (2021) Znachenie trudovoj migratsii v osvoenii okrainnykh territorij Rossijskoj imperii v 1861–1914 gg. (na primere Volgo-Kaspijskogo rybolovnogo rajona) [Meaning of labor migration for the development of outlying areas of the Russian Empire in 1861–1914 (on the example of the Volga-Caspian fishing region)]. *Old Years*, no 16, pp. 750–759.
- Vinogradov S. V., Eshchenko Yu. G., Savelyeva E. V., Likholet O. V. (2022) Problemy osvoeniya okrainnykh rossijskikh territorij v XVIII v.: poisk strategii (na primere Volgo-Kaspijskogo rybolovnogo rajona) [Issues of the development of outlying Russian areas in the 18th century: In search of a strategy (on the example of the Volga-Caspian fishing region)]. *Old Years*, no 17, pp. 1564–1574.
- Vorobyeva E. A. (2024) Japonsky rybolovny promysel na russkom Dalnem Vostoke v kontse XIX — nachale XX v.: novye aspekty [Japanese fishery in the Russian Far East in the late 19th — early 20th century: New aspects]. *Tomsk State University Journal of History*, no 90, pp. 5–16.
- Zagorodnikov F. I. (1929) *Rybolovstvo Astrakhanskogo kraja* [Fishery in the Astrakhan Region], Astrakhan: Izd-vo Astrakhanskogo OkrONO.

- Zinovyev V. P. (2009) Ozerное rybolovstvo v Sibiri v XIX — nachale XX veka [Lake fisheries in Siberia in the 19th — early 20th centuries]. Zinovyev V. P. *Ocherki sotsialnoj istorii industrialnoj Sibiri. XIX — nachalo XX v.*, Tomsk: NITGU, pp. 68–90.
- Zykov F. P. (1924) Astrakhanskіe morskіe lovtsy v proshlom i sovremennoe ih polozenie (istoriko-statistichesky ocherk) [Astrakhan sea fishermen in the past and their current situation (a historical-statistical essay)]. *Astrakhan i Astrakhansky kraj*, Astrakhan: Communist, pp. 119–150.

Эволюция экологических знаний и социоприродных взаимодействий в практике создания колхозных садов в Сибири¹

Р. Ю. Федоров

Роман Юрьевич Федоров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора этнологии и социальной антропологии Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН. 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86.

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Аннотация. Колхозные сады — специфическая форма рукотворной природы и элемент жизнеобеспечения, который стал характерным атрибутом советского села в 1920–1980-е годы. Процесс организации колхозных садов был связан с актуализацией социально-экономической политики советского государства, направленной на создание коллективных подсобных хозяйств, и воплощением в жизнь новых научно обоснованных подходов к преобразованию природной среды. Основная задача статьи состоит в анализе эволюции экологических знаний и социоприродных взаимодействий в практике создания колхозных садов в Сибири. В качестве источниковой базы выступают архивные документы и материалы полевых исследований, проведенных автором в 2023 и 2024 годах на территории Омской области. В результате исследования выделена периодизация развития колхозных садов с тенденцией к достаточно быстрому переходу от использования традиционных экологических знаний (1920-е — первая половина 1930-х годов) к широкому внедрению научно обоснованных и административно регламентированных подходов (вторая половина 1930-х — 1980-е годы). Рассмотрены региональные особенности развития колхозных садов в природно-климатических условиях Сибири. Подвергнуты анализу практики организации трудовой деятельности и социальных отношений, связанных с садоводческими хозяйствами в советском селе. Предпринятый ретроспективный обзор наглядно иллюстрирует то, как практика организации колхозных садов создавала новые феномены социоприродных взаимодействий в сибирском селе. Решающую роль в них играли установки государства на создание коллективных форм хозяйственной деятельности в сельской местности в процессе формирования экономики социалистического типа. Сворачивание этой политики после распада СССР за короткий отрезок времени способствовало прекращению существования колхозных садов.

Ключевые слова: колхозные сады, Сибирь, социоприродные взаимодействия, экологические знания, государственная аграрная политика

EDN: AZWZIP

В период с 1920-х по 1980-е годы во многих сельских поселениях Советского Союза широкое распространение получило создание коллективных плодово-ягодных садов. Большинство из них орга-

1. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

низовывалось при колхозах, реже — при совхозах. На территории Сибири эти сады чаще всего выполняли функции подсобных хозяйств, которые находились в собственности колхозов. В некоторых колхозах была организована поставка плодово-ягодной продукции на предприятия пищевой промышленности и розничной торговли. В литературе 1930–1970-х годов по отношению к этому виду коллективных хозяйств чаще всего использовалось понятие «колхозные сады». С точки зрения этнологии и социальной антропологии изучение практик создания и развития колхозных садов связано с рассмотрением такого круга проблем, как взаимодействия традиционных экологических знаний с внедрявшимися в советский период научно обоснованными принципами сельского хозяйства, социокультурные аспекты перехода от индивидуальных к коллективным формам жизнеобеспечения, роль природных и человеческих ресурсов в устойчивом развитии сельских сообществ и др. Исходя из этого, основная задача данной статьи состоит в анализе эволюции экологических знаний и социоприродных взаимодействий в практике создания колхозных садов в Сибири. Следует отметить, что в отечественной этнологии и социальной антропологии изучение этих проблем на примере сибирских материалов, как правило, не становилось отдельной темой исследований, присутствуя лишь фрагментарно в работах, посвященных модернизации в советское время жизненного уклада сельского населения Алтайского края (Щеглова, 2016; Чернова, Грибанова, 2020; Свидовская, 2021 и др.)

Источниковую базу исследования составили документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и государственных исторических архивах Тюменской (ГАТО), Омской (БУ ИСА) областей и Красноярского края (ГАОК). В статье использованы результаты полевых исследований, осуществленных автором в 2023 и 2024 годах на территории Одесского и Нововаршавского районов Омской области. В ходе них были проведены тематические полуструктурированные интервью с местными жителями, рожденными в 1930–1960-е годы, которые осуществляли трудовую деятельность в колхозных садах, а также был проведен визуальный осмотр зеленых насаждений, сохранившихся на месте садов. Также была проанализирована специальная и научно-популярная литература 1930–1950-х годов, посвященная развитию садоводства в Сибири.

Причины возникновения колхозных садов в Сибири

Начиная с первых шагов освоения русскими Сибири вплоть до конца XIX века большинство попыток создания плодово-ягодных садов в сельской местности путем переноса (натурализации) растений из европейской части России заканчивалось неудачей ввиду суровых природно-климатических условий. Лишь на рубеже XIX–

XX веков, благодаря успехам в акклиматизации и искусственном скрещивании растений, старанием таких ученых, как П. Н. Крылов, Н. Ф. Кашенко, А. И. Олониченко, В. М. Крутовский и др., в Сибири начали успешно выращивать садовые яблони и некоторые другие виды плодовых растений (Большевики..., 1940; Симаков, 1948; Тяжелников, Андрейченко, 1949). При этом, как отмечалось в изданной в 1940 году в Новосибирске книге «Большевики переделывают Сибирь», препятствия к развитию садоводства в Сибири коренились не только в ее суровых природно-климатических условиях, но и «в самом социальном строе самодержавной России» (Большевики..., 1940: 137). Главную причину слабого развития садоводства в дореволюционный период авторы книги видели в отсутствии централизованных мер государства по его поддержке. По их мнению, лишь с приходом советской власти научно обоснованные подходы к садоводству получили широкую доступность для сельского населения Сибири, вступающего в колхозы. Авторами подчеркивалось значение коммунистической идеологии в качестве основного движителя преобразования сибирской природы. Книга завершалась следующим оптимистичным пассажем: «Сибирские села и города украсятся цветущими садами. Еще более изменится природа. Нас будет окружать иной ландшафт. Иным станет даже воздух. В молочно-белые наряды цветущих яблонь одеваться будут весною берега сибирских рек» (Большевики..., 1940: 146). Таким образом, идея, носившая в своем исходном виде утопические черты, должна была получить воплощение в жизнь посредством людей, чьими руками строилась новая экономика социалистического типа.

Если говорить об утопических чертах этого начинания, то напрашиваются его своеобразные параллели с идеей Э. Говарда о городе-саде, в котором экологичность была тесно переплетена с реализацией новых идеалов социальной справедливости (Говард, 1911). Не случайно в Советском Союзе идея города-сада, постепенно отдаляясь от первоначального говардовского замысла, стала ассоциироваться с принципами преобразования природы социалистическим обществом. Основная причина возникновения колхозных садов состояла в необходимости создания новых форм жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности сельских поселений, в основу которых были положены коллективная собственность и коллективный труд.

Особенности развития колхозных садов в Сибири

В 1920-е — первой половине 1930-х годов в ряде регионов Сибири были созданы опытные станции, в которых проводились работы по селекции и акклиматизации плодово-ягодных растений. Несмотря на это, на данном этапе в создании первых колхозных садов часто решающую роль играли традиционные экологические

знания и практический опыт садоводства, который сложился еще до революции.

У представителей разных этнолокальных групп населения земледельческих районов Сибири навыки садоводства были развиты в разной степени. Наибольшее развитие садоводство имело у южнорусских и украинских переселенцев второй половины XIX — начала XX века, тогда как в большинстве случаев оно было слабо развито у представителей русского старожильского населения Сибири, в культуре жизнеобеспечения которого большее значение имели экстенсивные формы земледелия и промысловые виды хозяйственной деятельности.

В 1920-е — первой половине 1930-х годов колхозные сады нередко создавали ссыльные, военнопленные или люди, которые ранее занимались садоводством в частных хозяйствах. К примеру, поселившийся в Одесском районе Омской области австриец Винц Варга попал в Сибирь в годы Первой мировой войны как военнопленный. Его принесенный с родины опыт садоводства и попытки акклиматизации яблони на собственном огороде оказались востребованы в ходе организации в начале 1930-х годов колхоза «Украинский пролетарий», в который его пригласили работать садовником. В саду были высажены яблони, малина, смородина, крыжовник. Для создания защитной полосы Варгой были привезены в колхоз и посажены клены ясенелистные, тополя, акации и березы. Рядом с садом был устроен огород, на котором удавалось выращивать помидоры, огурцы, капусту, кабачки, морковь и даже арбузы и дыни (Платан, 1941). Похожие истории фиксировались нами в ряде других деревень юга Западной Сибири. В изданной в 1955 году брошюре «Наш колхозный сад» садовод колхоза им. Маленкова Зонального района Алтайского края Д. И. Медведев описал историю создания сада в своем колхозе. Отец автора, будучи садоводом-любителем, в 1914 году приобрел 300 кустов садовой земляники и посадил ее на целине в окрестностях деревни Савиново, расположенной в 25 километрах от Бийска. Впоследствии в его приусадебном хозяйстве появились плодовые деревья. Дело отца продолжил сын, заложивший в 1927 году собственный сад на своем приусадебном участке. Спустя 10 лет, в 1937 году благодаря его обширному любительскому опыту Д. И. Медведев был назначен садоводом колхоза (Медведев, 1955).

Приведенные выше примеры указывают на то, что на раннем этапе развития колхозного садоводства, в 1920-х — первой половине 1930-х годов, его основной движущей силой были отдельные энтузиасты, которые в своей работе в значительной степени опирались на традиционные экологические знания и спонтанный поиск. Однако постепенно эти традиционные знания начали вытесняться научно обоснованными подходами, которые активно публиковались в книгах и специализированных периодических изданиях. Еще в 1920-е — начале 1930-х годов И. В. Мичурин неоднократно

но давал письменные советы сибирским садоводам, а также совершал обмен новых сортов плодовых растений на различные дикие плододкультурные виды, произраставшие в Сибири (Симаков, 1948: 4; Тяжелников, Андрейченко, 1949: 10). Помимо охватившего в те годы всю страну мичуринского движения, в ряде регионов Сибири складывались свои крупные центры агрономических исследований. Одним из их примеров стала научная агрономическая школа профессора Омского сельскохозяйственного института А. Д. Кизюрина. Опытным путем он установил, что яблони не росли в Сибири не потому, что сибирское лето было для них недостаточно благоприятным. Значительно большую проблему для их выращивания создавала морозная зима и холодная весна. Для утепления яблонь зимой Кизюрин разработал принцип стелящихся садов, в которых яблони высаживались в наклонном положении, с прижатыми к земле ветвями для того, чтобы они впоследствии были полностью покрыты снегом зимой для защиты от морозов (Кизюрин, 1937). Несмотря на широкое внедрение этого метода, он подходил не для всех регионов Сибири. В степных районах юга Омской области в бесснежные зимы стелящиеся яблони не давали урожая².

Ассортимент колхозных садов в Сибири мог варьировать в зависимости от природно-климатических условий ее регионов. Однако почти везде важное место в нем занимали яблони. Типичный ассортимент колхозного сада на юге Омской области включал яблоню стелющуюся, полукультурные яблони, вишню стелящуюся, черную и красную смородину, крыжовник, малину и облепиху³. В северных, таежных районах области в 1950-х годах были известны успешные эксперименты по выращиванию помимо стланцевых яблонь сливы, вишни, сливо-вишневого гибрида и груши (Трофимов, 1957: 3). Примечательна этнокультурная составляющая в названиях новых акклиматизированных сортов, которым давали названия сибирские агрономы. В Сибири появились сорта яблок — желтый челдон и челдон гибридный (Большевики..., 1940: 143), которые отсылают к представителям русского старожильческого населения Сибири — челдонам (Бережнова, 2012). Красноярским селекционером А. И. Олониченко были выведены сорта яблок тунгус и остяк, названные в честь коренных народов севера Сибири (Симаков, 1948; Тяжелников, Андрейченко, 1949).

В системе колхозных садов большую роль играла организация сетей плодово-ягодных питомников. Каждый питомник поставлял посадочные материалы для десятков и сотен садов. Например, по состоянию на 1940 год областной питомник Новосибирской области ежегодно выпускал 300 тыс. саженцев яблонь и груш, 250 тыс. слив и вишен, 680 тыс. малины, смородины, крыжовника, 2 мил-

2. Полевые материалы автора (далее — ПМА) — 2023, 2024, Одесский и Нововаршавский районы Омской области.

3. ПМА—2023, 2024, Одесский и Нововаршавский районы Омской области.

лиона земляники и клубники и 1 миллион садооащитных саженцев (Большевики..., 1940: 139).

Колхозные сады активно создавались на юге Западной и Центральной Сибири. В Восточной Сибири ввиду более суровых природно-климатических условий садоводство имело значительно меньшие масштабы, охватив лишь некоторые колхозы Иркутской области и Забайкалья. Наибольшую активность развитие колхозных садов в Сибири приобрело со второй половины 1930-х годов. Эту тенденцию хорошо иллюстрируют следующие цифры: если в 1934 году в Красноярском крае насчитывалось только 17 га садов, то к 1950 году в 38 районах края под садами в колхозах было уже 2500 га⁴. Типичную структуру сибирского садоводства иллюстрирует пример Новосибирской области. В 1939 году в ее колхозах плодово-ягодными культурами было занято 404 га, из них 188 га под плодовыми садами, 214 га под ягодниками и 2 — под питомниками. В совхозах под плодово-ягодными культурами находилось 459 га, из них 213 га под садами, 239 га под ягодниками и 9 га под питомниками. Всего в Новосибирской области насаждения плодово-ягодных культур составляли 1025 га (Большевики..., 1940: 138). Учитывая плановый характер советской экономики, в развитии колхозных садов руководствовались нормативными показателями, которые устанавливались на пятилетний срок. Например, в Омской области проектируемый рост закладки новых и восстановления имеющихся плодово-ягодных садов на 1944–1949 годы предполагал ежегодное увеличение их площади с 540 га в 1944 году до 2160 га в 1949 году с целью достижения планового показателя 6800 га⁵.

Следует отметить, что достигнутые в Сибири показатели, как правило, существенно отставали от большинства регионов европейской части СССР. Эта тенденция наглядно проявилась в ходе первой Всесоюзной переписи плодово-ягодных насаждений, проведенной в 1945 году. В соответствии с ней, площадь всех плодово-ягодных садов на территории Сибири, включая колхозы, совхозы, единоличные и приусадебные хозяйства, составляла лишь 0,8% от общих показателей по СССР и 2,5% от показателей РСФСР⁶. Предложенным в 1949 году планом развития садоводства предполагалось, что к 1960 году доля плодово-ягодных насаждений в колхозах, расположенных в регионах Сибири, достигнет 7,5% от общих показателей по РСФСР⁷. Приведенная ниже таблица 1 демонстрирует место Сибири в общей площади плодово-ягодных насажде-

4. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 6. Д. 7517. Л. 13.

5. Исторический архив Омской области (далее — БУ Иса). Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 1040. Л. 21.

6. Итоги всесоюзной переписи плодово-ягодных насаждений 1945 г. Т. 1. М.: Госпланиздат, 1948. С. 13.

7. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 2076. Л. 175.

ний на территории РСФСР по состоянию на 1945 год (в колхозах и во всех категориях хозяйств, включая колхозы, совхозы, единоличные и приусадебные участки крестьян, рабочих и служащих).

109

Р. Ю. Федоров
Эволюция экологических знаний и социоприродных взаимодействий в практике создания колхозных садов в Сибири

Таблица 1. Площадь плодово-ягодных насаждений в РСФСР по переписи 1945 года

Регион	В колхозах		Всего	
	га	%	га	%
Северный Кавказ и Крым	77 898,2	42,1%	192 760,3	42,5%
Центральная Россия	76 163,7	41,1%	195 053,9	43,0%
Поволжье	18 546,8	10,0%	36 255,5	8,0%
Сибирь	5 984,2	3,2%	11 253	2,5%
Урал	5 075,3	2,7%	8 174,3	1,8%
Северо-Запад	798,0	0,4%	6 173,3	1,4%
Дальний Восток	549,9	0,3%	3 147,8	0,7%
Север Европейской России	124,9	0,1%	355,6	0,1%
Итого РСФСР	185 141,0	100,0%	453 173,7	100,0%

Источник: Итоги всесоюзной переписи плодово-ягодных насаждений 1945 г. Т. 1. М.: Госпланиздат, 1948. С. 12–13.

Всесоюзная перепись 1945 года также дает представление о состоянии колхозного садоводства в разных регионах Сибири. В соответствии с ней, наибольшее развитие оно получило в Красноярском и Алтайском краях, а также в Омской области, тогда как наименьшая площадь плодово-ягодных насаждений в колхозах отмечалась в Бурят-Монгольской АССР и Томской области (табл. 2).

Таблица 2. Площадь плодово-ягодных насаждений в регионах Сибири по переписи 1945 года

Регион	В колхозах		Всего	
	га	%	га	%
Красноярский край	1 906,3	31,9%	2 646,8	23,5%
Алтайский край	1 129,2	18,9%	2 107,8	18,7%
Омская область	1 109,7	18,5%	2 308,3	20,5%
Курганская область	788,4	13,2%	1 268,4	11,3%
Кемеровская область	503,2	8,4%	1 179,5	10,5%
Новосибирская область	169,7	2,8%	659,0	5,9%

Тюменская область	162,4	2,7%	371,4	3,3%
Иркутская область	92,7	1,5%	385,2	3,4%
Читинская область	64,5	1,1%	131,1	1,2%
Бурят-Монгольская АССР	36,3	0,6%	57,2	0,5%
Томская область	21,8	0,4%	138,3	1,2%
Итого Сибирь	5 984,2	100,0%	11 253,0	100,0%

Источник: Там же. С. 13.

На основе предпринятого в 1947 году анализа отмечалось, что садоводство медленно развивается в Новосибирской области, где только 4,1% колхозов имели сады, а также в Тюменской области, где этот показатель составлял 4,3%⁸. Несмотря на то что Красноярский край в масштабах Сибири выглядел абсолютным лидером по площадям, занимаемым плодово-ягодными насаждениями, Совет Министров РСФСР отмечал, что за исключением отдельных колхозов Минусинского, Ермаковского, Бейского и некоторых других районов, добившихся высоких урожаев яблок, работа по садоводству в Красноярском крае была организована неудовлетворительно. За 1950 год план закладки плодово-ягодных насаждений здесь был выполнен всего на 22%. Отмечалось, что крайисполком не уделяет внимания развитию садоводства для улучшения снабжения трудящихся плодами и ягодами⁹. В целях улучшения состояния садоводства в крае и его дальнейшего развития Совет Министров РСФСР постановил утвердить на 1951–1955 годы меры, в числе которых было необходимо установить план закладки в колхозах садов на площади 2150 га и ягодников на площади 750 га. При этом процентное соотношение пород в новых закладках садов должно было достичь следующих показателей: яблони — 93%, груши — 2%, вишни — 2%, сливы — 3%; ягодных культур: смородины — 35%, крыжовника — 12%, малины — 40%, земляники — 3% и облепихи — 10%. Посадки стелющихся садов должны были составлять не менее 35% от общей площади новых закладок. Для этих целей Красноярский райисполком должен был довести до колхозов задания, предусмотренные постановлением, а также выделить участки для закладки садов, установить для колхозов планы обязательных мероприятий для создания и эксплуатации садов¹⁰. Приведенный выше пример хорошо иллюстрирует принципы субординации и плановости показателей в развитии колхозных садов.

8. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 2076. Л. 133.

9. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 7517. Л. 3.

10. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 7517. Л. 3

Следует отметить, что многие плановые показатели, спускаемые ниже в облисполкомы и райисполкомы Советом Министров РСФСР, далеко не всегда оказывались реалистичными. На это указывают неоднократные жалобы с мест на то, что предлагаемые планы существенно завышены, а на развитие садов в колхозах недостаточно рабочей силы. К примеру, в 1951 году председатель Совета по делам колхозов при правительстве СССР по Омской области писал в головное правление совета о необходимости корректировки нормативов по объему работ и оплате труда садоводов в регионе исходя из природно-климатических особенностей Сибири¹¹. В ряде случаев центральные органы власти шли навстречу, устанавливая для регионов Сибири более реалистичные нормативы. В одном из постановлений о развитии садоводства в РСФСР тех лет определялось «установить размеры очередного поля для питомников сельскохозяйственных органов местного подчинения не менее 2–3 га, в колхозах не менее 1 га, а в районах Севера, Урала и Сибири — не менее 0,5 га»¹².

Практики организации трудовой деятельности и социальные отношения

В большинстве случаев основой трудовой силы, выделенной на поддержание садов, являлась специальная колхозная бригада. В 1930-х годах начала издаваться литература с практическими рекомендациями по организации труда в колхозных садах. В изданной в 1936 году брошюре И. Н. Волкова предлагалось выделить внутри садовой бригады звеньев постоянного годового состава. Основная задача звеньев состояла в закреплении ответственности за определенные виды работ за конкретными людьми или малыми группами для того, чтобы избежать обезличенного отношения к выполнению работ (Волков, 1936: 3). В постановлении «О развитии садоводства в РСФСР» (1949 год) отмечалось: «В целях ликвидации обезлички в уходе за садами предлагается организовывать в колхозах садовые, садово-огородные или садово-виноградные бригады во главе с бригадиром-садовником при наличии в колхозе площади садов от 10 гектаров и выше. Внутри бригады площадь плодово-ягодных насаждений должна закрепляться за звеньями сроком на 3–5 лет. При меньшей площади плодово-ягодных насаждений рекомендуется закреплять их за производственными бригадами, а в бригадах — за звеньями. В целях поощрения колхозников, бригад и звеньев за успешное выращивание плодовых садов и ягодников рекомендуется колхозам начислять им дополнительную оплату труда»¹³.

11. БУ ИсА. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 150. Л. 38.

12. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 2076. Л. 193.

13. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 2076. Л. 194.

Однако в реальности большинство колхозных садов на тот момент не было обеспечено полноценными бригадами. Так, в Красноярском крае по состоянию на 1950 год действовали лишь 62 садовые бригады и 109 звеньев¹⁴.

Помимо колхозников во многих садах в качестве вспомогательного трудового контингента привлекались школьники. Ученики старших классов отрабатывали в колхозном саду производственную практику, а также помогали осенью заниматься сбором урожая. И. Н. Волков отмечал, что обычной практикой в ходе сбора фруктов и ягод в колхозных садах было привлечение для выполнения легкой посильной работы, помимо школьников, таких категорий, как «старики и инвалиды» (Волков, 1936: 12). Большинство работ в колхозных садах осуществлялось женщинами, тогда как создателями и руководителями подсобных садовых хозяйств чаще становились мужчины.

В колхозах нередко существовали практики рассчитываться за трудодни или осуществлять премирование фруктами и ягодами, собранными в местных садах. В брошюре, посвященной опыту работы садоводов колхоза им. С. М. Кирова Большеереченского района Омской области сообщалось, что в 1956 году в порядке дополнительной оплаты труда звеньевая Агафья Кирсантьевна Агаркова получила 38 пудов яблок (Трофимов, 1957: 4). Подобные практики приобрели особую актуальность после введения налога на плодовые деревья на индивидуальных приусадебных участках. Эта политика нередко приводила к тому, что люди вырубали на своих участках сады, которые стало невыгодно иметь¹⁵.

По своим экономическим функциям большинство колхозных садов являлись подсобными хозяйствами, в которых не велась переработка продукции. Как правило, она распространялась в качестве материального поощрения работников колхозов, а также использовалась в столовых школ и детских садов. Из продукции колхозных садов варили компоты, делали варенье, использовали ее в качестве ингредиентов для домашней выпечки. Эпизодически небольшие партии урожая колхозных садов продавались приезжающим из города частникам. Некоторым колхозам удавалось наладить торговлю продукцией садов в районных или областных торговых сетях, однако для организации стабильной торговли не хватало необходимых организационных мер. В условиях Сибири часто возникали проблемы с заготовкой сухофруктов ввиду сырой и прохладной осени, а также из-за нехватки специальных сушилок. По рассказам очевидцев, нередко часть урожая пропадала из-за несвоевременного использования. Наряду с этим одной из серьезных проблем, снижающих рентабельность колхозных садов, было то, что местные жители часто самовольно собирали в них плоды и ягоды, при этом

14. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 7517. Л. 14.

15. ПМА-2023, 2024, Одесский и Нововаршавский районы Омской области.

их охрана не была организована должным образом: «Многие днем работали в саду, а вечером его обчищали»¹⁶. В этой ситуации садоводам приходилось придумывать оригинальные способы мотивации людей, направленные на предотвращение хищений продукции колхозных садов: «Когда мне достался житомирский сад (Житомир — деревня в Одесском районе Омской области. — Р. Ф.), там было 30 соток малины. Что такое 30 соток на совхоз? Все туда лезли, грабили. Я пришел к директору и говорю: “50 тысяч малины надо”, и объяснил зачем. Он разрешил. Я покупаю 50 тысяч малины, развожу по всему совхозу бесплатно всем — по 10 по 20, кому 50 штук. И себе сажаю еще 4 гектара малины. Все! Никто туда не лезет. У всех дома малина, в саду порядок»¹⁷.

Причины исчезновения колхозных садов

Многие колхозные сады начали приходить в упадок в 1980-е годы. Жители сибирских деревень объясняют это тем, что к тому времени массовую доступность получили покупные фрукты, причем у многих людей появилось больше возможностей для развития частных приусадебных участков. На этом фоне значение коллективных подсобных хозяйств в жизнеобеспечении сельских поселений стало падать. Не менее важную роль в упадке колхозных садов сыграло постепенное ослабление директивных установок государства, связанных с обеспечением развития подсобных хозяйств. После ликвидации колхозов судьба действовавших при них садов оказалась неопределенной. Первоначально местные предприниматели пытались превратить их в частные фермерские хозяйства. Однако эти начинания в большинстве случаев оказались неудачными. Как правило, такие хозяйства оказывались нерентабельными, их организаторам приходилось сталкиваться со многими бюрократическими и техническими трудностями. Нередко для налаживания садоводческих хозяйств оказывалось сложным найти подходящих работников и устойчивые рынки сбыта продукции. Немаловажную роль играл тот фактор, что большинство плодово-ягодных растений начинают давать урожай не ранее чем через пять лет, что существенно затрудняет окупаемость частных инвестиций. Поэтому большинство колхозных садов пришло в упадок в период с 1980-х по начало 2000-х годов. Их территории были либо переданы под другие нужды, либо оказались в заброшенном состоянии. Вот как охарактеризовал типичную судьбу одного из таких многочисленных садов его бывший садовод: «Я начал заниматься садом в 1982 году, когда уже яблоней нет, смородина погибла. Пришлось это все дело вы-

16. ПМА—2023, д. Белосток Одесского района Омской области.

17. ПМА—2023, с. Одесское Одесского района Омской области, мужчина, 1955 г.р.

корчевывать. В 1988 году я передал школе этот сад. Школа года два пыталась за садом ухаживать, потом его забросила. С начала 1990-х годов у сада уже не было хозяина. У нас есть предприниматель. Он засекает чистые места пшеницей, ячменем или кукурузой. Осталось не более 8 гектаров. Остальное кленом заросло. Клен самосевом захватывает территории, которые раньше использовались для хозяйственных нужд»¹⁸. Таким образом, некоторые заброшенные сады представляют собой экологическую проблему, став источником распространения инвазионных видов растительности. При этом, учитывая сравнительно непродолжительный жизненный цикл большинства плодово-ягодных растений и их потребность в регулярном уходе, большая часть садовых насаждений деградировала в течение первого десятилетия после прекращения организованной работы сада.

Заключение

Предпринятый выше ретроспективный обзор наглядно иллюстрирует эволюцию экологических знаний и социоприродных взаимодействий в практике создания колхозных садов в Сибири. Решающую роль в них играли установки государства на создание новых коллективных форм хозяйственной деятельности в сельской местности в процессе формирования экономики социалистического типа. Возможность их массового внедрения в природно-климатических условиях Сибири была обеспечена получившими в то время развитие научно обоснованными подходами к акклиматизации плодово-ягодных растений, большинство из которых ранее было невозможно здесь выращивать. В период со второй половины 1930-х до начала 1950-х годов складывались стандартизированные подходы и административные регламенты к организации колхозных садов, которые устанавливались и регулировались государством. Колхозное садоводство продолжало развиваться в 1960–1970-е годы, однако уже в 1980-х годах оно начало приходить в упадок, как ввиду повышения доступности привозных фруктов в сельских магазинах, так и по причине кризиса, охватившего многие колхозы и совхозы, который был связан с падением их рентабельности и оттоком из них молодых и квалифицированных кадров. Сворачивание государственной поддержки после распада СССР поставило крест на перспективах развития колхозных садов.

В 1990-е годы в практиках выживания сельских жителей в условиях распада экономики социалистического типа возросло значение индивидуальных приусадебных участков, тогда как стратегии адаптации коллективных подсобных хозяйств к условиям рыночной

18. ПМА–2023, с. Одесское Одесского района Омской области, мужчина, 1955 г.р.

экономики и индивидуализации практик огородничества и садоводства не были выработаны. Эта ситуация привела к быстрой деградации и последующему прекращению существования колхозных садов. Сохранившиеся на сегодняшний день на их месте насаждения нуждаются в изучении их экосистемных функций. В задачи этих исследований должен войти поиск возможных путей конверсии или ревитализации оставшихся от садов зеленых массивов, а также выработка мер борьбы или компромиссных решений по отношению к инвазионным видам растений.

Библиография

- Бережнова М. Л. (2012). Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. М.: Форум.
- Большевики переделывают Сибирь (1940). Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство.
- Волков И. Н. (1936). Организация труда в колхозных садах Казахстана. Алма-Ата: КазНИИЭСХ.
- Говард Э. (1911). Города будущего. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза».
- Кизюрин А. Д. (1937). Стелющийся сад. М.: Государственное издательство колхозной и совхозной литературы.
- Медведев Д. И. (1955). Наш колхозный сад. Барнаул: Алтайское книжное издательство.
- Платан Е. А. (1941). На новых местах. Омск: ОГИЗ.
- Свидовская А. С. (2021). Развитие садов потребительского типа в селах Алтайского края в 1930–2010-е гг. (по полевым материалам) // Материалы LXI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета. С. 207–208.
- Симаков Н. С. (1948). Садоводство в Сибири. Красноярск: Красноярское краевое издательство.
- Трофимов В. Т. (1957). Колхозный сад. Очерк о работе садоводов колхоза им. С. М. Кирова Большеереченского района. Омск: Омское областное книжное издательство.
- Тяжельников А. Д., Андрейченко Д. А. (1949). Плодово-ягодный колхозный сад в Сибири. Новосибирск: ОГИЗ.
- Чернова И. В., Грибанова Н. С. (2020). Этапы развития садоводства в сельских населенных пунктах Западной Сибири (середина XIX — первые десятилетия XXI в.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 10-й Междунар. науч. конф. Барнаул, 2–4 дек. 2020 г. Барнаул. Вып. 10. С. 146–149.
- Щеглова Т. К. (2016). Стратегии выживания и адаптации земледельческого населения Сибири в контексте исторических событий XX столетия: ответ устной истории на антропологические вызовы // Антропология в поисках нового языка описания. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. С. 74–75.

Evolution of ecological knowledge and social-natural interactions in the development of collective-farm gardens in Siberia

Roman Yu. Fedorov, DSc (History), Leading Researcher, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Malygina St., 86, Tyumen, 625026.
E-mail: r_fedorov@mail.ru

Abstract. Collective-farm gardens were a specific form of human-made nature and an element of subsistence which became a feature of the Soviet village in the 1920s–1980s. Their development was associated with the Soviet state social-economic policy of creating collective subsidiary farms and applying new, scientific approaches to transform the natural environment. The article considers the evolution of ecological knowledge and social-natural interactions in the development of collective-farm gardens in Siberia, based on archive documents, specialized and popular-science literature and results of the author's field studies conducted in 2023–2024 in the Omsk Region. The development of kolkhoz gardens showed a tendency of a rapid transition from the traditional environmental knowledge (1920s — first half of the 1930s) to the scientific and administrative approaches (second half of the 1930s — 1980s). The author notes the regional features in the development of collective-farm gardens in the natural and climatic conditions of Siberia as determining labor activities and social relations at collective horticultural farms. The retrospective analysis shows how the development of kolkhoz gardens created new social-natural interactions in the Siberian countryside, which were mainly determined by the state policy of imposing collective forms of economic activity in rural areas within the general socialist economy. After the collapse of the USSR, the rapid curtailment of this policy contributed to the abandonment of kolkhoz gardens.

Key words: collective-farm (kolkhoz) gardens, Siberia, social-natural interactions, ecological knowledge, state agricultural policy

References

- Berezhnova M. L. (2012) *Zagadka cheldonov: Istoriya formirovaniya i osobennosti kultury starozhilcheskogo naseleniya Sibiri* [Mystery of Cheldons: History of the Formation and Cultural Features of the Siberian Old-Timers], Moscow: Forum.
- Bolsheviki peredelyvayut Sibir* [Bolsheviks Remake Siberia] (1940), Novosibirsk: Novosibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatelstvo.
- Chernova I. V., Gribanova N. S. (2020) Etapy razvitiya sadovodstva v selskih naselennykh punktakh Zapadnoj Sibiri (seredina XIX — pervye desyatiletiya XXI v.) [Stages of the horticulture development in rural areas of Western Siberia (mid-19th — first decades of the 21st century)], *Etnografiya Altaya i sopredelnykh territorij*, Barnaul, vol. 10, pp. 146–149.
- Hovard E. (1911) *Goroda budushchego* [The Cities of the Future], Saint-Petersburg: Tipografiya t-va "Obshchestvennaya polza".
- Kizyurin A. D. (1937) *Stelyushchiysya sad* [Creeping Garden], Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo kolkhoznoy i sovkhoznoy literatury.
- Medvedev D. I. (1955) *Nash kolkhozny sad* [Our Collective-Farm Garden], Barnaul: Altajskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Platan E. A. (1941) *Na novykh mestah* [In New Places], Omsk: OGIZ.
- Shcheglova T. K. (2016) Strategii vyzhivaniya i adaptatsii zemledelcheskogo naseleniya Sibiri v kontekste istoricheskikh sobytij XX stoletiya: otvet ustnoj istorii na antropologicheskie vyzovy [Strategies for the survival and adaptation of the agricultural population of Siberia in the context of the historical events of the 20th century: An answer of oral history to anthropological challenges], *Antropologiya v poiskah novogo yazyka opisaniya*, Tomsk: Natsionalny issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 74–75.
- Simakov N. S. (1948) *Sadovodstvo v Sibiri* [Gardening in Siberia], Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe kraevoe izdatelstvo.
- Svidovskaya A. S. (2021) Razvitie sadov potrebitelskogo tipa v selakh Altajskogo kraja v 1930–2010-e gg. (po polevym materialam) [Development of the consumer-type gardens in the villages of the Altai Region in the 1930s–2010s. (field materials)], *Materialy Rossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) arkhologo-etnograficheskoy kon-*

ferentsii studentov i molodyh uchenykh, Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 207–208.

Trofimov V. T. (1957) *Kolkhozny sad. Ocherk o rabote sadovodov kolkhoza im. S. M. Kirova Bolsherechenskogo rajona* [A Collective-Farm Garden. Essay on the Work of Gardeners in the S.M Kirov Collective Farm in the Bolsherechensky district], Omsk: Omskoe oblastnoe knizhnoe izdatelstvo.

Tyazhelnikov A. D., Andreychenko D. A. (1949) *Plodovo-yagodny kolkhozny sad v Sibiri* [Fruit and Berry Collective-Farm Garden in Siberia], Novosibirsk: OGIZ.

Volkov I. N. (1936) *Organizatsiya truda v kolkhoznykh sadakh Kazakhstana* [Organization of Labor in the Collective-Farm Gardens of Kazakhstan], Alma-Ata: KazNIIESKh.

Р. Ю. Федоров

Эволюция экологических знаний и социоприродных взаимодействий в практике создания колхозных садов в Сибири

К вопросу о Зерновой бирже БРИКС: роль российских платформенных B2B-технологий¹

М. Ю. Шерешева, А. А. Беляев

Марина Юрьевна Шерешева, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга, заведующая лабораторией институционального анализа экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1-46.
E-mail: m.sheresheva@mail.ru

Артем Александрович Беляев, кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Знаменская торговая компания», соучредитель ООО «Грейн Чейн», советник президента ассоциации «Афанасий Никитин». E-mail: ab@gncsp.ru

Аннотация. В статье обозначены возможности и направления использования российских цифровых платформенных решений для развития и становления Зерновой биржи БРИКС. На основе анализа академической литературы рассмотрены особенности биржевой торговли сельхозпродукцией и связанные с ними опасности превращения биржи в площадку для хеджирования ценовых рисков и финансовых спекуляций, где баланс спроса и предложения на физический товар не определяет движение цен. Выдвинуты предложения по использованию российских платформенных B2B-технологий для создания баланса интересов различных форм хозяйствования в АПК. Соответствующие возможности проиллюстрированы на примере действующих технологий цифровой платформы GrainChain, разработанных для рынка зерна и масличных культур. Представлена возможная технологическая основа для реализации зерновой биржи БРИКС. Сделан вывод, что поддерживаемый российской технологией цифровой канал торговли для агробизнеса способен обеспечивать прозрачность управления взаимодействием с контрагентами из стран БРИКС. Более плотное взаимодействие биржи и платформенных решений в области B2B-торговли позволит увеличить число участников торговли в цифровом пространстве и ускорит процесс формирования ценовых индексов, основанных на репрезентативной выборке.

Ключевые слова: технологический суверенитет, продовольственная безопасность, цифровые платформы, технологические инновации, агробизнес, БРИКС

EDN: BAAKDK

В текущей геополитической обстановке достижение технологического суверенитета и последующего лидерства в основных секторах является одной из ключевых задач, которые были поставлены Президентом РФ (Мишустин, 2025). Среди наиболее важных задач вы-

1. Материал подготовлен при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-28-00711).

деляются содействием привлечению инвестиций для импортозамещающих высокотехнологичных производств, обеспечение надежности цепочек поставок и логистики, в том числе в глобальном масштабе, построение альтернативных западноцентричным институтам международной финансовой и торговой систем, достижение технологического лидерства в области цифровых технологий.

В настоящее время Правительство РФ подготовило восемь крупных Национальных проектов по обеспечению технологического лидерства, способных обеспечить прорывные результаты в науке и промышленности, которые будут реализовываться на основании единой методологии и единой системы координации для достижения национальной цели «Технологическое лидерство». Их задача — «закрыть потребности нашей страны по выпуску средств производства и автоматизации, предложить инновационные решения для сбережения здоровья граждан и укрепления продовольственной безопасности» (Бойко, 2025).

Один из восьми вновь принятых Нацпроектов носит название «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» (Национальный проект, 2025а). Его реализация по целому ряду поставленных задач пересекается с задачами цифрового развития России в рамках Нацпроекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (Национальный проект, 2025b). В частности, реализация обоих проектов требует существенных усилий по внедрению отечественных цифровых платформенных решений — одной из основ ускоренного технологического прогресса в целом ряде отраслей, включая агропромышленный комплекс (Жукова, Улезько, 2021).

Цифровизация в российском агропромышленном комплексе (АПК) тем более важна с учетом ряда специфических особенностей. Для АПК характерна локальная привязка разных специализированных бизнесов, зависящих от пригодности территорий к тем или иным видам сельскохозяйственных производств, при этом широкое распространение наличных расчетов затрудняет контроль за денежными потоками и наценками посредников, высокий уровень сезонной занятости и наличие большого количества незарегистрированных хозяйств населения осложняет контроль за экономической деятельностью (Киселев и др., 2024). Соответственно, «цифровые решения могут способствовать снижению негативных эффектов и одновременно вносить вклад в обеспечение конкурентоспособности АПК и достижения целей устойчивого развития» (Шерешева, Беляев, 2024: 259).

Учитывая, что за последние годы Россия значительно нарастила производственные мощности АПК² и стала одним из крупней-

2. Правительство РФ предпринимает ряд действий по поддержке отечественных производителей продовольствия, включая льготные кредиты на посевную и уборку урожая (Бойко, 2025). При этом на ближайшее вре-

ших экспортеров сельскохозяйственной продукции (Росстат, 2023), важен также международный аспект, включая такое направление, как технологическое взаимодействие стран БРИКС, которое уже охватывает ряд ключевых направлений, способствующих обмену знаниями и созданию инновационных решений (Виноградова, 2024; Кашуро, Ступенькова, 2024). Сложившиеся в текущем десятилетии новые подходы к развитию многостороннего сотрудничества стран БРИКС в цифровой экономике³ соответствуют их национальным интересам в области трансфера технологий, хотя в ней и существует целый ряд проблем (Игнатов, 2020; Олейник, 2023; Толорая и др., 2023).

Как подчеркнуто в Казанской декларации, принятой по итогам, страны БРИКС признают огромный потенциал ИКТ по преодолению цифрового разрыва в интересах социально-экономического роста и развития (ст. 54) и подтверждают необходимость создания справедливой системы торговли сельскохозяйственной продукцией и внедрения жизнеспособного и устойчивого сельского хозяйства (ст. 73). Также в статье 73 Декларации отмечено, что «устойчивость производственно-сбытовых цепочек и беспрепятственная торговля сельскохозяйственной продукцией наряду с внутренним производством чрезвычайно важны для обеспечения продовольственной безопасности и жизнедеятельности населения, особенно для фермерских хозяйств с низким уровнем дохода и ограниченными ресурсами», что страны БРИКС обязуются «содействовать развитию торговли сельскохозяйственной продукцией и удобрениями на основе правил и минимизировать перебои для обеспечения непрерывных поставок продовольствия и основных средств производства для сельского хозяйства» и что в этой связи страны объединения приветствуют инициативу российской стороны по созданию в рамках БРИКС зерновой (сырьевой) торговой площадки (Зерновой биржи БРИКС) и ее последующему развитию» (Казанская декларация, 2024).

В целом ряде зарубежных исследований делается вывод, что в силу своих уникальных демографических и социальных характеристик страны БРИКС играют ключевую роль в борьбе с голодом в мире, уделяя особое внимание производительности и эффективно-

мя поставлена задача повышения присутствия отечественных производителей на международных рынках продовольствия с опорой на современные торговые страховые и финансовые инструменты (Глотова, Томилина, Максимова, 2022).

3. В 2020 г. государства БРИКС единогласно поддержали инициативу Индии по принятию Плана инновационного сотрудничества стран БРИКС на 2021–2024 годы. Мероприятия в рамках Плана призваны активизировать сотрудничество сети центров стран БРИКС, сформировать прямую кооперацию между участниками инновационной цепочки, а также обеспечить устойчивое развитие многостороннего сотрудничества в соответствии с новым технологическим укладом.

му использованию ресурсов. По мере роста международного статуса объединения кооперационные взаимодействия стран БРИКС в области продовольственной безопасности начинают оказывать серьезное влияние на мировой рынок и обладают огромным потенциалом (Ren et al., 2020; Swatson et al., 2024), при этом сотрудничество в области высоких технологий также имеет значительные перспективы и могут обеспечить странам БРИКС лидерские позиции в целом ряде отраслей (Yueqin, 2020; Sokolov, Shashnov, Kotsemir, 2021). Однако перспективы трансформации и взаимовыгодной координации агропродовольственных систем стран БРИКС в разрезе развития современных цифровых бизнес-моделей остаются недостаточно изученными (McKay, Hall, Liu, 2018; Donner, De Vries, 2023).

Таким образом, в ходе научной дискуссии обсуждение вопросов, касающихся цифровых платформ в сельском хозяйстве, является чрезвычайно актуальным и требует переосмысления целого ряда сложившихся подходов к цифровизации АПК. В этой связи все большее внимание привлекают цифровые платформенные В2В-технологии, открывающие возможности международной кооперации в сельском хозяйстве на основе учета и баланса интересов участников цепочек создания ценности (Шерешева, Беляев, 2024).

В данной статье ставится цель выделить особенности и проблемы на пути создания Зерновой биржи БРИКС и показать роль, которую могут сыграть в этом вопросе российские цифровые платформенные решения для агробизнеса, на примере платформы для игроков рынка зерновых и масличных культур.

Особенности биржевой торговли сельхозпродукцией и проблемы Зерновой биржи БРИКС

Механизмы биржевой торговли зерном формировались в XIX веке как инструмент управления рисками локальных производителей и переработчиков (Velkar, 2010). Изначально биржи создавались для работы с форвардными контрактами на физические поставки в пределах одного региона, где все участники рынка могли лично инспектировать качество товара на складах (Bertilorenzi, Fumian, Gozzini, 2025).

Такой подход был обусловлен, прежде всего, до сих пор непреодоленными сложностями стандартизации. Зерно как товар обладает уникальными характеристиками, требующими индивидуальной оценки каждой партии по влажности, содержанию примесей, белковому составу и другим параметрам (Wrigley, Batey, 2003). Даже внутри одной страны разные регионы производят продукцию с отличающимися потребительскими свойствами, что делает невозможным создание универсальных контрактных спецификаций (Winders, 2016). Международная торговля усугубляет эту проблему: так, страны БРИКС имеют различные агротехнические стан-

дарты, климатические условия и требования к качеству зерновых (Власова и др., 2018; Ren et al., 2020; Ivanov, Molodyko, Kalimullina, 2022).

Также специалисты указывают, что физической основой биржевых операций является система элеваторов и складов, сертифицированных для хранения биржевых партий (Thakur, Martens, Hurburgh, 2011; Oehrtman, Schnake, 2021). Торговля сельхозсырьем предполагает использование судов класса Panamax (60–65 тыс. тонн), что эквивалентно 20–25 железнодорожным составам. Создание сопоставимой инфраструктуры в рамках БРИКС требует формирования механизмов для координации портовых мощностей, железнодорожных тарифов и таможенных процедур разнородных экономик.

Кроме того, как указывается, современная биржевая торговля зерном основана на фьючерсных контрактах, которые по своей природе являются финансовыми инструментами, а не механизмами реальных поставок (Перчанок, 2022; Abuselidze, 2021; Atkin, 2024; Parameswaran, 2024). Более 99% фьючерсных контрактов ликвидируются через офсетные сделки до наступления даты поставки. Это превращает биржу в площадку для хеджирования ценовых рисков и финансовых спекуляций, где движение цен определяется макроэкономическими факторами, а не балансом спроса и предложения на физический товар.

При этом даже фьючерсы Чикагской товарной биржи, считающиеся мировым ценовым бенчмарком, основаны на специфических условиях поставки в конкретном регионе (Gürkaýnak, Wright, 2023). Попытка создать «бриксовский» базис столкнется с противоречиями интересов стран-экспортеров (Россия, Бразилия) и импортеров (Индия, Китай), имеющих разные приоритеты в логистике и ценообразовании. С учетом расширения БРИКС в 2024–2025 годах⁴ эта проблема становится еще более острой.

Одновременно с этим признается, что тесно связанная с фьючерсной торговлей система маржин-колл, требующая внесения 10–15% гарантийного обеспечения от стоимости контракта, работает эффективно только при наличии унифицированного регулирования деривативов, взаимного признания складских свидетельств и совместимых систем клиринга (Budd, 2015; Chen, He, Wei, 2024).

К значимым факторам относится также отсутствие единой расчетной валюты БРИКС (Пищик, Бунич, 2023; Saaida, 2024), что может потребовать создания сложной мультивалютной системы с рисками курсовых колебаний. Опыт расчетного фьючерса на Black

4. На данный момент в БРИКС входят десять стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Египет, Индонезия, Иран, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Эфиопия. Предполагается, что Саудовская Аравия также присоединится к БРИКС после завершения внутренних процедур в рамках вступления.

Sea Corn (USD/RUB) показывает высокую волатильность таких инструментов.

Еще одним сдерживающим фактором достижения поставленных целей является сохраняющаяся во внешних товарообменных операциях опора на устоявшиеся и проверенные обычаями делового оборота «конвенциональные» инструменты англосаксонского права (Иванов, Молодыко, 2022; Ivanov, Molodyko, Kalimullina, 2022). Их использование обуславливается накопленным эмпирическим опытом обеспечения баланса интересов участников торговых отношений, ставшим результатом эволюционного совершенствования международной кооперации на протяжении столетий. В свете использования данных механизмов коллективным Западом в качестве инструмента сохранения своего геополитического превосходства они лишаются для использования в рамках БРИКС своего главного преимущества — универсальной применимости на канале ВЭД.

Технология меняет правила игры и может значительно расширить доступ к финансам, для этого критически важно использовать отношения в цепочке создания стоимости и строить партнерства (Yadav et al., 2022; Chikhun, Romanov, 2023). В то же время финансовые потребности и финансовые возможности участников глобальных цепочек создания стоимости в агробизнесе крайне неоднородны, что может служить дополнительной проблемой, особенно в условиях трансграничных операций (Gross, Varangis, Biallas, 2023; Liu et al., 2024).

Дополнительным ограничительным фактором является нарастающая в условиях глобальных «торговых войн» активность государств-импортеров, связанная с их стремлением замкнуть на себя товарные потоки продукции из стран-союзников и одновременно нанести ущерб конкурентам посредством цифровизации цепочек поставок сельхозпродукции.

Так, например, чтобы гарантировать подлинность и безопасность качества импортируемых зерновых и масличных, Китай установил строгие стандарты проверки каждой партии импортируемого сырья по 12 позициям. Они охватывают всю цепочку — от выращивания до транспортировки, включая координаты места выращивания, время сбора урожая, маршруты транспортировки, образуя надежную сеть отслеживания. Координаты посевных площадей проверяются с помощью географической информационной системы, что позволяет точно определять районы производства, запись времени сбора урожая используется для проверки соответствия цикла роста бобов характеристикам места происхождения.

В дополнение к этому китайская таможня внедрила технологию генетического тестирования сельхозпродукции исходя из того, что каждый сорт имеет уникальную генетическую последовательность, которая называется его «биологическим удостоверением» и не может быть подделана. Применение данной технологии позволило, например, в мае 2025 года не допустить подмену и предотвратить

поставку на рынок КНР американских соевых бобов под видом аргентинской продукции.

По мнению экспертов Московской ассоциации предпринимателей, ключевые проблемы для создания Зерновой биржи БРИКС кроются именно в фундаментальных особенностях биржевой торговли сельхозпродукцией, исторически сложившейся структуре данных товарных рынков и институциональных барьерах. Соответственно, как считают эксперты МАП, вместо ресурсозатратного создания биржи посредством механического переноса западной модели фьючерсной торговли зерновыми и масличными целесообразно сосредоточиться на развитии инфраструктуры прямых контрактов, синхронизации стандартов качества и формировании общего информационного пространства.

Эти меры позволят усилить позиции стран БРИКС на глобальном зерновом рынке при снижении рисков, связанных с попытками искусственного объединения разнородных экономик под эгидой единой биржевой площадки.

Возможность создания алгоритмизированного клиентского пути для Зерновой биржи БРИКС: опыт платформы GrainChain

Развивающееся сотрудничество между странами БРИКС можно построить на принципиально новой платформенной основе, где базовым элементом будет являться алгоритмизированный клиентский путь. Для каждой из участвующих юрисдикций он будет организован исходя из сложившихся особенностей взаимодействия контрагентов внутри страны, соответствующего документооборота и способов верификации юридически значимых действий. Определенные этапы будут идентичными для участвующих государств и соответствовать общепринятым международным нормам, а по отдельным направлениям задавать стандарты соответствующих отношений.

В ходе прохождения этих этапов пользователи смогут достигать согласованных параметров сделок, которые будут заверяться цифровыми подписями уже в международном взаимодействии. Таким образом, к моменту выхода на окончательные условия контракта они в должной степени должны быть проработаны и верифицированы. При одновременном использовании блокчейн-технологии финальная подпись позволит исполнять обязательства в четком соответствии с согласованными параметрами без дополнительного участия сторон. Это предполагает избегать разночтений, связанных с различием культур, правовых систем и иными особенностями юрисдикций.

При этом платформенные решения могли бы ускорить расширение практики проведения внебиржевых сделок, информация по которым регистрируется на бирже. Так, будучи реализованы в виде Электронных торговых систем, они способны решить зада-

чу по увеличению ликвидности биржевой торговли сельхозсырьем, при этом благодаря алгоритмизированному клиентскому пути на базе блокчейна способны фиксировать цифровой след всех действий, необходимых для торговли на биржевых площадках, но с более понятными для участников рынка механизмами (Cao et al., 2022; Centobelli et al., 2022).

Специалистами российской компании GrainChain, участника экосистемы Московской ассоциации предпринимателей, установлено, что попытка вовлечения игроков зернового рынка в биржевые торги может столкнуться с трудностями, связанными с особенностями реализуемой продукции. Существуют значимые различия между практикой торговли зерновыми и масличными хозяйствующими субъектами и правилами биржевой торговли (в рамках ФЗ № 325 «Об организованных торгах»). Фактически договор на организованных торгах заключается на основании двух зарегистрированных разнонаправленных заявок, полное или частичное соответствие которых друг другу установлено и зафиксировано в реестре договоров организатором торговли в порядке, определенном правилами организованных торгов.

При этом разнонаправленными являются заявки, содержащие встречные по отношению друг к другу волеизъявления на заключение договора. Договор считается заключенным на организованных торгах в момент фиксации организатором торговли соответствия разнонаправленных заявок друг другу путем внесения записи о заключении соответствующего договора в реестр договоров. Соответственно, заключение договора на организованных торгах подтверждается выпиской из реестра договоров. В этой связи важно отметить, что специфика торговли зерновыми и масличными товарами между юридическими лицами не позволяет «стыковать» две заявки на покупку и продажу в моменте без согласия сторон сделки, а также предварительных переговоров о качестве, цене и объеме, без подписания договора-купли продажи, согласованной юристами двух компаний.

Указанные выше задачи могут быть решены с помощью платформенных решений. Так, например, электронная площадка GrainChain является открытой средой взаимодействия участников товарного рынка, предлагающей набор релевантных инструментов и сервисов (как собственных, так и партнеров) на каждый день и ставящей перед собой задачу стать цифровым стандартом отрасли. Текущие результаты, полученные в ходе развития данной площадки⁵, полностью соответствуют теоретическим взгля-

5. Построение цифровой платформы GrainChain было начато в 2019 г., проект реализуется в коммерческом формате силами компании-резидента «Сколково». Состоятельность выбранной концепции положительно оценена экспертами «Сколково», МГУ имени М. В. Ломоносова, специалистами ведущих вузов стран БРИКС и СНГ. Успешно проведенные в ходе

дам на логику цифровизации реальных секторов экономики, которые постулируют необходимость одновременной трансформации в трех средах: реальной, виртуальной и институциональной, — для возникновения измеримого платформенного эффекта и определения экономической целесообразности применения указанных технологий.

Заключение сделки на площадке представляет собой процесс из нескольких этапов, реализуемых в ее непосредственном контуре, замещающих действия пользователей в классическом «аналоговом» взаимодействии: «Поиск и проверка контрагента и сделки на основе открытых данных и публичных заявок»; «Переговоры об окончательной цене, объеме и условиях поставки»; «Заключение договора»; «Оплата» (рис. 1).

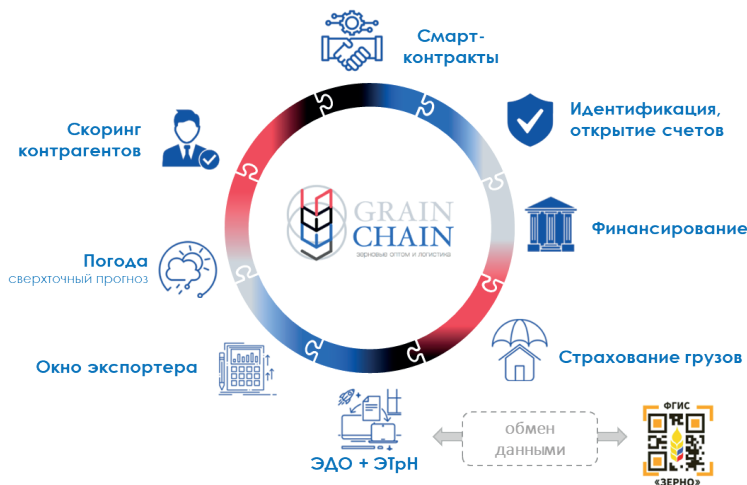

Рис. 1. Целевая модель экосистемы цифровых решений

Платформа предоставляет пользователям инструменты верификации профиля, а на определенных этапах сделки, предполагающих юридическую значимость, такая верификация является обязательной. Сохраняя все цифровые следы и атрибуты взаимодействия пользователей, платформа консолидирует подтвержденные данные о контрагентах по сделке, геолокации сделки, параметрах сельскохозяйственной культуры, объемах и цене, что подтверждено договором, заключенным в интегрированной системе электронного документооборота и подписанным электронными цифровыми подписями.

На этапе оплаты пользователи используют инструмент безопасного платежа, в основе которого лежит смарт-контракт. Он по-

интеграции с блокчейн-системой ПАО «Сбербанк» тесты и эксперименты также свидетельствуют в пользу разработанных технологий.

звolyет холдировать средства Покупателя на номинальном счете площадки до момента исполнения условий поставки и соответствующего подтверждения пользователей. Площадка осуществляет мгновенный обмен электронными сигналами при помощи автоматизированного программного интерфейса (API) с банком-партнером, отвечающим за финансовое сопровождение каждой транзакции и обеспечивающим точность и безопасность расчетов.

Также важно отметить, что при торговле через GrainChain отсутствует клиринг и центральный контрагент, функционирующие на бирже в рамках ФЗ от 07.02.2011 № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте».

Кроме того, для минимизации рисков и снижения спекулятивной составляющей GrainChain предполагает использование форвардных смарт-контрактов вместо традиционных фьючерсов. К основным преимуществам такого подхода перед традиционными производными ценными бумагами относят децентрализацию и отсутствие посредников. Условия таких контрактов безопасны и прозрачны для всех сторон сделки, записаны в коде и не могут быть изменены.

Если при традиционных фьючерсах есть риск манипуляций, ошибок расчетов или даже банкротства биржи, форвардные смарт-контракты могут работать при минимальном маржинальном обеспечении. Также к плюсам можно отнести мгновенное исполнение контракта по истечении срока его действия в автоматическом режиме. Заложенные в форвардные смарт-контракты алгоритмы позволяют настроить процедуры отложенных сделок, платежей или других действий без необходимости личного участия представителей сторон на каждом этапе реализации сделки. В данном случае исполнение условий договора гарантируется кодом, а не доверием к контрагенту.

GrainChain в уже реализованном виде дает возможность размещать форвардные заявки на будущий урожай, заключать сделки с использованием юридически значимого электронного документооборота и проводить расчеты с применением смарт-контрактов. В случае алгоритмизированного клиентского пути реализация форвардного смарт-контракта упрощается до минимума, потому что условия исполнения согласованы заранее во время продвижения партнеров по клиентскому пути.

Таким образом, площадка GrainChain фактически переводит в цифровое пространство обычный порядок торговли на зерновом рынке с фиксацией цифрового следа (через ЭДО — если договор подписывается на площадке, через безопасный платеж — если расчеты проходят с использованием площадки, через геокоординаты — если логистика осуществляется через площадку). При этом стороны могут заключить Договор в соответствии с ГК и законодательством офлайн, а безопасный платеж провести на площадке.

Уже на текущем этапе формирующегося законодательного режима можно утверждать, что реализованная на практике модель

GrainChain подтвердила справедливость изначально выдвинутых гипотез об изменении поведения наиболее активных экономических агентов и их перехода к прямому контрактowaniu в условиях созданной доверительной среды, в основе которой лежит алгоритмизированный клиентский путь.

С учетом вышеизложенного, как представляется, важным фактором для развития биржевой торговли сырьевыми товарами, в том числе зерновыми, может являться более плотное взаимодействие биржи и платформенных решений в области B2B-торговли (рис. 2).

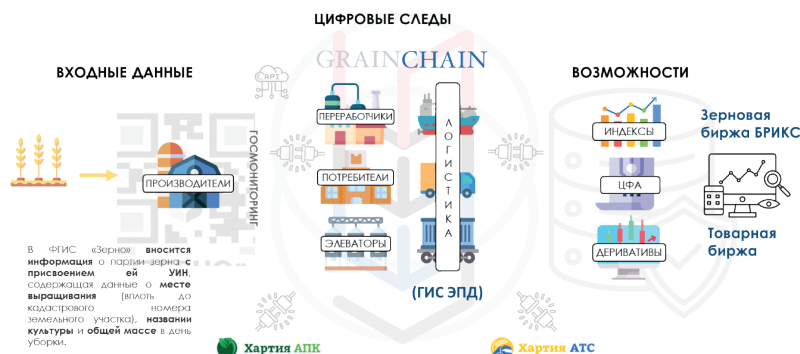

Рис. 2. Возможная технологическая основа для реализации зерновой биржи БРИКС

При этом инициативы Правительства РФ по введению обязательной продажи бизнесом определенной доли произведенных таких товаров через биржевой механизм целесообразно также распространить и на платформенные B2B-решения. Это позволит увеличить число участников торговли в цифровом пространстве, соответственно, ускорит процесс формирования ценовых индексов, основанных на репрезентативной выборке.

Заключение

Конкурентоспособность национальных юрисдикций стран БРИКС определяется неразрывной связью ускоренного научно-технического прогресса с цифровым развитием, который не может происходить без внедрения платформенных решений, усиления киберзащиты, распространения искусственного интеллекта и других инноваций.

В данном контексте, в рамках поставленной Президентом Российской Федерации В. В. Путиным по итогам XVI Саммита БРИКС в г. Казани задачи по созданию товарно-сырьевой биржи для стран-членов данного объединения, необходимо при обсуждении концепции реализации данной инициативы обратить внимание на ряд факторов.

Прежде всего, ключевые проблемы для создания Зерновой биржи БРИКС кроются в фундаментальных особенностях биржевой торговли сельхозпродукцией, исторически сложившейся структуры данных товарных рынков и институциональных барьерах.

В этой связи целесообразно поддержать мнение экспертов МАП о том, что вместо ресурсозатратного создания биржи посредством механического переноса западной модели фьючерсной торговли зерновыми целесообразно сосредоточиться на развитии инфраструктуры прямых контрактов, синхронизации стандартов качества и формировании общего информационного пространства.

Высказанные в данной статье предложения по использованию зарекомендовавших себя на практике российских технологий цифровой платформы GrainChain, разработанных для рынка зерна и масличных культур, могут способствовать реализации такого сценария и усилить позиции стран БРИКС на глобальном зерновом рынке без рисков, связанных с попытками искусственного объединения разнородных экономик под эгидой единой биржевой площадки.

Считаем также важным обратить внимание ведомств, участвующих в работе по созданию Зерновой биржи БРИКС, на целесообразность проведения совместных исследований в рамках существующих экспериментально-правовых режимов для выяснения пригодности данной технологии для решения поставленной руководством РФ задачи. Убеждены, что без должного внимания к платформенным решениям и их поддержке, а также формирования нормативно-правовых рамок регулирования рынка, основанного на применении на практике отечественных разработок, достичь технологического лидерства в АПК невозможно.

Высказанные в данной статье предложения приобретают особую значимость в свете реализации национальных проектов «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» и «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Кроме того, Федеральный проект «Развитие конкуренции» нацелен на повышение экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, в том числе за счет создания системы развития конкуренции на товарных рынках, улучшения условий функционирования товарных рынков, а также развития системы ценовых индикаторов. Следовательно, обсуждения Президента РФ о создании товарно-сырьевой биржи БРИКС могут быть также использованы для реализации задач, стоящих перед Правительством Российской Федерации, по достижению национальной цели формирования устойчивой и динамичной экономики РФ, которое в том числе зависит от эффективности проведения государственной политики в сфере развития конкуренции и обеспечения баланса интересов всех участников рынка.

СОВРЕМЕННОСТЬ

- Бойко А. (2025). Мишустин отчитался о работе нового правительства в прошлом году // Ведомости. 26.03.2025. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/03/26/1100438-mishustin-otchitalsya-o-rabote>
- Виноградова Е. А. (2024). Цифровая повестка БРИКС: в интересах мирового большинства // Проблемы национальной стратегии. № 5 (86). С. 44-63.
- Власова А. В., Иванова В. А., Жирякова Д. Д., Мухина Е. Г., Мачехина В. В. (2018). Поддержка российских компаний в сельском хозяйстве Бразилии, Индии, ЮАР и Китая // Приоритетные направления взаимодействия России со странами-партнерами БРИКС. С. 373-415.
- Глотова И. И., Томилина Е. П., Максимова Е. В. (2022). Особенности биржевой торговли сельскохозяйственной продукцией // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. Т. 15. № 1(72). С. 244-255.
- Жукова М. А., Улезько А. В. (2021). Перспективы цифровой трансформации сельского хозяйства: монография. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I.
- Иванов А. Ю., Молодыко К. Ю. (2022). На четырех ногах. Как обеспечить новый мировой продовольственный порядок // Россия в глобальной политике. Т. 20. № 3(115). С. 161-176.
- Игнатов А. А. (2020). Цифровая экономика в БРИКС: перспективы многостороннего сотрудничества // Вестник международных организаций. Т. 15. № 1. С. 31-62.
- Казанская декларация (2024). Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, XVI Саммит БРИКС, 23 октября 2024. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDgoQRs3xfMUiCAmF3LEho2OL3Hk.pdf>
- Кашуро И. А., Ступенькова З. Е. (2024). Научно-технологическое сотрудничество стран БРИКС на современном этапе // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. № 3. С. 74-84.
- Киселёв С. В., Самсонов В. А., Сеитов С. К., Филимонов И. В. (2024). Методы статистической оценки теневой экономики в сельском хозяйстве // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. Т. 59. № 5. 99-113.
- Мишустин М. (2025). Мишустин: достижение технологического суверенитета и последующего лидерства — одна из ключевых задач // Энергетика и промышленность России. 26.03.2025. <https://www.eprussia.ru/news/base/2025/2988285.htm>
- Моросанова А. А. (2022). Социальные сетевые медиа и цифровые платформы в новых условиях: quo vadis? // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. С. 39-63
- Национальный проект (2025a). Национальный проект «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» // <http://government.ru/rugovclassifier/924/about/>
- Национальный проект (2025b). Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/>
- Перчанок К. (2022). Фьючерсные спреды: классификация, анализ, торговля. М.: Litres.
- Пищик В., Бунич Г. (ред.) (2023). Сотрудничество России с глобальными и региональными институтами в условиях трансформации мировой финансовой архитектуры. М.: Litres.
- Росстат (2023). Сельское хозяйство в России. 2023: Стат.сб. М.: Росстат.
- Толорая Г. Д., Борзова А. Ю., Дежина И. Г., Райнхардт Р. О., Никольская М. В., Краснова Г. А. (2023). Перспективные направления научного сотрудничества: страны БРИКС: доклад № 90 / Под ред. Е. О. Карпинской, Е. А. Солодухиной, С. М. Гавриловой. М.: НП Российский совет по международным делам (РСМД).
- Шерешева М. Ю., Беляев А. А. (2024). Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка // Крестьяноведение. Т. 9. № 4. С. 257-279.

- Abuselidze G. (2021). Use of hedging instruments on example of grain market // 20th International Scientific Conference Engineering for Rural Development Proceedings. P. 1655-1662.
- Atkin M. (2024). *Agricultural Commodity Markets: a Guide to Futures Trading*. Taylor & Francis.
- Bertilorenzi M., Fumian C., Gozzini G. (Eds.) (2025). *A History of the Global Wheat Trade: Actors and Dynamics (1840-1914)*. Taylor & Francis.
- Budd N. (2015). Untying the Gordian knot: Farmers, banks, insurers, warehouse receipts, commodity exchanges, collateral managers and access to credit // *Research Handbook on Secured Financing in Commercial Transactions*. Edward Elgar Publishing. P. 167-192
- Cao Y., Yi C., Wan G., Hu H., Li Q., Wang S. (2022). An analysis on the role of blockchain-based platforms in agricultural supply chains // *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, vol. 163, 102731.
- Centobelli P., Cerchione R., Del Vecchio P., Oropallo E., Secundo G. (2022). Blockchain technology for bridging trust, traceability and transparency in circular supply chain // *Information & Management*. Vol. 59. № 7. P. 103508.
- Chen Z., He Z., Wei W. (2024). Margin rules and margin trading: Past, present, and implications // *Annual Review of Financial Economics*. Vol. 16. P. 153-177.
- Chikhun L., Romanov I. (2023). Factors determining participation of developing countries in global value chains // *BRICS Journal of Economics*. Vol.4. №2. P. 225-242.
- Donner M., De Vries H. (2023). Business models for sustainable food systems: A typology based on a literature review // *Frontiers in Sustainable Food Systems*. Vol. 7. № 1160097.
- Gross A., Varangis P., Biallas M. (2023). Financing needs and solutions for an agribusiness supply chain // *Working with Smallholders. A Handbook for Firms Building Sustainable Supply Chains* (Third Edition). Washington, DC: World Bank Publications. P. 143-198.
- Gürkaynak R. S., Wright J. H. (2023). *Futures and options* // *Research Handbook of Financial Markets*. Edward Elgar Publishing. P. 490-508.
- Ivanov A., Molodyko K., Kalimullina M. (2022). The grain market in India and the creation of the BRICS Grain Union // *BRICS Law Journal*. Vol.9. № 3. P. 117-143.
- Liu Y., Ma X., Shu L., Hancke G. P., Abu-Mahfouz A. M. (2020). From industry 4.0 to agriculture 4.0: Current status, enabling technologies, and research challenges // *IEEE Transactions on Industrial Informatics*. Vol. 17. № 6. P. 4322-4334.
- Liu Y., Zhang Y., Jiang R., Cheng J., Dai J. (2024). Limiting heterogeneity in cross-border data flow: Impact on domestic value chains stability and the role of innovation // *Plos One*. Vol. 19. № 8. Article e0308716.
- McKay B. M., Hall R., Liu J. (Eds.) (2018). *Rural Transformations and Agro-Food Systems: The BRICS and Agrarian Change in the Global South*. London: Routledge.
- Noort M. (2014). Smart seeds for a sustainable future // *Geospat World*. № 4. P. 78-85.
- Oehrtman R. L., Schnake L. D. (2021). *Marketing channels and storage* // *Grain Marketing*. CRC Press. P. 61-91.
- Parameswaran S. K. (2024). *Derivatives Theory and Practice: An Emerging Markets Perspective*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
- Ren Y., Li Z., Wang Y., Zhang T. (2020). Development and prospect of food security cooperation in the BRICS countries // *Sustainability*. Vol.12. № 5. Article 2125.
- Saaïda M. (2024). BRICS Plus: de-dollarization and global power shifts in new economic landscape // *BRICS Journal of Economics*. Vol. 5. № 1. P. 13-33.
- Sokolov A., Shashnov S., Kotsemir M. (2021). From BRICS to BRICS plus: Selecting promising areas of S&T Cooperation with developing countries // *Scientometrics*. Vol. 126. № 11. P. 8815-8859.
- Swatson H., Alabi D., Naidoo K., Coopooamy R., Arthur G. (2024). BRICS agricultural food system and innovations: hope for global food security // *Innovation and Development of Agricultural Systems: Cases from Brazil, Russia, India, China and South Africa (BRICS)*. Singapore: Springer Nature Singapore. P. 183-209.

М. Ю. Шерешева,
А. А. Беляев

К вопросу о Зерно-
вой бирже БРИКС:
роль российских
платформенных
В2В-технологий

- Thakur M., Martens B. J., Hurburgh C. R. (2011). Data modeling to facilitate internal traceability at a grain elevator // *Computers and Electronics in Agriculture*. Vol. 75. № 2. P. 327-336.
- Velkar A. (2010). 'Deep' Integration of 19th Century Grain Markets: Coordination and Standardisation in a Global Value Chain. Working Papers No. 145/10. London: Department of Economic History London School of Economics.
- Winders B. (2016). *Grains*. John Wiley & Sons.
- Wrigley C. W., Batey I. L. (2003). Assessing grain quality // *Bread Making: Improving Quality*. P. 71-96.
- Yadav V. S., Singh A. R., Raut R. D., Mangla S. K., Luthra S., Kumar A. (2022). Exploring the application of Industry 4.0 technologies in the agricultural food supply chain: A systematic literature review // *Computers & Industrial Engineering*. Vol. 169. № 108304.
- Yueqin L. (2020). Cooperation among the BRICS countries for developing emerging industries // *The BRICS Studies*. London: Routledge. P. 246-259.

On the BRICS Grain Exchange: The role of the Russian platform B2B-technologies⁶

Marina Yu. Sheresheva, DSc (Economics), Head of the Marketing Department and Laboratory for Institutional Analysis, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, bldg. 46, Moscow, 119991. E-mail: m.sheresheva@mail.ru.

Artem A. Belyaev, PhD (History), CEO of "Znamensky Trade Company", Co-founder of "Grain Chain", Adviser to the President of the Association "Afanasy Nikitin". E-mail: ab@gncn.ru

Abstract. The article identifies opportunities and directions for the use of the Russian digital platform solutions to develop the BRICS Grain Exchange. Based on the analysis of academic literature, the authors describe the features of exchange trade in agricultural products and the dangers of its turning into a platform for hedging price risks and financial speculation (when a balance of supply and demand for physical goods would have no impact on prices). The authors propose to use the Russian B2B platform technologies to ensure a balance of interests of different business forms in the agro-industrial complex, providing an example of the GrainChain digital platform technologies developed for the grain and oilseeds market and a possible technological basis for the BRICS Grain Exchange. The digital trading channel for agribusiness supported by the Russian technology can ensure transparency of interactions between the BRICS countries, since the exchange and platform solutions in B2B trading would increase the number of trade participants in the digital space and speed up the formation of price indices based on a representative sample.

Key words: technological sovereignty, food security, digital platforms, technological innovation, agribusiness, BRICS

References

- Abuselidze G. (2021) Use of hedging instruments on the example of grain market. *Proceedings of the 20th International Scientific Conference on Engineering for Rural Development*, pp. 1655-1662.
- Atkin M. (2024) *Agricultural Commodity Markets: A Guide to Future Trading*, Taylor & Francis.

6. The article was written with the financial support of the Russian Science Foundation. Project No. 24-28-00711.

- Bertilorenzi M., Fumian C., Gozzini G. (Eds.) (2025) *A History of the Global Wheat Trade: Actors and Dynamics (1840–1914)*, Taylor & Francis.
- Boyko A. (2025) Mishustin otchitalsya o rabote novogo pravitelstva v proshlom godu [Mishustin reported on the work of the new government in the last year]. *Vedomosti*. 26.03.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/03/26/1100438-mishustin-otchitalsya-o-rabote>.
- Budd N. (2015) Untying the Gordian knot: Farmers, banks, insurers, warehouse receipts, commodity exchanges, collateral managers and access to credit. *Research Handbook on Secured Financing in Commercial Transactions*, Edward Elgar Publishing, pp. 167–192.
- Cao Y., Yi C., Wan G., Hu H., Li Q., Wang S. (2022) An analysis on the role of block-chain-based platforms in agricultural supply chains. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, no 163.
- Centobelli P., Cerchione R., Del Vecchio P., Oropallo E., Secundo G. (2022) Blockchain technology for bridging trust, traceability and transparency in circular supply chain. *Information & Management*, vol. 59, no 7.
- Chen Z., He Z., Wei W. (2024) Margin rules and margin trading: Past, present, and implications. *Annual Review of Financial Economics*, vol. 16, pp. 153–177.
- Chikhun L., Romanov I. (2023) Factors determining participation of developing countries in global value chains. *BRICS Journal of Economics*, vol. 4, no 2, pp. 225–242.
- Donner M., De Vries H. (2023) Business models for sustainable food systems: A typology based on a literature review. *Frontiers in Sustainable Food Systems*, vol. 7.
- Glotova I. I., Tomilina E. P., Maksimova E. V. (2022) Osobennosti birzhevoj trgovli selskokhozyajstvennoj produktsiej [Features of the exchange trade in agricultural products]. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta*, vol. 15, no 1, pp. 244–255.
- Gross A., Varangis P., Biallas M. (2023) Financing needs and solutions for an agribusiness supply chain. *Working with Smallholders. A Handbook for Firms Building Sustainable Supply Chains*, Washington: World Bank Publications, pp. 143–198.
- Gürkaynak R. S., Wright J. H. (2023) Futures and options. *Research Handbook of Financial Markets*, Edward Elgar Publishing, pp. 490–508.
- Ignatov A. A. (2020) Tsirovaya ekonomika v BRIKS: perspektivy mnogostoronnego sotrudnichestva [Digital economy in the BRICS: Prospects for multilateral cooperation]. *Vestnik Mezhdunarodnyh Organizatsij*, vol. 15, no 1, pp. 31–62.
- Ivanov A., Molodyko K., Kalimullina M. (2022) The grain market in India and the creation of the BRICS Grain Union. *BRICS Law Journal*, vol. 9, no 3, pp. 117–143.
- Ivanov A.Yu., Molodyko K.Yu. (2022) Na chetyreh nogah. Kak obespechit novy mirovoj prodovolstvenny poryadok [On four legs. How to ensure a new world food order]. *Russia in Global Politics*, vol. 20, no 3, pp. 161–176.
- Kashuro I. A., Stupenkova Z. E. (2024) Nauchno-tehnologicheskoe sotrudnichestvo stran BRIKS na sovremennom etape [Scientific-technological cooperation of the BRICS countries at the present stage]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 27: Globalistika i Geopolitika*, no 3, pp. 74–84.
- Kazanskaya deklaratsiya (2024) Ukreplenie mnogostoronnosti dlya spravedlivogo globalnogo razvitiya i bezopasnosti [Kazan Declaration. Strengthening Multilateralism for Equitable Global Development and Security]. 23.10.2024. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDgoQRs3xfMUiCamF3LEho2OL3Hk.pdf>.
- Kiselev S. V., Samsonov V. A., Seitov S. K., Filimonov I. V. (2024) Metody statisticheskoy otsenki tenevoj ekonomiki v selskom khozyajstve [Methods of the statistical assessment of the shadow economy in agriculture]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, vol. 59, no 5, pp. 99–113.
- Liu Y., Ma X., Shu L., Hancke G. P., Abu-Mahfouz A. M. (2020) From industry 4.0 to agriculture 4.0: Current status, enabling technologies, and research challenges. *IEEE Transactions on Industrial Informatics*, vol. 17, no 6, pp. 4322–4334.

М. Ю. Шерешева,

А. А. Беляев

К вопросу о Зерновой бирже БРИКС: роль российских платформенных В2В-технологий

- Liu Y., Zhang Y., Jiang R., Cheng J., Dai J. (2024) Limiting heterogeneity in cross-border data flow: Impact on domestic value chains stability and the role of innovation. *Plos One*, vol. 19, no 8.
- McKay B. M., Hall R., Liu J. (Eds.) (2018) *Rural Transformations and Agri-Food Systems: The BRICS and Agrarian Change in the Global South*, London: Routledge.
- Mishustin M. (2025) Mishustin: dostizhenie tekhnologicheskogo suvereniteta i posleduyushchego liderstva — odna iz klyuchevykh zadach [Mishustin: Achieving technological sovereignty and subsequent leadership is one of the key tasks]. *Energetika i Promyshlennost Rossii*. 26.03.2025. URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2025/2988285.htm>.
- Morosanova A. A. (2022) Sotsialnye setevye media i tsifrovye platformy v novykh usloviyakh: quo vadis? [Social media and digital platforms in the new environment: Quo vadis?]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, no 4, pp. 39–63.
- Natsionalnyy proekt (2025a) “Tekhnologicheskoe obespechenie proizvodstvennoy bezopasnosti” [National project “Technological Support of Food Security”]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/924/about>.
- Natsionalnyy proekt (2025b) “Ekonomika dannykh i tsifrovaya transformatsiya gosudarstva” [National project “Data Economy and Digital Transformation of the State”]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about>.
- Noort M. (2014) Smart seeds for a sustainable future. *Geospat World*, no 4, pp. 78–85.
- Oehrtman R. L., Schnake L. D. (2021) Marketing channels and storage. *Grain Marketing*, CRC Press, pp. 61–91.
- Parameswaran S. K. (2024) *Derivatives Theory and Practice: An Emerging Markets Perspective*, Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
- Perchanok K. (2022) *Fyuchersnyye spredy: klassifikatsiya, analiz, trgovlya* [Futures Spreads: Classification, Analysis, Trade], Moscow: Litres.
- Pishchik V., Bunich G. (Red.) (2023) *Sotrudnichestvo Rossii s globalnymi i regionalnymi institutami v usloviyakh transformatsii mirovoy finansovoy arkhitektury* [Russia's Cooperation with Global and Regional Institutions under the Transformation of the Global Financial Architecture], Moscow: Litres.
- Ren Y., Li Z., Wang Y., Zhang T. (2020) Development and prospect of food security cooperation in the BRICS countries. *Sustainability*, vol. 12, no 5.
- Rosstat (2023) *Selskoe khozyajstvo v Rossii* [Agriculture in Russia], Moscow.
- Saaida M. (2024) BRICS plus: De-dollarization and global power shifts in new economic landscape. *BRICS Journal of Economics*, vol. 5, no 1, pp. 13–33.
- Sheresheva M. Y., Belyaev A. A. (2024) Tsifrovye platformy v agrobiznese: tekhnologicheskaya osnova vzaimovыgodnogo vzaimodeystviya igrokov rynka [Digital platforms in agribusiness: A technological basis for mutually beneficial interaction of market players]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 4, pp. 257–279.
- Sokolov A., Shashnov S., Kotsemir M. (2021) From BRICS to BRICS plus: Selecting promising areas of S&T Cooperation with developing countries. *Scientometrics*, vol. 126, no 11, pp. 8815–8859.
- Swatson H., Alabi D., Naidoo K., Cooposamy R., Arthur G. (2024) BRICS agricultural food system and innovations: Hope for global food security. *Innovation and Development of Agricultural Systems: Cases from Brazil, Russia, India, China and South Africa (BRICS)*, Singapore: Springer Nature, pp. 183–209.
- Thakur M., Martens B. J., Hurburgh C. R. (2011) Data modeling to facilitate internal traceability at a grain elevator. *Computers and Electronics in Agriculture*, vol. 75, no 2, pp. 327–336.
- Toloraya G. D., Borzova A. Yu., Dezhina I. G., Rajnhardt R. O., Nikolskaya M. V., Krasnova G. A. (2023) *Perspektivnye napravleniya nauchnogo sotrudnichestva: strany BRIKS: doklad No. 90* [Promising Areas of Scientific Cooperation: BRICS Countries: Report No. 90] (Ed. by E. O. Karpinskaya, E. A. Solodukhina, S. M. Gavrilova), Moscow: NP RSMD.

- Velkar A. (2010) *'Deep' Integration of the 19th Century Grain Markets: Coordination and Standardization in a Global Value Chain. Working Paper No. 145/10*, London: Department of Economic History of the London School of Economics.
- Vinogradova E. A. (2024) Tsifrovaya povestka BRIKS: v interesah mirovogo bolshinstva [BRICS digital agenda: In the interests of the global majority]. *Problemy Nacionalnoj Strategii*, no 5, pp. 44–63.
- Vlasova A. V., Ivanova V. A., Zhiryakova D. D., Mukhina E. G., Machekhina V. V. (2018) Podderzhka rossijskih kompanij v selskom khozyajstve Brazilii, Indii, YuAR i Kitae [Support of the Russian companies in agriculture of Brazil, India, South Africa and China]. *Prioritetnye napravleniya vzaimodejstviya Rossii so stranami-partnerami BRICS*, pp. 373–415.
- Winders B. (2016) *Grains*, John Wiley & Sons.
- Wrigley C. W., Batey I. L. (2003) Assessing grain quality. *Bread Making: Improving Quality*, pp. 71–96.
- Yadav V. S., Singh A. R., Raut R. D., Mangla S. K., Luthra S., Kumar A. (2022) Exploring the application of Industry 4.0 technologies in the agricultural food supply chain: A systematic literature review. *Computers & Industrial Engineering*, vol. 169.
- Yueqin L. (2020) Cooperation among the BRICS countries for developing emerging industries. *The BRICS Studies*, London: Routledge, pp. 246–259.
- Zhukova M. A., Ulezko A. V. (2021) *Perspektivy tsifrovoj transformatsii selskogo khozyajstva* [Prospects for Digital Transformation of Agriculture], Voronezh: Voronezhsky gosudarstvenny agrarny universitet im. Imperatora Petra I.

М. Ю. Шерешева,
А. А. Беляев

К вопросу о Зерновой бирже БРИКС: роль российских платформенных В2В-технологий

Современный опыт реализации китайской стратегии по развитию сельского хозяйства в Северо-Восточном регионе КНР¹

С. Б. Макеева

Светлана Борисовна Макеева, доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом региональной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6. E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется аграрное развитие Северо-Восточного региона КНР, при этом особое внимание уделяется современному опыту реализации сельскохозяйственной стратегии в трех северо-восточных провинциях: Хэйлунцзяне, Цилине и Ляонине. С 2003 г. в данных провинциях осуществляется стратегия возрождения старой промышленной базы, а с 2023 г. приоритетным выступает усиление сельскохозяйственного комплекса и обеспечение продовольственной безопасности Северо-Востока КНР. На основе анализа нормативно-правовых и статистических данных, содержащихся в отчетах о развитии Северо-Восточного Китая, в статье предпринята попытка обобщить накопленный опыт реализации стратегии развития сельского хозяйства в северо-восточных провинциях Китая. Основными методами исследования являлись системный и статистический. Автор устанавливает, что Северо-Восток КНР обладает значительными преимуществами в развитии аграрного сектора народного хозяйства. Определено, что возрождение северо-восточной промышленной базы с 2003 г. выступило толчком к оживлению аграрного производства, что в дальнейшем привело к разработке и включению Дунбэя в проект создания сильного сельскохозяйственного китайского государства. В настоящий момент Северо-Восток Китая активно вовлечен в процесс формирования высококачественного, научно-технологического, «зеленого» и «брендового» сельского хозяйства. Реализация новой аграрной стратегии Китая в Северо-Восточном регионе оказывает влияние на возрождение сельской инфраструктуры провинций Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин.

Ключевые слова: Северо-Восток Китая, «черноземный пояс», сельскохозяйственное производство, стратегия, сельские территории, аграрные работники, «зеленое» продовольствие, зерноводство, животноводство, «брендовое» сельское хозяйство, продовольственная безопасность

EDN: CAAWWD

-
1. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00276 «Система взаимодействия России и Северо-Восточного, Северо-Западного регионов Китая в условиях обострения мировых угроз в социально-демографической, эколого-экономической сферах». URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00276/>

В настоящее время одним из приоритетных направлений региональной политики Китая выступает скоординированное экономическое усиление крупных регионов. Северо-Восточный регион (东北地区 «Дунбэй»), включающий в себя три провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, обладает значительным геостратегическим, ресурсным, промышленным и сельскохозяйственным потенциалом развития (рис. 1). С 2003 года в северо-восточных провинциях реализуется стратегия возрождения старой промышленной базы. С 2023 года в рамках ускорения строительства сильного аграрного китайского государства приоритетным выступает усиление сельскохозяйственного комплекса и обеспечение продовольственной безопасности Северо-Востока КНР. В Китае под продовольственной безопасностью (粮食安全) понимается обеспечение населения продуктами питания, необходимыми для выживания и здоровья жителей государства. Данный вид безопасности обозначен китайским правительством как один из стратегически важных и определяющих развитие национальной экономики КНР. О значимости и актуальности этого положения говорит и то, что 29 декабря 2023 года был принят Закон о продовольственной безопасности КНР, согласно которому первоочередным в Китае выступает снабжение продовольствием населения для обеспечения социально-экономической стабильности и общегосударственной безопасности.

Северо-Восточные провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин стремятся войти в состав передовых аграрных провинций Китая, используя преимущества черноземной территории, опыт зерноводческой и животноводческой деятельности, возможности применения машиностроительного комплекса для нужд сельского хозяйства.

Исследование реализации аграрной стратегии в Северо-Восточном Китае имеет особую актуальность, т.к. данный регион граничит с Россией и уже накоплен значительный опыт межрегионального китайско-российского сотрудничества в сельскохозяйственной сфере. Все это значимо с точки зрения поддержания и расширения торгово-экономических связей, продвижения российских брендов и выхода отечественных предпринимателей на китайский рынок, а также при определении будущих перспектив сотрудничества России с провинциями Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин.

Некоторые аспекты эволюции и современного состояния региональной политики Китая по развитию сельского хозяйства Дунбэя находят отражение в зарубежной и отечественной науке. Так, исторические исследования эволюции северо-восточного аграрного производства занимают одно из центральных мест в китайской науке (Хэ, 2002; Ли, Ван, 2011; Шань, 2020; Ли, 2022). Китайские ученые рассматривают аграрное развитие Северо-Востока Китая в рамках комплексного экономического возрождения этой территории (Цзян, 2007; Ван, 2008), тема влияния возрождения сельского хозяйства на экономическое развитие Дунбэя отражена в работах китайских исследователей (Ли, Чжан, 2005; Чжан, Ван, 2023).

Большинство исследований отечественных ученых посвящено мониторингу состояния территории Северо-Восточного Китая (Зборцева, 2022; Макеева, 2020).

Рис. 1. Карта Северо-Восточного китайского региона, включающего три провинции Хэйлунцзян (黑龙江省), Цзилинь (吉林省), Ляонин (辽宁省)

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей современной стратегии развития сельского хозяйства в северо-восточных провинциях Китая. Представленная статья основана на анализе официальных документов Народных правительств китайских северо-восточных провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, а также официальных статистических данных, содержащихся в отчетах за последние годы.

Аграрное развитие Северо-Восточного Китая накануне перехода к новой сельскохозяйственной стратегии (вторая половина XX — начало XXI в.)

После основания Китайской Народной Республики в 1949 году Северо-Восточный регион, включавший в себя три провинции — Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, стал важной промышленно-аграрной базой всего китайского государства. В 1950-е годы огромное внимание уделялось индустриальному подъему Дунбэя в рамках строительства плановой экономики КНР. Китайская стратегия ин-

дустриализации определяла приоритетным усиление тяжелой промышленности во всех регионах КНР, включая Северо-Восточный Китай. Ведущую роль в возведении крупных промышленных предприятий на территории Дунбэя играла поддержка Советского Союза. В создании индустриального центра на Северо-Востоке КНР принимали огромное участие тысячи китайских инженеров из других китайских районов.

В 1950-е годы Северо-Восточный Китай специализировался на добыче минеральных ресурсов, развитии лесоперерабатывающей и сталелитейной промышленности. Сельское хозяйство рассматривалось как вспомогательный сектор экономики, дополнявший процесс всеобщей индустриализации. В условиях построения плановой экономики на всей территории Китая, в том числе и Дунбэе, началось внедрение системы коллективной собственности на землю через сельскохозяйственную кооперацию и создание народных коммун. С 1949 по 1958 год в аграрном секторе северо-восточных провинций были распространены сельскохозяйственные производственные кооперативы, в которых крестьяне не имели ни средств производства, ни самостоятельности в труде. А с 1958 по 1976 год на смену кооперативам пришли народные коммуны, представлявшие собой государственные центры управления в сельской местности, ориентированные на жесткий социальный контроль, а не на повышение производительности труда.

Социалистическая трансформация сельского хозяйства, с одной стороны, оказала определенное положительное влияние на экономическое развитие Северо-Восточного региона. Аграрная кооперация и образование народных коммун способствовали строительству на сельскохозяйственных угодьях Дунбэя водоохранной и другой инфраструктуры, обеспечивавшей крупномасштабное возделывание земель. Так, например, в 1950-е годы Северо-Восточный регион лидировал по производству зерна в Китае, полностью обеспечивая три провинции — Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин зерновой продукцией и поставляя зерно во внутренние районы КНР. С другой стороны, сельскохозяйственная кооперация и реализация системы народных коммун также имела и негативные последствия для аграрного развития страны. Командный стиль управления приводил к возникновению серьезных ошибок в работе народных коммун. Был нарушен порядок в производстве такой сельскохозяйственной продукции, как хлопок, масличные культуры, мясо. Производительность труда в сельском хозяйстве Северо-Восточного Китая с начала 1960-х по конец 1970-х годов падала, аграрные работники теряли заинтересованность в развитии сельскохозяйственного производства, что негативно сказывалось на региональной экономике Дунбэя.

Таким образом, китайская государственная региональная аграрная политика в отношении северо-восточных провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин в период построения плановой экономики

с 1949 по 1978 год не смогла полностью реализовать сельскохозяйственный потенциал Дунбэя. Рассмотрение аграрного сектора как вспомогательного элемента при повсеместной и масштабной индустриализации снижало значимость сельскохозяйственного производства. Социалистическая трансформация аграрного сектора Дунбэя через создание кооперативов и народных коммун придавала первостепенное значение усилению государственного политического контроля за жителями сельской местности северо-восточных провинций, ограничивая производственные возможности и инициативы аграрных работников.

После перехода к политике «реформ и открытости» с 1978 года для региональной экономики Северо-Восточного Китая наступили сложные времена. Китайское правительство уделяло приоритетное внимание экономическому подъему юго-восточных прибрежных провинций. Снижение значимости тяжелой и оборонной промышленности сказалось на развитии Дунбэя, где было сосредоточено большое количество государственных предприятий данных профилей. Северо-Восточный регион не смог привлечь передовые технологии и иностранные инвестиции в развитие своей промышленности. Аграрный сектор как вспомогательный элемент индустриального развития Дунбэя на первых этапах политики реформ также претерпел значительные последствия.

В условиях включения сельскохозяйственной отрасли всех регионов Китая в политику «реформ и открытости» в 1980-е годы аграрный сектор Дунбэя стал рассматриваться не как вспомогательный элемент индустриализации, а как основа национальной экономики Китая и главный источник снабжения продовольствием населения северо-восточных провинций. При построении социалистической рыночной экономики в аграрном производстве уделялось особое внимание системе земельных контрактов, при которой сельский житель на срок до 15 лет мог получать от государства во временное владение участок земли и развивать индивидуальное аграрное производство. В результате с 1985 по 1991 год сельскохозяйственное производство в Дунбэе резко возросло. Одновременно развивались различные типы сельскохозяйственных производителей от крупных государственных аграрных предприятий и крупных частных хозяйств до многочисленных частных аграрных кооперативов.

Сельское хозяйство Дунбэя в условиях политики «реформ и открытости» самостоятельно обеспечивало потребности в аграрной продукции трех северо-восточных провинций — Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, но выход на общегосударственный уровень был затруднен отсутствием комплексной государственной программы. Переход в 1999 году КНР к стратегии скоординированного регионального развития, в которой приоритетным выступало не только усиление Восточного прибрежного региона Китая, но и Западного, Центрального и Северо-Восточного, благоприятно отразился

на актуализации векторов аграрного развития Дунбэя и использования уникального потенциала сельскохозяйственного производства трех северо-восточных провинций. Ведущие научно-исследовательские институты и «мозговые центры» КНР при поддержке центрального народного правительства приступили к разработке государственных программ по восстановлению региональной экономики Дунбэя и встраиванию данной территории в общий механизм роста экономики Китая. Модернизация, трансформация, комплексность и координация стали ведущими векторами в разработке новых государственных программ для аграрного комплекса Северо-Востока, реализация которых не носила ускоренный характер, а была постепенной и последовательной.

В 2003 году китайское центральное правительство принимает решение о начале реализации стратегии «Возрождение старой северо-восточной промышленной базы» по комплексному восстановлению народного хозяйства трех северо-восточных провинций и улучшению социально-экономической ситуации на Северо-Востоке Китая. В ее рамках началась трансформация региональной инфраструктуры Дунбэя, что отразилось на аграрном комплексе этой территории (Ван, 2008: 71; Ли, Чжан, 2005: 115–116). Для китайского правительства было важным комплексно использовать весь потенциал Северо-Восточного Китая и не рассматривать сельскохозяйственный сектор трех северо-восточных провинций как вспомогательный. Была сформирована новая региональная аграрная политика, направленная на освобождение от налогообложения сельскохозяйственного производства, разработку новых видов сельскохозяйственного оборудования (Сунь, 2007: 1–5; Сунь, 2007: 1–6; Ван, Лю, Юй, Чжан, 2002: 1–8). Основу региональных преобразований составило реформирование государственных агропромышленных предприятий, которое включало в себя создание современной системы независимых предприятий, адаптированных к социалистическому рынку и несущих ответственность за прибыль и потери. Возросла доля экспортно-ориентированной экономики, ускорилась структурная перестройка промышленности по глубокой переработке сельскохозяйственной продукции, было усилено строительство сельской инфраструктуры, внедрены принципы экологической цивилизации и охраны окружающей среды в аграрный комплекс Дунбэя (Цзян, 2007: 131; Чэнь, 2007: 109).

В ходе возрождения Северо-Востока Китая в 2000-е годы на пути преобразований в сельском хозяйстве данного региона возникали и трудности. Дунбэй являлся производственной зерновой и животноводческой базой с лучшими сельскохозяйственными ресурсами и наибольшим потенциалом для увеличения аграрного производства (Лю, Хэ, Дэн, Сун, У, 2002: 313; Хэ, 2002: 271), но сельскохозяйственная инфраструктура и уровень внедрения научно-технологических инноваций были слабыми, а эффективность аграрного производства — низкой. Для решения этих проблем в 2010 году Го-

сударственный совет КНР разработал программу трансформации и создания современного сельского хозяйства в Северо-Восточном регионе². Начались изменения в зерноводческом комплексе Дунбэя (Ли, 2011: 93). В соответствии с общегосударственным планом по увеличению мощности производства зерна северо-восточные провинции с 2010-х годов сосредоточились на выращивании высококачественного короткозерного риса на равнинах Саньцзян, Суннэнь и Ляохэ (Ли, Ван, 2011: 201; Ши, 2007: 349). Осуществлялась работа по увеличению урожайности кукурузы, разведению новых сортов сои, расширению площадей посевов картофеля, арахиса, фруктов, овощей, грибов и лекарственных растений. Трансформация северо-восточного сельскохозяйственного комплекса коснулась и животноводческого сектора. При финансовой поддержке центрального китайского правительства создавались базы по производству мяса, яиц, молока и пуха во всем Дунбэе, а в провинции Ляонин были основаны фермы по выращиванию и переработке морепродуктов. Иными словами, система региональной аграрной политики в Северо-Восточном Китае в 2000-е годы носила комплексный характер по использованию потенциала всех структурных элементов сельскохозяйственного производства Дунбэя.

В ходе возрождения Северо-Востока Китая в 2010-е годы региональная аграрная политика также была ориентирована на вовлечение сельскохозяйственного сектора Дунбэя в общегосударственный процесс подъема экономики, при этом ведущее значение стало уделяться внедрению принципов экологической цивилизации и созданию информационного общества в сельской местности северо-восточных провинций. На всех уровнях сельскохозяйственного производства от уездов до городов формировались инновационные отрасли по переработке агропродукции, строились и реконструировались водохозяйственные объекты (гидроузел Хадашань, ирригационная зона Саньцзян, водохранилище Ниэрци). Проводилась активная работа по повышению урожайности основных обрабатываемых земель, укреплению наклонных сельскохозяйственных угодий. Особое внимание уделялось повышению механизации при уборке кукурузы, пересадке риса, рыхлении почвы. В 2010-е годы в Северо-Восточном Китае была развернута работа по информатизации сельского хозяйства, созданию центров распределения аграрной продукции, строительству зернохранилищ. Планирование новых сельских районов предусматривало строительство домов с водоснабжением, электричеством и газом (Чжунго, 2018). В целях совершенствования сельскохозяйственного производства привлекались достижения местной промышленности для создания тракторов большой мощности, высокопроизводительных кукурузоуборочных комбайнов, заводского оборудования для выращивания рассады риса, оборудования для суш-

2. Уведомление о создании современного сельского хозяйства. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2010/content_1765279.htm

ки зерна и рисоуборочной вспомогательной техники (Шань, 2020: 521; Ли, 2018: 109–118). По замыслу китайского правительства планировалось превратить северо-восточную территорию в крупнейший «зеленый» регион — базу по производству органических продуктов питания (И, Хуан, Тун, Ху, 2019: 509). Получили практическое распространение экоцивилизационные принципы ведения сельского хозяйства. Осуществлялось восстановление черноземных почв с помощью использования органических удобрений. В результате в 2010-е годы продолжилось оживление сельскохозяйственного производства на Северо-Востоке Китая в рамках таких новых векторов регионального развития, как экологическая цивилизация и информатизация.

Таким образом, аграрная история Северо-Восточного региона это путь развития уникального сельскохозяйственного комплекса Дунбэя в качестве вспомогательного элемента индустриализации в 1949–1978 годы, северо-восточного сектора апробации социалистической рыночной экономики в 1978–1999 годы, а также переходной аграрной отрасли реализации подъема региональной экономики Северо-Востока Китая с 2003 по 2020 год. Возникновение и апробация государственных программ по оживлению сельскохозяйственного производства в Северо-Восточном Китае с 2003 года по 2020 год заложили основы процесса включения Дунбэя в проект создания сильного аграрного китайского государства в дальнейшем.

Характеристика современного состояния аграрного комплекса Северо-Восточного Китая: преимущества и проблемы

Индустриальная отсталость Дунбэя в начале XXI века сыграла ведущую роль в переориентации этой территории в один из аграрных центров, чему способствуют уникальные природно-географические условия, т.к. Дунбэй располагается в зоне «черноземного пояса», что обеспечивает высокую урожайность аграрных культур. В пространственной экономической структуре Китая Северо-Восточный регион принято рассматривать как одну из зерноводческих и животноводческих баз государства. Подъем сельскохозяйственного производства активно реализуется в Дунбэе, так же как и в других крупных регионах КНР — Восточном, Центральном и Западном. Но Северо-Восточный регион обладает значимыми преимуществами по сравнению с другими регионами. Так, например, активное индустриальное развитие после начала политики «реформ и открытости» и рост урбанизации ограничивали аграрный потенциал Восточного Китая в пользу промышленного производства. Но сейчас это территория с высоким комплексным технологическим уровнем, где сосредоточены основные производственные мощности китайского государства. Природно-географические особенности Западного Китая и преобладание горной и пустынной местности не позволяют в полном объеме развивать сельское хозяйство на данных территориях. Китайские эксперты

характеризуют аграрное развитие западных провинций и автономных районов в настоящее время как «развивающееся». В Центральном Китае разрабатываются и апробируются новые программы подъема сельскохозяйственного производства, которые зависят от успехов реализации транспортно-логистических проектов. В сложившихся условиях китайское правительство рассматривает сельскохозяйственное развитие Дунбэя как одно из важных сравнительных преимуществ региональной экономики Северо-Восточного Китая.

Оценивая современное состояние аграрного комплекса Дунбэя, стоит отметить, что общая площадь обрабатываемых земель на Северо-Востоке Китая составляет 28 млн га, из них в Хэйлунцзяне — 17 млн га, в Цзилине — 7 млн га и в Ляонине — 4 млн га. Большая часть северо-восточных пахотных угодий располагается на равнинах Саньцзян и Суннэнь (провинции Хэйлунцзян и Цзилинь), равнине Ляохэ (провинция Ляонин). Для развития животноводства в Дунбэе задействовано 1 млн 593 тысячи га, включая территорию Цзилиня — 675 тысяч га, Хэйлунцзяна — 568 тысяч га и Ляонина — 350 тысяч га.

Общая площадь территории садоводческих хозяйств на Северо-Востоке КНР составляет 636 тысяч га, из них в Ляонине — 599 тысяч га, в Хэйлунцзяне — 27 тысяч га и в Цзилине — 10 тысяч га. Садоводческая продукция Северо-Восточного региона реализуется не только в Китае, но и в соседней России. Анализ торгово-экономических межрегиональных связей российских и китайских регионов за последние годы показывает, что китайские фрукты поставляются в субъекты Дальневосточного федерального округа (ДВФО), большая часть которых являются приграничными с Северо-Восточным Китаем — Забайкальский край, Амурская область, Приморский край³. Так, например, на первом месте в структуре импорта Забайкальского края и Республики Бурятия с 2018 по 2023 год находилась категория товаров растительного происхождения, включая фрукты, поставляемые из китайского Дунбэя. В остальных субъектах ДВФО России садоводческая продукция из Северо-Восточного региона КНР также получила широкое распространение.

Оценивая экономические характеристики аграрного комплекса Дунбэя на основе изучения статистических материалов за 2023 год, стоит отметить, что общая стоимость продукции сельского, лесного хозяйства, животноводства и рыболовства в Северо-Восточном Китае составила 819 млрд юаней. В основном в Дунбэе выращивают рис, кукурузу, сою и масличные культуры. Общий объем производства зерна за 2023 год в Хэйлунцзяне составил 77,8 млн тонн, в Цзилине — 41,8 млн тонн, а в Ляонине — 25,6 млн тонн (табл. 1). Особое внимание уделяется эффективному использованию земельных ресурсов и запасов семян. Сформирована система

3. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 11.10.2024)

противостояния стихийным бедствиям. Ежегодно Северо-Восточный регион собирает рекордные урожаи зерна в размере 150 млн тонн (Чжан, Ван, 2023: 287). Характеризуя развитие животноводства в Северо-Восточном Китае, стоит отметить, что за 2023 год общий объем производства мяса свинины, говядины, баранины и птицы составил 10,9 млн тонн. Во всех трех провинциях в 2023 году наблюдался рост производства свинины. Больше всего мяса свинины и птицы производили в провинции Ляонин. Лидером по производству мяса говядины и баранины выступила провинция Хэйлунцзян. Также данная провинция в 2023 году нарастила объемы производства молока, но снизила объемы производства яиц. Лидером по развитию рыболовства в Дунбэе являлась приморская провинция Ляонин. Годовой объем производства водной продукции в Ляонине достиг 5 млн тонн, а в Цзилине всего 255 тысяч тонн. В Северо-Восточном Китае активно выращивают овощи, фрукты и грибы. Лидером по производству фруктов, овощей и грибов являлась провинция Ляонин⁴. В Хэйлунцзяне получило распространение производство экологически чистых продуктов питания. В настоящее время на территории Хэйлунцзяна функционируют 1147 предприятий по производству «зеленой» агропродукции. Под «зеленой» в Китае понимается безопасная, высококачественная и питательная сельскохозяйственная продукция, которая соответствует экологически чистым нормам производства. В 2023 году общий объем выращенной «зеленой еды» в Хэйлунцзяне составил 16 млн тонн.

Таблица 1. Динамика производства зерна в северо-восточных провинциях Китая с 2019 по 2023 г., млн тонн

Годы	Хэйлунцзян	Цзилинь	Ляонин
2019	75	38,7	24
2020	75,4	38	23,1
2021	78,7	40,3	25
2022	77,6	40,8	24,2
2023	77,8	41,8	25,6

Источник: Чжан Лэй, Ван Кунь. Дунбэй дицью сяньцунь чжэньсин фачжань бао-гао (Отчет о возрождении и развитии сельских районов в Северо-Восточном Китае). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2023.

4. Статистический бюллетень социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян за 2023 г. URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c108419/202406/coo_31742258.shtml; Статистический бюллетень социально-экономического развития провинции Цзилинь за 2023 г. URL: http://www.jl.gov.cn/shengqing/tzfsz/ndbg/sjcx/zfsj/tjgb/202403/t20240326_3128572.html; Статистический бюллетень социально-экономического развития провинции Ляонин за 2023 г. URL: <https://tjj.ln.gov.cn/tjj/attachDir/2024/03/2024032815431143514.pdf>

В настоящее время в аграрном комплексе Северо-Восточного Китая одновременно функционируют различные типы сельскохозяйственных производителей. Государственные предприятия по своим размерам являются самыми крупными, но по количеству самые немногочисленные и финансируются Народными правительствами северо-восточных провинций. Одним из крупных государственных аграрных предприятий Дунбэя является Аграрная компания Бэйдахуан, созданная еще в 1994 году в Харбине и специализирующаяся на выращивании, переработке, продаже риса и кукурузы. Еще одна из крупнейших государственных аграрных предприятий — созданная в 2016 году компания Цзилинь по развитию сельскохозяйственного производства в одноименной провинции. В Северо-Восточном Китае гораздо большую группу крупнейших аграрных предприятий составляют крупные частные хозяйства, которые неоднократно входили в число ведущих китайских сельскохозяйственных компаний. Среди них компании «Чжуншэн», «Хэфэн», «Ляонин Цзячэнь». Особенностью функционирования крупных частных аграрных хозяйств является широкий спектр их специализации от выращивания зерна до животноводства. Основу аграрного сектора Северо-Восточного Китая составляют самые многочисленные аграрные кооперативы, или «крестьянские кооперативные товарищества» (农民合作社), а также семейные фермерские хозяйства (家庭农场). Данные типы сельскохозяйственных производителей сосредоточены во всех сферах сельскохозяйственного производства Дунбэя от растениеводства до животноводства.

По состоянию на конец 2024 года в аграрном секторе по всему Китаю задействовано 50 млн высокопрофессиональных аграрных работников, большая часть которых сосредоточена на Северо-Востоке Китая. Согласно статистическим данным за 2023 год, в Северо-Восточном регионе КНР проживало 95 млн 834 тысячи человек, из них в сельских районах было зарегистрировано 29 млн 404 тысячи жителей, трудовая деятельность которых связана с развитием сельского хозяйства Китая (табл. 2). За последние годы для сельских районов всех трех северо-восточных провинций характерна убыль населения, что вызвано ростом урбанизации, а также оттоком населения в восточные и юго-восточные города и провинции. Для решения проблемы убыли и старения населения, а также дефицита рабочих рук в аграрном комплексе Дунбэя в механизации сельскохозяйственного производства активно используются инновационные технологии.

Таблица 2. Динамика численности сельского населения северо-восточных провинций Китая с 2019 по 2023 г., чел.

Годы	Хэйлунцзян	Цзилинь	Ляонин
2019	11 516 000	11 228 000	13 880 000
2020	10 905 000	8 964 300	11 330 000

2021	10 722 000	8 702 200	11 500 000
2022	10 470 000	8 545 100	11 329 000
2023	10 071 000	8 253 400	11 080 000

Источник: Чжан Лэй, Ван Кунь. Дунбэй дицью сяньцунь чжэньсин фачжань бао-гао (Отчет о возрождении и развитии сельских районов в Северо-Восточном Китае). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2023.

В аграрном развитии Северо-Восточного региона также существуют и проблемы: несовершенная сельскохозяйственная инфраструктура, сокращение площадей черноземов и ограниченность аграрного производства. Первоочередными задачами Народных провинциальных правительств Хэйлунцзяна, Цилиня и Ляонина становятся защита и расширение площади черноземов, строительство и реконструкция крупномасштабных ирригационных проектов, создание инновационных плодородных сельскохозяйственных угодий, формирование современного семеноводства, инновационная индустриализация сельского хозяйства. Долгосрочными целями считается создание одной из крупнейших в Китае северо-восточной аграрной и животноводческой базы производства и интенсивной переработки сельскохозяйственной продукции, функционирующей в рамках межрегиональных связей с восточными и южными провинциями по «перевозке зерна с севера на юг» и «перевозке мяса с севера на юг».

Итак, Северо-Восток КНР обладает значительными преимуществами в развитии сельскохозяйственного сектора и занимает ведущее место в процессе усиления аграрного хозяйства Китая. Китайское правительство возлагает большие надежды на аграрный Дунбэй и определяет одним из важных сравнительных преимуществ этого региона именно сельское хозяйство.

Механизм внедрения новой стратегии «четыре направления сельскохозяйственного развития» в Северо-Восточном Китае и первые результаты

С 2020 года в Китае получила широкое распространение новая стратегия «четыре направления сельскохозяйственного развития» (四个农业), призванная усилить аграрный сектор всех китайских регионов. Ее суть заключается в создании высококачественного сельского хозяйства, научно-технологического сельского хозяйства, «зеленого» сельского хозяйства и брендового сельского хозяйства. Северо-Восток Китая активно вовлечен в процесс строительства на его территории сильных аграрных провинций и формирования четырех направлений сельского хозяйства.

Механизм внедрения стратегии «четыре направления сельскохозяйственного развития» в Северо-Восточном Китае предпола-

ет активное вовлечение центрального китайского правительства через систему общегосударственного планирования аграрного развития трех северо-восточных провинций, а также через процесс предоставления внутренних финансовых инвестиций для реализации целей по построению высококачественного, научно-технологического, «зеленого» и брендового сельского хозяйства. Кроме того, представители китайского центрального правительства регулярно совершают инспекционные поездки в Северо-Восточный регион, чтобы на местах контролировать региональные аграрные преобразования. Ведущая роль в осуществлении четырех направлений сельскохозяйственного развития Дунбэя отводится Народным правительствам провинций Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин. Местные правительства северо-восточных провинций контролируют механизм трансформации аграрного сектора, включающий четыре уровня: первый — обеспечение безопасности сельскохозяйственной продукции, второй — увеличение доходов от сельскохозяйственной продукции, третий — интеграция сельского хозяйства и производства, четвертый — взаимная интеграция сельского хозяйства и сферы услуг. Все организационные вопросы по внедрению новой аграрной стратегии в каждом сельском районе Дунбэя решают местные власти при поддержке частных предпринимателей и сельского населения. Совместные усилия китайского центрального правительства и местной провинциальной власти направлены на использование в полной мере потенциала черноземной зоны Дунбэя для модернизации сельского хозяйства и сельских районов данной территории КНР.

Стратегия «четыре направления сельскохозяйственного развития» в Северо-Восточном Китае реализуется по следующим векторам:

1. Создание высококачественного китайского северо-восточного сельского хозяйства

Формирование высококачественного сельского хозяйства (高质量农业) — это цель по достижению аграрной мощи КНР и важная часть общегосударственной программы всестороннего содействия возрождению китайских сельских районов. Во всех трех северо-восточных провинциях Китая с 2023 года действуют специальные программы местного уровня, направленные на усиление высококачественного сельского хозяйства исходя из характерных для этих территорий природно-географических условий.

Высококачественное сельское хозяйство Хэйлунцзяна формируется за счет модернизации аграрного комплекса и сельских районов с целью стабилизации обеспечения продовольствием населения как на уровне Северо-Востока, так и всего Китая. В настоящее время в Хэйлунцзяне функционирует 1929 предприятий по переработке аграрной продукции (Сюй, 2023: 92–99). Развитие сельско-

хозяйственного комплекса Хэйлунцзяна соответствует приоритетным направлениям «Плана провинции Хэйлунцзян по укреплению сельскохозяйственной провинции (2019–2025 гг.)»⁵. В провинции реализуется «Трехлетний план действий по ускорению высококачественного развития промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции (2023–2025 гг.)», в рамках которого приоритетное внимание уделяется производству кукурузы, соевых бобов, риса, молочных продуктов и мяса, съедобных грибов и китайских лекарственных растений. Также запущена программа «три продукта — один стандарт» по усилению контроля за качеством отрасли переработки сельскохозяйственной продукции. С 2024 года в Хэйлунцзяне основное внимание уделяется улучшению комплексных возможностей качественного производства зерна, усилению защиты и использования черноземов, внедрению научно-технологических инноваций в сельское хозяйство. Народное правительство провинции делает все возможное для создания уникальной базы семян агрокультур в холодных климатических условиях и формированию платформы промышленного семеноводства «Освоение пустоши Бэйдахуан». В провинции возводится животноводческая база по разведению высококачественной породы японских коров Вагю. Кроме того, запущен сельскохозяйственный проект «одна деревня — один продукт» по специализации населенных пунктов на качественном производстве аграрной продукции. Провинция участвует в общегосударственной программе «наполнения рисовой чаши Китая»⁶. Одна из каждых девяти чашек риса по всему Китаю поставляется из Хэйлунцзяна, что говорит о росте сектора рисоводства в данной провинции.

Высококачественное сельское хозяйство провинции Цзилинь формируется за счет модернизации сфер зерноводства и животноводства. Цзилинь расположена в северо-восточном поясе выращивания кукурузы и риса, а также в центральной части всемирно известного черноземного пояса (Цяо, Ян, 1995: 9–11). Поэтому первоочередной целью выступает увеличение объемов качественного производства зерна. Народное правительство провинции осуществляет переход от модели «продажи зерна» к модели «производства продукции из зерна» на территории Цзилиня, привлекая промышленные мощности провинции и обеспечивая экономический рост местным предприятиям глубокой переработки сельскохозяйственного сырья. При охране черноземных участков земли в Цзилине используется система «полевых начальников» (田长制), при которой усилен механизм контроля за использованием посевных земель.

5. План провинции Хэйлунцзян по укреплению сельскохозяйственной провинции (2019–2025 гг.). URL: http://www.aape.org.cn/cgal/ghal/202105/t20210511_7664497.html

6. Хэйлунцзян создает современное сельское хозяйство. URL: https://www.gov.cn/yaowen/tupian/202309/content_6903260.htm#1

Центром качественной глубокой переработки кукурузы в провинции Цзилинь выступает город Байчэн. Также провинция занимает первое место в стране по производству женьшеня, который перерабатывается в районах Фусун, Цзиань, Цзинъюй, Тунхуа и Яньцзи.

В провинции Ляонин создание высококачественного сельского хозяйства основано на усилении зерноводства, животноводства, добыче и переработке водных продуктов. Пространственное планирование данной провинции предусматривает развитие высококачественной сельскохозяйственной отрасли (Макеева, 2020: 19–25). В настоящее время в Ляонине возводится 15 современных сельскохозяйственных индустриальных парков, 3 агропромышленных кластера и 5 демонстрационных зон модернизации сельского хозяйства. К концу 2023 года здесь насчитывалось 66 тысяч зарегистрированных фермерских кооперативов, 94 тысячи семейных ферм и 160 тысяч новых сельскохозяйственных предприятий, объединяющих 817 тысяч мелких аграрных работников. Ляонин является крупнейшей провинцией по производству зерна. Хотя общий объем производства зерна в этой провинции ниже, чем в Хэйлунцзяне и Цзилине, она также входит в число лидирующих районов страны по производству зерна. Также в Ляонине запущена местная программа «качественного развития морского рыболовства».

Таким образом, первыми результатами формирования высококачественного сельского хозяйства в Дунбэе является рост привлечения китайских и зарубежных инвестиций в создание новых зерноводческих предприятий общегосударственного и провинциального уровня на Северо-Востоке Китая. К первым итогам формирования высококачественного животноводства в Дунбэе стоит отнести рост производства мяса говядины в провинциях Ляонин и Цзилинь, а также строительство трех крупных мясоперерабатывающих промышленных кластеров «Дунхуан», «Сихун» и «Чжунгайлян». Основным итогом создания высококачественного сельского хозяйства в Хэйлунцзяне является формирование крупных аграрных кластеров «Снежинка», «Мраморное мясо» и «Белый гусь». Следовательно, Северо-Восток Китая начинает постепенно занимать ведущее место в обеспечении продовольственной безопасности КНР.

2. Формирование научно-технологического сельского хозяйства Дунбэя

В северо-восточных провинциях внедрение научно-технологических инноваций в сельскохозяйственное производство рассматривается как важный фактор модернизации, трансформации аграрного сектора, а также как способ решения проблем загрязнения почв, повышения производительности при нехватке рабочих рук в сельских районах. Одна из масштабных — программа «Накапливать зерно с помощью земельных ресурсов, накапливать зерно с помощью технологий» («藏粮于地、藏粮于技»), которая имеет свою

специфику реализации в каждой северо-восточной провинции. Например, в Хэйлунцзяне получает широкое распространение технология больших борозд и плотной посадки. В ходе модернизации сельскохозяйственной техники внедрен в использование новый тип сеялки в Цзямусы, а по всей провинции Хэйлунцзян процесс пересадки риса полностью автоматизирован (Чжунго, 2019).

В провинции Ляонин научно-технологическое зерноводство формируется на основе сотрудничества местных аграрных научных институтов и сельскохозяйственных предприятий. Так, например, в мае 2023 года в Ляонине были обнародованы и внедрены местные стандарты «Высококачественных сельскохозяйственных угодий», разработанные Шэньянским сельскохозяйственным университетом, Ляонинской академией сельскохозяйственных наук и семеноводческой компанией Восточной Азии. Результатами сотрудничества сельскохозяйственных научно-образовательных институтов и предприятий Ляонина стало создание новых высокоурожайных сортов риса «Цзиндао 109», «Ляоцзин 433», «Шэньян 529», «Яньцзин 219» и «Шэньнун 508»⁷. Только в первой половине 2024 года в Ляонине было разработано и внедрено 27 вспомогательных технологий возделывания.

В развитии научно-технологического зерноводства провинции Цзилинь ведущее значение отводится выведению новых сортов агрокультур с высокой урожайностью и устойчивостью к солям и щелочам, а также по применению инновационных технологий защиты и использования черноземов. В настоящее время в провинции внедряются 126 ведущих сортов агрокультур, применяются 75 новых технологий сельскохозяйственного производства. В ходе защиты черноземных территорий в провинции привлекаются местные научно-технологические разработки. Так, например, в уезде Нунъянь расположены экспериментальные участки чернозема, на которых апробируют новые методы защиты пахотных угодий ученые из Северо-Восточного института географии Китайской академии наук. Основной целью исследования выступает восстановление чернозема с помощью органических веществ. При развитии «умного» сельского хозяйства с применением научно-технологических разработок в провинции Цзилинь запущен проект по созданию инновационных сельских поселений «Цифровая деревня» (云码村社). Особое место отводится деятельности Чанчуньской зоны высоких технологий, на базе которой созданы экспериментальные поля ведущих учебных и научных заведений Китая по селекции и созданию новых сортов кукурузы⁸.

7. Ляонин стремится раньше осуществить модернизацию сельского хозяйства. URL: http://www.aqsc.agri.cn/gzjl/xtdt/202403/t20240318_439003.htm

8. Цзилинь борется за модернизацию сельского хозяйства. URL: http://www.moa.gov.cn/xw/qg/202407/t20240722_6459482.htm

Таким образом, в Дунбэе к 2024 году уровень комплексной механизации возделывания и уборки основных сельскохозяйственных культур увеличился до 94,5%. Основным итогом аграрной научно-технологической трансформации Северо-Восточного Китая выступает разработка и внедрение инновационной техники. В результате в Ляонине основано 45 интеллектуальных аграрных баз для создания инновационной сельскохозяйственной техники, дронов, навигации и приборов дистанционного зондирования. В производство внедрено 136 500 комплектов «умной» аграрной техники, а уровень комплексной сельскохозяйственной механизации достиг более 84%. В Ляонине активно применяется сельскохозяйственная авиация, в которой ведущее место отводится использованию дронов. В результате запуска местной программы по созданию «умных системно-технологических ферм» в Хэйлунцзяне создано 20 беспилотных интеллектуальных агрохозяйств. В Цилине разрабатывается и внедряется мощная сельскохозяйственная техника от инновационных тракторов до различных сеялок с применением системы видеонаблюдения и навигации. Запущена модель строительства теплоаккумулирующих и энергосберегающих солнечных теплиц, а также обновляются старые овощеводческие предприятия.

Итак, научно-технологический и машиностроительный потенциал Северо-Восточного региона преобразован с помощью инноваций в комплекс «умных» разработок по повышению сельскохозяйственного производства провинций Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин.

3. Создание «зеленого» сельского хозяйства в Дунбэе

В последние годы в Дунбэе получило распространение практическое «зеленое» земледелие, связанное не только с защитой окружающей среды и охраной черноземов, но и предусматривающее сбыт экологически чистой продукции. В рамках формирования «зеленого» сельского хозяйства на территории Цилиня внедряется модель «защитного земледелия» и по масштабам защиты черноземов провинция вышла на первое место в Китае. Всего в Цилине функционируют 2 лаборатории и 5 центров инженерных исследований по защите черноземных угодий (Чжунго, 2020). В городе Сыпин возводится «Китайская демонстрационная инновационная база сельскохозяйственной техники для защиты черноземов». В Хэйлунцзяне запущено ресурсосберегающее земледелие на больших площадях, а также распространено строгое наказание за незаконное загрязнение обрабатываемых земель. Народное правительство данной провинции рассматривает чернозем как «большую панду на пахотной земле», подразумевая применение строгих мер по сокращению этого вида пахотных угодий и сокращению количества применяемых химических удобрений и пестицидов, а также увеличению содержания органических и биотехнологических веществ в почве. В провинции Ляонин уделяется ведущее внимание борь-

бе с эрозией почв черноземных районов и заболачиванием бассейнов рек Ляохэ, Жаоян, Хунхэ и Тайцзы (Макеева, 2021: 14–20).

Таким образом, в итоге первоначального формирования «зеленого» сельского хозяйства на Северо-Востоке Китая к 2024 году первых значительных результатов по выращиванию и сбыту экологически чистой продукции достигла только провинция Хэйлунцзян. Данная провинция позиционирует себя как территория зеленого производства. С 2024 года возводится крупнейшая в стране хэйлунцзянская сельскохозяйственная база по производству экологически чистого мяса, молока и яиц. Формирование «зеленого» сельского хозяйства в этой провинции направлено на онлайн-использование участка земли любым желающим по всему Китаю, который наблюдает по интернету за посадкой, уходом и сбором урожая и в итоге получает по почте экологически чистый продукт.

Итак, формирование «зеленого» сельского хозяйства в Северо-Восточном регионе находится на начальной стадии. По мере дальнейшего практического внедрения идей экологической цивилизации весь Северо-Восток Китая будет включен в производство и сбыт экологически чистой аграрной продукции.

4. Формирование «брендового» сельского хозяйства на Северо-Востоке Китая

Каждая из трех северо-восточных провинций Китая специализируется на производстве уникальной аграрной продукции, продвижение которой на внутренний рынок КНР связано с формированием «брендового» сельского хозяйства. В провинции Ляонин занимаются производством высококачественного риса, мелко-го арахиса, вишни, клубники, морских огурцов и моллюсков. За последние годы в данной провинции получил распространение местный бренд продовольственной продукции «Отличные продукты Ляонина», зерноводческой продукции «Ляонинское хорошее зерно и масло» и сельскохозяйственный бренд «Ляонин». Кроме того, в Ляонине уделяется внимание распространению местных брендов риса «Циндуй» и «Паньцзинь», агропродуктов «Даляньский морской огурец», «Дунганская клубника», «Даляньская вишня». «Брендовое» сельское хозяйство провинции Хэйлунцзян формируется при запуске провинциальных марок аграрной продукции «Суперчернозем» (黑土优品), экологически чистой продукции «5 добродетелей» (五常), «Ваньдашань» (完达山) и «93» (九三). Еще одним популярным брендом Хэйлунцзяна выступает марка «Девять сокровищ восемнадцати продуктов» (九珍十八品), который включает в себя кедровые орехи, черные грибы, клюкву, плоды индиго и др. При развитии на территории провинции Цзилинь «брендового» сельского хозяйства особое значение отводится поддержке местной марки риса «Дар» из района Цзютай.

С. Б. Макеева

Современный опыт реализации китайской стратегии по развитию сельского хозяйства в Северо-Восточном регионе КНР

Таким образом, показателем результативности формирования «брендового» сельского хозяйства является то, что популярные китайские северо-восточные бренды распространены по всему Китаю с помощью платформ электронной коммерции⁹. Кроме того, в 63 городах КНР функционирует 221 офлайн-магазин по продаже товаров китайских брендов Дунбэя¹⁰. С помощью Чанчуньской сельскохозяйственной выставки и международной сельскохозяйственной выставки в Ляонине три северо-восточные провинции выходят на международные рынки и развивают «брендовое» сельское хозяйство.

Новая стратегия «четыре направления сельскохозяйственного развития» реализуется в Северо-Восточном регионе с 2020 года как единый комплекс мероприятий по построению высококачественного, научно-технологического, «зеленого» и брендового сельского хозяйства. В механизм реализации данной стратегии вовлечены все органы управления от центрального китайского правительства до провинциальных народных правительств. От успешности реализации новой аграрной стратегии зависит экономический подъем и возрождение всего Северо-Восточного Китая.

Влияние реализации новой аграрной стратегии на развитие сельских территорий Северо-Востока Китая

Внедрение новой аграрной стратегии в северо-восточных провинциях оказывает значительное влияние на состояние сельских территорий Дунбэя. Народное правительство провинции Хэйлунцзян проводит огромную работу по улучшению инфраструктуры в сельских районах¹¹. Опираясь на успешный опыт других китайских провинций, в Хэйлунцзяне осуществляется планирование и строительство экологически чистых сельских районов в рамках общегосударственной программы возведения «100 высококачественных сельских поселений, 1000 демонстрационных сельских поселений и 10 000 отремонтированных сельских поселений». В рамках развития сельской культуры проводятся фестивали аграрной продукции и спортивные соревнования¹². Например, район Айхуэй в го-

9. Хэйлунцзян активно продвигает модернизацию сельского хозяйства. URL: http://www.moa.gov.cn/xw/qg/202403/t20240311_6451052.htm

10. Хэйлунцзян ускоряет модернизацию сельского хозяйства и сельских районов. URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c107856/202404/c00_31729732.shtml

11. Уведомление Главного управления Народного правительства провинции Хэйлунцзян. URL: https://gxt.hlj.gov.cn/gxt/c106952/202306/c00_31644105.shtml

12. Провинциальный Департамент сельского хозяйства: решительно содействовать комплексному возрождению сельских районов. URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c107857/202407/c00_31754925.shtml

роде Хэйхэ применяет балльную систему для улучшения условий жизни в сельской местности.

Приоритетной задачей в развитии сельских поселений Цзилиня остается создание группы предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. В провинции уделяется внимание гармоничному и красивому сельскому строительству. К 2024 году создано 5 высококачественных, 200 демонстрационных и 1000 отремонтированных сельских поселений. В ходе трансформации водохозяйственной инфраструктуры модернизированы ирригационные районы Даань и Сунъюань. При развитии сельских районов в Цзилине ведущее значение отводится борьбе с бедностью, привлечению населения в сельские районы и повышению доходов аграрных работников¹³. В усилении сельских районов используются преимущества сельского туризма и сельской электронной коммерции¹⁴.

На развитие сельских районов Ляонина влияет интегрированность аграрного сектора провинции во вторичные и третичные сектора региональной экономики. Возрождение сельской территории провинции происходит в ходе модернизации отрасли переработки и производства агропродукции, развития логистики электронной коммерции и сельского культурного туризма. В Ляонине возведено 100 деревень, специализирующихся на сельском туризме, 1000 высококачественных деревень и 43 демонстрационные зоны возрождения сельской территории. В настоящее время в Ляонине модернизированы четыре крупных ирригационных района: Дунган, Линхай, Инкоу и Дэнта. Продолжается ремонт 26 крупных и средних ирригационных сооружений, в том числе Хунпу, Гушань и Цзюйлунху, а также осуществляется модернизация 10 крупных и средних водохранилищ, включая Наньчэнцзы и Тумэньцзы. В 2023 году 23 маршрута в провинции Ляонин были выбраны в качестве национальных маршрутов сельского туризма.

В ходе строительства крупных сельскохозяйственных баз в провинции Ляонин уделяется ведущее внимание развитию сельских территорий района Паньцинзнь, специализирующихся на выращивании риса и переработке морепродуктов. В Паньцинзине ведется строительство демонстрационной зоны высококлассных сельскохозяйственных угодий, а также нескольких промышленных кластеров по выращиванию риса и сои, разведению крабов. Цзиньчжоу формируется как крупный аграрный город провинции Ляонин, в котором проводится огромная работа по созданию высококачественных сельскохозяйственных угодий и крупной базы семеноводства. В Цзиньчжоу основано четыре крупных промышленных кластера по переработке масло-зерновой, животноводческой, фруктово-

С. Б. Макеева
Современный опыт
реализации ки-
тайской стратегии
по развитию сель-
ского хозяйства
в Северо-Восто-
чном регионе КНР

13. Цзилинь ускоряет преобразование в сильную сельскохозяйственную провинцию. URL: http://www.moa.gov.cn/xw/qg/202402/t20240201_6446942.htm

14. О строительстве сильной сельскохозяйственной провинции Цзилинь. URL: http://gxt.jl.gov.cn/jlqlh/zcfg/202302/t20230223_8672062.html

овощной и морской сельскохозяйственной продукции. В настоящее время в Ляонине строится два провинциальных распределительных центра. Одним из крупнейших выступает северо-восточный аграрно-распределительный центр «Синьфади», который соединяется с сельскохозяйственной базой Паньцзинь железной дорогой¹⁵.

Реализация новой аграрной стратегии Китая в Северо-Восточном регионе оказывает влияние на возрождение сельской инфраструктуры провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин. Преобразования сельских территорий Дунбэя создают условия для развития высококачественного, научно-технологического, «зеленого» и «брендового» сельского хозяйства.

Заключение

Таким образом, современный этап развития Северо-Восточного Китая связан с реализацией стратегии возрождения старой промышленной базы и аграрной стратегией «четыре направления сельскохозяйственного развития». Китайское правительство в рамках комплексного восстановления Дунбэя уделяет особое внимание формированию сильных сельскохозяйственных провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин. Геостратегический, ресурсный, промышленный и аграрный потенциал Северо-Востока Китая в настоящее время используется при формировании зерноводческой и животноводческой базы Китая и обеспечении продовольственной безопасности КНР. Первый опыт модернизации сельскохозяйственного производства при привлечении государственного финансирования был накоплен Северо-Восточным регионом с 2003 года. В настоящее время стратегия трансформации аграрного сектора народного хозяйства в Дунбэе включает в себя формирование высококачественного, научно-технологического, «зеленого», «брендового» сельского хозяйства на территории Хэйлунцзяна, Цзилиня и Ляонина. Реализация новой аграрной стратегии, с одной стороны, позволяет использовать преимущества северо-восточного научного и машиностроительного комплекса для нужд сельского хозяйства, а с другой стороны, способствует преобразованию сельских территорий, создавая улучшенные социально-экономические условия для проживания сельских жителей Дунбэя. Современный опыт сельскохозяйственного строительства Северо-Востока Китая учитывается при формировании новых регионально-аграрных проектов КНР в долгосрочной перспективе.

15. Паньцзинь провинции Ляонин строит современную систему сельскохозяйственной отрасли. URL: https://www.ln.gov.cn/web/ywdt/qsgd/ass_2_1/2024041710081559384/

- Зборцева Т. И., Цзян К. С. (2022). Мониторинг изученности территории Северо-Восточного Китая (субъективный географический подход российской научной школы) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. Т. 40. С. 43–57.
- Ли Линь (2022). Влияние Китайско-Восточной железной дороги на развитие сельского хозяйства на Северо-Востоке Китая // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. № 479. С. 139–144.
- Макеева С. Б. (2021). Китай: региональное развитие на пути к экологической цивилизации // Азия и Африка сегодня. № 7. С. 14–20.
- Макеева С. Б. (2020). КНР: стратегия устойчивого развития регионов (1980–2000-е гг.) // Азия и Африка сегодня. № 4. С. 19–25.
- Сюй Чжэньпэн (2023). Инновационный потенциал частных предприятий в регионе Северо-Востока Китая // Российско-китайские исследования. Т. 7. № 1. С. 92–99.
- Ван Цзиньда, Лю Цзиншун, Юй Цзюньбао, Чжан Сюэлинь (2002). Дунбэй чжун, сибу дицьюй цидай цзецзюэ дэ нунье шэнтай хуаньцзин взньти [Требуют срочного разрешения агроэкологические проблемы окружающей среды западной и центральной части Северо-Восточного Китая] // Нунье ситун кэсюэ юй цзунхэ яньцзю. № 4. С. 1–8.
- Ван Яфэн (2008). Дунбэй дицьюй цзинцзи фачжань моши яньцзю [Исследования модели экономического развития Северо-Восточного региона]. Шэньян: Ляонин минь-цзу чубаньшэ.
- И Баочжун, Хуан Яньчжэнь, Тун Дацинь, Ху По (2019). Хэйлунцзян нунье ши [Аграрная история Хэйлунцзяна]. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ.
- Ли Вэньмин, Ван Сюцин (2011). Чжунго Дунбэй байнянь нунье цзэнчжан яньцзю (1914–2005). [Исследование роста сельского хозяйства Северо-Восточного Китая за сто лет (1914–2005)]. Пекин: Чжунго нунье чубаньшэ.
- Ли Гуйжун, Чжан Цзюйюн (2005). Во го дунбэй бу нунье кэчисюй фачжань дэ инсян инь-суйфэньси [Анализ факторов влияния устойчивого аграрного развития Северо-Восточного региона Китая] // Фуцзянь луньтань: Жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань. №10. С. 115–116.
- Ли Юйтун (2011). Дунбэй дицьюй цзиньжун фачжань шичжэн яньцзю [Эмпирическое исследование финансового развития Северо-Восточного региона]. Далинь: Дунбэй цайцзин дасюэ чубаньшэ.
- Ли Юйтун (2018). Чжунго дунбэй дицьюй жэнькоу фачжань яньцзю [Исследование демографического развития Северо-Восточного региона Китая]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ.
- Лю Синту, Хэ Янь, Дэн Вэй, Сун Юйсян, У Чжицзе (2002). Дунбэй дицьюй нунье цзунхэ фачжань яньцзю [Исследование комплексного сельскохозяйственного развития Северо-Восточного Китая]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ.
- Сунь Гуанью (2007). Лунь Дунбэй сибу нунье фачжань синь чжаньлюэ: Шуйдао циди цзяньшэ дайдун цюйюй цзунхэ кайфа [О новой стратегии развития сельского хозяйства северо-восточных и западных регионов: строительство рисовых баз стимулирует комплексное развитие региона] // Кэсюэ синьвэнь. № 1. С. 1–5.
- Сунь Чжаньсян (2007). Дунбэй фэнша бань ганьхань лэйсин цюй нунье чисюй фачжань дэ чжаньлюэ юй дуйцэ [Стратегии и меры противодействия устойчивому развитию сельского хозяйства в северо-восточной песчаной и полупустынной зоне] // Нунму цзяоцзо дай хуанмохуа чжили синь цзишу пэйсюнь цзи нунье кэ чисюй фачжань луньтань хуэй. № 12. С. 1–6.
- Хэ Янь (2002). Дунбэй цюйюй нунье цзунхэ кайфа яньцзю [Исследование развития сельского хозяйства Северо-Восточного региона]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ.
- Цзян Гоган (2007). Дунбэй дицьюй сюньхуань цзинцзи фачдань яньцзю [Исследование развития циклической экономики Северо-Восточного региона]. Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ.

С. Б. Макеева
Современный опыт реализации китайской стратегии по развитию сельского хозяйства в Северо-Восточном регионе КНР

- Цяо Цяо, Ян Чжунхоу (1995). Дунбэй бу хэйту цзинь ши ду цзай нунъе цзэнчань шан дэ ии [Роль уплотнения черноземов Северо-Восточного Китая в увеличении сельскохозяйственного производства] // Тужан тубао. № 1. С. 9–11.
- Чжан Лэй, Ван Кунь (2023). Дунбэй дицуй сянцунь чжэньсин фачжань баогао [Отчет о возрождении и развитии сельских районов в Северо-Восточном Китае]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ.
- Чжунго дунбэй дицуй фачжань баогао (2018). [Отчет о развитии Северо-Востока Китая (2018)]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ.
- Чжунго дунбэй дицуй фачжань баогао (2019). [Отчет о развитии Северо-Востока Китая (2019)]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ.
- Чжунго дунбэй дицуй фачжань баогао (2020). [Отчет о развитии Северо-Востока Китая (2020)]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ.
- Чэнь Цай, Ма Тинъюй, Ян Сяохуэй (2007). Дунбэй дицуй сяньюй цзинцзи фачжань яньцзю [Исследование экономического развития уездов Северо-Восточного Китая]. Чанчунь: Дунбэй шифань дасюэ чубаньшэ.
- Шань Ин (2020). Дунбэй нунъе цзяньшэ гуши [История аграрного строительства в Северо-Восточном Китае]. Шэньян: Ляонин мэйшу чубаньшэ.
- Ши Юйлинь (2007). Нунъе цзюань — Дунбэй дицуй нунъе фачжань чжаньлюэ яньцзю [Исследование по сельскому хозяйству — Исследование стратегии развития сельского хозяйства Северо-Восточного региона]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ.

Current implementation of the Chinese strategy for agricultural development in the North-East¹⁶

Svetlana B. Makeeva, DSc (History), Associate Professor, Department of Chinese Studies, Head of the Department of Regional Demography, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Fotievoy St., 6, Moscow, 119333.
E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Abstract. The article considers agricultural development of the Northeastern region of China, focusing on the current implementation of the state agricultural strategy in three provinces — Heilongjiang, Jilin and Liaoning. Since 2003, these provinces have implemented the strategy of restoring the old industrial base and since 2023 — the strategy of strengthening the agricultural complex and ensuring food security in Northeast China. Based on the analysis of normative and statistical data from the reports on the development of Northeast China, the author aims at summarizing the experience of implementing its strategy with system and statistical methods. Thus, Northeast China has significant advantages in the development of agricultural sector due to the restoration of its industrial base since 2003, which became an impetus for agricultural production and subsequently led to the inclusion of Dongbei in the project of the strong agricultural state. Today Northeast China develops high-quality, scientific-technological, 'green' and 'branded' agriculture. The implementation of the new agricultural strategy in the Northeastern region affects the development of rural infrastructure in Heilongjiang, Jilin and Liaoning provinces.

16. The study was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 24-28-00276 "The system of interaction between Russia and the North-East, North-West regions of China in the context of the aggravation of global threats in the socio-demographic, environmental and economic spheres", <https://rscf.ru/en/project/24-28-00276>.

Key words: Northeast China, black-earth belt, agricultural production, strategy, rural areas, agricultural workers, 'green' food, grain growing, animal husbandry, 'branded' agriculture, food security

References

- Zbortseva T. I., Tszyan K. S. (2022) Monitoring izuchennosti territorij Severo-Vostochnogo Kitaja (subektivnyy geografichesky podkhod rossijskoj nauchnoj shkoly) [Monitoring of the studies of the territory of Northeast China (a subjective geographical approach of the Russian scientific school)]. *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija: Nauki o Zemle*, no 40.
- Li Lin (2022) Vlijanie Kitajsko-Vostochnoj zheleznoj dorogi na razvitie selskogo khozajstva na Severo-Vostoke Kitaja [The impact of the Chinese Eastern Railway on the development of agriculture in Northeast China]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija: Istorija*, no 479.
- Makeeva S. B. (2021) Kitaj: regionalnoe razvitie na puti k ekologicheskoj tsivilizatsii [China: Regional development on the way to an ecological civilization]. *Azija i Afrika Segodnja*, no 7.
- Makeeva S. B. (2020) KNR: strategija ustojchivogo razvitiya regionov (1980–2000e gg.) [PRC: Strategy for sustainable regional development (1980s–2000s)]. *Azija i Afrika Segodnja*, no 4.
- Xu Zhenpeng (2023) Innovatsionnyy potentsial chastnyh predpriyatij v regione Severo-Vostoka Kitaja [Innovative potential of private enterprises in Northeast China]. *Rossijsko-Kitajskie Issledovanija*, no 1.
- Wang Jinda, Liu Jingshuang, Yu Junbao, Zhang Xuelin (2002) Dongbei zhong, sibu diqu jidai jiejie de nongye shengtai huanjing wantedi [Agri-ecological environmental problems in the West and Centre of Northeast China need urgent solutions]. *Nongye xitong kesue yu zonghe yanjiu*, no 4.
- Wang Yafeng (2008) *Dongbei diqu jingji fazhan moshi yanjiu* [Study of the Economic Development Model for the Northeastern Region], Shenyang.
- Yi Baozhong, Huang Yanzhen, Tong Daqun, Hu Po (2019) *Heilongjiang nunye shi* [Agrarian History of Heilongjiang], Harbin.
- Li Wenming, Wang Xiuqing (2011) *Zhongguo Dongbei bainyan nongye zengzhang yanjiu (1914–2005)* [Study of the Agricultural Growth in Northeast China for a Century (1914–2005)], Beijing.
- Li Guizhong, Zhang Juyong (2005) Wo guo dongbei bu nongye kechixu fazhan de yingxiang yinxuefenxi [Factors affecting the sustainable agricultural development in the Northeastern region of China]. *Fujian Luntan: Renwen shehui kesue ban*, no 10.
- Li Yutong (2011) *Dongbei diqu jinrong fazhan shizheng yanjiu* [Empirical Study of the Financial Development in the Northeastern Region], Dalian.
- Li Yutong (2018) *Zhongguo dongbei diqu renkou fazhan yanjiu* [Study of the Demographic Development in China's Northeastern Region], Beijing.
- Liu Xingtu, He Yan, Deng Wei, Song Yuxiang, Wu Zhijie (2002) *Dongbei diqu nongye zonghe fazhan yanjiu* [Study of the Integrated Agricultural Development in Northeast China], Beijing.
- Sun Guangyu (2007) Lun Dongbei sibu nunye fazhan xin zhanlue: Shuidao zidi jianshe daidong cuyuyi zhonghe kaifa [On the new strategy for agricultural development in Northeastern and Western regions: New rice bases as stimulating the regional integrated development]. *Kexue xinwen*, no 1.
- Sun Zhanxiang (2007) Dongbei fengsha ban ganhan leixing qu nongye chixu fazhan de zhanlue yu duiqi [Strategies and countermeasures for sustainable agricultural development in the Northeastern sandy and semi-arid zone]. *Nongmu jiaocuo dai huangmohua zhili xin jishu peixun ji nongye ke chixu fazhan luntan hui*, no 12.
- He Yan (2002) *Dongbei quyu nongye zonghe kaifa yanjiu* [Study of the Agricultural Development in the Northeastern Region], Beijing.

С. Б. Макеева

Современный опыт реализации китайской стратегии по развитию сельского хозяйства в Северо-Восточном регионе КНР

- Jiang Guogang (2007) *Dongbei diqu xunhuan jingji fazhan yanjiu* [Study of the Circular Economy Development in the Northeastern Region], Beijing.
- Qiao Qiao, Yang Zhonghou (1995) Dongbei bu heitu jin shi du zai nongye zengchan shang de yi [The role of compaction of Northeast China's black soils in increasing agricultural production]. *Tuzhan tubao*, no 1.
- Zhang Lei, Wang Kun (2023) *Dongbei diqu xiangcun zhenxing fazhan baogao* [Report on the Rural Revitalization and Development in Northeast China], Beijing.
- Zhongguo dongbei diqu fazhan baogao* [Report on the Development of Northeast China] (2018), Beijing.
- Zhongguo dongbei diqu fazhan baogao* [Report on the Development of Northeast China] (2019), Beijing.
- Zhongguo dongbei diqu fazhan baogao* [Report on the Development of Northeast China] (2020), Beijing.
- Chen Cai, Ma Tingyu, Yang Xiaohui (2007) *Dongbei diqu xianyu jingji fazhan yanjiu* [Study of the Economic Development of Districts in Northeast China], Changchun.
- Shan Ying (2020) *Dongbei nongye jianshe gushi* [History of Agrarian Development in Northeast China], Shenyang.
- Shi Yulin (2007) *Dongbei diqu Nongye fazhan zhanliue yanjiu* [Study of the Agricultural Development Strategy for the Northeastern Region], Beijing.

Discovering social aspects of rurbanization: A literature review¹

V. N. Mukha, A. V. Chemulova

Victoria N. Mukha, PhD (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology,
Law and Work with Personnel, Kuban State Technological University;
Moskovskaya St., 2, Krasnodar, 350072, Russia. E-mail: v.mukha@bk.ru

Alena V. Chemulova, Research Assistant, Kuban State Technological University,
Moskovskaya St., 2, Krasnodar, 350072, Russia. E-mail: chemulovaa@yandex.ru

Abstract. The article considers social aspects of rurbanization as a process when rural areas increasingly adopt urban characteristics, which blurs the lines between traditional rural and urban lifestyles. The article presents a comprehensive literature review and a topic modeling analysis to identify key issues when considering social aspects of rurbanization: the impact on mental health, theoretical changes in understanding social interactions, challenges and opportunities in the sustainable infrastructure development, the role of economic policies in balancing rural and urban needs, the influence of smart innovations on local governance and community engagement, changes in education and employment. The authors' findings highlight both positive and negative effects of rurbanization, such as an enhanced access to urban amenities and increased social tensions. The authors emphasize the need for multi-faceted approaches to diverse challenges determined by rurbanization.

Key words: rurbanization, social aspects, mental health, sustainable infrastructure, economic policy, smart innovation, education and employment, community cohesion, rural-urban integration, social cohesion, theoretical frameworks

EDN: CBBUWO

Urbanization, especially in developed countries, often spreads into nearby rural areas, changing traditional rural lifestyles, which is common for areas around fast-growing cities, where rurbanization or 'new rurality' takes place. Rurbanization as a combination of 'rural' and 'urbanization' describes the trend when rural areas start to take on more urban traits, which makes distinction between urban and rural lifestyles less clear. The term 'rurbanization' refers to "a process of altering rural forms with pre-selected urban patterns and lifestyles, which creates new genetically altered rurban forms" (Mahajan, 2010). This shift is influenced by such factors as social chang-

-
1. The research was funded by the Russian Science Foundation and the Kuban Science Foundation. Project No. 24-28-20348 "Interaction of urban and rural societies in Russian regions: Practices of rurbanization"

es, economic opportunities, technological advancements (remote work, better transportation), and the spread of urban culture into rural settings. As people increasingly move to rural areas to enjoy a lower cost of living and natural surroundings while still accessing urban conveniences, rural communities undergo significant changes which are crucial for understanding by policymakers, urban planners and social scientists due to affecting sustainable development, regional planning, and social unity.

The concept of rurbanization has been explored in various disciplines due to its multifaceted nature. In urban studies, rurbanization is often defined as a continuum in which rural areas increasingly adopt urban characteristics under the impact of such factors as migration, infrastructure development and changing social-economic conditions (Smith, Jones, 2020). Studies show that rural regions close to urban centers have experienced significant demographic changes — an influx of urban residents seeking more affordable living and a slower pace of life (Brown, 2018). This migration often leads to a combination of urban and rural lifestyles, creating unique social-cultural landscapes that question traditional urban-rural dichotomies (Wilson, 2018). Thus, urban studies frame rurbanization as a continuum of rural adaptation to urban characteristics (Smith, Jones, 2020), while sociology highlights tensions between rural residents and urban newcomers, power dynamics and cultural hybridization (Miller, 2019; Clark, 2021).

Despite growing research interest, there are few systematic literature reviews focusing on social dimensions of rurbanization. Most studies focus on specific contexts such as rural-urban fringes in developed countries, while reviews — on hybrid spaces (see, e.g.: Hoffmann et al, 2023) or on nature-based solutions (see, e.g.: Ianos et al, 2024), prioritizing ecological or infrastructural issues over social dynamics. This multidisciplinary study aims at mapping key topics and contributors to social aspects of rurbanization since 2000 to provide a framework for future research for avoiding duplication, focusing on the least studied contexts and developing more holistic theoretical models that take into account complex effects of urbanization on social structures, identity and inequality. Therefore, the article aimed at answering the following questions: what are research topics related to social aspects of rurbanization and what are the key authors contributing to these topics?

The analysis of research related to social aspects of rurbanization was conducted with the systematic literature review (SLR) approach which seeks to systematically collect and evaluate the research on a particular topic by addressing specific research questions with data that meets the set criteria (Snyder, 2019). The review followed the PSALSAR framework developed by Mengist et al (2020) as an extension of the traditional SALSA (Search, Appraisal, Synthesis, and Analysis) approach, which includes two additional steps — Protocol development and Reporting of results — to enhance the rigor and

transparency of systematic literature reviews. This methodology was used in various state-of-the-art studies in different subject fields. In environmental and social sciences, Mengist et al (2020) introduced the PSALSAR framework to provide a structured approach for systematic literature reviews, emphasizing its applicability in complex interdisciplinary research.

PSALSAR consists of six steps: Protocol development (creating a detailed and transparent plan for the review, specifying objectives, research questions and inclusion criteria to minimize bias and ensure consistency), Search strategy (identifying relevant literature), Appraisal of studies (evaluating the quality and relevance of selected studies), Synthesis of findings (combining and organizing key insights), Analysis (interpreting broader implications and addressing research gaps), and Reporting of results (presenting findings). This structured process ensures comprehensiveness and replicability of the review, making it particularly suitable for the analysis of the multifaceted social dynamics of rurbanization (Fig. 1). In addition, according to the study objectives, the PSALSAR framework was enhanced with both bibliometric and textual analysis.

Fig. 1. The PSALSAR framework (Wurst et al 2022)

After the research protocol was prepared, we defined the searching rules — search terms, inclusion and exclusion criteria, data sources and expected results. The search within the PSALSAR framework (Fig. 2) allowed to identify 533 papers (Scopus — 19; Web of Science — 34; Semantic Scholar — 480); then, after screening, 148 papers were included in the SLR (Scopus — 5; Web of Science — 17; Semantic Scholar — 126).

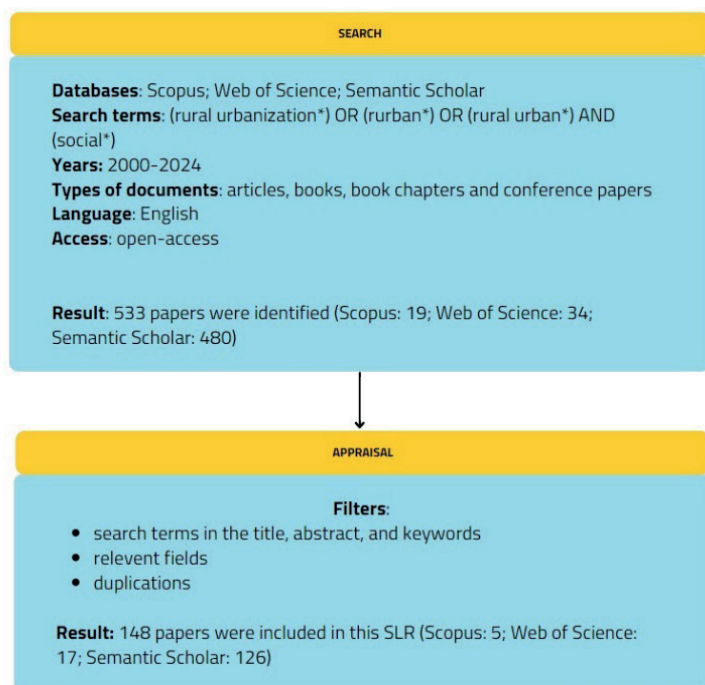

Fig. 2. Search and Appraisal steps of the PSALSAR framework

At the Synthesis stage, the data from the papers was collected and sorted by the key variables — (1) Abstract (with title and key words), (2) Author, (3) Journal, (4) Year, (5) Theoretical framework (after reviewing the full text of each paper) — and extracted into an Excel spreadsheet for analysis. We used the Python 3.12 main modules for data analysis (such as pandas, numpy, NLTK, sklearn, etc.): first, to provide an overview of the descriptive bibliographic analysis, second, to clean abstracts and prepare the text corpus for the thematic analysis which would answer the main research question about the evolution of social issues related to rururbanization (Fig. 3).

Following the visualization of the Thematic Analysis pipeline (Fig. 3), one should say that the data preprocessing is an essential step to ensure the accuracy of results according to the principle ‘garbage in, garbage out’ (Egger, 2022). This process involves the following steps to prepare data for effective analysis: normalization — to convert texts to lowercase to maintain consistency (Jurafsky, Martin, 2020); lemmatization — to reduce words to their base/root form called ‘lemma’ (unlike simpler methods like stemming, which cuts off word endings, lemmatization uses language rules and dictionaries to find the correct base form of a word) (Raghavan, Schütze, 2008); removing of stop words (common words like ‘and’, ‘the’, ‘is’) that usually do

not add significant meaning to textual analysis, which is why removing these words helps to reduce data and focus on the most important words (Soricut and Brill (2004) emphasize that removing stop words improves the accuracy and efficiency of such textual analysis tasks as classification and search). We expanded the list of stop words, since today's libraries do not take into account 'noise' words, especially for specific research purposes: the list of stop words was expanded with prepositions and words common to the text corpus but not reflecting the specifics of particular topics (for example, 'development', 'examination', 'analysis' etc.). We also removed words that reflected our search query in general ('rurban', 'urban', 'rural') as such words typically lack significant meaning and are usually excluded from scientific texts.

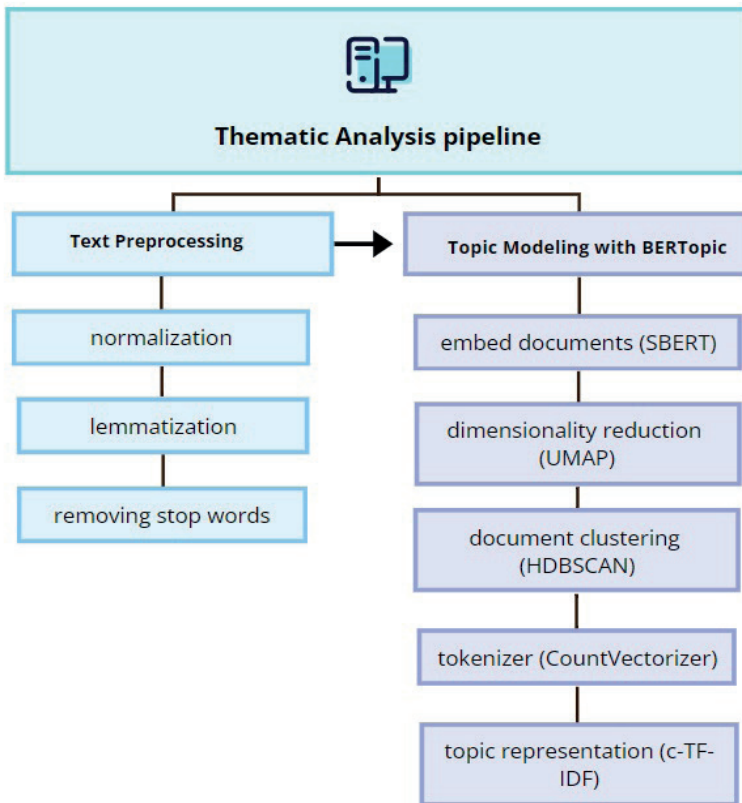

Fig. 3. Thematic Analysis

Finally, we used the BERTopic algorithm for modeling and visualization to identify the main topics in the selected papers. Introduced by Grootendorst, BERTopic has shown superior performance in top-

ic coherence and diversity compared to other methods (like LDA) and offers advantages such as minimal hyperparameter tuning and effective visualization. BERT developed by Google is a state-of-the-art model that uses a deep learning architecture known as Transformers to generate contextualized embeddings (Devlin et al, 2018). Unlike traditional word embeddings that assign a single vector to each word regardless of context, BERT considers the whole sentence, enabling each word's embedding to reflect its nuanced meaning based on specific use in the text. After the stage of BERT embeddings, HDBSCAN (Hierarchical Density-Based Spatial Clustering of Applications with Noise) allows to group similar words and phrases into topics by identifying clusters based on the density of data points in the high-dimensional space of embeddings. HDBSCAN effectively groups similar vectors while recognizing noise-data points that do not fit into any cluster. Such flexibility is particularly beneficial for clustering complex and such diverse datasets scientific publication abstracts. After clustering, UMAP (Uniform Manifold Approximation and Projection) reduces the dimensionality of data while preserving important relationships between clusters. UMAP excels at visualizing high-dimensional data, maintaining the structure and relationships of the original dataset. By projecting data into a lower-dimensional space — as a rule, 2D or 3D — clear visualizations highlight clusters, facilitating topic interpretation.

The key visualization is the Intertopic Distance Map which illustrates the relationships between topics derived from textual data. UMAP reduces high-dimensional embeddings to a two-dimensional space, ensuring that similar documents remain close for clear differentiation of themes. The distance between topics, measured by the Euclidean distance between their centroids, indicates semantic similarity; topics that are proximal tend to share contextual meanings even if their terminology differs. The axes of this map are abstract and lack specific interpretive labels, unlike PCA (Principal Component Analysis). When applied to abstracts, the Intertopic Distance Map visually represents the relationships and distances between topics: each point on the map presents a different topic, with proximity indicating the degree of similarity or difference; topics that are closer may share common themes or methodologies, while those farther apart represent different research areas.

Some additional analytical tools were developed to explore topic relationships: (1) dendrogram — visual representation of clusters' arrangement formed during hierarchical clustering, illustrating how topics are grouped based on similarity and allowing to assess their relationships at various granularity levels; (2) topic-word scores that quantify the association between specific words and identified topics (word frequency and distribution across topics allows to identify the most representative words for each topic, thus, enhancing interpretability); (3) similarity matrix that visualizes the similarity between

different topics based on their respective word distributions, providing insights into overlapping themes and content areas. These tools facilitated a comprehensive analysis of complex datasets, uncovering meaningful patterns and relationships for a better understanding of the hierarchical organization of themes in scientific literature.

The final step in the PSALSAR framework is the Report stage presented further.

Descriptive Analysis. At Figure 4, one can see that the number of articles had increased since 2000 to reach its peak in 2016, then there was a sharp decline, after which the number increased significantly in 2019–2020. Now we see a slight decline in the number of publications on social aspects of urbanization; however, the topic remains relevant and attracts researchers' interest. Additionally, Table 1 shows journals with the largest number of articles analyzed, and the *Journal of Rural Health* stands out. Table 2 presents the most frequently used key words: we used the YAKE (Yet Another Keyword Extraction) algorithm which is an effective technique in natural language processing. YAKE works without external resources like dictionaries or pre-trained models, instead relying on statistical features of texts, which makes YAKE flexible across languages, domains, and document sizes (Hu et al, 2018) (in Table 2, lower scores indicate the most frequently used keywords).

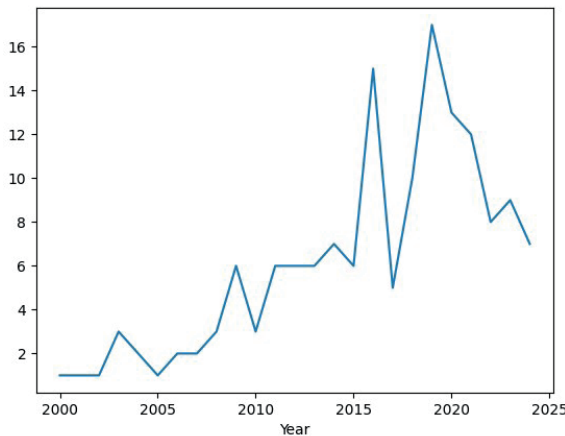

Fig. 4. The number of reviewed articles by year

Intertopic distance map presents topics as circles on a two-dimensional grid; the place of each circle reflects the distances between topics (Fig. 5). This map provides valuable insights into the thematic structures and relationships within the corpus, showing the ways in which topics interact and differ. Thus, Topic 0 forms the largest and most prominent cluster, highlighting crucial societal challenges faced by migrant populations, particularly concerning mental health

and family support. Its isolation from other topics means that discussions in this area form a specialized domain of discourse that requires special policymakers' attention.

Table 1. Journals in which the reviewed articles were published

Journal name	# of articles *
Journal of rural health	31
Sustainability	24
Journal of population economics	13
Population and environment	8
Rural Sociology	8
Frontiers in sociology	7

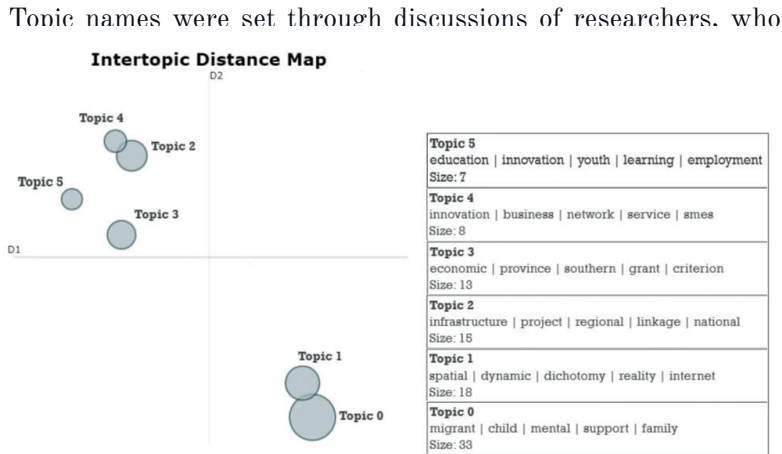
Table 2. Most frequently used key words in the reviewed articles

keyword	score
economic	0.001
support	0.001
spatial	0.001
education	0.001
network	0.001
cultural	0.001
sustainable	0.001
migrant	0.001
local	0.001
linkage	0.002
service	0.002
level	0.002
environment	0.002
identity	0.002
infrastructure	0.002
policy	0.002
project	0.002
government	0.002
design	0.002
resource	0.002

Topic 1 has a peripheral position, reflecting theoretical studies of contrasts between physical and digital spaces, showing a niche focus characterized by limited overlap with practical applications. This focus underscores the potential for interdisciplinary research linking abstract theories with specific infrastructural or economic models, pointing to an area that needs further analysis to bridge theoretical insights with real-world implications. Topic 2 represents discussions about large-scale projects and regional connections as related to the national development agendas. Its proximity to Topic 3 suggests that economic implications are intertwined with infrastructure discourse, proving that investments in this sector are crucial for broader growth strategies. Topic 3 seems to be a critical

junction for several areas, centering on policies and funding mechanisms that drive regional development (especially with grants). Such adjacency indicates that economic strategies play a crucial role in supporting both infrastructure and innovation initiatives. Topic 4 is a central hub at the map, linking the themes of infrastructure, economy, and education. The significance of this topic is determined by discussions about fostering innovation with business networks and public-private partnerships. This topic central positions proves that these domains are interconnected in driving regional development. Topic 5, the smallest cluster near Topic 4, suggests that discussions about education-to-employment pipelines for the youth are integral to broader innovation strategies, which emphasizes the need for target programs of training the youth for industry needs and addresses both the youth employment and the skilled labor force training challenges. Finally, the core cluster formed by Topics 2, 3, 4 and 5 reflects a holistic approach to regional development as based on interdependencies of economic growth, innovation and education. However, the isolation of Topics 0 and 1 indicates a divide between social discourse and economic policy.

Fig. 5. Intertopic distance map for abstracts

analyzed articles' abstracts and content to identify recurring themes and conceptual patterns. Discussions involved iterative refinement to ensure thematic coherence, although it could lead to subjectivity in label selection and potential oversight of less 'visible' nuances. While this method enhances contextual relevance, its reliance on interpretative consensus could limit reproducibility. The following labels were set:

- Topic 0 — Mental Health

- Topic 1 — Paradigm Shift
- Topic 2 — Sustainable Infrastructure
- Topic 3 — Economic Policy
- Topic 4 — Smart Innovation
- Topic 5 — Education and Employment

We used these topic names for the HDBSCAN hierarchical clustering (HC) dendrogram (Fig. 6) which shows that similar topics are based on their document-level relationships, i.e., the way in which topics are distributed across the corpus. Each document in topic modeling is represented as a distribution of topics (a certain share of a document belongs to Topic 1, another share to Topic 2, etc.). The hierarchical clustering method groups topics that co-occur frequently in the same documents, for example, Topics 0 and 1 may seem closer due to their frequent co-occurrence in publications on family and spatial dynamics, Topics 4 and 5 — due to their thematic focus on the youth, innovation and education, i.e., they often appear in similar contexts. This visualization helps to understand the intellectual framework of topics in the field of rururbanization.

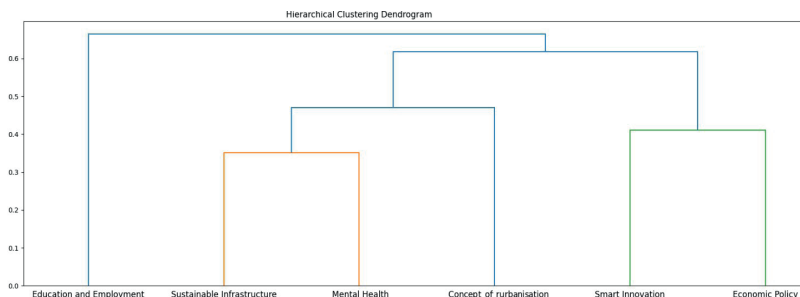

Fig. 6. Dendrogram of the refined model of abstracts

Next, we visualized the labeled topics together with their c-TF-IDF scores for the most common words (Fig. 7). By generating topic embeddings using both c-TF-IDF and embedding techniques, we made a similarity matrix through cosine similarities applied to these embeddings. The class-based term frequency-inverse document frequency (c-TF-IDF) allowed to identify the terms most characteristic of each topic. By measuring word frequency and their occurrence in the corpus, we identified distinctive terms that contribute to the identity of each theme, which allowed for a nuanced understanding of the dataset thematic structure. Topic embeddings enhanced our comprehension of the semantic relationships between topics. By applying cosine similarity to embeddings, we got a similarity matrix that provides an informative overview of topic interrelations. The heatmap format of Figure 8 facilitates quick assessments of thematic overlaps, revealing clusters of related topics that indicate potential for interdisciplinary research. The analysis of the topic word scores

(Fig. 7) revealed key terms for each topic. For instance, the words ‘migrant’, ‘child’ and ‘family’ in the Mental Health topic highlight a focus on vulnerable groups, suggesting the need to study challenges these groups face. On the contrary, the topic Concept of rurbanization is characterized by such words as ‘spatial’, ‘dynamic’ and ‘infrastructure’, reflecting a structural perspective which is in line with urban planning discussions.

Fig. 7. Topic-word scores for abstracts

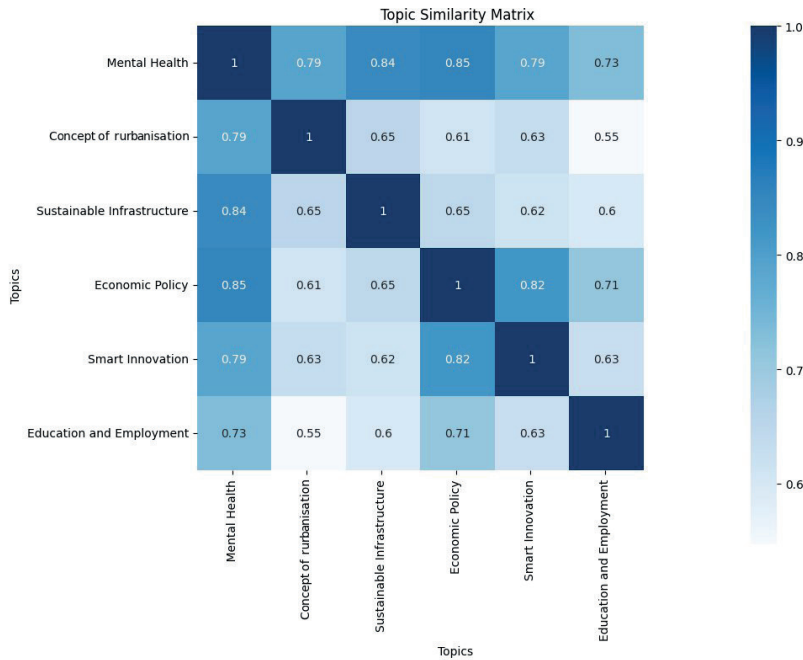

Fig. 8. Similarity matrix for abstracts

Figure 8 represents the similarity matrix, showing how closely related the topics are. Thus, the strong similarity score of 0.85 between Mental Health and Economic Policy indicates overlaps that suggest a need for policies addressing the satiation with mental health; Smart Innovation and Sustainable Infrastructure show significant similarity (0.82), showing opportunities for research that bridges technological advancements with sustainability goals; moreover, the importance of specific terms related to Education and Employment (‘education’, ‘learning’ and ‘employment’) suggests robust intersectional research that would focus on pedagogical models preparing individuals for evolving employment landscapes, particularly in technology and service sectors.

Finally, we identified authors who contributed to each topic (Table 3).

Table 3. Authors contributing to each topic the most

Topic	Authors
Mental Health	Carmo (2010); Gennaro & Fantini (2009); Meng & Xue (2020); Hardy et al. (2024); Li et al. (2021); Smith et al. (2019); Nguyen & Tran (2022)
Concept of Rurbanization	Bosworth and Willett (2011); Shucksmith (2018); Wilson (2012); Marsden et al. (2003); Graham and Marvin (2001)
Sustainable Infrastructure	Orodaru et al. (2020); Patel and Garcia (2019); Kim and Lee (2020); Martin and Clark (2018)
Economic Policy	Ward and Brown (2016); Shaw and Montgomery (2019); Miller and Roberts (2018); Johnson and Carter (2021)
Smart Innovation	Ravazzoli et al. (2021); Olmedo et al. (2024); Goodwin-Hawkins et al. (2021); Esparcia et al. (2020); Bosworth and Turner (2018)
Education and Employment	Gao et al. (2014); Erdogan et al. (2021); (Fuqua et al. 2021); Brown et al. (2020); Garcia and Thompson (2019); Singh and Patel (2018)

Thus, the topic modeling analysis allowed us to identify and extract various themes from the data to address our research question (RQ). Based on the HC dendrograms with topic heatmaps, we identified a range of themes, each connected to a distinct perspective: technology and infrastructure applications, mental health and family, social-economic considerations. These themes shed light on those specific social aspects of rurbanization that need to be taken into account during design and management phases of addressing various challenges. Therefore, in the social perspective of rural-urban linkages, we identified the following key aspects of rurbanization:

1) *Mental Health*. Rurbanization affects mental health both positively and negatively: on the positive side, access to urban amenities like healthcare and education can enhance well-being; on the contrary, the shift from rural to urban environments often brings stress and anxiety due to social and cultural changes. According to Carmo (2010), the breakdown of traditional community structures in rurban areas can increase isolation and depression; Gennaro and Fantini (2009) note that social-economic pressures and weakened communal ties can negatively affect mental health, Li et al (2021) — that increasing social stratification and inequality in rurban areas contribute to stress, particularly among lower-income residents; Hardy et al (2024) — that disparities in access to services and employment exacerbate mental health issues, affecting vulnerable groups (for instance, the elderly); Smith et al (2019) and Nguyen and Tran (2022) — that demographic changes and social tensions in rurban areas can lead to displacement and mental health challenges, highlighting the need for fostering social cohesion and community integration.

2) *Concept of Rurbanization*. To understand social impacts of rurbanization, we need a multidisciplinary approach combining various theoretical frameworks, especially concepts and paradigms focusing on rurbanization's social aspects. Such theories as Social Network Theory (Granovetter, 1973; Bosworth, Willett, 2011; Besser et al, 2013), Resilience Theory (Adger, 2000; Wilson, 2018; Folke et al, 2010), Urban-Rural Interface Theory (Bosworth, Willett, 2011; Shucksmith, 2018; Bryant, Pini, 2009), Social Capital Theory (Putnam, 2000; Shucksmith, 2018; Coleman, 1988), Sustainable Livelihoods Framework (Scoones, 1998; Wilson, 2018; Ellis, 2000), Relational Approach to Rural Development (Marsden et al, 2003; Woods, 2005; Murdoch, 2000) and Splintering Urbanism (Graham, Marvin, 2001; Graham, 2000) have been developed and applied to study social aspects of rurbanization together with new theories on rurbanization, such as New Rural Paradigm (OECD, 2006; Shucksmith, 2018) and Rurbanization Dynamics (Tacoli, 1998; Paniagua, 2009) which explore rural-urban characteristics, social integration and adaptive strategies within transforming rural-urban spaces.

For instance, Social Network Theory offers a framework for understanding complex relationships in rurban areas in which rural and urban social structures interact and evolve. Granovetter's concept of weak ties (1973) and studies of Bosworth and Willett (2011) show how these relationships shape social cohesion, information flow and community development in rurban settings. Based on Network Society Theory developed by Castells (2000), Graham and Marvin (2001) introduced the Splintering Urbanism theory which examines how infrastructure networks can lead to social and spatial fragmentation in urban areas. When applied to rurban contexts, this theory helps explain how uneven development and infrastructure provision lead to disparities in rurban areas. In addition, Resilience Theory examines how social-ecological systems adapt to disturbances and change, showing how rural communities respond to urbanization and social-economic shifts. Adger (2000) and Wilson (2018) used this framework to analyze how rurban areas ensure community well-being and adapt to environmental, social and economic challenges with various strategies. Marsden et al (2003) applied structural-functionalist theory to explore how rural communities perform new urban social functions while preserving the traditional ones, thus maintaining social cohesion in changing conditions. Chigbu (2013) focused on how New Ruralism influenced social cohesion in transforming communities, noting an improved interaction between rural residents and newcomers, i.e., this approach promotes a balance between rural and urban lifestyles as potentially reducing social tensions.

3) *Sustainable Infrastructure*. Rurbanization requires infrastructure that meets both social needs and sustainability goals, integrating elements of rural and urban planning, managing increased population density and urban-style development while preserving rural commu-

nity values. Li et al (2021) and Orîndaru et al (2020) discuss the need for green infrastructure (sustainable water management and renewable energy) to support social-economic development and environmental sustainability in rural areas. Patel and Garcia (2019) emphasize community involvement in planning to ensure socially inclusive and sustainable projects; Martin and Clark (2018) — such a design of infrastructure that promotes social cohesion and equal access; Hardy et al (2024) and Kim and Lee (2020) — the need for adaptable infrastructure that enhances community resilience to environmental and social-economic changes (ruralization poses such challenges as financial and government constraints but also offers opportunities for innovative, sustainable infrastructure solutions); Nguyen and Tran (2022) and Wilson (2018) — the need for multi-level governance and collaboration to successfully implement infrastructure projects in rural settings.

4) *Economic Policy*. Ruralization requires economic policies that meet both rural and urban needs, focusing on inclusive growth and sustainable development. Brown and McGranahan (2016) argue that economic policies should adapt to the unique challenges and opportunities of rural areas (such as balancing agricultural and industrial development). Shaw and Montgomery (2019) insist on the need for target economic policies that support local entrepreneurship and innovation as essential for economic diversification in rural contexts (and for community cohesion and equal access to resources); Miller and Roberts (2018) — on the importance of policies that support social inclusion, particularly in areas changing from rural to urban; Johnson and Carter (2021) — on effective economic policies to enhance social equity (all community members should benefit from economic growth) and meet local needs. Thus, rural challenges imply innovative policy approaches that integrate economic and social objectives (Shaw, Montgomery, 2019) and advocate for participatory policy-making that involves local communities.

5) *Smart Innovation*. Ruralization fosters smart innovation by merging rural strengths with urban technologies. Ravazzoli et al (2021) explain how this convergence supports the development of smart, sustainable solutions based on local needs; Olmedo et al (2024) — the role of digital tools in enhancing social connections and local governance; Goodwin-Hawkins et al (2021) — how these innovations can create new economic opportunities and improve services in rural areas, reshaping social structures and community involvement; Esparcia et al (2020) — how smart innovation encourages community participation in local decision-making, fostering greater social cohesion; Bosworth and Turner (2018) — how the success of smart initiatives in rural areas depends on their connection with local cultural and social values, ensuring that innovation is both inclusive and sustainable; Olmedo et al (2024) — why, despite the potential for smart innovation, challenges such as technological gaps and

resistance to change remain and require strategies that bridge digital divides and promote inclusive participation.

6) *Education and Employment*. Rurbanization significantly affects employment and education by altering local economies and social structures, creates new job opportunities by combining traditional rural work with urban-oriented careers. Gao et al (2014) emphasize the diversification of employment options, while Singh and Patel (2018) — the need for upskilling to adapt to changing job markets. In education, Erdogan et al (2021) argue for integrating rural and urban curricula to prepare students for varied careers, while Brown et al (2020) discuss challenges (limited access to resources) that can affect educational outcomes. Fuqua et al (2021) stress the importance of community networks for overcoming these challenges and supporting social mobility.

V. N. Mukha,
A. V. Chemulova
Discovering
social aspects of
rurbanization:
A literature review

* * *

The conducted research emphasizes that the success of rurbanization lies in the development of targeted, context-sensitive strategies that address the key rurban challenges: investments in infrastructure that bridge urban and rural divides, policies that promote inclusive economic participation, programs that preserve cultural heritage while fostering innovation, a balanced approach that integrates community input and evidence-based policymaking. A critical insight of the study is the role of social cohesion in facilitating positive outcomes of rurbanization: communities that successfully navigate rurbanization are those that maintain strong networks of trust and collaboration while adapting to structural changes; therefore, policymakers and researchers should prioritize interventions that strengthen these networks (community development initiatives and capacity-building programs).

While the study provides a comprehensive overview of social aspects of rurbanization, there are some limitations. The key one is the restricted scope of data sources — only those indexed in Scopus, Web of Science, and Semantic Scholar. This limitation may have led to the exclusion of relevant studies in other databases, narrowing the scope of analysis. Moreover, policy documents, reports and books were not considered, though they could have provided additional insights into the social dynamics of rurbanization. Another limitation is language: the review is based exclusively on English-language articles, potentially omitting valuable research published in other languages, especially in regions where rurbanization is a significant issue but discussed in local languages. Furthermore, access restrictions (such as paywalls) mean that not all full-text papers were accessible. Sampling errors represent another limitation: some studies may have been excluded due to the search query limitations (for example, studies of rurbanization, which did not use this very term). Despite the use of

tools like BERTopic, the thematic analysis involves a degree of subjectivity together with manual coding and evaluation at the stage of categorizing themes and frameworks. In addition, few studies in the final sample limit the generalizability of findings.

Given the focus on literature review and preliminary data analysis, the study does not provide comprehensive empirical evidence but rather offers a foundation for understanding the phenomenon; and the generalizability of the findings is limited by the contextual focus, as the social context of rururbanization can vary significantly across regions depending on cultural, economic and governance factors. Another limitation is the lack of longitudinal data, which does not allow for assessing long-term effects of rururbanization. The exploratory nature of the research means that it raises more questions than gives answers, being a starting point for deeper investigations rather than definitive conclusions. Despite these limitations, the study highlights critical areas for future research, including an empirical analysis of everyday experiences of individuals and communities under rururbanization and comparative studies. Moreover, future research could expand the search by including additional databases, policy reports, books and studies in other languages, overcome access restrictions by institutional partnerships or alternative strategies, refine search queries and use the advanced machine learning algorithms to detect implicit connections, thus, reducing sampling errors and broadening the scope the analysis. Bibliometric and co-authorship analyses could help map the knowledge structure of the subject field. Further exploration of rururbanization theories and their relationship with other frameworks would provide valuable contributions. Lastly, broadening the selection criteria to include more indirectly relevant studies could improve the representativeness of future reviews.

References

- Adger W. N. (2000) Social and ecological resilience: Are they related? *Progress in Human Geography*, vol. 24, no 3.
- Besser T., Miller N., Perkins R. (2013) Social capital, place, and interests in rural communities. *Rural Sociology*, vol. 78, no 2.
- Bosworth G., Turner R. (2018) Interconnected communities: The evolving relationships between rural and urban places in the UK. *Journal of Rural Studies*, vol. 68.
- Bosworth G., Willett J. (2011) Embeddedness or escapism? Rural perceptions and urban desires in the migration of the creative class. *Journal of Rural Studies*, vol. 27, no 4.
- Brown D. L. (2018) Migration and the changing rural-urban interface in the United States. *Population Research and Policy Review*, vol. 37, no 5.
- Brown P., Lauder H., Ashton D. (2020) *The Global Auction: The Broken Promises of Education, Jobs, and Incomes*, Oxford University Press.
- Brown D., McGranahan G. (2016) The urban informal economy, local inclusion, and achieving a global green transformation. *Habitat International*, vol. 53.
- Bryant L., Pini B. (2009) *Gender and Rurality*, Routledge.
- Carmo R. M. (2010) New ruralities in urban peripheries: An analysis of rururbanization in Portugal. *Sociologia Ruralis*, vol. 50, no 2.

- Castells M. (2000) *The Rise of the Network Society*, Blackwell Publishing.
- Chigbu U. E. (2013) Rurality as a choice: Towards ruralizing rural areas in sub-Saharan African countries. *Development in Practice*, vol. 23, no 1.
- Clark E. (2021) Cultural hybridization in rural settings: The case of rurbanization. *Journal of Cultural Geography*, vol. 38, no 2.
- Coleman J. S. (1988) Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, vol. 94.
- Devlin J., Chang M. W., Lee K., Toutanova K. (2018) BERT: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1810.04805>.
- Egger R. (2022) TourBERT: A pretrained language model for the tourism industry. <https://www.scipod.global/dr-ellen-hoffmann-rurbanity-how-rural-and-urban-phenomena-intermingle-worldwide>.
- Ellis F. (2000) *Rural Livelihoods and Diversity in Developing Countries*, Oxford University Press.
- Esparcia J., Noguera J., Olmedo M. T. (2020) Smart villages in European rural development policy. *European Countryside*, vol. 12, no 2.
- Erdogan M., Marcinkowski T., Ok A. (2021) Urban environmental education: A systematic review and meta-analysis. *Environmental Education Research*, vol. 27, no 1.
- Folke C., Carpenter S., Walker B., Scheffer M., Chapin T., Rockstrom J. (2010) Resilience thinking: Integrating resilience, adaptability, and transformability. *Ecology and Society*, vol. 15, no 4.
- Fuqua R., Smith A., Brown J. (2021) Building resilience in rural communities: The role of social networks and social capital. *Journal of Rural Studies*, vol. 82.
- Gao H., Li Y., Xu X. (2014) Rurbanization and rural employment diversification in China. *China Agricultural Economic Review*, vol. 6, no 1.
- Gennaro F. D., Fantini A. (2009) Social changes and mental health in urban and rurban areas. *Journal of Community Psychology*, vol. 37, no 4.
- Goodwin-Hawkins B., Walsh K., Woods M. (2021) Reframing rurality in the smart village context. *Regional Studies*, vol. 55, no 1.
- Graham S. (2000) Constructing the networked city of the 19th century. *Journal of Urban History*, vol. 27, no 3.
- Graham S., Marvin S. (2001) *Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition*, Routledge.
- Granovetter M. S. (1973) The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, vol. 78, no 6.
- Hardy R., Wang S., Aligica P. (2024) Resilience and adaptability in rurban infrastructure planning. *Journal of Urban Planning and Development*, vol. 150, no 3.
- Hoffmann E. M., Schareika N., Dittrich C. et al (2023) Rurbanity: A concept for the interdisciplinary study of rural–urban transformation. *Sustainability Science*. <https://doi.org/10.1007/s11625-023-01331-2>.
- Hu J., Li Z., Yang J. (2018) YAKE: A simple and versatile keyword extraction algorithm. *Information Sciences*, vol. 432.
- Ianoş I., Cocheci R.-M., Petrişor A.-I. (2024) Exploring the relationship between the dynamics of the urban-rural interface and regional development in a post-socialist transition. *Urban Science*, vol. 8, no 2.
- Johnson S., Carter C. (2021) Inclusive economic policies for rurban areas: A critical review. *Economic Policy Review*, vol. 33, no 2.
- Jurafsky D., Martin J. H. (2020) *Speech and Language Processing*, Pearson.
- Kim S., Lee H. (2020) Enhancing community resilience through adaptive infrastructure in rurban areas. *Journal of Environmental Planning and Management*, vol. 63, no 8.
- Li X., Zhang W., Liu Y. (2021) The role of green infrastructure in sustainable development of rurban areas. *Sustainable Cities and Society*, vol. 65.

- Mahajan V. (2010) Rurbanization: A new perspective on rural development. *Rural Sociology Review*, vol. 72, no 3.
- Martin R., Clark G. (2018) Local economic development and community resilience in rurban settings. *Journal of Economic Geography*, vol. 18, no 4.
- Marsden T., Murdoch J., Lowe P., Munton R., Flynn A. (2003) *Constructing the Countryside: An Approach to Rural Development*, Routledge.
- Mengist W., Soromessa T., Legese G. (2019) Method for conducting systematic literature review and meta-analysis for environmental science research. *MethodsX*, vol. 7.
- Miller J., Roberts R. (2018) Social stratification and economic policy in rurban areas. *Journal of Rural and Community Development*, vol. 13, no 1.
- Miller K. (2019) New rural elites: The social consequences of rurban migration. *Journal of Rural Sociology*, vol. 84, no 3.
- Murdoch J. (2000) Networks — a new paradigm of rural development? *Journal of Rural Studies*, vol. 16, no 4.
- Nguyen T., Tran Q. (2022) Rurbanization and the social fabric: Challenges in the urban-rural nexus. *Journal of Urban Affairs*, vol. 44, no 6.
- OECD (2006) *The New Rural Paradigm: Policies and Governance*, OECD Publishing.
- Olmedo M. T., Esparcia J., Noguera J. (2024) Digital divides and smart innovation in rural-urban regions. *Telecommunications Policy*, vol. 48, no 1.
- Orîndaru A., Muntean M., Marinescu D. (2020) Sustainable infrastructure in rural development: Perspectives and implications. *Sustainability*, vol. 12, no 7.
- Paniagua A. (2009) Rurality, identity and morality: Understanding rurban space in the context of Spain. *Journal of Rural Studies*, vol. 25, no 1.
- Patel K., Garcia F. (2019) Community involvement in sustainable infrastructure planning in rurban areas. *Journal of Planning Education and Research*, vol. 39, no 2.
- Putnam R. D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, Simon & Schuster.
- Raghavan H., Schütze H. (2008) *Introduction to Information Retrieval*, Cambridge University Press.
- Ravazzoli E., Torabi M., Vaidya C. (2021) Smart innovation and the future of rurban areas. *Technology in Society*, vol. 67.
- Scoones I. (1998) *Sustainable Rural Livelihoods: A Framework for Analysis*. IDS Working Paper 72, Institute of Development Studies.
- Shaw K., Montgomery S. (2019) Economic diversification in rurban contexts: Policy and practice. *Regional Studies*, vol. 53, no 1.
- Shucksmith M. (2018) Re-imagining the rural: From rural idyll to good countryside. *Journal of Rural Studies*, vol. 55.
- Singh V., Patel R. (2018) Education and employment in the rurban context: A review. *Education + Training*, vol. 60, no 3.
- Smith A., Brown D., Johnson P. (2019) Urban migration and the evolution of rural-urban fringe areas. *Journal of Urban Studies*, vol. 56, no 8.
- Snyder H. (2019) Literature review as a research methodology: An overview and guidelines. *Journal of Business Research*, vol. 104.
- Soricut R., Brill E. (2004) Automatic question answering using the web: Beyond the factoid. *Information Retrieval*, vol. 7, no 4.
- Tacoli C. (1998) Rural-urban interactions: A guide to the literature. *Environment and Urbanization*, vol. 10, no 1.
- Taylor Z., Lucas J., Armstrong D. A., Bakker R. (2024) The development of the urban-rural cleavage in Anglo-American democracies. *Comparative Political Studies*, vol. 57, no 8.
- Woods M. (2005) *Rural Geography: Processes, Responses, and Experiences in Rural Restructuring*, Sage.
- Wilson D., Jonas A. E. G. (2018) Planetary urbanization: New perspectives on the debate. *Urban Geography*, vol. 39, no 10.

Виктория Николаевна Муха, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, правопедения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет. Ул. Московская, 2, Краснодар, 350072. E-mail: v.mukha@bk.ru

Алена Валерьевна Чемулова, младший научный сотрудник, Кубанский государственный технологический университет. Ул. Московская, 2, Краснодар, 350072. E-mail: chemulovaa@yandex.ru

*V. N. Mukha,
A. V. Chemulova*
Discovering
social aspects of
rurbanization:
A literature review

Аннотация. В статье рассмотрены социальные аспекты рурбанизации как процесса, в ходе которого сельские территории обретают все больше городских черт, что размывает границы между сельским и городским образом жизни. Представлены результаты всестороннего анализа литературы и тематического моделирования, позволившие определить ключевые вопросы в изучении социальных аспектов рурбанизации: влияние на психическое здоровье; концептуальные изменения в трактовке социальных взаимодействий; проблемы и возможности устойчивого инфраструктурного развития; роль экономической политики в балансировании потребностей сельских и городских территорий; воздействие умных технологий на местное управление и участие в нем локального сообщества; изменения в сфере образования и занятости. Авторы отмечают как позитивные, так и негативные аспекты рурбанизации, в частности, доступность городских удобств и рост социальной напряженности, подчеркивая необходимость комплексного подхода к изучению разнообразных аспектов рурбанизации.

Ключевые слова: рурбанизация, социальные аспекты, психическое здоровье, устойчивая инфраструктура, экономическая политика, умные инновации, образование и занятость, сплоченность сообщества, сельско-городская интеграция, социальная сплоченность, концептуальные основания

-
2. Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда. Проект № 24-28-2с348 «Взаимодействие городского и сельского сообществ в российских регионах: практики рурбанизации»

«Сегодня надо существенно перенастроить государственную аграрную политику, чтобы поддержать развитие сельских территорий»¹

А. В. Гордеев, А. М. Никулин

*Алексей Васильевич Гордеев, доктор экономических наук, академик РАН, заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 103265, Москва, ул. Охотный Ряд, 1.
E-mail: pr_gordeev@duma.gov.ru*

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В первой части биографического интервью Алексея Васильевича Гордеева обсуждаются основные вехи его жизненного и профессионального пути, связанные с проблематикой аграрного производства и сельского развития. Главное внимание уделяется вопросам трансформации институтов разного уровня управления сельским хозяйством в позднесоветский и постсоветский исторические периоды развития российского общества. Особенно подробно анализируются направления и приоритеты деятельности А. В. Гордеева на посту министра сельского хозяйства Российской Федерации. Отмечается, что в первые десятилетия XXI века приоритетной являлась задача роста аграрного производства, ориентированного на достижение продовольственной независимости и безопасности, стабильного обеспечения населения разнообразными продуктами питания. Обсуждаются пути реформирования и развития современных аграрных наук и образования в России. Особое внимание уделено периоду вступления России в ВТО, связанному с вопросами импортно-экспортных отношений между Российской Федерацией и зарубежными странами.

Ключевые слова: сельская Россия, советская экономика, аграрные реформы, агро-бизнес, развитие сельских территорий, ВТО

EDN: CQTWRT

А. М. НИКУЛИН: Алексей Васильевич, давайте начнем беседу с особенностями Вашей биографии. Когда я готовился к встрече с Вами, меня удивило, что родились Вы во Франкфурте-на-Одере, учились в школе в Магадане. Но Вы все время говорите, что Рязанская земля — Ваша родина.

А. В. ГОРДЕЕВ: Я ребенок из военной семьи, мой отец был офицером, поэтому мы «покатались» по стране. Я родился в ГДР, се-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

стра родилась в 1948 году на Дальнем Востоке, в Уссурийске. Это уклад жизни военных: пожил в одном городке, поехал в другой. Тем более когда подходит получение звания или следующей должности. У меня и мама, и папа из одной деревни в Рязанской области Касимовского района — деревня Урядино. Там весь наш род живет минимум 400 лет, по крайней мере с момента, как деревня стала упоминаться в исторических справках. Место с точки зрения потенциала почвенно-климатического не самое лучшее — там сушь. Засухи частые. Но как-то люди там жили, были многодетные семьи, увеличивалось население сел и деревень. В XIX веке Рязанская губерния была на первом месте по рождаемости. В среднем около десяти детей в семьях.

А. М. НИКУЛИН: Это был аграрно-перенаселенный район?

А. В. ГОРДЕЕВ: Да, конечно. Если возвращаться к моему месту рождения, то, хотя зарегистрирован я во Франкфурте-на-Одере, где находилось консульство СССР, родился я на самом деле в городе Котбусе. Но, понятно, я всегда считал, что моя родина — это место, откуда происходит весь наш род.

А. М. НИКУЛИН: Как часто Вам приходилось на родине бывать?

А. В. ГОРДЕЕВ: Когда был маленький, часто жил в деревне у деда, соприкасался с этим укладом. Сейчас мой сын там прописан — он окончил юрфак МГУ, потом — Аграрный университет в Рязани по специальности зоотехник. Он прописан в этой деревне, и когда колхоз разорвался, он решил его восстановить, став собственником. Там есть молочно-товарная ферма, дойное стадо. Прибыли там не было много лет, он за счет других видов бизнеса содержал это предприятие, только-только они выходят на самоокупаемость.

Началось все с того, что я туда поехал, как министр, в 2000 году, собрал людей поговорить. Смотрю — там одни пожилые и дети маленькие, мужиков практически нет, женщин молодых мало, все на заработках. Такое ощущение, что годы войны. Трудно было сдерживать слезы. Я, будучи министром, подумал, что как-то стыдно свое-то село бросить. Наша семья там поддерживает храм. В селе Китово, которое примыкает к Урядино, поддерживали строительство школы, детсада, ФАПа, газопровода, дороги — много чего сделано.

Еще такая история была. У моего отца был старший брат, Алексей Степанович, — меня называли в его честь. Он десантником войну прошел, жил во Владивостоке с семьей. Был на пенсии, мой отец позвал его в Москву, он прилетел — полковник запаса, последняя его должность была — зам. командира десантной бригады на Дальнем Востоке, где он остался после войны. Вместе с отцом они приехали ко мне на работу в министерство, и дядя мне рассказал, что у них было в семье десять детей, а выжило восемь — шесть братьев и две сестры: «Вот нас в середине 30-х годов твой дед, наш отец, собрал и сказал, что нам надо бежать из деревни, помрем тут все.

А. В. Гордеев,

А. М. Никулин

«Сегодня надо существенно перенастроить государственную аграрную политику, чтобы поддержать развитие сельских территорий»

Давайте, мол, что-то делать, как-то вас учить. И представляешь, 70 лет прошло, а его внук стал министром сельского хозяйства и должен наши деревни восстанавливать».

А. М. НИКУЛИН: В Вашей семье что-то от деда, от родственников осталось в памяти об этих годах коллективизации? И еще вопрос: Ваша родная деревня — сколько в ней народу сейчас проживает, сколько раньше было?

А. В. ГОРДЕЕВ: Раньше селения были очень густонаселенными: в деревне жило больше 1000 человек — они вместе, Китово² и рядом — Урядино³. Сейчас, думаю, осталось около 200 человек. Именно нашу местность сильно коллективизация не затронула, потому что это достаточно бедные земли, там не было зажиточных крестьян. Но репрессии затронули. Мой другой дед, по линии мамы, был лесничим Мещёрского заповедника — в то время это была большая должность. Лесничий был главным управляющим лицом всей этой зоны. Его репрессировали. Он год с небольшим просидел в тюрьме в Рязани, потом его вернули обратно, нагрузив тем, что он стал председателем колхоза. Но здоровье после ареста пошатнулось, и он прожил недолго, в 1940 году умер молодым.

А. М. НИКУЛИН: Тогда, в 1930-е, председатель колхоза — расстрельная должность: их, председателей, так часто меняли...

А. В. ГОРДЕЕВ: Его таким образом наказали: тюрьму заменили на должность председателя колхоза. Возвращаясь к моей биографии — к отрасли сельского хозяйства с точки зрения профессиональной я пришел не сразу. Я не готовился работать в этой сфере, и мой жизненный путь изначально был связан со строительством. Я окончил Московский институт инженеров транспорта — МИИТ имени В. Н. Образцова. Академик Владимир Николаевич Образцов был известным русским и советским ученым в области транспорта, академиком АН СССР, преподавал в МИИТе. Тема моего диплома звучала так: «Проектирование железных дорог в условиях вечной мерзлоты». По окончании института можно было поехать по комсомольским путевкам строить БАМ, в том числе в качестве офицера Советской Армии на два года. Мы, несколько товарищей, среди них один друг родом из Воронежской области, взяли комсомольские путевки и поехали в Хабаровский край. Я был сначала командиром взвода в мостовой роте, потом — зам. командира роты, после чего до конца службы исполнял обязанности командира роты. Мы строили инженерные объекты на БАМе.

А. М. НИКУЛИН: БАМ длинный, а где именно?

А. В. ГОРДЕЕВ: Поселки Ургал и Чегдомын в Верхнебуреинском районе Хабаровского края. В Чегдомыне стоял корпус железнодорожный, а в Ургале стояла бригада, в/ч 28066, помню это

2. Село Китово, 198 человек по переписи 2010 года.

3. Деревня Урядино, 1135 человек по переписи 1906 года, 98 человек по переписи 2010 года.

число до сих пор. Хорошая школа жизни была. Первую госнаграду я получил по итогам строительства БАМа — тогда была учреждена отдельная государственная награда: «Медаль за строительство Байкало-Амурской магистрали». Мы, молодые ребята, нам по 20 с небольшим лет, получили госнаграды. Когда я вернулся в Москву, естественно, пытался устроиться на работу как строитель — несколько месяцев работал в Главмосремонте. А в это время по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР было создано Министерство плодоовощного хозяйства, куда меня пригласили работать специалистом по строительству.

А. М. НИКУЛИН: Они плодились тогда, эти советские министерства, их все больше становилось.

А. В. ГОРДЕЕВ: По Минплодоовощхозу какая история: это вообще была первая попытка создания рыночной модели сельского хозяйства. Смысл такой: объединить в единую цепочку производителей сельхозпродукции, переработчиков и торговое звено, так называемая система «поле-магазин». Туда передали все плодоовощные хозяйства, потом — все консервные предприятия по переработке плодоовощной продукции. Также под контроль этого министерства ушли все плодовоощторги с базами хранения и плодоовощные магазины. Ноу-хау по тем временам. Все это выделили из Минсельхоза, из Минпищепрома и из Минторга. Каждое звено. Работа в этом министерстве была интересным и полезным опытом.

А. М. НИКУЛИН: Это какие плоды: овощи и фрукты?

А. В. ГОРДЕЕВ: Да. Правда, там также сопутствующие продукты были. Например, молоко, потому что плодоовощное хозяйство обязательно имело молочные комплексы, ведь отходы шли на кормление скоту.

А. М. НИКУЛИН: Так это, получается, когда нас, студентов и аспирантов, отправляли работать на подмосковные овощебазы, мы, возможно, работали на объектах вашего министерства?

А. В. ГОРДЕЕВ: Возможно, но Минплодоовощхоз просуществовал недолго — с 1981 по 1986 год.

А. М. НИКУЛИН: Это министерство формировалось и расформировывалось в рамках позднебрежневских, раннегорбачевских аграрных реформ...

А. В. ГОРДЕЕВ: Да, пришел М. С. Горбачев и все перестроил: был создан «гигант» — Госагропром, куда вошли порядка 8 различных министерств и ведомств.

Работая в Минплодоовощхозе, я отвечал за комплектацию оборудованием строящихся объектов. Тогда было много заявлено строек, в том числе крупнейший в Европе Азовский комбинат детского питания. Он производил 100-граммовые баночки детского питания, как раз фруктовые и овощные. Тогда это было новаторством — наконец появилось отечественное детское питание для малышей. Этот объект в Ростовской области полностью комплектовали оборудованием французские производители, и для нас совместная ра-

*А. В. Гордеев,
А. М. Никулин*
«Сегодня надо существенно перенастроить государственную аграрную политику, чтобы поддержать развитие сельских территорий»

бота с ними принесла очень полезный опыт. Был я сначала главным специалистом, потом стал начальником отдела, затем — зам. начальника главка — за пять лет быстро продвинулся по службе.

Эта работа все больше погружала в вопросы сельскохозяйственного производства и понимание роли взаимодействия предприятий внутри агропродовольственного сектора. В это время освобождалась должность начальника главка, а мне было около 30 лет. Министр плодовоощного хозяйства РСФСР Владимир Иванович Наумов, замечательный человек, позвал меня и говорит: «Ты молодой человек, представляешь, станешь начальником главка. Тебе 30 лет, а ты всю жизнь проведешь в этом кресле, сидя в кабинете! Лучше иди на производство, наберешься важного практического опыта, а я тебе дам самые положительные рекомендации». И я ему, конечно, благодарен за то, что он вовремя направил меня на этот путь понимания производства. Как я уже упомянул, в это время параллельно, по решению Горбачева, пошел слом разных министерств и ведомств с их объединением в единое «мегаведомство» Госагропром.

К слову сказать, в сфере сельского хозяйства примерно каждые пять лет все время что-то перестраивалось. На это было интересно смотреть с профессиональной точки зрения. Возьмем пример Госагропрома. Много министерств и ведомств объединили в одну структуру. Началась кадровая чехарда — представляете, сколько там было заместителей министров. Бывшие заместители министров стали заместителями начальников больших главков, потому что министерства преобразовали в главки. Они звонили по спецсвязи своим коллегам из министерств, не входящих в агропромышленный комплекс, представлялись как зам. начальника главка Госагропрома, но подчеркивали, что они бывшие заместители министра, чтобы уточнить высокий уровень своих полномочий. Это приводило к путанице.

В системе Госагропрома начали образовываться агрокомбинаты — это уже рыночная форма, первая при плановой экономике. Прежде всех появился агрокомбинат «Кубань», затем еще три агрокомбината — два агрокомбината в Московской области (в Раменском и Каширском районах), и особый, экстерриториальный — агрокомбинат «Москва». Районные агрокомбинаты осуществляли на своей территории производство сырья, переработку, хранение и реализацию через собственную торговую сеть. Агрокомбинат «Москва» имел предприятия в Московской области, в городе Москве, Карачаево-Черкесской автономной области и Астраханской области. Например, такие как тепличные хозяйства, консервный завод, плодовоощные базы и магазины плодовоощной продукции (последние — только в Москве). Вся эта история с проектированием и созданием агрокомбинатов возникла из записки в секретариат ЦК КПСС атташе по сельскому хозяйству в Югославии Евгения Сергеевича Рычина. Он изучил эту систему «поле-магазин»,

реализованную в югославских агрокомбинатах. И по предложению, сформулированным в его записке, по решению ЦК КПСС, Советом Министров СССР были созданы упомянутые первые четыре агрокомбината, а в один из них он был назначен гендиректором, возглавив АПК «Москва».

Туда я был приглашен работать, рекомендацию мне дали В. И. Наумов, о котором говорил ранее, и Николай Васильевич Аверьянов, известный экономист-аграрник, долгие годы проработавший заместителем министра плодоовощного хозяйства РСФСР и затем заместителем министра сельского хозяйства РФ.

А. М. НИКУЛИН: Где находился офис АПК «Москва»?

А. В. ГОРДЕЕВ: На Смоленском бульваре, рядом со зданием МИДа и банком «Российский кредит».

А. М. НИКУЛИН: Как я понимаю, агрокомбинаты были, как бы мы сейчас сказали, — холдинги, но только государственные?

А. В. ГОРДЕЕВ: Да, и даже в структуре агрокомбината были свои финансово-расчетные центры (ФРЦ), то есть собственный «банк». Наш агрокомбинат работал успешно — каждый год у нас оставалось недоиспользованной прибыли по 25 млн рублей, в то время это как сейчас — 25 млн долларов. Мы не могли ее использовать в силу централизованной плановой экономики в стране. Как в старом анекдоте: американские аналитики-экономисты приехали в СССР исследовать его экономический потенциал, долго работали, докладывают руководству США, что СССР — такая богатая страна, чего там только нет, куда ни поедешь — и трубы валяются, и железобетонные конструкции разбросаны неиспользованными. У них чего там только нет! Но вот нет главного — это каких-то лимитов и фондов, но что это такое — мы так и не поняли.

Раньше была ведь экономика централизованная и плановая: любое предприятие производило только то и в таком количестве, какие установлены сверху. Плановый орган также назначал цену на производимую продукцию и прикреплял к «покупателю». Это закреплялось в документе под названием «фондовое извещение», сокращенно — «фонды».

В строительстве существовали так называемые «лимиты». Как строительство было организовано: ты мог иметь деньги, но тебе надо было прикрепиться через министерство к подрядчику и согласовать, что ты столько-то денег можешь расходовать. Из Москвы спускали, что ты можешь использовать столько-то денег, и назначали подрядчика. Выписывали документ под названием «лимиты капитального строительства». Не имея «фондов» и «лимитов», даже при наличии свободных денег, предприятие не могло ничего ни приобрести, ни построить. Все время пример привожу: я смотрел подписанное Сталиным постановление Совета Министров СССР «Об организации треста Сочиновощпром». И там в приложениях к постановлению было расписано: столько-то кубометров доски выделить, столько-то тонн гвоздей и т. д. Иными словами,

*А. В. Гордеев,
А. М. Никулин*
«Сегодня надо существенно перестроить государственную аграрную политику, чтобы поддержать развитие сельских территорий»

плановая экономика подразумевала центральное распределение ресурсов и мощностей строительства.

А. М. НИКУЛИН: А какой интересный опыт в работе АПК «Москва» Вы можете вспомнить?

А. В. ГОРДЕЕВ: У нас в Москве было 22 магазина, одному из них, на улице Ленивка, дали возможность экспериментировать.

А. М. НИКУЛИН: Это недалеко от Пушкинского музея изобразительных искусств. Я еще помню этот ваш магазин!

А. В. ГОРДЕЕВ: Да. Разрешили именно этому магазину делать какие-то элементарные обработки продукции: например, пришел картофель, его помыли, пришла капуста, сняли верхние листья. И им дали право назначать цены самостоятельно. Если картофель немытый стоил, условно, 10 копеек за килограмм, то помытый — 30 копеек. Первое, что произошло: в условиях плановой экономики это вызвало удивление со стороны органов ОБХСС⁴, которые занимались экономическими преступлениями. Для них был шок, что кто-то мог так сделать. Начались проверки. И тогда сам Егор Кузьмич Лигачев, который лично курировал агрокомбинаты, вмешался и запретил министру внутренних дел СССР посылать проверки. А эти магазины на тот момент стали миллионерами, так как им дали право самим определять цены. Но при этом там всегда стояла очередь из покупателей, потому что там всегда была качественная продукция.

А. М. НИКУЛИН: А что стало с агрокомбинатами далее?

А. В. ГОРДЕЕВ: Потом случилась приватизация, происходило много странностей, поскольку каждое юрлицо имело право само приватизироваться без учета исторически сложившихся хозяйственных связей, каждый директор предприятия стремился стать самостоятельным и проводил приватизацию в отрыве от реалий, ставя свой интерес выше экономической целесообразности.

Поэтому мы вынуждены были в переходный период создать ассоциацию из предприятий, входящих в АПК «Москва», и это дало возможность на определенном этапе сохранять сложившиеся хозяйственные связи. Но в конце концов каждое хозяйство стало самостоятельным, появились новые собственники, у которых имелись разные интересы, в том числе распродажа тех или иных активов, и это привело к разрушению модели агрокомбинатов. Но это был очень хороший, колоссальный опыт.

Потом понятно стало, что надо каждому куда-то устраиваться, у меня был такой период, что я одновременно занимал четыре

4. Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) — отдел, в составе системы органов внутренних дел СССР (милиции) по борьбе с хищениями социалистической собственности в организациях и учреждениях государственной торговли, потребительской, промышленной и индивидуальной кооперации, заготовительных органах и сберкассах, а также по борьбе со взяточничеством и спекуляцией.

официальных должности: зам. генерального директора агрокомбината «Москва», зам. главы Люберецкой администрации, начальник управления сельского хозяйства Люберецкого района, генеральный директор Агропромсервиса.

А. М. НИКУЛИН: А почему Вы были так связаны именно с Люберцами?

А. В. ГОРДЕЕВ: Люберецкие хозяйства составляли большинство сельхозпредприятий агрокомбината «Москва». То есть все крупные хозяйства этого района входили в наш АПК.

АПК «Москва» создал свою организацию по поставкам сельхозтехники и комплектации строек, а также отдельных видов обслуживания. Она называлась «Агропромсервис». Туда вошли управление производственной технологической комплектации и автобаза, сервисные склады. Я стал там генеральным директором в 1989 году, еще до развала СССР, проработал где-то два с половиной года, совмещая эту должность с должностью зам. генерального АПК «Москва» (вышестоящей организации). В 1992 году, когда пошли процессы приватизации, мне одновременно предложили стать заместителем главы администрации Люберецкого района и начальником районного управления сельского хозяйства.

А. М. НИКУЛИН: И еще Вы примерно тогда же совмещали работу с учебой в Академии народного хозяйства СССР, нынешней РАНХиГС?

А. В. ГОРДЕЕВ: Мне рекомендовал учиться в этой академии Николай Васильевич Аверьянов, о котором упомянул ранее. Он сам окончил Академию народного хозяйства СССР, которая в то время была кузницей специалистов управления высокого уровня.

А. М. НИКУЛИН: Академия общественных наук готовила идеологов, секретарей ЦК, а эта академия готовила хозяйственников, министров.

А. В. ГОРДЕЕВ: Да, верно. Как правило, выпускники АНХ становились руководящими работниками министерств и ведомств. Аверьянов был интересным, умным человеком, экономистом, кандидатом экономических наук, ему было около 40 лет. Когда он стал заместителем министра плодоовощного хозяйства, он мне все время говорил, что надо учиться, рекомендовал идти в академию. В 1990-м я поступил на очно-заочное двухлетнее обучение (аналог современной магистратуры). Получилось интересно: полтора года я учился в СССР, и полгода — уже в России, когда СССР не стало. Очень хорошая была школа АНХ, дававшая знания и навыки, нужные для управленца. Нас выпускали как специалистов высшей категории управления. Это позволило мне впоследствии и кандидатскую защитить.

Если вернуться к вопросу о том, как я оказался в сельском хозяйстве, — судьба сложилась так, что, работая начальником районного управления сельского хозяйства, приобрел пять лет опыта и понимания всех деталей сельскохозяйственного производства.

*А. В. Гордеев,
А. М. Никулин*
«Сегодня надо существенно перестроить государственную аграрную политику, чтобы поддерживать развитие сельских территорий»

В 1996 году после принятия закона о местном самоуправлении прошли первые выборы муниципальной власти в стране на уровне районов. Предполагалось, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

А. М. НИКУЛИН: Тогда такие смутные времена были.

А. В. ГОРДЕЕВ: Да, у нас главой района избрали кандидата, далекого от государственного управления и не имеющего опыта хозяйственного руководства. В то время район был «интересный». Например, у нас насчитывалось 45 преступных группировок — многие секции «качков», боксеров, бойцов преобразовались в банды. Ходили «крышевали», рэкетом занимались. Сложный период был — года два-три, когда представители власти в лице милиции просто исчезли. Были банды и нарождающийся предпринимательский корпус.

Первый рэкет зафиксирован еще в 1989 году, когда стали создаваться кооперативы при действующих государственных заводах. А что такое кооператив: завод, директор, при заводе создавался кооператив. Завод продавал по фиксированным ценам и направлял продукцию, куда ему предпишут, а кооперативам дали право часть продукции с завода забирать и реализовывать, куда хотят и по каким угодно ценам. И в условиях дефицита в кооперативах стала образовываться высокая прибыль, в том числе и нелегальные доходы. «Крышевание» заключалось в том, что в обмен на часть такого нелегального дохода рэкетирь предлагали «охранные услуги». В случае отказа от услуг, могли создать «реальные» проблемы как организации, так и руководителям. Позже, в начале 1990-х годов, когда началась приватизация заводов, эти группировки претендовали на часть доходов и активов приватизируемых предприятий. А позже в структуре МВД России были созданы РУБОПы — управления по борьбе с организованной преступностью⁵. Это был уже, наверное, 1993 год, и потребовались годы, пока государство обрело реальный контроль и сумело организовать защиту предпринимателям.

А. М. НИКУЛИН: Меня поразило, что у нас, по сравнительной статистике, за десять лет войны в Афганистане погибло меньше солдат, чем «рыцарей» рэкета и приватизации, перестрелявших и взорвавших друг друга в криминальных разборках первого постсоветского десятилетия.

А. В. ГОРДЕЕВ: Страшное время. Считаю важным осмысление событий 1990-х годов социологами и другими специалистами, чтобы в будущем не повторять крупные ошибки государственного строительства.

А. М. НИКУЛИН: Вернемся к Вашей работе в Люберецкой администрации.

5. РУБОП — региональное управление по борьбе с организованной преступностью МВД России, существовавшее в 1993–2001 гг.

А. В. ГОРДЕЕВ: Довольно быстро я понял, что мне нет места в новой команде. Я начал искать другую работу. С учетом уже имевшегося опыта в министерстве, я обратился в Министерство сельского хозяйства, и по рекомендации Николая Васильевича Аверьянова, который недавно ушел на пенсию, министр того времени Виктор Николаевич Хлыстун предложил мне должность начальника департамента экономики Минсельхоза РФ.

А. М. НИКУЛИН: Вы говорите, что этот период 1980–1990-х годов не до конца исследован. А какова ваша оценка перестройки и ее приватизации: можно ли было провести реформы по-другому? Почему получилось именно так?

А. В. ГОРДЕЕВ: Конечно, могло быть и по-другому, но произошло как есть. Например, я считаю, что ускоренная приватизация земель сельхозназначения на том этапе была ошибкой. Сельхозземли перестали выполнять роль средства производства, а стали объектом перепродажи. И ошибкой, которая стране стоила достаточно много денег, вложенных не в развитие сельского хозяйства, а разложенных просто по карманам. Даже сейчас посмотреть — вместо того, чтобы вкладывать деньги в производство, технологии, модернизацию, зачастую люди платят друг другу большие деньги за переход земли от одного собственника к другому. На мой взгляд, надо было все эти земли оставлять в собственности государства, развивать долгосрочную аренду с правом наследования, залога, при условии целевого использования этого важнейшего общественно-го ресурса.

А. М. НИКУЛИН: Чаяновский подход — Чаянов был за то, чтобы земли принадлежали государству.

А. В. ГОРДЕЕВ: Согласен, тем более такие земли. Мы почему-то говорим, что недра принадлежат обществу и государству, а земля, плодородная почва? Это же точно такой же природный ресурс. Реформаторы объясняли, приватизация нужна, чтобы появился хозяин, заинтересованный в инвестировании ресурсов в землю. Однако почему нельзя вкладывать, когда предприниматель имеет право владения и пользования на 50 лет в виде долгосрочной аренды с правом залога, наследования, только с условием поддержания плодородия земли и использования по целевому назначению?

А. М. НИКУЛИН: Давайте обратимся вновь к истории Вашей жизни.

А. В. ГОРДЕЕВ: В начале 1997 года я перешел в Минсельхоз. Возглавил департамент экономики, оказавшись на федеральном уровне. Затем я стал первым заместителем министра — моя карьера складывалась удачно.

В августе 1999 года премьер-министром стал Владимир Владимирович Путин, с которым мы не были знакомы лично. И в этом месяце, когда я находился в отпуске в Сочи, мне поступил звонок по спецкоммутатору: «Алексей Васильевич, это Путин. Я предло-

жил назначить Вас министром сельского хозяйства. Вы где находитесь?» Отвечаю: «Я в отпуске, в Сочи. Когда я должен прибыть?» — «Я Вас жду в понедельник». Вот так я узнал, что стал министром, и приступил к исполнению своих обязанностей.

Это был очень интересный этап работы: министры были главными ответственными лицами в своих сферах. Я понимал, что отвечаю за отрасль, и если я разрабатывал и предлагал руководству страны какое-то стратегическое решение по развитию, была большая вероятность того, что предложенное будет принято. В мае 2000 года, после избрания Владимира Владимировича Путина президентом, я стал совмещать должность министра с должностью заместителя председателя правительства. Это давало большие возможности координации действий многих министерств и ведомств. Тогда был принят целый ряд стратегических отраслевых законов.

Если вернуться немного назад — в 1998 году страну постигли два неприятных события: финансовый кризис и самый низкий урожай зерновых за весь XX век. Собрали всего лишь 47 млн тонн. Для сравнения, сейчас объемы производства зерновых составляют 130–135 млн тонн в среднем в год. И по итогам этого кризисного года в стране около 90% сельхозпредприятий были убыточными. И это все накапливалось как снежный ком.

А. М. НИКУЛИН: К 1999 году падение производства в ряде отраслей сельского хозяйства достигало 60% в сравнении с 1991 годом.

А. В. ГОРДЕЕВ: Падение производства — это одно, а другое — не хватало денег развивать дальше аграрное производство. Почти все агропредприятия были убыточные, банкроты. Поэтому нашим первым решением стало принятие Закона о финансовом оздоровлении сельскохозяйственных предприятий: списали 90% долгов. Таким образом мы реанимировали отрасли аграрного производства. Параллельно удалось принять на уровне правительства с целью развития отечественного производства систему регулирования импорта продовольствия, составлявшего тогда более 50%. Тогда вопрос продовольственной независимости был чрезвычайно острым. В то время нам говорили, что сахар дешевле привезти из Бразилии, Индии, чем производить его в России. Очень спорный тезис о ценообразовании на товар, так как могло возникнуть доминирование и последующий диктат цен со стороны крупных зарубежных компаний — поставщиков сахара в Россию. Не говоря уже о том, что это нарушало всю агропроизводственную цепочку внутри страны, связанную с использованием земли, так как сахарная свекла — важная часть правильного севооборота. Поэтому это наносило удар сразу по всему сельскому хозяйству крупных аграрных регионов.

Плюс, конечно, необходимо было держать баланс между производством зерна, мясной и молочной продукции. Странно, когда крупнейший производитель и экспортер зернопродукции одновременно импортирует мясо и молочную продукцию. Очевидно, что здесь имеется перекося. Почему это происходит? Например, в стра-

нах Евросоюза, откуда мы импортировали мясо-молочную продукцию, на порядок выше уровень господдержки сельского хозяйства, чем у нас в стране в расчете на 1 га. Плюс у них годами создавалась более высокотехнологическая база.

Когда я стал министром, предложил ввести квоты на импорт с уменьшением по годам и увеличением собственного производства. В этом случае представители отечественного бизнеса и кредитующие их банки будут понимать, какая часть на рынке освобождается под российского производителя, появятся перспективы увеличения производства. В тот момент удалось согласовать эти предложения с представителями министерств финансово-экономического блока, и тогда вышло решение правительства о квотировании импорта сахара, мяса свинины, птицы и говядины.

Все эти предложения мы, как министерство, разрабатывали, опираясь на расчеты и обязательства представителей аграрного бизнеса России. Были созданы отраслевые ассоциации и союзы, объединяющие организации по видам производимой продукции. И эти аграрные ассоциации и союзы сыграли большую роль, мы их использовали как институциональную систему, представляющую интересы отрасли. Этому был посвящен отдельный раздел Закона «О развитии сельского хозяйства», где был закреплён подход взаимодействия исполнительной власти и бизнеса. Мы понимали, что это создает дополнительные взаимные обязательства, что власть должна слушать и слышать консолидированных представителей аграрного бизнеса.

Дальше — нам удалось убедить правительство принять решение о льготном кредитовании сезонных полевых работ. Была предложена система выдачи кредитов со стороны различных банков сельхозпроизводителям, при компенсации государством части процентной ставки. Потом появились инвестиционные кредиты: трехлетние, пятилетние, семилетние для трат на капвложения. Именно через этот кредитный инструмент шло мощное инвестирование в сельское хозяйство. Параллельно были созданы Россельхозбанк, «Росагролизинг», позже появилась «Объединенная зерновая компания». Эти государственные инструменты начали поддерживать стабильное развитие всей отрасли.

А. М. НИКУЛИН: Все-таки Россия — страна регионально разнообразная. Каково Вам как министру сельского хозяйства было работать с регионами? Был какой-то региональный аспект?

А. В. ГОРДЕЕВ: Эта проблема до сих пор до конца не решена. В начале 2000-х шла дискуссия с финансово-экономическим блоком: насколько федеральный центр должен участвовать в развитии сельского хозяйства? Потому что это считалось компетенцией регионов. Когда в 2020 году вносились изменения в Конституцию, нам, представителям аграрного лобби, удалось провести полезную поправку. Теперь в Основном законе страны зафиксировано, что сельское хозяйство является предметом совместного ведения Россий-

А. В. Гордеев,

А. М. Никулин

«Сегодня надо существенно перенастроить государственную аграрную политику, чтобы поддержать развитие сельских территорий»

ской Федерации и субъектов Российской Федерации. А долгие годы здесь был пробел. Те, кто мог «цепляться» юридически, говорили: «А пусть регионы эту специфику учитывают». И нам было трудно на федеральном уровне сгруппировать регионы, условно, в 3–4 группы по их биоклиматическому потенциалу. Но мы какую-то специфику учли, например, по оленеводам ввели поддержку. У нас есть мясное коневодство в Якутии — там ввели поддержку. Или была поддержка специальная по перевозке овец в Дагестане, перебрасывали вагонами на пастбища. Конечно, время пришло, и надо учитывать специфику регионов, например, понимать, какие находятся на самообеспечении, какие являются донорами продовольствия, а в каких регионах — сельхозпроизводство, например, оленеводство — это уклад жизни.

А. М. НИКУЛИН: В 1990-е годы поменялось несколько министров сельского хозяйства, чехарда такая. Вы пришли — и все нулевые годы были бессменным министром. Как можно охарактеризовать Ваше руководство? Вы были одним из активных участников агропромышленной интеграции позднесоветского периода. И на время Вашего руководства как министра сельского хозяйства приходится новая интеграция, то, что называется интеграцией агробизнеса, развитие агрохолдингов. Потом нацпроекты — это тоже Ваш период. И реальные успехи: к концу нулевых видно, что сельское хозяйство вышло из пикирующего провала, наметились реальные долговременные тенденции роста. Про эту новую интеграцию что можно сказать? Вы приходите — никаких агрохолдингов, к концу Вашего срока — уже раскрученные имена агрохолдингов, агрофирм.

А. В. ГОРДЕЕВ: Конечно, длительное пребывание на посту министра позволило мне сформировать долгосрочную аграрную политику в стране. Если говорить про нацпроекты, то нацпроекта «Сельское хозяйство» не планировалось. Сначала было три нацпроекта: «Образование», «Жилье» и «Здравоохранение». С Германом Оскаровичем Грефом, занимавшим пост министра экономического развития и торговли, у нас было много разногласий в подходе к поддержке сельского хозяйства. Только потом, когда мы с ним поехали в Белгородскую область (это было в 2002–2003 годах), он увидел современную технику — комбайны размером с тепловоз, встретился с «капитанами бизнеса» и понял, что это «современные ребята» с грамотным современным экономико-финансовым подходом. У него резко изменилось мнение о роли сельского хозяйства в развитии экономики страны. И благодаря такой «смычке» нам удалось убедить президента принять четвертый национальный проект — «Развитие агропромышленного комплекса (АПК)». И он оказался по итогам самым успешным. В нем были обозначены важные направления, которые обеспечивали наполнение: в конце 1990-х — начале 2000-х годов основной задачей было насытить прилавки продовольствием отечественного производства. Задачу эту

*А. В. Гордеев,
А. М. Никулин*
«Сегодня надо существенно перенастроить государственную аграрную политику, чтобы поддержать развитие сельских территорий»

надо было быстро решать, и был выбран вектор на создание крупнотоварных производств с использованием логистических мощностей, глубокой переработки, применения высокотехнологичного оборудования, которые и стали агрохолдингами. В то же время в нацпроектах уделялось внимание и развитию малого аграрного бизнеса, включая поддержку функционирования личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Сегодня я понимаю, что мы решили тогда задачу, которую весь XX век не могла решить ни одна власть в России. Ни советская, ни постсоветская. На прилавках всегда был дефицит продовольствия. А сейчас потребителю предложен широкий ассортимент российских продуктов питания.

Сегодня, на мой взгляд, в государственной аграрной политике надо менять приоритеты. Требуется ее перенастроить с тем, чтобы поддержать развитие сельских территорий. При этом не просто давать деньги на развитие социальной сферы, но и поддержать малый и средний бизнес людей, там проживающих, бизнес, который встроен в эту систему и участвует в решении тех или иных социальных задач. Я бы этот этап объявил «пятилеткой комплексного сельского развития» и предложил бы сконцентрироваться на этом направлении.

А успех национального проекта 2000-х, конечно, также подтвердил, что сельское хозяйство в своем развитии быстро и положительно реагирует, когда ему оказывается системное внимание со стороны государства.

Здесь уместно вспомнить, что в 2007 году мы инициировали первую в стране госпрограмму по развитию сельского хозяйства. Тогда существовало множество федерально-целевых и отраслевых программ. Я подумал, хорошо бы все это комплексно увязать, поэтому и возникла пятилетняя государственная программа развития сельского хозяйства.

Но к 2018 году стало понятно, что уже мало уделять внимание только развитию сельскохозяйственного производства. Поэтому по нашему предложению правительством были утверждены еще две: «Комплексное развитие сельских территорий» и «Эффективное вовлечение в оборот земель сельскохозяйственного назначения». Реализация госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий» должна сопровождаться научно-исследовательской поддержкой на федеральном уровне, чтобы ответить на вопросы-вызовы: что такое сельский населенный пункт XXI века? Как учесть регионализацию и культурно-национальные особенности регионов? Какими могут быть различные сельские модели и форматы? И т. д.

Сейчас, к сожалению, пока превалирует упрощенный подход к реализации этой программы, когда внимание уделено так называемым опорным пунктам. А они охватывают лишь около 15% всего массива сельского населения. И именно туда будут прежде всего направлены ресурсы.

Я бы предложил взять села с населением 1000 человек и выше. Мы бы охватили более 60%, это уже 2/3 сельского населения. Сейчас госпрограмма недофинансирована, на один сельский населенный пункт в год выделяется около 500 тыс. рублей. Разве возможно провести качественные изменения на такие деньги? В этом смысле хорош пример Беларуси с созданием агрогородков. Они закрепили сельское население, подняли социальное самочувствие и создали перспективы для людей. Все это мы могли у себя сделать даже в больших масштабах.

А. М. НИКУЛИН: Для этого нужна еще и политическая воля и современная аграрная наука.

А. В. ГОРДЕЕВ: Об аграрных вузах. В 2000-е годы Минсельхоз их отстоял, не дал перевести в Минобрнауки. Но вот сейчас я понимаю, что количество ведомственных аграрных вузов, а их около 40 в стране, избыточно. И по большому счету не должно быть так, что ты по специальности именно «экономист сельского хозяйства». Должно быть просто: «экономист». Это дальше практика тебя ориентирует по специализации.

А. М. НИКУЛИН: Так выпускники агровузов в большинстве своем в городах и остаются. Например, ветеринары, которые предпочитают лечить кошек и собак в городе, а не коров и овец на селе.

А. В. ГОРДЕЕВ: Это тоже отдельная история, что 60–70% выпускников сельхозвузов не работают в отрасли. Есть и вопросы к среднетехническому образованию, которое сегодня относится к компетенции регионов.

А. М. НИКУЛИН: Обратимся к международным экономическим отношениям. Вы упоминали в других интервью, что были в правительстве единственным последовательным противником вступления России в ВТО. Как можно охарактеризовать взаимодействие российского сельского хозяйства и общемирового? Что здесь происходило и происходит, на Ваш взгляд?

А. В. ГОРДЕЕВ: Я человек, который остро ощущает последствия несправедливости, и для меня очевидна эта «система двойных стандартов». Когда мы присоединялись к ВТО, то требовалось резкое сокращение поддержки сельского хозяйства, снижение регулирующей роли государства. При этом в Европе — из расчета на гектар господдержка в 10–20 раз больше, чем у нас, а в Канаде — экспортом зерновых культур занималась единственная крупная государственная компания. Почему так? Они отвечают: «Так это вы к нам присоединяетесь, и у нас есть право диктовать условия». Согласитесь, странные партнерские отношения. А у них понимания было мало, что наша страна находится в начале пути создания рыночной экономики. Все хотели в своих интересах использовать наш отечественный рынок. Конечно, мы не могли с этим согласиться и настаивали на равных условиях. В частности, были жесткие переговоры с США по вопросам аттестации мясных производителей из стран-экспортеров — мы были вынуждены запре-

тить импорт сомнительного качества замороженного мяса, в том числе так называемых «окорочков Буша». Об этом я уже подробно рассказывал в интервью для проекта «Лица АПК», реализованного совместно «Российской газетой» и Россельхозбанком⁶.

Окончание интервью будет опубликовано в следующем номере журнала «Крестьяноведение».

*А. В. Гордеев,
А. М. Никулин*
«Сегодня надо существенно перестроить государственную аграрную политику, чтобы поддержать развитие сельских территорий»

“Today we need to significantly change the state agricultural policy to support the development of rural areas”

Alexey V. Gordeev, DSc (Economics), Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Okhotny Ryad St., 1, Moscow, 103265. E-mail: pr_gordeev@duma.gov.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. The first part of the biographical interview with Alexey Vasilyevich Gordeev focuses on the milestones of his life and professional path related to agricultural production and rural development, especially on the transformation of institutions at different levels of agricultural management in the late Soviet and post-Soviet periods; the areas and priorities of Gordeev's activities as Minister of Agriculture of the Russian Federation are considered in particular detail. Thus, in the first decades of the 21st century, the priority task was to achieve growth in agricultural production to ensure food independence, food security and stable provision of the population with a variety of food products. The interlocutors discussed ways to reform and develop contemporary agrarian sciences and education in Russia and the period of Russia's accession to the WTO as associated with import-export relations of Russia with foreign countries.

Key words: rural Russia, Soviet economy, agrarian reforms, agribusiness, rural development, minister, WTO

6. <https://rg.ru/2025/06/19/aleksej-gordeev-lica-apk.html>

**Типология и топология сельского расселения:
возможности и ограничения краткого
изложения¹**

**Рецензия на книгу: Быстрова Т. Ю., Мазаев Г. В. Сельское
расселение: история и типология. Екатеринбург: TATLIN,
2024. — 108 с. ISBN: 978-5-00075-362-0**

И. В. Троцук

*Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный
сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
119571 Москва, просп. Вернадского, 82.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru*

EDN: EOISTS

Поиски оснований типологизации сельского расселения в фундаментальных и прикладных целях осложнены в российской (и не только) исследовательской традиции по крайней мере тремя обстоятельствами. Во-первых, расхождениями в трактовке понятия «тип»² (синоним вида/класса, цель или средство познания), что затрудняет определения типологии/типологизации (инструмент организации опыта, проверки гипотезы или упрощенного описания данных), а также «типологического метода/анализа» (например, в эмпирической социологии это и методологическая процедура, и особый аналитический «язык», и метаметодика³), не говоря уже о внутри- и междисциплинарных различиях в применении соответствующих статистических приемов и аналитических процедур (к повседневной реальности по А. Шюцу, к пространству свойств по П. Лазарфельду, к аномическим стратегиям по Р. Мертону

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.
 2. Даже оставляя за скобками привычную повседневную метафоричность «типологий», которые лежат в основе устойчивых коллективных представлений и социальных стереотипизаций.
 3. См. подр. в: *Татарова Г. Г.* (2007). Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.; *Татарова Г. Г., Бабиц Н. С., Кученкова А. В.* (2023). Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М.; *Троцук И. В.* (2024). Компендиум по типам «типологического» в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 24. № 3.

и т.п.). Объединяет это разнородное теоретико-методологическое поле признание, что с практической точки зрения типологии проясняют и упрощают концептуальные представления, особенно основанные на нечисловых данных, т. е. апелляция к типологии как диагностическому инструменту научного анализа позволяет «в методологическом плане решить проблему качественной однородности, а в прагматическом плане — реконструировать из данных такие группы, которые являются носителями одного и того же типа и их можно было бы интерпретировать как объект социального управления или контроля»⁴.

Во-вторых, не утихают дискуссии между сторонниками и противниками гипертрофированного типологического единства (чрезмерной схематизации), которое удобно для государственного контроля/планирования/управления, склонного к упрощенным моделям, но не отражает реальное разнообразие жизненных укладов и повседневных практик. Сторонники аргументируют свою позицию тем, что, когда в основе типологии лежит один определяющий критерий, это значительно облегчает решение практических задач, пусть и за счет чрезмерного упрощения объективных реалий (отсюда многие неудачные государственные реформы «сверху»). Противники, напротив, настаивают на применении множества взаимосвязанных критериев, чтобы обеспечить более адекватное представление о действительности, пусть и за счет потери в прагматической полезности, особенно на макроуровне управления, где «чиновничья оптика» отдает приоритет унификации принимаемых решений.

В российской научной традиции можно обнаружить множество попыток построения типологий сельского расселения с разными акцентами — на типах населенных пунктов, типах территориальных сочетаний и даже типах сельско-городских взаимосвязей. Например, яркий представитель противников сельско-типологической унификации А. Н. Челинцев еще в начале XX века подчеркивал важность сравнительного анализа для понимания стадийности развития организационных форм (типов) аграрного производства как основы регионального сельского разнообразия⁵. Отмечая необходимость учитывать одновременно экономические, материально-технологические, демографические и географические особенности сельского хозяйства, вместо того чтобы выделять типы аграрных

4. Татарова Г. Г., Бабич Н. С., Кученкова А. В. (2023). Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М. С. 119.

5. Челинцев А. Н. (1910). Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб.; Челинцев А. Н. (1992). Региональность как центральный вопрос сельского хозяйства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. М.

районов исключительно по природным признакам, Челинцев использовал «метод генетического районирования» — построения типологии сельских районов по критерию пребывания на одинаковой ступени сельскохозяйственной эволюции (комплексного учета историко-экономического своеобразия районов, ключевых прошлых и нынешних тенденций их развития), соответственно, для разных типов предполагалась разработка особых стратегий сельскохозяйственного развития.

В позднесоветский период Т. И. Заславская предложила типологию на основе комплекса социально-экономических показателей (проблем): с помощью функционального подхода «выделялись крупные элементы аграрного сектора (сочетание экономики и социальной сферы), требующие разных программ развития»⁶ по результатам оценки степени реализации внутренних и внешних функций (расселенческой, продовольственно-сырьевой, социально-пространственной, рекреационно-природопользовательской и демографической) объектами аграрного сектора. В результате сельские районы страны были распределены по типам согласно трем группам интегрированных показателей (демографическим, социально-расселенческим и производственным).

С. А. Ковалев, сочетая функциональный, морфологический и генетический/исторический подходы, обосновал четыре «типологические линии»⁷, совмещение которых при условии наполнения фактическим материалом позволяет отчетливо увидеть специфику каждого региона, т. е. представил интегрированную региональную типологию⁸, описывающую характерные черты сельских населенных пунктов в определенной местности. Сельские поселения при этом были разделены на сельскохозяйственные (преимущественно ориентированные на этот сектор экономической деятельности) и несельскохозяйственные⁹. Е. Е. Лейзерович разработал модель районирования территории России¹⁰, поделив ее административно-территориальные единицы на части, которые состоят из нескольких сельских административных районов (города-центры, зоны влияния крупных, средних и малых городов, территории за пределами этих зон). 423 экономических микрорайона (как сочетания территориально-хозяйственных, расселенческих и инфраструктурных микросистем) были сведены в 11 типов (резерв-

6. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / Под ред. Т. И. Заславской, И. Б. Мучника. М., 1980. С. 43.

7. Ковалев С. А. (1963). Сельское расселение (географическое исследование). М.

8. Ковалев С. А. (2003). Избранные труды. Смоленск.

9. Ковалев С. А. (1957). Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении // Вопросы географии. № 41.

10. Лейзерович Е. Е. (2004). Экономические микрорайоны России. М.; Лейзерович Е. Е. (2010). Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. № 4.

ный, пионерного экономического развития, дисперсного, относительно равномерного экстенсивного, чисто или преимущественно сельскохозяйственного освоения, в том числе с заметным развитием промышленности или с преобладанием промышленности малых и средних городов, концентрация хозяйственной деятельности в больших городах при равномерном освоении территорий, крупно-городской и курортный), объединенных в три группы (курортный район не вошел ни в одну из них), и сегодня «районы Лейзеровича... могут служить элементами для сборки каких-то иных районов и зон, а равно и новой типологии»¹¹.

В-третьих, хотя официальная российская статистика разделяет городские и сельские населенные пункты по численности жителей и доле занятых в несельскохозяйственном производстве, такой дихотомический/бинарный вариант разграничения сельской и городской местности не отражает реалии сложной и многомерной системы расселения, где буквально в каждом населенном пункте можно обнаружить то или иное сочетание черт сельской и городской жизни. Так, Т. Г. Нефедова отмечала, что многие российские населенные пункты по численности жителей и внешнему виду напоминают села, но официально выполняют городские функции, и значительное число россиян (несколько десятков миллионов) проживает в полуселах-полугородах¹². Поэтому при построении типологии сельской местности необходимо учитывать и природные ресурсы, и экономико-географическое положение относительно крупных городов и транспортных магистралей, и этнокультурный фактор (количественные и качественные характеристики человеческого капитала), и институциональные условия, и развитость рыночных структур, и мозаичные территориальные кластеры¹³. Соответственно, были выделены такие типы регионов (с подтипами), как: с благоприятными природными и социально-демографическими предпосылками развития сельской местности, преимущественно с аграрной специализацией; с благоприятными социально-экономическими предпосылками развития сельской местности пригородного типа с полифункциональной сельской экономикой; с социально-демографическими ограничениями и обширными зонами депрессий; с природно-климатическими ограничениями и слабой очаговой освоенностью.

Другой вариант преодоления сельско-городской дихотомии — модель сельско-городского континуума как подвижной пространственно-протяженной градации типов населенных пунктов

11. *Каганский В.* (2007). Районирование Лейзеровича: трудный подарок социологу // Социальная реальность. № 7. С. 82.

12. *Нефедова Т. Г.* (2003). Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М. С. 20–27.

13. *Нефедова Т. Г.* (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М. С. 347–348.

(от сельской разреженности к городским сгущениям) по критериям размера, плотности населения, степени разделения труда, изолированности, солидарности и отчужденности. Первоначально эта модель была предложена в 1920-е годы П. А. Сорокиным и К. Циммерманом¹⁴, но в последние десятилетия переживает «ренессанс»¹⁵ благодаря признанию «множественности сельско-городских континуумов, различающихся по пространственным и населенческим масштабам, строению, характеру связей»¹⁶.

Столь нетипичное (длинное) для рецензий предисловие призвано объяснить, почему книга «Сельское расселение: история и типология» не могло не привлечь внимания заинтересованного в сельско-типологических изысканиях читателя и в то же время не породить у него странного ощущения обманутости. С одной стороны, вряд ли следовало питать особые надежды в отношении книги столь небольшого объема — 108 страниц, что крайне мало для монографии в принципе, не говоря уже о работе, где выдержана строгая структура научного издания — помимо основной части из четырех глав, присутствуют введение, заключение и объемная библиография (в совокупности это значительное число страниц). С другой стороны, книга в аннотации заявлена именно как научная монография (но по истории и топологии сельского расселения, хотя в названии фигурирует типология, а в тексте часто упоминаются типичные кейсы), авторы которой, «наряду с более традиционным историко-генетическим подходом используют системный и типологический методы, позволяющие увидеть способность системы сельского расселения [к чему?] и организации ее отдельных элементов, взаимосвязи сельской и городской систем расселения», с акцентом на специфике уральского сельского расселения (с. 4).

Безусловно, с учетом ограниченного объема текста взятые на себя обязательства авторы все же выполнили: в первой главе реконструирована методология изучения системы сельского расселения, исходя из трактовки «классической российской деревни» как неразрывно «связанной с ландшафтом и природными ритмами» (с. 18), обоснованы достоинства и ограничения метода классификации (с конкретными примерами классификации

14. *Sorokin P., Zimmerman C. C., Galpin C. J.* (1930). A Systematic Source Book in Rural Sociology. Minneapolis. Vol. 1; *Sorokin P. A., Zimmerman C. C.* (1929). Principles of Rural-Urban Sociology. New York.

15. См., напр.: *Marsden T. K.* (2013). Sustainable place-making for sustainability science: The contested case of agri-food and urban-rural relations // Sustainability Science. Vol. 8.

16. *Тре́йвиш А. И.* (2016). Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 54. См. подр. в: *Троцук И. В.* (2023). Сельский человеческий капитал в концептуальной оптике: континуум и/или пост-изм? // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 2.

сельских систем расселения по разным критериям) и показаны преимущества системного подхода применительно к Свердловской области. Здесь выделены «линейные структуры различной планировочной формы, и наиболее распространены (типичны)... сформированные линейными объектами — реками и дорогами» (с. 26), «субсистемы, обладающие внутренней связностью» (с. 27), а восточный сектор Екатеринбургской агломерации рассмотрен как «наиболее сложная планировочная форма сельского расселения у крупнейших городов — центров агломераций» (с. 30). В целом те разделы книги, что описывают конкретные населенные пункты или особенности сельского расселения в Свердловской области, — ее наиболее содержательная и интересная часть, наполненная фактографическим, аналитическим и иллюстративным материалом.

Во второй главе охарактеризованы обстоятельства и проблемы российского сельского расселения на основе статистических и исторических данных, выделены две его системы и три этапа становления в нынешнем формате, отмечены особенности и региональные вариации российской урбанизации. Как и в других разделах, здесь представлена попытка охватить продолжительные исторические периоды (в контексте решения «крестьянского вопроса»), но в силу ограниченного объема книги описания получились фрагментарными. Авторы видят два типа проблем в теоретическом осмыслении и прикладном разрешении «объективных диспропорций сельского расселения»: во-первых, это ориентация большинства научных работ либо на обобщение статистических данных, либо на типологические построения в ущерб «исторически сложившейся структуре сельских поселений, диктуемой как образом жизни и ментальностью [!], так и достаточно разнящимися природно-климатическими особенностями различных территорий», т. е. отказ от комплексного анализа; во-вторых, «порой социально-экономические меры по развитию села (его экономики и финансов, социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры) не увязываются воедино с градостроительными задачами по развитию сельской системы расселения в целом... его территориальными и социальными аспектами и реалиями» (с. 36–39).

Неоднородность российской системы расселения авторы связывают и с ее историей, выделяя здесь следующие этапы (с. 44–50): первоначально доминировала сельская система расселения (как и повсеместно в мире) — природосообразная, ресурсосберегающая, адаптивная, дисперсная и саморегулируемая, но постепенно становящаяся относительно автономной система городского развития изменяла и деформировала эти базовые характеристики; затем формирование городских центров определило как своеобразие, так и взаимное тяготение сельской и городской систем расселения; активная фаза промышленной революции дала старт бурной урбанизации и активному «поглощению» сельской систе-

мы расселения городской вследствие экспансии первой и обусловленной ею деградации села. В результате «при доминировании урбанизационных процессов возникают комбинации элементов двух систем»: «городская система вторгается в сельскую, пытается создать агрогорода», а «сельская система расселения закономерно, но неэффективно пытается вернуть свои территории, вторгаясь в городскую инфраструктуру» (с. 50). Неуспешность попыток государства сбалансировать эти «вторжения» авторы объясняют тем, что акцент делается на укрупнении, но оно «ведет либо к полному разрушению и практическому исчезновению сельских населенных пунктов, либо к созданию неработоспособной системы, не имеющей экономической базы для существования», поэтому настаивают на «поиске новых, более адекватных современным реалиям путей и механизмов» на основе «учета своеобразия отдельных поселений и их контекста» [скорее все же не отдельных поселений как таковых, а типов поселений в типичных контекстах сельско-городского и муниципально-регионального взаимодействия] (с. 55).

В третьей главе сопоставлены особенности сельской и городской систем расселения с учетом таких градостроительных показателей, как наличие центров и связей между ними. Различия этих двух «целостностей разного масштаба, как спонтанно сложившиеся в ходе истории, так и целенаправленно формируемые», авторы связывают, прежде всего, с разным типом сложности: со структурно планировочной точки зрения «сельская система расселения превосходит городскую по количеству элементов, ее образующих» (с. 59), причем исторически «городские планировочные системы формировались внутри сельских систем в процессе их усложнения и смены типологических планировочных элементов», т. е. «город — результат преобразования больших планировочных систем в сложные», он «состоит из разнородных типологических планировочных подсистем (квартал — микрорайон — район — планировочный район — планировочный узел)» (с. 61). Разный уровень сложности определяет и разную стратифицированность сельской и городской систем расселения — как, соответственно, высоко и низко стратифицированных: «от количества уровней в иерархии зависит количество моделей описания поведения и вариантов реализации этих моделей» (с. 61), поэтому «градостроительные модели сельской системы расселения просто не из чего строить» (с. 62).

Городская система расселения имеет больше возможностей для развития и более мобильна, что «определяет ее опережающий рост и постоянное сворачивание сельской системы» как пространственно простой, низко стратифицированной, инерционной и способной развиваться только экстенсивно, что «не создает возможностей для разработки ее обобщенных теоретических моделей, ведет к слабости и неразвитости методической базы исследований и объясняет статистический и абстрактно-типологический варианты ее из-

учения» (с. 63) [с этим сложно согласиться, даже если опираться только на библиографический список самой книги]. В то же время авторы разделяют предположение о формировании в России сельско-городских территорий с центробежным и центростремительным векторами развития (с. 63).

Завершает третью главу описание специфики расселения в российских индустриальных районах, где сельская система имеет внутренне противоречивый характер (вследствие не только урбанизационных процессов), «поэтому на нее нельзя распространять рецепты городской планировки и коммуникаций» (с. 66). В качестве примера рассмотрена сельская система расселения в Свердловской области: в написанном широкими мазками историко-статистическом очерке отмечено завершение урбанизационного перехода в конце 1980-х годов, опустошающий миграционный отток в северной части региона и ослабление каркаса системы расселения в северо-восточной, сверхконцентрация населения в Екатеринбурге в отсутствие городов второго уровня иерархии и постепенная «административная рурализация» (завышение численности сельского населения за счет административных переименований) (с. 73).

И, наконец, в четвертой главе дан прогноз развития российской системы сельского расселения и некоторые градостроительные рекомендации по ее оптимизации. По мнению авторов, одна из ключевых проблем сегодняшнего дня — квазицентры сельских поселений как фактор их деградации: «точки, которые планировочно и административно являются центральными, не выполняют функций центра» (часто в результате произвольного переноса официального центра с его исторической позиции), «объекты в этом центре частично утратили свой первоначальный смысл», «появляются более значимые для жизнедеятельности поселения точки на его периферии», что «приводит к утрате исходной целостности поселения, механически соединяющего в себе сельские и городские решения, сельский и городской образ жизни» (с. 81–82).

Говоря об оптимизации сельского расселения, авторы перечисляют применявшиеся в СССР и в постсоветский период виды планировки районов и методы организации систем расселения, отмечая, что любые попытки механического объединения «сверху» уничтожают сетевой характер сельского расселения, делая его более примитивным, что ведет к его постепенной деградации (обезлюдению и сжатию освоенного пространства). Признавая необходимость «преодоления асимметрии социально-экономического развития... и дифференциации сельских поселений», авторы полагают, что пока все принимаемые меры носят либо декларативный, либо административно-регулирующий характер, а потому ведут лишь «к пространственному сокращению расселения и депопуляции» (с. 90). Свой прогноз развития системы сельского расселения

для староосвоенных промышленных регионов авторы делают на основе предложенной Т. Г. Нефедовой модели территориальных зон сельского расселения, модифицируя ее с градостроительной точки зрения: пригород — центральные и прочие города агломерации, полупригород — ближняя зона центрального города, полупериферия — межселенное пространство первого пояса агломерации, периферия — межселенное пространство второго пояса, дальняя периферия — межселенное пространство за пределами агломерации (с. 91–92).

В книге неоднократно упоминается принципиальная гуманистическая позиция авторов, настаивающих, что ни один управленческий сценарий в сельской и аграрной сферах (в контексте обеспечения продовольственной и экологической безопасности, рационального природопользования и социальной устойчивости, сбалансированного расселения и социально-экономического равенства) не должен игнорировать «процессы на низовом уровне... заботы и нужды конкретного человека», что требует «аргументированных и неслучайных действий» и «глубинного непредвзятого анализа, учитывающего климатическую, этническую, экономическую региональную специфику во всем ее многообразии» (с. 7), в целях «поиска наиболее адекватных сегодняшнему дню шагов в сельской системе расселения с учетом разницы территорий» (с. 8). Тем более что «современное сельскохозяйственное производство [и сельская жизнь в целом] меняется... способствуя сближению города и села... укрупняется, технологизируется, использует новые инструменты (цифровизацию) и коммуникации» (с. 8). Со многими идеями авторов нельзя не согласиться, особенно когда речь заходит о государственных проектах/программах сельского развития, которые постоянно загоняют себя в тупик попытками устранить «хронические болезни» российского села посредством разных методов и вариантов территориально-административного укрупнения.

В то же время в книге встречаются и спорные утверждения, а в ее представительной библиографии указаны источники, подобные утверждения не подкрепляющие. Например, противопоставление «традиционализма и консерватизма сельского расселения и населения» [многие сельские поселения возрождаются благодаря предприимчивости местных жителей или вернувшихся/переселившихся горожан] «инновационной активности индустриальных городов» [многие находятся в упадке, особенно моногорода] (с. 8); противопоставление системы городского расселения как «гомогенного» сельскому расселению как «состоящему из большого числа отдельных локальных и зачастую не связанных между собой структур, преимущественно линейного типа» [сегодня более дифференцировано городское пространство, особенно в мегаполисах] (с. 17); «тезис о невозможности или, по крайней мере, неэффективности изучения систем сельского

расселения по аналогии с городским или исключительно в неразрывном единстве с ним (по причине исходно большей связи сельского расселения с природными компонентами, тяги к стабильности и простой организации)» [это противоречит концепции село-городского континуума] (с. 17); тезис о «слабой разработанности проблематики сельского расселения» [в последние годы опубликовано множество работ, основанных на статистических, исторических, социально-географических и социологических данных] (с. 40); неоднократные упоминания «классической российской деревни» [ее внешний облик и внутренняя структура неоднократно менялись даже при сохранении связи с ландшафтом и природными ритмами].

Отчасти эти спорные утверждения можно объяснить тем, что авторы книги — специалист в сфере дизайна и культурологии и архитектор, тогда как значительная часть научной литературы по вопросам сельского расселения написана представителями экономических, географических и социологических дисциплин. Однако некоторые особенности книги, способные несколько расстроить заинтересованного читателя, рассчитывавшего на иные содержательные акценты, скорее обусловлены не профессиональной специализацией авторов, а тем, как была «сделана» монография. В тексте неоднократно упоминается, что это «НИР», а во введении перечислены ее весьма масштабные задачи («обобщить и систематизировать методологию изучения и научные данные разных лет по закономерностям развития сельской системы расселения, попутно [!] уточняя понятийный аппарат», «показать пути приостановки деградации системы сельского расселения в России», «влияние урбанизации на систему сельского расселения, включая ее индустриальные регионы», «разработать параметры методики оптимизации сельского расселения» и т. д.), выделены шесть подходов (междисциплинарный, исторический, территориальный, типологический, динамический и региональный), заявлено использование сравнительного историко-генетического градоостроительного анализа, концепции технологических укладов, теории центральных мест и других подходов и методик в рамках «полимасштабного», иерархического и разноаспектного анализа, а на эмпирическом уровне — «сочетание картографического анализа и полевого обследования ключевых репрезентативных [можно говорить только о типичных] объектов и систем» (с. 12–14). Однако примерно восьмидесяти страниц объективно недостаточно, чтобы решить все поставленные задачи и выполнить данные обещания. Видимо, в силу каких-то серьезных причин авторы механически, без соответствующей редактуры, сократили объемный отчет по научно-исследовательской работе, превратив его в набор несколько разрозненных содержательных блоков, которые непропорциональны исходному тексту и составили предложенный читателю «реферат».

Typology and topology of rural settlement: Possibilities and limitations of a brief presentation¹⁷

Review of the book: Bystrova T.Yu., Mazaev G. V. (2024) Rural Settlement: History and Typology. Yekaterinburg: TATLIN. 108 p. ISBN: 978-5-00075-362-0

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, 119571, Moscow.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

17. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program

В поисках устойчивости: география и ее опора¹

**Рецензия на книгу: Смирнова А. А., Смирнов И. П.,
Ткаченко А. А. Расселение: основные понятия, подходы,
результаты исследований. — Тверь: Тверской гос.
университет, 2024. — 224 с. ISBN 978-5-7609-1940-3**

Т. Ю. Гусаков

*Тимур Юрьевич Гусаков, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: gusakov.timur@mail.ru*

EDN: EZKWUJ

Выход в свет монографии авторского коллектива из Тверского государственного университета А. А. Смирновой (Фомкиной), И. П. Смирнова и А. А. Ткаченко по праву можно назвать заметным событием для отечественной географии. Современная российская география населения, несмотря на в целом состоявшуюся академическую традицию, редко пополняется фундаментальными трудами, сопоставимыми по глубине и широте охвата с настоящей книгой. Напомним, что последняя подобная по значимости работа в отрасли вышла более двух десятилетий назад².

В самом начале повествования указано, что книга посвящена памяти С. А. Ковалева, одного из архитекторов отечественной школы географии населения. Это не просто формальный акт уважения, а скорее осознанное продолжение теоретико-методологической линии, заложенной ученым и его именитыми учениками. Авторы, являясь прямыми наследниками этой традиции, развивают ее с опорой на современный научный инструментарий и эмпирические данные. Многие кейсы монографии ранее можно было встретить в различных изданиях (например, типология сельских населенных пунктов была использована нами в своих изысканиях³), однако они

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.
 2. Ковалев С. А. (2003). Избранные труды. Смоленск: Ойкумена.
 3. Гусаков Т. Ю. (2022). Подходы к типологии сельских населенных пунктов Крыма // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования: материалы Междунар. науч. конф.

были систематизированы авторами и опубликованы в виде единого логически выверенного повествования.

За сухим неброским названием книги скрывается яркая работа, отражающая как теоретическую амбициозность, так и методическую точность исследователей. Что важно, авторы рассматривают расселение не только как результат или свершившийся факт, но и как динамичный процесс, включающий размещение, развитие, деградацию, трансформацию и другие аспекты сети населенных пунктов.

Структура книги организована по принципу от общего к частному. Первая часть посвящена понятийному и методологическому аппарату. К примеру, дается уточнение: «Под системой расселения будем понимать группу территориально сближенных и функционально связанных населенных пунктов» (с. 12). Это определение заимствовано у Э. Б. Алаева⁴ и подчеркивает необходимость отличать систему расселения от формы расселения (например, хуторская, крупноселенная и др.). В работе неоднократно поднимается вопрос об иерархии населенных пунктов. Так, авторы отмечают, что «в Центральном районе России... можно говорить о четырех ступенях в организации сельского расселения: элементарных, локальных, кустовых и районных системах сельского расселения» (с. 125).

Во второй части особого внимания заслуживает анализ агломерационных процессов в России. Здесь авторы отказываются от упрощенной бинарной модели «город — село» и настаивают на многообразии составных частей сельско-городского континуума, рассматривают сложные формы расселения и связанные с ними явления (маятниковые миграции, субурбанизацию и пр.). Ценно, что этот анализ не ограничивается лишь понятийным аппаратом, а подкреплен статистическими данными и наглядными примерами из центральных регионов страны.

Рассмотрение урбанизации сопровождается критикой существующих подходов. Так, авторы указывают: «В отечественной науке произошла серьезная подмена понятий: вместо городских агломераций у нас почти всегда обсуждаются крупные городские агломерации» (с. 33). Это важное уточнение касается не только терминологии, но и практики территориального планирования. Авторы обращаются к различию между понятиями «агломерация» и «метрополитенский ареал», что позволяет им предложить более гибкий подход к определению урбанизированных пространств и включить в их состав менее очевидные формы концентрации населения.

Наибольший интерес, особенно в контексте сельской проблематики, представляет третья, «живая» в эмпирическом отношении

(XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО) / Отв. ред. А. Г. Дружинин, Д. А. Дирин. Тюмень: ТюмГУ-Press. С. 243–248.

4. Алаев Э. Б. (1983). Экономико-географическая терминология. М.: Мысль. С. 217–218.

часть книги. В данном случае подробно рассматривается постсоветская трансформация сельского пространства под воздействием депопуляции, сужения экономической базы, снижения транспортной доступности и оптимизации социальной инфраструктуры деревни. Исследователи формулируют аналитическую модель, отражающую основные направления и механизмы этих изменений в условиях устойчивой социально-экономической стагнации сельских территорий.

На этом фоне особую теоретико-прикладную значимость приобретает концепт «сельских кустов» — «небольших групп населенных пунктов, лишенных явного центра, но объединенных горизонтальными связями, устойчивой маршрутной логикой и социальным тяготением» (с. 160). Авторы рассматривают такие кусты как «резервные формы расселения», способные играть роль «субопорных» точек в условиях дисперсного заселения и «социальной деагломерации» (с. 162–165). Они являются представителями типа «естественного» расселения, которые существуют не благодаря, а вопреки постепенному их лишению административных и прочих функций. По нашему мнению, поддержка таких поселений наиболее эффективна в аспекте придания устойчивости локальным системам сельского расселения, хотя в отечественной практике администрирования сформировались другие приоритеты поддержки развития. Работает принцип «размер имеет значение», поэтому инвестиции получают преимущественно более населенные территории.

Также содержится анализ типов сельских населенных пунктов по критерию устойчивости. Например, «условно устойчивыми названы поселения, сохраняющие демографическую инерцию при минимуме инфраструктуры» (с. 140), тогда как деградирующие населенные пункты характеризуются «отсутствием потенциала воспроизводства и снижающейся вовлеченностью в хозяйственные связи» (с. 142).

Уделяется внимание и отнюдь не уникальному отечественному географическому и статистическому феномену, как населенные пункты «без населения»⁵, возникшему в результате глубоких пространственно-социальных сдвигов и бюрократии. Авторы отмечают: «Пункт может стать местом поселения новых жителей или дачников, может использоваться для хозяйственных нужд или оставаться в качестве некоторого ресурса» (с. 179). Новаторство авторов заключается в рассмотрении данного типа населенных пунктов не как «остаток прошлого» (рудимент), а как потенциальные элементы (ресурсы) будущего расселения. Вещи не всегда такие,

5. Румянцев И. Н., Смирнова А. А., Ткаченко А. А. (2019). Сельские населенные пункты без населения как географический и статистический феномен // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 1. С. 29–37.

какими кажутся. Нам известны случаи⁶, когда формально населенные пункты «без населения» фактически продолжают быть активной селитебной зоной либо возрождаются из небытия горожанами (дачниками)⁷.

Авторы мастерски сочетают теоретические и прикладные методы, обеспечивая многомерный взгляд на проблему расселения. Они опираются на целый спектр подходов: системный, историко-генетический, социально-географический, ландшафтно-территориальный. В отличие от многих современных работ, где методология нередко сводится к декларативному набору терминов, здесь она органично вплетена в ткань анализа, обуславливает вопросы и формулировку выводов.

В теоретическом плане труд отдает дань уважения корифеям российской географической науки Н. Н. Баранскому, В. А. Анучину, Ю. Г. Саушкину и, конечно, С. А. Ковалеву. Но при этом авторы не замыкаются на воспроизведении наследия и перечислении фамилий классиков, как принято в современности, а переосмысливают понятия, уточняют существующие типологии, вводят новые аналитические категории (например, упомянутый выше «сельский куст»).

Монография демонстрирует не только строгость подхода, но и редкое для академических трудов чувство научной ответственности за исследуемую территорию. Центральная Россия, в особенности Тверская область, выступает в роли «базового региона» — территории, на которой апробируются подходы, проверяются гипотезы, строятся новые модели. Благодаря этому научный труд не теряет прикладной ценности. Его можно и нужно использовать в качестве помощника при разработке региональных стратегий и программ пространственного развития, мероприятий, направленных на поддержку разных типов территорий на микро- и мезоуровне.

Следует подчеркнуть и еще одно достоинство книги — сбалансированность между теорией и практикой. Теоретические конструкции авторов подтверждаются внушительной аргументацией (материалами полевых исследований, статистическими данными, визуальными инструментами), что значительно повышает доверие к выводам. Такой симбиоз делает труд ценным не только для ученых, но и для практиков — региональных администраторов, спе-

6. *Савоскул М. С., Алексеев А. И.* (2019). Сельско-городские сообщества в официально несуществующем населенном пункте // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 4. С. 119–123.

7. У одного из авторов книги параллельно вышла статья, затрагивающая этот аспект. См. подробнее: *Смирнова А. А.* (2024). Географические факторы ревитализации сельских населенных пунктов «без населения» // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 1. С. 56–65.

циалистов в области территориального планирования, урбанистов, социологов и экономистов.

Тем не менее нельзя обойти вниманием и ряд ограничений, характерных для книги. В первую очередь географическая избирательность. Несмотря на универсальность многих методологических положений, подавляющее большинство примеров и эмпирических иллюстраций обладает региональной фокусировкой, т. е. сосредоточено на регионах Центральной России. Это логично, поскольку авторы работают на территории, которую хорошо знают и чувствуют. Однако при заявке на обобщающее научное значение стоило бы шире охватить другие макрорегионы, особенно с иной социально-экономической, демографической и природно-климатической спецификой. Складывается ощущение, что авторы «топчутся на одном месте», хотя обладают компетенциями для значительного расширения фокуса исследований, чтобы избежать научной инерции.

Во-вторых, наблюдается слабое освещение темы современной трансформации расселения, происходящей под влиянием цифровизации территорий, все большим распространением гибридных форм занятости, удаленной работы, новых форматов пространственной мобильности населения и типов поселений. Эти явления лишь вкратце фигурируют в тексте, хотя они оказывают влияние на изменение ландшафта расселения и рост полифункциональности сельской местности уже продолжительное время⁸. Например, тема цифровизации поселений упомянута фрагментарно, как «...один из потенциальных факторов восстановления» (с. 199), но не раскрыта по существу.

Важным недостатком книги является дефицит визуальных средств (карт, схем, инфографики), способствующих наглядному восприятию сложной пространственно-географической информации. При теоретической насыщенности изложение остается преимущественно текстуальным, что затрудняет понимание территориальных взаимосвязей и снижает прикладную ценность труда. Включение качественных визуальных материалов значительно усилило бы учебный и аналитический потенциал монографии.

Несмотря на указанные ограничения, несколько не снижается значимость проделанной работы. Труд является основательным академическим исследованием, который основан на научной традиции и ориентирован на осмысление современных пространственных

8. Пивовар Г. А., Алексеев А. И., Гавриленко А. С., Гусаков Т. Ю., Дельва К. И., Корюхин Д. М. (2018). Рост полифункциональности сельской местности: пример района на границе Московской агломерации // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 2. С. 102–104; Экопоселения в России: аналитический обзор (2012). М.: Исследовательская группа «Циркон». URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/e76/Jekoposelenija_v_Rossii_Analiticheskij_obzor.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

процессов. В условиях тематической разрозненности и популярности прикладной значимости такого рода издания остаются важным элементом научного дискурса и служат фундаментом для новых исследований.

Исследователи делают попытку зафиксировать и осмыслить устойчивость — как концепт, как состояние среды, как результат и как ориентир пространственной политики. Они стремятся не просто задокументировать процесс изменения расселения, свидетелями которого являются, но и выявить те элементы, на которые еще можно опереться в условиях социально-экономического кризиса российского расселения. В этом смысле книга предлагает инструменты для понимания истоков проблематики и возможной реорганизации территориальных структур.

In search of sustainability: Geography and its basis

Review of the book: Smirnova A. A., Smirnov I. P., Tkachenko A. A. (2024)

Settlement: Basic Concepts, Approaches, Research Results, Tver: Tver State University, 224 p.

Timur Yu. Gusakov, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Сельские школы и приемное родительство: экономика и забота

**Рецензия на книгу: Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И.
Экономика усыновления: стратегия выживания малых
сел. М.: Фонд поддержки социальных исследований
«Хамовники»; Common Place, 2024. — 112 с.**

Р.Р. Ишмухаметов

Рустам Рифатович Ишмухаметов, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления современным образованием Института развития образования Республики Башкортостан. Ул. Мингажева, 120, Уфа, Республика Башкортостан, 450005. E-mail: rustish@list.ru

EDN: FAENWA

Рецензируемая книга — компактное издание, значительную часть которого составляют фотографии из поездок в малые села ряда российских регионов и развернутые (до нескольких страниц) цитаты из транскриптов интервью с сельскими жителями и разными «типами» экспертов. В столь небольшом текстовом объеме авторам удалось удивительно точно показать особую стратегию выживания малых сел — «экономику усыновления» — в ее повседневном бытовании, а не в отчетно-бюрократической форме. Стратегия эта вынужденная: «закрытие школы — фатальное событие для российской провинции, ведь за школой может исчезнуть и сам населенный пункт: родители вместе с детьми уедут в город, местные жители лишатся рабочих мест, которые тут и так по пальцам можно пересчитать, на месте останутся одни пенсионеры. Чтобы спасти малокомплектные школы от реорганизации, сельские жители идут на, казалось бы, отчаянный шаг: массово берут приемных детей (дошкольного и школьного возраста)... практики экономики усыновления способствуют выживанию малых сел в условиях сокращения государственного финансирования образовательной системы» (с. 4).

С методологической точки зрения представленное в книге исследование — это кейс-стади¹: во-первых, в качестве «кейсов» вы-

1. См. подр. в: *Божков О. Б., Троцук И. В.* (2018). Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 4; *Овчинцева Л. А.* (2020). Метод кейс-стади в исследованиях российской сельской кооперации // Вестник РУДН. Серия: Социология.

ступают те российские регионы, где авторы изучали экономику усыновления на «кейсах» следующего уровня — в конкретных малых селах, описывая приемные семьи, курирующие их официальные институты и сельские сообщества. Во-вторых, в соответствии с требованиями к кейс-стади авторы последовательно сочетали разные методические решения. Сначала были собраны статистические данные, характеризующие объективные предпосылки становления экономики усыновления: реализуемая государством модель модернизации образования предусматривает «оптимизацию сети общеобразовательных учреждений и введение нормативно-подушевого финансирования», что в переводе на обывденный язык означает закрытие «малокомплектных школ, большая часть которых находится в сельской местности» (с. 8), по критериям несоответствия стандартам материально-технического обеспечения (на требуемые вложения в инфраструктуру у муниципальных и районных властей нет средств, а у региональных администраций — средств, желания или того и другого) или недобора учеников. Поэтому «жители малых сел начинают брать детей школьного возраста из интернатов под опеку, в приемную семью, усыновлять их, увеличивая число учащихся в школе. Школа не просто не закрывается, но и получает дополнительное финансирование. Сельские семьи, взяв детей на воспитание, дополнительно получают денежные средства (различные пособия и выплаты от государства)» (с. 9).

Была проанализирована и нормативная база приемного родительства (юридические формы устройства детей, которые предполагают разные договоры и бюрократические процедуры, права и обязанности, льготы и выплаты), однако авторы понимают усыновление «не узко юридически — как одну из форм семейного устройства, а в более широком повседневном смысле — как социальную практику опеки ребенка» (с. 10). Соответственно, в этой практике можно выделить (а) разных «действующих лиц» — усыновители и усыновленные (сельское домохозяйство), государственные, негосударственные и коммерческие организации (органы опеки, интернаты и пр.), (б) складывающиеся между ними формальные и неформальные взаимоотношения и (в) сельское сообщество.

Просмотрев релевантные проблематике исследования медийные публикации, в начале книги авторы упоминают два журналистских мифа (дискурса), которые в значительной степени формируют российское общественное мнение о приемных семьях (с. 16–17). Первый — «меркантильный» миф вокруг идеи «приемных детей берут из-за денег», надеясь извлечь прибыль: воспитание детей описывается как услуга, заключенный с государством контракт, обеспечивающий не только материальные блага, но и нематериальные

Т. 20. № 3; *Троцук И. В.* (2007). Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4 и др.

(в домохозяйстве появляется больше рабочих рук), и в результате «приемное родительство рассматривается как промысел или бизнес, в основе которого лежит стремление приемных родителей увеличить свой доход». Второй — «альтруистический» — миф, напротив, представляет приемное родительство как «благотворительность, основанную на бескорыстной любви к ближнему», подчеркивая, что «настоящий родительский труд, основанный на любви, не приносит ощутимой экономической прибыли», поскольку «государственных денег не всегда хватает на воспитание приемных детей» (с. 17).

С первых страниц книги очевидна и принципиальная авторская позиция — отказ от «черно-белого подхода», стремление избегать стереотипных крайностей и желание показать повседневные практики сельских семей и сообществ в их реальном жизненном многообразии. По справедливому замечанию авторов, социологические исследования в целом тяготеют к альтруистическому описанию приемного родительства, что связано с трактовкой приемных детей как «объекта заботы и любви» и с устойчивым восприятием приемного родительства российским обществом как «не легитимной формы занятости», а морального служения, что сдерживает приемных родителей как респондентов от признания социально не одобряемого материального мотива (с. 18).

В «отказе от всех черно-белых дихотомий» авторы опираются на реляционную теорию В. Зелизер, согласно которой бессмысленно противопоставлять личные связи (персонализированные отношения заботы) и хозяйственные отношения (инструментальную рациональность) в контексте «доктрины враждебных миров», а нужно «исследовать вариации и взаимозависимости между множеством наполненных разным смыслом социальных связей, системами денежного учета, экономическими транзакциями и их границами» (с. 19–21). Для этого авторы провели масштабную эмпирическую работу в 18 населенных пунктах пяти российских регионов (Республике Бурятия, Саратовской, Брянской, Смоленской и Владимирской областях) в 2018–2021 годы², сочетая полуформализованные интервью с приемными детьми и родителями, представителями администраций поселений, районных и региональных управлений образования и органов опеки и попечительства, директорами школ и детских домов с наблюдением и сбором документов и фотоматериалов. Признавая ограничения своего эмпирического материала (учитывая набор «кейсов»), авторы все же делают обоснованный вывод о невозможности «разделения приемных семей на альтруи-

2. См., напр., аналогичный формат презентации результатов эмпирических исследований в: Божков О. Б., Игнатова С. Н., Троцук И. В., Никулин А. М. (2022). Сельское предпринимательство в Северном Нечерноземье: социологические очерки по мотивам полевых наблюдений. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

стов и промысловиков»³ (с. 19) уже хотя бы потому, что сельские домохозяйства до сих пор не утратили экономическую функцию самообеспечения (продуктами) и в значительно большей степени, чем городские семьи, включены в систему долгосрочных формальных и неформальных взаимоотношений с другими членами сельского сообщества.

Авторы выделяют «следующие взаимосвязанные мотивы создания приемных семей в малых селах: спасение села путем сохранения школы (по сути, главного градообразующего предприятия села), сохранение рабочего места и получение доходов от профессиональной деятельности, получение дополнительного денежного дохода, совершение благого деяния, отсутствие своих детей (самый редкий мотив)» (с. 30). Основная часть книги подтверждает этот список мотивов как собственными наблюдениями авторов, так и цитатами из интервью с представителями приемных семей и официальных институций, которые в равной степени осознают и признают сложное сочетание этих мотивов в большинстве случаев приемного родительства. Например, мотивы «сохранения рабочего места, получения доходов от профессиональной деятельности и в конечном итоге выхода на пенсию по выслуге лет... присутствовали в основном в интервью с работниками школ⁴» (с. 31), а «заведующие и работники сельских домов культуры... берут большое количество детей, потому что с закрытием школы будет ликвидирован и дом культуры», однако такой «меркантильный мотив всегда увязан с альтруистическим мотивом... спасения ребенка» (с. 32–33). «Наблюдается сложное переплетение меркантильных и альтруистических мотивов — мотив получения доходов доминировал при принятии решения о создании приемной семьи, однако многие приемные родители рассматривают эту ситуацию как обмен, в рамках которого они получают доходы, но дают приемным детям семью и достойное образование» (с. 36), а также способствуют сохранению сельского сообщества.

Наиболее интересная часть книги — описание повседневных практик приемных семей, которые мало чем отличаются от обычных с точки зрения детско-родительских взаимоотношений и проблем, но приемные дети, как правило, более четко понимают свои права и домашние обязанности. Авторы предлагают читателю не только описания и яркие иллюстрации из транскриптов интервью, но и общения, например, «две основные модели отношений, которые

3. См. также: Троцук И. В. (2017). «Природный альтруизм» или вынужденная рациональность? Должное, ожидаемое и реальное в (не)формальной экономике // Крестьяноведение. Т. 2. № 4.

4. Конечно, речь не идет о «выгоревших» учителях. См., напр.: Егорышев С. А. (2023). Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 1.

складываются в приемных семьях: (доминирующая) квазиродительская модель (акцент на «правильном» разделении труда в семье, идея взаимной заботы и общего блага) и (крайне редкая) контрактная модель (дети помогают родителям взамен на проживание не в интернате)» (с. 46). Первая модель более «выгодна» для ребенка, потому что здесь приемные родители, как правило, максимально вовлечены в его жизнь: за счет личного подсобного хозяйства выкраивают из государственных выплат средства на покупку ему гаджетов и прочих не жизненно необходимых покупок, прилагают максимум усилий, чтобы «выбить» причитающееся ему жилье, и т. д.

И, наконец, третья важная характеристика кейс-стади — его прикладной характер: с одной стороны, в книге отражены методические аспекты исследовательской работы, что позволит реализовать аналогичные проекты на других «кейсах»; с другой стороны, в тексте просматриваются рекомендации для принимающих решения — как потенциальных приемных родителей, так и представителей разных уровней власти. Например, авторы не считают приемное родительство панацеей для малых сел, потому что в нем много неформальных моментов, которые не подчиняются рационально-инструментальной логике. Так, «несмотря на стремление приемных родителей выстроить долгосрочные отношения, сам приемный ребенок после завершения договора может прекратить общение с приемной семьей» (с. 67). Кроме того, нет никаких гарантий, что экономика усыновления обеспечит сохранение сельской школы — «это недостаточное условие для спасения школы от закрытия» (с. 107). Из восьми обследованных авторами малых сел школы были закрыты в трех, хотя во всех селах количество приемных детей было достаточным для сохранения школ. Авторы отмечают «влияние двух взаимосвязанных структурных факторов: политики районных администраций и сплоченности (солидарности) сельского сообщества» (с. 72). Районные администрации стоят перед выбором — сокращать количество школ (закрывать малокомплектные школы) или искать дополнительное финансирование, но сплоченные сельские сообщества могут отстоять школу даже в случае проведения политики оптимизации. В качестве эмпирических индикаторов сплоченности авторы выделяют не только субъективные оценки сельчан (считающих свое сообщество дружным), но также религиозные практики, наличие ТОСов⁵, работу приемных родителей в школе и практики защиты общих благ — накопленный опыт активного отстаивания коллективных интересов⁶.

5. См. подробнее в.: *Фадеева О. П.* (2019) Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // ЭКО. № 4.

6. Своего рода локальный патриотизм, см., напр.: *Аверкиева К. В.* (2019) Можем вместе! Реализация общественных инициатив по-тотемски // Крестьяноведение. Т. 4. № 4; *Божков О. Б., Никулин А. М., Полещук И. К.* (2020). Сельская кооперация в Северном Нечерноземье: официальные

Review of the book: Galindabaeva V. V., Karbainov N. I. Economy of Adoption: A Survival Strategy of Small Villages, Moscow: Foundation for Support of Social Research "Khamovniki"; Common Place, 2024. —112 p.

Rustam R. Ishmukhametov, PhD (Sociology), Associate Professor, Department of the Contemporary Education Management, Education Development Institute of the Republic of Bashkortostan. Mingazheva St., 120, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005. E-mail: rustish@list.ru

и неформальные практики // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 4; *Виноградский В. Г., Виноградская О. Я.* (2023). Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 2; *Троцук И. В.* (2021). Повседневный народный российский патриотизм: возможности и ограничения социологического исследования и типологизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 21. № 4.

Концепт «переселенческое общество»: от традиционных взглядов к новым подходам

**Обзор VII Международной научной конференции
«Гришаевские чтения»¹**

Н. В. Гонина

Наталья Владимировна Гонина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной и демографической истории ИИ СО РАН. 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: nvgr7@mail.ru

EDN: FAFLOX

«Россия есть страна, которая колонизируется» — этот тезис С. М. Соловьева и В. О. Ключевского повторяется достаточно часто, но традиционно его относят к раннему периоду отечественной истории. В то же время если рассматривать колонизацию как освоение, то можно утверждать, что для окраин этот процесс сегодня не только не закончен, но и находится в постоянном развитии.

Сибирь в течение всей своей истории наполнялась людьми, переселившимися из других регионов. Современное сибирское общество стало итогом многовекового синтеза гетерогенного переселенческого населения с не менее разнородным аборигенным. Причем ошибочно полагать, что переселение в Сибирь было окончательным событием в личных стратегиях и общей динамике миграционного движения. Достаточно часто семьи, переселившиеся, например, на Алтай, затем перемещались восточнее. Дети жителей Дальнего Востока и Восточной Сибири нередко выбирали движение еще далее на Восток (Китай, Таиланд) или, наоборот, на Запад, в Западную Сибирь или Европейскую часть России. В определенные периоды был популярен переезд в Казахстан. Причем вектор движения ориентировался не по меридианам и параллелям, а по гораздо более сложной траектории, определявшейся совокупностью политических, экономических, социальных и экологических факторов. Поэтому Сибирь можно рассматривать как территорию с постоянно мигрирующим населением, причем с течением времени динами-

1. С информацией о конференции можно ознакомиться на сайтах <http://history.nsc.ru/news/2024-11-12-1.htm>; <http://www.kgau.ru/new/all/science/04/>

По итогам конференции подготовлен сборник статей <https://elibrary.ru/item.asp?id=80580913&selid=80580939>.

ка ускоряется и усложняется, в нее вовлекаются все новые и новые регионы и группы населения.

Указанный тезис актуален не только для Сибири. В России есть и другие территории, где переселенцы составляют значительную часть населения или даже превосходят по численности коренных жителей. То же самое можно сказать о Евразии и мире в целом. При большом объеме литературы по изучению миграций и, конкретно, переселений в Сибирь, данная тема практически не привлекала внимания. В то же время именно такой взгляд на вещи, возможно, позволит открыть новые аспекты в хорошо изученном материале или, наоборот, ввести в научный оборот новые источники. Таким образом, переселенческое общество как категория/объект исторического анализа требует дополнительного осмысления и переоценки, в первую очередь с позиций полидисциплинарного подхода, так как она лежит на пересечении интересов большинства социогуманитарных наук.

Данная концепция была положена в основу Международной научной конференции «Переселенческое общество во времени и пространстве», проведенной в рамках VII «Гришаевских чтений», посвященных памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева.

В. В. Гришаев (1935–2014 гг.) много лет работал в Красноярском крае, с 1969 по 2009 год возглавлял кафедру истории КПСС (затем истории России) Красноярского государственного университета (с 2006 г. — СФУ), преподавал в Красноярском сельскохозяйственном институте (с 1991 г. — КрасГАУ) и других вузах города. Василий Васильевич был специалистом в области аграрной истории советского периода, признанным в историческом сообществе ученым, автором значительного количества научных работ, в том числе 5 монографий. Под его руководством было защищено 28 кандидатских и 5 докторских диссертаций.

Конференция «Гришаевские чтения» проводится с 2018 года и сосредотачивается на использовании современной научной методологии в социальных и гуманитарных исследованиях, в том числе на полидисциплинарном подходе. В фокусе внимания материалы аграрной, социальной и интеллектуальной истории XX века. В составе конференции выделяется молодежная секция, на которую принимаются заявки от студентов и магистрантов. Все участники получают сертификаты. С 2022 года конференция получила статус международной.

VII «Гришаевские чтения» проходили 7–8 ноября 2024 года в смешанном формате на двух площадках: в Новосибирске и Красноярске. Организаторами конференции выступили Красноярский государственный аграрный университет, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Лаборатория исторических и социально-экономических исследований Сибири

и Центральной Азии «Красноярского научного центра» Сибирского отделения Российской академии наук, Сибирский федеральный университет, Красноярское региональное отделение Российского исторического общества, Международный инновационный университет, Государственный архив Красноярского края, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края.

В конференции приняли участие более 120 специалистов, в том числе ученые из Белоруссии, Казахстана, Пакистана, Туркменистана. Россия была представлена 31 регионом. Работали 9 секций, в том числе молодежная, также был проведен круглый стол.

Работа конференции открылась приветственным словом *Н. И. Дроздова*, д.и.н., профессора, директора Сибирского института Международного инновационного университета, *И. К. Козыревской*, заведующей отделом читальных залов Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, и *А. В. Коломейцева*, к.б.н., доцента, проректора по науке ФГБОУ ВО Красноярского ГАУ.

На пленарном заседании было заслушано три доклада. *М. К. Чуркин* (Омский государственный педагогический университет) представил доклад «Переселенческое дело во властном дискурсе и практиках российского цивилизаторства в Туркестанском крае (вторая половина XIX — начало XX в.)», в котором проанализировал политику заселения Туркестана в позднеймперский период. Автор пришел к выводу, что курс на русификацию региона и стирание культурных различий потерпел неудачу во многом потому, что не удалось обеспечить значительный приток русских переселенцев и создать крепкие земледельческие хозяйства.

М. В. Шиловский (Институт истории Сибирского отделения РАН) выступил с докладом «Роль общины в адаптации переселенцев в сибирском сельском сообществе начала XX века», в котором сравнил функционал и практики сельской общины у старожилов и переселенцев, рассказал о видах землепользования у сибирских крестьян и о процессах укоренения новоселов, а также показал, как институт общины использовался центральными и местными властями.

В. Г. Дацышен (Красноярский научный центр Сибирского отделения РАН, Сибирский федеральный университет) рассказал о проблемах размещения русских реэмигрантов из Китая в регионах Восточной Сибири в 1950-х годах. По мнению автора, это были самые первые переселенцы на целину, многие из которых осели на юге Красноярского края и внесли значимый вклад в хозяйственное и культурное развитие региона.

Таким образом, уже пленарное заседание вывело на первый план проблему диалога традиционных и современных научных подходов, а также подчеркнуло сохранение интереса исследователей к сельскохозяйственной колонизации территорий нового освоения.

Первая секция «Трансграничные переселенческие сообщества: иммиграция и эмиграция» была самой полидисциплинарной по составу участников и многогранной по обсуждаемым вопросам. Заседание было открыто докладом *О. В. Залесской* (Благовещенский государственный педагогический университет) «Правонарушения в среде китайских мигрантов в Амурской области в 1990-е гг.», в котором были представлены масштаб и специфика переселений, занятость мигрантов и уровень преступности. Качественно иной аспект иммиграции отражен в докладе *Е. С. Меев* (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева) «Великое переселение народов» начала XXI века в итальянском кинематографе. Исследователь провела качественный анализ нескольких фильмов и показала, что в фокусе внимания находится процесс миграции и переживания отдельных персонажей, но не обсуждаются причины миграционного движения и пути решения возникающих проблем.

Выступление *С. Н. Шаповаловой* (Дальневосточный федеральный университет) «Народные обычаи китайских эмигрантов XVIII–XIX веков. Как не стать бесприютным духом гуй» затронуло важный аспект сохранения традиций у переселенцев. Древний культ почитания предков в Китае требует захоронения человека на родине. Это создавало для китайских эмигрантов серьезные проблемы и породило особые пути их решения.

Доклад *Г. Г. Корноуховой* (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы) «Русские трудовые мигранты на Астрабадских рыболовных промыслах Лианозовых в Персии, рубеж XIX–XX вв.» отразил вариант реализации русской колониальной политики в Каспийском регионе через использование интересов предпринимателей. Автор считает, что данный казус демонстрирует гибкость имперской политики России в Азии.

Таким образом, на секции был представлен широкий спектр вопросов, касающихся миграционных процессов и бытования переселенческих обществ на территории Евразии от XVIII века до современности, включающий политические, экономические, социальные и культурные аспекты. Многие выступления вызвали оживленные дискуссии. Было очевидно, что представленные проблемы находятся на пике исследовательского интереса и имеют большие перспективы.

Участники второй секции «Невольные переселенцы: принудительная миграция и ее последствия» исследовали специфику формирования и развития переселенческих сообществ в условиях вынужденной миграции. Основная тематика докладов была посвящена советской политике принудительных миграций, адаптации спецпереселенцев в районах вселения, последствиям спецсылки для принимающих регионов. В материалах представлено много уникальных сюжетов и явлений.

Н. Н. Аблажей (Институт истории Сибирского отделения РАН) выступила с докладом «Переселение из зоны затопления Новоси-

бирской ГЭС», подготовленным в соавторстве со стажером-исследователем ИИ СО РАН М. А. Косицыным. Доклад был посвящен анализу миграционных последствий строительства ГЭС и водохранилищ на равнинных реках. Дана периодизация переселения из зоны затопления Новосибирской ГЭС в 1952–1957 годах, показаны его масштабы и особенности. Представленная проблематика вызвала большой интерес и активное обсуждение.

Доклад Л. Б. Степановой (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера) «Визуальное изображение Севера в исследовательских проектах польских исследователей 2-й половины XIX — начала XX в.» представил результаты исследования ручной и фотографической фиксации материалов в период научных экспедиций, выполненной польскими ссыльными в Якутии. Поляки, в отличие от других коренных и пришлых жителей региона, владели редкой для того времени фототехникой и умели с ней обращаться. Кроме того, они испытывали живой исследовательский интерес к Сибири и стремились запечатлеть как можно больше образов природы, людей и вещей.

А. С. Ковалев (Сибирский федеральный университет) выступил с докладом «Инвалиды и пожилые люди в “кулацкой ссылке” (на материалах Сибири)», в котором подчеркнул бессмысленную жестокость принудительной миграции, когда к переселению принуждались люди, которые не могли не только трудиться, но и заботиться о себе. В выступлении присутствовали и другие интересные сюжеты — о создании дома инвалидов-спецпереселенцев и артелей инвалидов, которые производили орудия труда и потребительские товары.

Т. П. Тетеревлева и Е. Е. Шурупова (Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Соловецкий государственный историко-культурный и природный музей-заповедник) в докладе «Спецпереселенцы представляют из себя южных жителей земледельцев, незнакомых с морем и с лесом»: развитие йодной промышленности в Северном крае в 1930-х годах», рассказали об использовании труда вынужденных переселенцев на обработке сырья для Архангельского йодного завода. Было отмечено, что большую часть перемещенных лиц составляли старики, женщины и дети, которые не могли полноценно трудиться.

При большом разнообразии поставленных авторами задач и использованных источников их объединяют мысли о бесперспективности насилия, а также о способности человека адаптироваться к сложнейшим условиям существования. Важно отметить высказанную Е. Е. Шуруповой и поддержанную участниками секции идею о необходимости дальнейшей работы по изучению вынужденной миграции с привлечением цифровых методов исследования.

Третья секция «Переселенцы в городском и сельском пространстве» была небольшой по количеству выступающих, но богатой на дискуссию. Л. Н. Славина (Красноярский государственный пе-

дагогический университет им. В. П. Астафьева) в докладе «Переселенцы в Сибири (по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года)» рассказала о количественных характеристиках миграционного движения в переписи 1926 года и обратила внимание на большой научный потенциал данного источника для изучения переселенческих процессов в Сибири. Выступление вызвало большой интерес. Участники конференции обсудили перспективы и ограничения использования переписи населения 1926 года, а также полноту представленности в источнике регионального компонента.

Н. В. Гонина (Институт истории Сибирского отделения РАН) сделала доклад «Роль миграций в формировании населения г. Красноярска в период “красноярских десятилеток” (1970–1980-е гг.)», в котором показала тенденции и значимость миграционного прироста 1970–1980-х годов для развития крупнейшего регионального центра Восточной Сибири. Автор сделала вывод, что население города увеличивалось преимущественно за счет естественного прироста, в том числе благодаря повышенной рождаемости у молодых мигрантов, однако удержать пришлое население удалось только частично. Автор также обратила внимание на перспективность исследования локальной исторической динамики в производственных коллективах Красноярска.

Бурно обсуждались доклады аспирантов *Е. И. Семькина* (Красноярский государственный аграрный университет) «Различия демографической динамики русского населения в районах Крайнего Севера и умеренных широтах Красноярского края в 1960-х гг.» и *А. А. Рубана* (Красноярский государственный аграрный университет) «Заболеваемость населения в городах-новостройках в 1960-е гг. (на примере г. Дивногорска)». Интерес вызвали новые исторические источники, впервые введенные в научный оборот, оригинальные авторские интерпретации данных, а также перспективы разработки тематики. Профессор *Л. Н. Славина* дала рекомендации молодым участникам конференции по методологии и методике разработки диссертационного исследования.

Преобладание докладов с количественными данными удачно разрядило выступление *О. В. Ищенко* (Сургутский государственный университет) по теме «К вопросу о направлениях образовательной миграции в Сибири в конце XIX — начале XX в.». Автор рассказала о династиях деятелей культуры, основатели которых приехали в Сибирь из Европейской части России для учебы в Томском университете и остались на постоянное проживание. Доклад был основан на богатой палитре источников личного характера, как широко известных, так и впервые вводимых в научный оборот.

По итогам работы секции было принято решение о проведении семинара по проблемам изучения локальных сообществ методами исторической демографии.

Четвертая секция «Политика и административный контроль переселенческих сообществ: теория и история» преимущественно со-

средоточила материалы, представляющие классические подходы к исследованию переселенческой политики, но содержащие новые сюжеты и факты. В докладе *А. С. Заколюдой* (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук) «Переселение рыбацкого населения на Дальний Восток России: дореволюционный опыт» представлены результаты исследования деятельности правительства по заселению Приамурского края с целью получить рабочую силу для рыболовных промыслов и каботаж. Для этого проводилась не только организация переселения, но и выплачивались значительные ссуды, давались долговременные льготы. Однако переселенцы уходили в другие, более выгодные формы экономической деятельности. Автор заключает, что причиной ситуации были недостатки в анализе местных условий и в сфере социально-экономической политики.

Доклад *М. Н. Крота* (Южный федеральный университет) был посвящен анализу оценок ассимиляторских возможностей русского народа отечественными учеными-этнографами *И. Н. Смирновым* и *Н. Н. Харузиным*, ставившими их в основу успешной реализации политики русификации национальных окраин. Автором проанализированы предлагаемые учеными методы и средства эффективной ассимиляции инородцев, а также формы поддержки колонизационных процессов, направленных на обрусение окраинных регионов империи.

В. А. Шаламов (Иркутский государственный университет) рассказал о становлении и развитии учреждений для оказания медицинской помощи крестьянам-переселенцам в Енисейской губернии в 1906–1917 годах. Особое внимание было отведено системе управления переселенческой медициной и ее реформированию. Автор отмечает, что наиболее активный рост числа медицинских учреждений пришелся на период реформы *П. А. Столыпина*.

Е. В. Соколова (Государственный архив Красноярского края) представила доклад «Деятельность переселенческого управления и комитета труда в Красноярском крае (по документам КГКУ “Государственный архив Красноярского края”)», в котором рассматривалась история создания и деятельность переселенческого управления СНК СССР и подчиненного ему переселенческого отдела Красноярского крайкома, а также условия переселения колхозников на территорию Красноярского края, их обустройство, изменения статуса и структуры отдела в течение XX века.

Пятая секция «Экономика переселенческих сообществ: трансфер практик и экономические анклав» была самой широкой по хронологическому диапазону и единственной, в состав которой вошли археологи. Выступление *Д. П. Шульги* (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН) «Китайский текстиль и римское серебро: сюнну на Шёлковом пути» было посвящено интереснейшей теме товарообмена между удаленными территориями

Евразии в котором главная роль принадлежала кочевникам. В докладе *С. Т. Гайдина* и *Г. А. Бурмакиной* (Красноярский государственный аграрный университет) «Вольные и невольные работники золотых приисков Сибири в императорский период» был представлен анализ социально-демографической структуры приискателей. Большинство из них составляли добровольные переселенцы из Европейской части России, вдохновленные слухами о возможности легкого обогащения, а также сосланные в Сибирь за различные правонарушения. Интересная дискуссия возникла вокруг доклада *О. В. Денъгиной* (Восточно-Сибирский техникум туризма и сервиса) «Особенности колонизационного фонда Бельской волости Енисейского уезда в контексте реформы П. А. Столыпина в Енисейской губернии», в котором была отражена специфика заселения северных территорий региона. Неблагоприятные климатические условия и недостаток пашенных земель создавали тяжелые условия для обзаведения хозяйством и провоцировали конфликты со старожильческим населением.

Доклады и дискуссии на секции выявили необходимость дальнейшей разработки темы, которая оказалась очень важной для понимания специфики бытования транзитных зон.

Шестая секция «Конструирование категории переселенческое сообщество/общество: методология, источники и историография» сосредоточила доклады, посвященные вопросам теории и методики работы с понятием «переселенческое общество». Спектр тем и подходов был достаточно многообразен, что подчеркивает актуальность и дискуссионность темы. В то же время многие важные вопросы методологии исследования остались не затронуты, и это определяет необходимость его методологической концептуализации.

Доклад *Л. В. Зандановой* и *Я. В. Кулаковой* (Иркутский государственный университет) «Изучение современной историографии переселений в Сибирь и переселенческих обществ как фактор формирования профессиональной компетентности педагога-историка» соединил анализ историографии темы с его прикладным значением. Была показана актуализация «сибирского поворота» в новейшей отечественной научной литературе, дан обзор диссертаций, защищенных за последние 15 лет, а также монографий и конференций, посвященных изучению переселенческого движения. В то же время представлена методика работы с историографией на занятиях с магистрами.

А. И. Ракитянская (Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского) в докладе «Геополитическое влияние на современные реалии переселенческого общества», опираясь на известные научные теории, рассмотрела взаимосвязь геополитической динамики и переселенческого движения. Автор дала полноценную характеристику понятию «переселенческое общество», показала варианты его применения в широком историческом контексте и завершила анализом современной миграционной ситуации.

М. В. Сентябова (Красноярский государственный аграрный университет) выступила с докладом «Переселенчество как опыт детства: концептуальный анализ», в котором рассмотрела вопросы миграции и переселения через призму истории детства, уделяя особое внимание разбору основных исследовательских концепций детского переселения. Отмечена слабая разработанность темы в отечественной историографии в совокупности с ее высоким исследовательским потенциалом.

Седьмая секция «Этнокультурные аспекты и социальные связи переселенческого общества» фокусировала внимание на процессах, происходящих внутри переселенческого общества, в первую очередь социальных, этнических и культурных. Среди представленных докладов были очень оригинальные сюжеты. Например, *А. В. Подъяпольская* (Красноярский государственный аграрный университет) представила доклад «Переселение на Север и библиотечная сфера: от прошлого к будущему» в котором на примере Норильска показала роль библиотеки как культурного центра, объединяющего людей и противостоящего социальной энтропии.

Доклад *В. В. Хориной* (Государственный архив Красноярского края) «Экспедиция Енисейского губернского статистического комитета 1897 года как один из эпизодов изучения этнокультурного и социального влияния русского населения на хозяйство и быт инородцев Енисейской губернии» раскрыл отдельные аспекты изучения культурного взаимодействия коренного и пришлого населения в Енисейской губернии. В частности, выявлены цели и задачи работы статистических комитетов в период переписи, а также значение экспедиционной деятельности. Особый интерес представляет информация о дискуссиях среди участников экспедиции относительно оценки хозяйственной деятельности коренных народов и степени влияния на них русскоязычного населения.

Е. Б. Лукиева (Томский политехнический университет) в докладе «Создание и деятельность национально-культурных центров в Сибири в 20–30-е гг. XX в.» показала пестрый национальный состав региона в 1920–1930-х годах и деятельность органов власти по сохранению языка и культуры национальных сообществ, в первую очередь национальных школ и клубов. Автор приходит к выводу, что эта работа способствовала не только сохранению национально-культурного многообразия, но и адаптации переселенцев.

С. Р. Чеджемов, Э. Т. Плиева (Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова) и *Д. Т. Лолаева* (Северо-Кавказский горно-металлургический институт) представили доклад «Сибирь — Осетия: из истории формирования многонационального культурного поля России». На материалах наследия видного представителя осетинской интеллигенции М. Д. Канукова, работавшего в Сибири в конце XIX в., освещены проблемы кавказско-сибирского сотрудничества в деле развития педагогической мысли и системы народного образования.

Н. В. Гонина

Концепт «переселенческое общество»: от традиционных взглядов к новым подходам

По результатам работы секции можно заключить, что тема пользуется большой популярностью среди исследователей. Большинство выступавших придерживаются концепции культурного многообразия. Мы видим не только процессы аккультурации, но и сложные социальные и этнокультурные взаимоотношения, носившие характер взаимного обогащения, которые лежали в основе формирования населения Сибири. Участники секции выразили убеждение, что работу в этом направлении целесообразно продолжать в целях ретроспективного изучения культурного потенциала многонациональной России.

Восьмая секция «Динамика пространственного движения населения в России и мире» по тематике выступлений охватила историю Евразии от древности до наших дней. *М. В. Баканова* (Российский совет по международным делам) в докладе «Возможности миграционных процессов в древней Сибири на примере буришей» отметила, что в настоящее время можно считать подтвержденными крупные миграции населения в зоне от Южной Сибири до Гималаев и Тибета в направлении Север-Юг и обратно. Так же, как и заселенность Высокогорья Азии в различные периоды истории представителями различных групп народов. Родоначальники буришей — народа-изолята долины Хунза с большой долей вероятности могли прийти из Южной Сибири или верховий Енисея, смешавшись уже на месте дополнительно с местными жителями, проникнувшими на территории долины в более древние времена. При этом в дальнейшем формирование народа буришей продолжилось путем контактов с соседними народами, а также — весьма удаленными, связанными в рамках Великого шелкового пути. Продолжение исследования буришей необходимо как в рамках установления принадлежности и истории народа, так и в рамках изучения древних миграций на «Крыше мира» и связям внутри региона Высокогорной Азии.

Т. Ш. Уметбаев (Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр» Сибирского отделения РАН) представил доклад «Монгольская миграция в Иран в период его завоевания Хулагу-ханом и правления Хулагидов в “Джами ат-таварих” Рашид ад-Дина (XIII–XIV вв.)», в котором раскрыл специфику заселения монголами территории Ирана. Область расселения монголов оказалась очень обширной, от реки Амударьи до египетских владений на переднем Востоке в Сирии. Окончательное расселение монголов, оставшихся в Ираншахре, состоялось в правление Газан-хана, спустя почти полвека после похода Хулагу-хана. Это привело к значительному распылению сил монголов на значительном пространстве, а в дальнейшем — к утрате их собственной идентичности.

И. С. Баранова и *И. А. Погребняк* (Уральский государственный педагогический университет) в докладе «Историко-географические особенности внутренней миграции населения в дореволюционной России» рассмотрели миграционные процессы в Российском госу-

дарстве на протяжении XVII–XIX веков. Были проанализированы основные причины миграционной подвижности населения в разные временные отрезки изучаемого исторического периода. Значительное внимание уделяется последствиям миграционных процессов для территорий, принимавших переселенцев. Авторы отметили, что освоение новых районов было невозможно без переселения значительной части населения, являвшейся не только трудовыми ресурсами, но и гарантией сохранения государственной территории.

Доклад *Н. В. Чернышевой* (Институт демографических исследований РАН) и *А. В. Бровцына* (независимый исследователь) «Освоение колонизационного фонда Вятской губернии во второй половине 1920-х годов» был посвящен советской политике сельскохозяйственного расселения. Авторами выявлено, что процесс проходил в три этапа: в 1918–1924 годы советские органы использовали земли фонда для расселения излишков социально неустroенного населения, вынужденного покинуть свои привычные места жительства в результате революций, Гражданской войны, голода 1922 года. В 1925 году колонизационный фонд Вятской губернии был закрыт для переселения из-за плохих условий, отсутствия дорог. В 1926–1929 годах была осуществлена подготовка земель фонда для частичного решения проблемы нарастающего аграрного перенаселения как в Вятской губернии, так и в других районах Поволжья, обеспечения трудовыми ресурсами планируемых к созданию и реконструкции кустарных предприятий лесоперерабатывающей, химической промышленности в северо-восточных районах Вятской губернии.

В рамках «Гришаевских чтений» проводилась работа молодежной секции. Несмотря на свободную тематику, многие выступления были посвящены вопросам миграции. Участие в работе приняли бакалавры и магистры из Москвы, Тамбова, Пензы, Уфы, Перми, Новосибирска, Барнаула, Красноярска. Следует отметить интересные темы, высокий уровень подготовки докладов и хорошую эрудицию участников, что позволило провести полноценное обсуждение.

При поддержке молодежного парламента Красноярского края был проведен круглый стол по вопросам академической мобильности для молодых исследователей. Спикерами на нем выступили: *Р. В. Морячков* (Красноярский научный центр СО РАН), *А. С. Кашуркина* (Комитет по государственному устройству, законодательству и местному самоуправлению молодежного парламента Красноярского края), *Е. В. Полянский* (КГАУК Дом искусств), *А. В. Суржко* (Сибирский федеральный университет), *Р. М. Чистяков* (Сибирский федеральный университет).

Подводя итоги конференции, нужно сказать, что, несмотря на достаточно обширную научную литературу по миграциям, изучение жизни переселенческих сообществ для исторической науки остается относительно молодым научным направлением, в котором постоянно идут дискуссии и появляются новые концепции

и подходы. Учитывая факт нового «великого переселения народов» в современном мире, расширение научного знания в данной области чрезвычайно актуально. Если следовать концепции глобальной истории, изучение локальной специфики способствует углублению понимания общечеловеческих процессов. Соответственно, разговор о бытовании переселенческих сообществ и способах их изучения, это беседа о прошлом и настоящем, о глобальном и локальном в их тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Причем наиболее перспективна разработка проблематики в социально-экономической и социокультурной областях.

The concept of “resettlement society”: From traditional interpretations to new approaches

Review of the VII International Scientific Conference “Grishaev Readings”

Natalia V. Gonina, PhD (History), Senior Researcher, Sector of Agricultural and Demographic History, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090. E-mail: nvg7@mail.ru

Тренды российской сельской экономики и сельского развития (по материалам аграрных конференций конца 2024 — начала 2025 года)¹

Л. А. Овчинцева

*Овчинцева Любовь Александровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1.
E-mail: lovchintseva@rambler.ru*

EDN: FDVFFW

Конференции, посвященные аграрной тематике, традиционно носят сезонный характер, как и сама отрасль: весна, лето, ранняя осень — это период проведения исследований и обработки материалов, а затем ученые «оценивают урожай» — представляют и обсуждают их результаты. В настоящей статье представлен краткий обзор дискуссий на некоторых недавних аграрных конференциях, а именно Никоновских чтениях (ВИАПИ им. А. А. Никонова), Емельяновских чтениях (кафедра Аграрной экономики МГУ им. М. В. Ломоносова), «Наука для государственного управления в России» (Президентская академия).

Никоновские чтения — ежегодный аграрный форум, уже три десятка лет собирающий не менее полутора сотен экономистов-аграрников из разных регионов России и зарубежных стран. Емельяновские чтения прошли в 2025 году в пятый раз, но само место проведения, круг обозначенных тем и уровень дискуссии сделали конференцию привлекательной для участия и также достаточно представительной. Президентская академия в настоящий момент модернизируется, осенью 2024 года ее ежегодная конференция прошла под новым девизом «Наука для государственного управления в России». В ее рамках с докладами и в обсуждениях по аграрной тематике участвовали более пятидесяти человек².

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.
 2. XXIX Никоновские чтения «Доходность сельского хозяйства в нестабильной аграрной экономике: измерение и пути повышения», 21–22 октября 2024 г., Москва, организатор — ВИАПИ им. А. А. Никонова — филиал V; Емельяновские чтения «Аграрная экономика и политика: рынок и го-

Хотя каждая конференция имела свою специфику, некоторые темы, задающие основные тренды развития аграрной экономики и сельского развития, стали предметом обсуждения на всех трех аграрных форумах.

В числе важнейших — оценка устойчивости произошедшего в последние годы существенного роста объемов производства продукции сельского хозяйства и значения российского АПК не только для внутреннего, но и для мирового аграрного рынка. Сохранится ли тренд на увеличение объемов производства и экспорта в условиях нестабильной ситуации в мире, продолжающихся санкций, глобального изменения климата и локальных климатических эксцессов?

Эксперты отмечали, что за последние десять лет объем производства продукции сельского хозяйства в России вырос на четверть. В сельской экономике, по оценкам, производится от 15 до 18% национального ВВП (Петриков А. В., ВИАПИ им. А. А. Никонова). Но темпы прироста объемов производства сельскохозяйственной продукции в последние годы снижались. С учетом недостаточно благоприятных погодных условий за последний год и проявляющегося эффекта санкций, ограничивающих доступ к семенам, репродуктивному материалу, технике, запчастям, высокий прирост объемов производства маловероятен и в текущем году (Киселев С. В., Хомяков Д. М., МГУ им. М. В. Ломоносова). Импортозамещение тормозится не только затрудненным доступом к новейшим технологиям, но и существующими бюрократическими процедурами. Так, в своем выступлении Добренко И. Е. (Lysterra) указал, что процесс регистрации новых средств защиты растений может занимать от трех до десяти лет.

Россия вышла в число крупнейших экспортеров на мировом аграрном рынке, однако в 2024 году общий объем экспорта в стоимостном выражении снизился и, учитывая динамику курса доллара, эксперты прогнозируют дальнейшее снижение стоимостных показателей экспорта продукции в текущем году (Хомяков Д. М.).

Продолжается трансформация аграрной экономики в целом, что выражается в изменении ее структуры, происходит сокращение доли собственно производства и растет доля переработанной продукции: продовольствия и напитков. Анализ соотношения объемов производства продукции по категориям хозяйств показывает прирост доли крупных сельскохозяйственных предприятий, составившей в 2024 г. 60,2% (56,5% — 2018 г.), крестьянских фермерских хозяйств 14,2% (12,5% — 2018 г.), и сокращение доли хозяйств населения 22,3% (30,9% — 2018 г.). Положительная динамика аграр-

сударство в условиях санкций и неопределенности», 27–28 марта 2025 г., Москва; Секция «Аграрная политика России: контуры будущего» конференции «Наука для государственного управления в России», 24–25 октября 2024 г., Москва.

ной экономики в целом не снижает существенных различий между регионами. Дифференциация регионов по экономическому потенциалу в последние годы усилилась из-за влияния климатических изменений, увеличения засушливых площадей, сжатия площади посевов в традиционных сельскохозяйственных районах.

Естественным явлением для стремительно модернизирующегося производства в отрасли является сокращение занятости в аграрном секторе, но беспокойство в первую очередь вызывает дефицит кадров. По оценкам экспертов, он составляет около 200 тыс. человек. Особенно остро ощущается нехватка водителей, трактористов, комбайнеров. Не спасает ситуацию и готовность работодателей к повышению оплаты труда. В некоторых регионах в объявлениях по найму персонала предложение по оплате труда водителя техники на предприятиях АПК превышает предложения для работников в IT-сфере (Киселев С. В.).

В панельной дискуссии «Аграрная политика России: контуры будущего» на конференции в Президентской академии приняли участие представители Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, заместители министра сельского хозяйства Титов М. А. и Шевелкина К. Л., представившие обзор текущего состояния аграрной отрасли и сельского развития, перспективы цифровизации. В ходе обсуждения эффективности государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей оценки представителей органов управления АПК и ученых расходились. Если первые указывали на выполнение плановых заданий, то вторые отмечали сокращение общего объема финансирования, неравномерность распределения государственной поддержки между регионами и категориями хозяйств.

Сокращение бюджетной поддержки усугубляется снижением доступа к кредитным ресурсам, ведет к неравномерности финансовой поддержки сельского хозяйства. Анализ инвестиций в сельское хозяйство за последние пять лет показывает снижение доли кредитования в общем объеме инвестиций, а объем кредитования в сопоставимых ценах не увеличивается, а даже слегка снижается. Более двух третей всех выданных кредитных ресурсов приходилось в последнее время на пятнадцать регионов России (16,9%). Лишь в десяти кредитование составляло более 20 тыс. руб. на гектар, а в 37 — менее 5 тыс. руб. В результате две трети инвестиций в развитие отрасли формируется за счет собственных средств предприятий (Маслова В. В., ВНИИЭСХ).

Учитывая изменения хозяйственного механизма и ситуации в мире, стратегия развития АПК до 2030 года подверглась корректировке и содержит два варианта развития: амбициозный базовый и умеренный консервативный, увязанный с объемами поддержки АПК со стороны государства. Участники конференций отмечали, что частая смена парадигмы государственного управления, снижение финансирования заявленных программ усиливают неопре-

деленность и подают отрицательные сигналы бизнесу. Сохраняет актуальность проблема ножниц цен между стоимостью продукции сельского хозяйства и стоимостью средств производства, негативное воздействие оказывает динамика курса валют.

Значительной критике подвергалась в дискуссиях реализация программ цифровизации АПК. К 2030 году Минсельхоз планирует создать информационную систему, охватывающую все регионы страны и включающую около 50 тыс. параметров. Формирование такой системы и наполнение ее данными сталкивается с трудностями. Наблюдатели указывают, что система пока недостаточно гибкая, чтобы оперативно учесть изменения в производственном процессе, и при ее заполнении возникают искажения реальных данных. Если на крупных предприятиях могут быть созданы специальные подразделения для внесения данных и выполнения требований Минсельхоза по цифровизации, то в малых и средних предприятиях, в крестьянских хозяйствах эта работа возлагается на агрономов или на членов КФХ, не обладающих необходимой подготовкой, что создает дополнительную нагрузку, воспринимается как обременительная помеха в работе. Существует значительный цифровой разрыв между хозяйствами, только треть предприятий использует методы точного земледелия. Крестьяне пока полагаются больше на собственный опыт, чем на рекомендации искусственного интеллекта. Препятствием для цифровизации является недостаточно устойчивая интернет-связь в зауральских и периферийных районах страны, затрудненный доступ к современному оборудованию из-за санкций, несовершенство кадастрового учета земель (Хомяков Д. М., МГУ им. М. В. Ломоносова; Фадеева О. П. ИЭОПП СОН РАН).

Проблематика сельского развития тесно увязана с направлениями развития сельской экономики. С содержательными докладами по данной теме на Никоновских и Емельяновских чтениях выступал А. В. Петриков (ВИАПИ им. А. А. Никонова). Он отметил, что темпы снижения численности занятых в сельском хозяйстве значительно выше, чем снижение численности сельского населения, т. е. люди в сельской местности продолжают жить, и сохраняется ресурс воспроизводства человеческого потенциала страны, хранящегося в национальной культуре народов России, сельской идентичности, сельского образа жизни, нравственных ценностей. Анализ данных комплексного наблюдения условий жизни населения показывает, что в сельской местности уровень преступности в два раза ниже, чем в городе, и более чем в три раза ниже распространенность наркотиков, вандализм в общественных и жилых местах и загрязненность окружающей среды. Несмотря на более низкий уровень жизни, в сельской местности сохраняется более высокий суммарный коэффициент рождаемости. Однако целенаправленной политики по развитию сельской местности до настоящего времени нет. Парадигма выделения села как отдельной категории управле-

ния сменилась представлением о территориях развития, которые включают в себя как сельские, так и городские населенные пункты, в результате чего сельский населенный пункт как объект управления оказался утрачен. Стратегия пространственного развития страны не содержит раздела по сельским территориям, более 20% средств, выделяемых на развитие сельских территорий, расходуется в городах. Концепция опорных пунктов для развития сельских территорий предполагает их создание в количестве 2,3 тыс. ед., что очень мало для нашей страны. Сохраняет свою актуальность проблема создания альтернативных рабочих мест в сельской экономике. Анализ данных статистики занятости показал, что с 2009 года в сельской местности потеряли рабочие места 1,5 млн чел., а трудоустроились 0,76 млн чел. Около трети трудоспособного населения, проживающего в сельской местности, работает в городах. Сохраняет остроту проблема региональной дифференциации. По данным рейтинга регионов по качеству жизни в сельской местности, который ведет ВИАПИ, разница между наиболее и наименее развитыми регионами составляет два-три раза, но специальных мер развития по поддержке отстающих регионов нет.

Такая ситуация в области сельского развития ведет к тому, что разрыв в уровне доходов между сельским и городским населением, сокращавшийся до середины 2010-х годов, вновь стал увеличиваться. Сравнение соотношения среднедушевых располагаемых ресурсов сельских и городских домохозяйств с прожиточным минимумом показывает, что в городе этот показатель стабильно примерно в полтора раза выше, в 2023 году составлял 1,4 раза. Хотя заработная плата в сельском хозяйстве в целом растет, но на уровне жизни сельского населения это сказывается все меньше, на что указывает увеличивающийся разрыв между соотношением среднедушевых располагаемых ресурсов сельского населения с прожиточным минимумом и заработной платы в сельском хозяйстве. В 2014 году это соотношение совпадало, в настоящее время разрыв составляет 1,5 раза. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума на селе хотя и снизилась по сравнению с серединой 2010-х годов на 10 п.п., но по-прежнему в 3,5 раза больше, чем в городе, и составляла в 2022 году 17,1% (Скальная М. М., ВНИИЭСХ).

Добавим, что Емельяновские чтения в этом году были посвящены памяти ученых-аграрников А. М. Емельянова, и С. И. Половенко, которым исполнилось бы 90 и 95 лет. Об А. М. Емельянове следует сказать особо. Личность этого замечательного человека, видного общественного деятеля и блестящего ученого связывает все три конференции, поскольку он являлся выпускником МГУ им. М. В. Ломоносова и там же почти четверть века был руководителем кафедры экономики сельского хозяйства (носившей в разные годы различные названия), одновременно некоторое время возглавлял Академию государственной службы при Президенте РФ, а еще был сотрудником ВИАПИ им. А. А. Никонова. Многие помнят его лич-

но и на конференции делились своими воспоминаниями. А. В. Петриков рассказал также о результатах своих архивных изысканий, проиллюстрировавших необыкновенную работоспособность и талант этого выдающегося ученого.

Участники всех трех конференций выработали резолюции и предложения для органов управления АПК и хочется надеяться, что голоса ученых не останутся незамеченными.

**Trends in the Russian rural economy and rural development
(based on the materials of agrarian conferences in late 2024 —
early 2025)**

Lubov A. Ovchintseva, PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp. 82, Moscow, 119571. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

Человеческий капитал в сельском развитии: БРИКС и мир¹

И. К. Полещук

*Илья Константинович Полещук, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС. 119571, г. Москва, пр-т. Вернадского, д. 82,
E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru*

EDN: FGMWFA

28–29 ноября 2024 года одновременно в Москве, Пекине, Риу-Гранди-ду-Сул, а также онлайн состоялась Международная научная конференция «Человеческий капитал в сельском развитии: БРИКС и мир». Проведение этого научного форума было инициировано участниками проекта научного центра мирового уровня Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) «Человеческий капитал в сельском развитии: Россия и мир» при поддержке Института общественных наук РАНХиГС, национального проекта России: «Наука и университеты», а также редакции журнала «Крестьяноведение».

С приветственным словом к участникам обратился доктор экономических наук, профессор, председатель Экспертного совета по экономике и управлению регионами, отраслями и межотраслевыми комплексами Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, проректор РАНХиГС *Андрей Маркович Марголин*. Общие задачи работы конференции кратко охарактеризовал директор Центра перспективных социальных исследований ИОН Президентской академии *Илья Алексеевич Женин*.

Конференция объединила российских и зарубежных ученых, специалистов по исследованию человеческого капитала в сельской местности. В ее работе приняли участие около 90 специалистов из более чем 10 стран мира: России, Китая, Бразилии, Индии, Ирана, Вьетнама, Парагвая, Узбекистана, Египта.

Первая секция конференции «Человеческий капитал в региональном сельском контексте» в центр внимания поставила следующие темы:

- Креативные индустрии в развитии сельской местности.

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

- Благополучие сельского населения как фактор развития сельских территорий.
- Город как фактор развития сельских территорий.
- Основные факторы и характеристики развития человеческого капитала в разных странах мира.

Заседание секции открыл *Никита Евгеньевич Покровский*, д.соц.н., проф., зав. кафедрой общей социологии НИУ ВШЭ (Россия). В докладе *«Жизнь после и за пределами города: центробежная миграция горожан»* он сосредоточился на понятии контрурбанизации. Несмотря на колоссальный ежегодный отток населения из деревень в города и мегаполисы, в последние годы наблюдается замедление этого процесса. Мигрантами в сельскую местность стали городские жители, которые бегут от темпа жизни и проблем большого города². Наиболее распространенная форма деурбанизации — это пригородные поселки, которые вписаны в городскую транспортную, бытовую инфраструктуру и телекоммуникационные сети, но экологически привлекательны и предоставляют возможность жить хотя и не в городе, но с комфортом. Вторая форма — это удаленные дома (дача, дом в деревне и т.п.). Сегодня 7% от общего числа горожан готовы переехать подальше от города, но при условии сохранения удаленной работы или городской пенсии. Отдельным фактором докладчик выделяет возможность иметь собственный отдельный дом. С позиций феноменологии места и пространства докладчик исследует влияние на человека дома, в широком смысле. Кроме того, для ряда переезжающих в сельскую местность постройка своего дома является актом самореализации³.

Эта тенденция актуальна не только для России, но и для многих других стран. Так, например, в исследовании Никиты Евгеньевича речь шла о сравнении проектов возвращения к жизни двух полностью заброшенных деревень, одной в Греции, другой — в Костроме. Когда городские жители переезжают в сельскую местность, они приносят туда уникальные навыки и опыт, которые могут обогатить их новые сообщества. Однако эта миграция также вызывает вопросы о степени влияния на местную культуру и экономику.

Продолжил заседание докладом *«Формирующиеся пространственные изменения и парадигма развития в современных сельских районах Индии»* *Суджир Кумар*, профессор Университета Нью-Дели имени Дж. Неру (Индия). В современных исследованиях Индии урбанизация рассматривается как определяющий фактор сельских изменений. Это миграция из села в город, индустриа-

2. Покровский Н. Е., Никулин А. М. (2023). «Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств» // Крестьяноведение. Т. 8. № 2. С. 140–158.

3. Макшанчикова А. Ю., Никишин Е., Покровский Н. Е., Никишин Е. А., Макшанчикова А. Ю. (2022). Что после города? Перспективы сельского городского жизненного пути // Человек. Т. 33. № 5. С. 44–62.

лизация, урбанизация, неформальная экономика и т. д. Все они в значительной степени связаны с пространственными изменениями в городских районах либо объясняют их с точки зрения структуры связей между сельскими и городскими районами. Однако эти теории не рассматривают возникающие пространственные изменения в сельской местности и их последствия для сельского общества и его развития. Сельские районы как независимая единица не участвуют в таком анализе⁴. По мнению докладчика, следует понимать пространственные изменения в сельской местности как независимую категорию и единицу анализа. Так, пространственные изменения влекут за собой существенные политические изменения внутри сельского общества и то, как оно развивается. Пространственные изменения происходят благодаря вмешательству государства или могут быть результатом продолжающегося процесса социальных изменений в сельской местности, классовой и кастовой структуре, то есть они по-разному влияют на социальные группы в сельских условиях⁵.

Докладчик предложил цикличную модель изменения индийских сельских территорий.

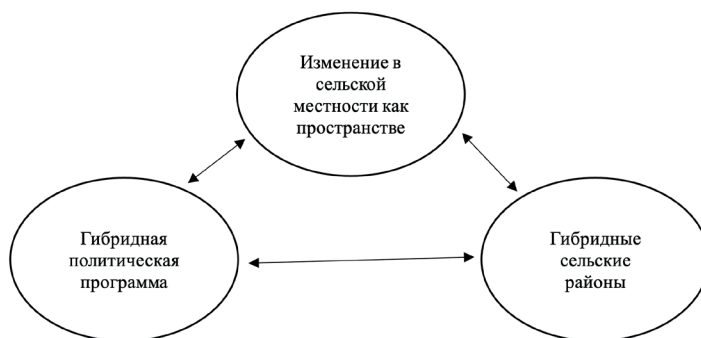

Рис. 1. Модель изменения индийских сельских территорий

Развитие сельской местности в Индии — это следствие развития сети дорог, инфраструктуры и систем связи. На сегодняшний день половина сельского населения использует интернет в повседневной жизни, и это превосходит количество пользователей в городских районах.

4. Kumar S. (2022). Politics of development in bundelkhand region of northern India: Analysing role of (un)civil society // Journal of Social Inclusion Studies. № 8.
5. Sudhir K. S., Akanksha, Monika, Bhawana C. (2023). Globalization and future of the rural-agrarian in 21st century India: Issues, challenges and opportunities // Russian Peasant Studies. T. 8. № 1. P. 171-178.

Таблица 1. Распределение интернет-пользователей в Индии по сельским и городским районам в период с 2019 по 2023 г.⁶

	Все интернет-пользователи Индии, млн чел.	Пользователи в городских районах, млн чел.	Пользователи в сельских районах, млн чел.
2019	573	309	264
2020	622	323	299
2021	692	341	351
2022	759	360	399
2023	821	378	442

Таким образом, основные препятствия для развития сельских территорий в Индии это кастовая принадлежность, политическая мобилизация, религиозная поляризация и новая религиозность.

В своем выступлении *Нгуен Чиен Тханг*, д.э.н., директор Института европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук (Вьетнам), представил результаты исследования влияния социальных и экономических факторов на экономическое развитие домохозяйств района дельты Красной реки. Население этого района 23,7 млн чел. (городское 39%, сельское 61%), из них работают 11,7 млн чел., доход на душу населения второй по Вьетнаму, уровень безработицы на 2023 год: городское население — 2,67%, сельское население — 1,35%. Сельское хозяйство находится на этапе развития товарного производства, эффективных форм фермерского, ЛПХ и кооперативного сельскохозяйственного производства⁷. Основные измеряемые параметры в исследовании это: социальное доверие (к правительству, доверие в сообществе, степень однородности сообщества); участие в социальных организациях (является ли членом сообществ или групп, активность участия, частота мероприятий сообществ или групп, поддержка между членами групп или сообществ); социальные взаимоотношения (наличие и природа взаимоотношений, возможность оказывать или получать поддержку); общественная деятельность (волонтерская, финансовые взносы).

Докладчик огласил следующие основные влияющие факторы: культура, история, социальная структура, внутренние миграции, распространение знаний о средствах к существованию, мобилизация ресурсов, помощь и поддержка в трудные времена. В рамках исследования была построена регрессионная модель, которая пока-

6. Internet in India 2024 // URL: https://www.iamai.in/sites/default/files/research/Kantar_%20IAMAI%20report_2024_.pdf (дата обращения: 10.05.2025)

7. *Хьюнг В. Т. Т., Киселева С. П., Фам В. В.* (2019). Высокие технологии в сельском хозяйстве в дельте реки Красной во Вьетнаме в условиях инновационного развития // Вестник ГУУ. № 11.

зала, что человеческий капитал и размер домохозяйств оказывают положительное влияние на расходы домохозяйств. Количество официальных и неформальных организаций, в которых состоят члены домохозяйства, их поддержка домохозяйств оказывают статистически значимое положительное влияние на расходы домохозяйств. В свою очередь, организационная деятельность и доверие домохозяйств не оказывают влияния на средние расходы домохозяйств.

Заседание продолжилось докладом «Тенденции развития сельского хозяйства Российского Нечерноземья на фоне пространственной поляризации человеческого капитала» Татьяны Григорьевны Нефедовой, гл.н.с., д.геогр.н., Институт географии РАН (Россия). В нем она описала основные тренды развития сельского хозяйства российского Нечерноземья. По ее мнению, главный вызов России сегодня — усиление пространственных контрастов сельской местности на разных масштабных уровнях: от макрорегионов до муниципальных районов, что обусловлено природными различиями, качеством человеческого капитала и недостатком финансовых ресурсов. Постоянные метания властей показывают, что стратегия обустройства столь разнородного географического пространства пока не найдена. Недостатки «Стратегии» 2019 г. были связаны с вниманием преимущественно к крупным центрам и с отсутствием полимасштабного подхода к решению проблем. Основные выводы своих исследований докладчик сформулировала в следующих тезисах. Важнейшая проблема России — периферия, но не происходит осознания масштабов и проблем российской периферии, как нет и осмысленной региональной политики в отношении периферийных районов⁸.

Успешность экономики центра региона не оказывает существенного влияния на экономику всего региона (исключение Московская область), а в ряде случаев усиливает отъезд населения из сельской местности и малых городов и фрагментацию пространства внутри региона.

На фоне оттока населения и сжатия освоенного пространства в Нечерноземье, в XXI веке улучшилось продовольственное обеспечение населения благодаря вертикальной и горизонтальной концентрации сельского хозяйства и современным технологиям.

Концентрация сельского и лесного хозяйства сопровождается расширением связей между регионами, в т.ч. между Нечерноземьем и Югом, по сырью и продовольствию. Формируется иная сетевая экономическая структура, которая не совпадает с пространственной структурой расселения.

Главным в Нечерноземье остается дефицит реальных трудовых ресурсов в сельской местности, который сопровождается высокой

8. Нефедова Т. Г. (2024). Векторы и проблемы современного пространственного развития регионов Ближнего Севера Европейской части // Балтийский регион. Т. 16. № 3. С. 42–61.

нерегистрируемой безработицей, поэтому ожидаемое потепление климата вряд ли в Нечерноземье окажет существенное влияние на сельское хозяйство и на расселение⁹.

Новая стратегия пространственного развития России должна опираться на полимасштабный подход с выявлением не только формальных (по населению), но и реальных экономических центров в сельской местности, причем не только и не столько сельскохозяйственных, сколько производственных и миграционных.

В докладе *Ренаты Геннадьевны Янбых*, д.э.н., проф., чл.-корр. РАН, завотделом Аграрной политики НИУ ВШЭ (Россия) «*Субъективное благополучие сельского населения в России: факторы и их значение*», были представлены результаты социологического исследования субъективного благополучия сельского населения. На сегодняшний день сельские сообщества сталкиваются со следующими социальными рисками: депопуляция сельских районов, ведущая к потере контроля над территорией страны; концентрация населения страны в двух десятках агломераций, что приводит к ухудшению качества жизни городского населения, а также росту социального неравенства и напряженности в обществе; снижение средних показателей качества человеческого капитала; утрата значительной части национального культурного наследия.

Таблица 2. Динамика постоянного сельского населения Российской Федерации за период с 2012 по 2021 г.¹⁰

	Постоянное сельское население РФ
2012	37 314 400
2013	37 228 807
2014	37 118 215
2015	37 985 068
2016	37 887 277
2017	37 772 009
2018	37 553 553
2019	37 327 187
2020	37 186 120
2021	36 919369

Отдельно докладчик подчеркнула, что сегодня сельское население не обладает возможностью влиять на принятие решений, которые чаще всего принимаются централизованно. Бизнес со-

9. *Nefedova T. G., Glezer O. B.* (2023). Transformation of Russia's sociogeographical space // *Regional Research of Russia*. Vol. 13. № 1. P. 142-168.

10. Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года (2022). Статистический сборник. М.: ИИЦ «Статистика России».

средоточен на производстве товаров и продуктов и не вовлечен в социальные взаимодействия, на что указывает отсутствие программ технической помощи бизнесу в сельской местности.

Главные факторы, учитываемые в модели: возраст, семейное положение и продолжительность брака, наличие детей в возрасте до 18 лет, образование, удовлетворенность профессией и статусом занятости, самооценка личного социального и правового положения, текущее финансовое положение, самооценка финансовой ситуации в будущем, самооценка состояния здоровья, наличие коммуникаций в доме¹¹.

Основные выводы после построения логистической регрессии состоят в следующем: при прочих равных вероятность того, что мужчины будут удовлетворены жизнью, в 1,64 раза выше; возраст оказывает существенное влияние на удовлетворенность жизнью; возрастает влияние положительных жизненных убеждений, становится модным «быть здоровым и богатым, чем больным и бедным»; по мере повышения уровня образования респондента повышается и его субъективная оценка «удовлетворенности жизнью». Если в домохозяйстве есть все коммунальные услуги, вероятность того, что респондент будет «доволен жизнью», также в 2,1 раза выше. Способность удовлетворять материальные потребности занимает второе место по значимости.

Исследовательская группа предлагает следующий набор решений, которые, согласно модели, окажут большое влияние на удовлетворенность жизнью в сельской местности России. В первую очередь необходимо обеспечить качественное онлайн-образование, доступ школьников и студентов к лучшим образовательным программам, лекциям и электронным библиотекам. Важным фактором станет медицинское обслуживание в сельской местности, в том числе с помощью телемедицинских проектов. Отдельно можно выделить предоставление бесплатного доступа к современным культурно-досуговым онлайн-платформам, кинотеатрам, музейным фондам, лекциям и т. д. Увеличение рабочих мест в альтернативной рабочей сфере в сельской местности, включая задачи в области сельского хозяйства 4.0. Не стоит забывать и про строительство современных домов и квартир, оснащенных системами водоснабжения и энергообеспечения нового поколения. Необходимо отметить фактор активного продвижения регулярных физических упражнений и спорта.

11. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621956 Российская Федерация. «Измерение соответствия качества жизни на сельских территориях принятым стандартам»: № 2024620513; заявл. 13.02.2024; опубл. 07.05.2024 / Р. Г. Янбых, М. В. Зелинская, В. А. Сарайкин [и др.]; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина»».

Закрыла заседание секции *Мария Сергеевна Савоскул*, д.геогр.н., проф. географического факультета МГУ (Россия). В своем докладе «*Креативные индустрии в сельской местности: новая колонизация сельской местности или ресурс для развития?*» она представила результаты исследований в Воскресенском районе Нижегородской области, на примере которого показала влияние современных культурных инициатив на местное население и пространство сельской местности. Креативная деятельность в сельской местности — это формы творчества, позволяющие сельским сообществам адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и природно-экологическим условиям. Она может оказаться частью стратегии выживания, источником дохода и возможностью выразить местную идентичность. К факторам, способствующим развитию креативных индустрий в сельской местности, можно отнести природу и экологию; демографию и поселения; символический капитал местности; человеческий капитал. Одним из выводов исследования стало выявление различий между местными и городскими жителями по отношению к формированию человеческого капитала. Местные жители — это закрытый социум, который препятствует появлению новых институтов и сохраняет традиции. В то время как городские жители чаще всего являются обладателями открытого социального капитала, демонстрирующего большую инициативность и самоорганизованность, а также высокий потенциал для участия в творческих проектах¹².

Докладчик предлагает модель-пирамиду, которая описывает «новую сельскость». В основе лежит переезд, не связанный с местом работы, либо переезд в село как способ выжить в кризисных условиях. Уровнем выше находится тяга к свободной и обособленной жизни в своем доме. Далее возникает потребность в почитании и желание активных преобразований вокруг себя. Завершает пирамиду самоактуализация через познание среды. По мере продвижения к верху пирамиды сосредоточенность на своих потребностях сменяется увлеченностью местом и творчеством, а также возрастает степень знаний об окружающем пространстве и его личная значимость для человека.

На сегодняшний день складывается ситуация, когда городские жители осуществляют новую колонизацию сельской местности. Основные представители креативных индустрий — это городские жители с высоким уровнем социального капитала, в сельской местности они ищут ресурсы для творчества, для реализации мечтаний,

12. *Аверкиева К. В., Бабурина И. В., Александров Е. А. и др.* (2023). Влияние креативных индустрий на социально-экономическое развитие сельской местности (на примере Воскресенского района Нижегородской области) // Исследования молодых географов: Сборник статей участников зимних студенческих экспедиций / Под ред. М. С. Савоскул, Н. Л. Фроловой. М.: Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского. С. 151-163.

территория района рассматривается как возможность для этого. Тем не менее новые жители деревни мало общаются с местным сообществом, в результате возникают два параллельных сообщества. Несмотря на относительную политическую и экономическую слабость местной администрации, ее роль как посредника между двумя сообществами довольно велика.

На примере исследованного района можно выделить основные виды конфликтов.

Таблица 3. Примеры конфликтов между местными и внешними агентами, а также и внутри сельского сообщества

Агент	Контрагент	Причина конфликта
Местные жители	«Городские активисты»	Разное отношение к обильному турпотоку и строительству тур. инфраструктуры
Православные христиане	Неоязычники	Борьба за символическое присвоение оз. Светлояр
Местные жители	Туристы	Разное использование культурного ландшафта оз. Светлояр, несоответствие социальных норм
Экоактивисты	Браконьеры и пр. оппортунисты	Различные паттерны природопользования на территории ООПТ
Священнослужитель 1	Священнослужитель 2	Конкуренция за паству и ее пожертвования
Фермеры	Администрация района	Неудовлетворенность балансом гос. контроля и гос. помощи

Продолжила конференцию секция *«Человеческий капитал: аграрная экономика и социальная сфера села»*, главными темами которой стали: социальные факторы развития человеческого капитала в сельской местности; удержание молодежи как основная характеристика человеческого капитала; экономические факторы в развитии человеческого капитала села; цифровизация экономики как основной мировой тренд по развитию человеческого капитала сельской местности.

Открыл заседание секции *Абазар Барари*, профессор Университета прикладных наук в сфере промышленности и сельского хозяйства (Иран), с докладом *«Роль логистики в развитии сельских районов»*. Каждый год большое количество сельскохозяйственной продукции теряется в виде отходов, нанося огромный ущерб финансовым и продовольственным ресурсам. Наиболее серьезная причина этого связана с проблемами транспортировки, упаков-

ки, хранения, переработки и распределения сельскохозяйственной продукции. Одним из предлагаемых решений для повышения производительности в цепочке поставок и снижения логистических издержек сельскохозяйственного сектора является создание сельских логистических центров¹³. В целом повышение эффективности логистики играет важную роль в улучшении экономического положения сельских жителей и обеспечении их средствами к существованию за счет создания новых рабочих мест и, как следствие, получения дохода. Кроме того, рациональная логистика способствует улучшению доступа к рынкам, развитию инфраструктуры, экономическому росту, продовольственной безопасности, развитию электронной коммерции, возможности трудоустройства, экологической устойчивости, социальной интеграции, использованию современных технологий, поддерживающей политике.

Чтобы в полной мере использовать потенциал логистики в развитии сельских районов, необходимо определить приоритетность нескольких стратегий.

Инвестиции в инфраструктуру: модернизация транспортных сетей и складских помещений необходима для эффективной логистической деятельности.

Технологическая интеграция: внедрение цифровых решений, таких как облачное управление цепочками поставок, может повысить прозрачность и эффективность логистических операций.

Государственно-частное партнерство: сотрудничество между государственными структурами и участниками частного сектора может способствовать разработке комплексных логистических решений, адаптированных к потребностям сельских районов.

Таким образом, логистика играет решающую роль в развитии сельских районов, стимулируя экономический рост, повышая производительность сельского хозяйства и улучшая качество жизни жителей сельских районов. Внедрение эффективных логистических систем позволяет сельским регионам снизить барьеры для доступа на рынки, способствуя перемещению товаров и услуг между городскими и сельскими районами.

С докладом «Создание сельских экспортных союзов для содействия экспорту сельскохозяйственной продукции» выступил Амир НикКхах, доктор наук, NikKhah Group (Иран), в котором он описал наиболее важные факторы развития экономики сельских районов стран БРИКС.

Во всех странах БРИКС сельские районы сталкиваются со схожими проблемами экспорта. Это фрагментация производителей и недостаточность инфраструктуры, отсутствие доступа к технологиям и информации, ограниченное финансирование. Политиче-

13. Кузнецова А. Р., Дегтярев А. Н. (2023). Исторические тенденции развития отрасли сельского хозяйства в Иране // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. № 3.

ским препятствием становятся торговые и нормативные барьеры, а также доступ к рынкам и возможности ведения переговоров. Распространенными оказываются затруднения логистики и связи, отсутствие устоявшихся брендов. В последнее время на первый план выходят экологические и климатические проблемы.

Потребность в сельских экспортных союзах вытекает из необходимости содействия коллективным действиям, способствующим передаче знаний и технологий, рационализации экспортных процессов, созданию инфраструктуры и логистических сетей, доступу к политической поддержке и информационно-пропагандистской деятельности, укреплению глобальных торговых связей, содействию развитию сельских районов¹⁴. Хотя сельские экспортные союзы в их с юридической точки зрения разных странах БРИКС неодинаковы, их основополагающие принципы (такие как коллективная организация, упрощение доступа на рынки и оптимизация ресурсов) нашли свое воплощение на различных платформах, ориентированных на сотрудничество и торговлю. Эти модели, уникальные для каждой страны, демонстрируют ценный опыт создания эффективных сельских экспортных союзов.

Совместный доклад *Баходиржона Садыкжановича Ганиева*, д.фил.н., профессора кафедры социологии, и *Ихтиера Бахтияровича Холматова*, магистранта кафедры социологии Ферганского государственного университета (Узбекистан), представляет собой описание качественных изменений развития спорта Республики Узбекистан в постсоветскую эпоху. Современное развитие спорта в Узбекистане можно рассматривать не только как социальный феномен, но и как стиль жизни граждан. Как в городе, так и в сельской местности спорт является важным трендом саморазвития в физической, духовной и культурной сфере. В Узбекистане создана трехступенчатая система детско-юношеского и студенческого спорта. Школьники соревнуются в состязаниях «Умид нихоллари», учащиеся академических лицеев и профессиональных колледжей участвуют в соревнованиях «Баркамол авлод», а «Универсиада» определяет лучших спортсменов среди студентов высших учебных заведений¹⁵.

Сегодня спорт можно разделить на национальный обычай, который может быть уместен на свадьбе или культурных мероприятиях, например борьба кураш. И на профессиональный спорт с участием спортсменов в Олимпийских играх. Наиболее выдающиеся результаты Узбекистан демонстрирует в боксе и тяжелой атлетике. Учитывая развитие системы поощрений за участие в спортив-

14. Синопальников Н. С. (2025). Обзор исследований и источников по проблематике российско-иранского сотрудничества в аграрно-промышленном комплексе // Вестник науки. Т. 4. № 5 (86). С. 295-307.

15. Ходжанов А. Р. (2019). Спортивное будущее в Узбекистане // Проблемы науки. № 11 (47).

ных мероприятиях международного уровня, спорт рассматривается как вертикальный социальный лифт для сельских и городских жителей. По мнению докладчика, спорт во всем мире является ключевым фактором формирования человеческого капитала, который влияет на продвижение концепции здорового образа жизни, а также развивает культурные и духовные стороны человека.

В своем выступлении *«Новые тенденции расширения экономических возможностей сельских женщин, на примере Фуркатского района, Ферганской области Республики Узбекистан»* Хурида Абдуллажоновна Юлбарсова, (PhD) д.п.н, доцент кафедры социологии Ферганского государственного университета (Узбекистан), представила результаты исследования, проведенного в рамках проекта World Bank Group совместно с Фондом социального развития Японии и правительства Республики Узбекистан. Проект был нацелен на повышение экономических возможностей наиболее уязвимых категорий сельских женщин, а именно: женщин с инвалидностью I и II групп, нуждающихся в социальной помощи, а также неотложной медицинской помощи; женщин без кормильца; женщин с ребенком с ограниченными возможностями на иждивении.

Для выявления бенефициаров помощи в сельских районах региона было проведено подомовое обследование на основе данных из «Женской тетради». Были сформированы группы женщин для дальнейшего определения потребностей улучшения их экономических возможностей. В результате сформулированы следующие категории знаний и навыков, в которых нуждались женщины: лидерство, финансовая грамотность, разработка бизнес-плана, кооперация с односельчанами¹⁶.

За время реализации проекта проведено 28 практических семинаров-тренингов по формированию знаний и навыков социальных мобилизаторов и инструкторов. Участники проекта посещали успешные предприятия региона с налаженным бизнесом. На основе полученных знаний и навыков были разработаны бизнес-планы. Для запуска собственного бизнеса среди участников проекта были созданы собственные фонды, куда женщины инвестировали свои деньги. Средства из собственных фондов женщин были направлены на предпринимательскую деятельность. На текущий момент в Фуркатском районе участники проекта успешно продолжают запущенные бизнесы.

Следующим докладчиком стал *Ахмед Мустафа*, доктор наук, Азиатский центр исследований и перевода (Египет), с выступлени-

16. Проект «Благоустроенные села Узбекистана». Рамочная модель управления экологическими и социальными охранными мерами, Министерство экономики и промышленности Республики Узбекистан. Ташкент, Узбекистан, 4 сентября 2019 г. URL: https://ewsdata.rightsindevelopment.org/files/documents/33/WB-P168233_DNEyocA.pdf (дата обращения: 28.04.2025).

ем по теме «Дилемма цифровизации сельского хозяйства в сельской местности в странах БРИКС Плюс». Цифровой разрыв — это разрыв между теми, у кого есть легкий доступ к цифровым технологиям, и теми, у кого его нет. В сельском хозяйстве это влияет на производительность, доходы и устойчивость. Основные проблемы связаны с инфраструктурой, образованием и доступностью по цене. Многие фермеры не имеют доступа к надежному интернету и цифровым инструментам, что затрудняет использование ими передовых сельскохозяйственных технологий, а следовательно, создание всеобъемлющего цифрового ландшафта в сельском хозяйстве.

В Индии программа PM-KISAN обеспечивает прямую финансовую поддержку фермерам, в то время как государственно-частные партнерства могут разрабатывать доступные цифровые решения. Программы по наращиванию потенциала и обучению необходимы для заполнения пробелов в навыках и знаниях, уделяя особое внимание цифровой грамотности и практическому применению цифровых инструментов. В Китае Министерство сельского хозяйства и по делам сельских районов приступило к реализации инициатив по обучению фермеров технологиям точного земледелия. Южная Африка создает благоприятную среду для цифрового сельского хозяйства, поэтому правительствам следует разработать комплексную политику, которая обеспечит четкую основу для инвестиций, инноваций и внедрения цифровых технологий¹⁷.

Цифровизация сельского хозяйства в странах БРИКС — сложная задача, требующая скоординированного подхода. Устранение недостатков инфраструктуры, экономических ограничений, нехватки квалифицированных кадров и решения политических вопросов поможет раскрыть потенциал цифровых технологий, повысить производительность, продовольственную безопасность и устойчивое развитие. Справедливое распределение выгод имеет решающее значение.

Продолжил секцию доклад *Рамон Фогель*, доктора наук, Центр междисциплинарных сельских исследований (Парагвай), на тему «Человеческий капитал и исход сельской молодежи в Парагвае». Численность населения, проживающего на фермах, в 2022 году составившая 291 497 хозяйств, сократилась с 2008 по 2022 год на 40%. 87% от этого сокращения числа проживающих на фермах приходится на хозяйства с площадью земли менее 20 гектаров, в основном за счет миграции в города.

Аграрная структура находится под сильным влиянием агробизнеса, движимого неолиберальным агропродовольственным режимом, который действует во всем мире, но в Парагвае есть специфические особенности, связанные с экспансией государственного агробиз-

17. Пьянкова С. Г., Митрофанова И. В., Иванова Т. Б., Ергунова О. Т. (2024). Оценка уровня цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в сельском хозяйстве стран БРИКС // Друкеровский вестник. № 6.

неса. Крупный агробизнес не только обеспечивает экономический рост, измеряемый ВВП, без учета целевого назначения получаемого дохода, но и разрушает биоразнообразие и ухудшает окружающую среду, влияя на здоровье человека. Так, в Парагвае ежегодно растет количество смертей от онкологических заболеваний, что напрямую связано с развитием крупного агробизнеса и использованием в нем пестицидов¹⁸.

Агробизнес, по мнению докладчика, отвечая требованиям глобализированных рынков, в то же время является фактором, в значительной степени определяющим эффективность крестьянской экономики и отток молодежи из сельской местности.

Таблица 4. Динамика урожайности соевых бобов на территории Парагвая с 1999 по 2024 г.¹⁹

	Площадь полей, га	Объем урожая, кг	Урожайность, кг/га
1999–2000	1 200 000	2 991 423	2,426
2003–2004	1 936 623	3 911 415	2,020
2009–2010	2 680 182	6 462 429	2,411
2013–2014	3 254 982	8 189 542	2,516
2015–2016	3 380 480	9 216 937	2,823
2019–2020	3 500 000	10 250 800	2,929
2020–2021	3 400 000	9 518 600	2,800
2021–2022	3 300 000	4 380 736	1,327
2022–2023	3 687 091	9 859 716	2,700
2023–2024	3 504 707	10 002 020	2,854

Всего пять корпораций — Syngenta, Dow, BASF, DuPont и Bayer-Monsanto — контролируют 75% рынка. Их экономическая мощь и поддержка средствами массовой информации в сочетании с их нечестными практиками в значительной степени объясняют лояльность им со стороны местных специалистов, которые и превозносят преимущества такой системы.

При анализе влияния уровня качества человеческого капитала на поведение молодых крестьян в целом и, в частности, на их ориентацию на миграцию использовалась теория человеческого капитала Амартии Сена, который считает, что наращивание производственного потенциала агентов и определение образа жизни,

18. *Fogel R.* (2024). Expansión del capital agrario en el Paraguay. Sus variantes e impactos: Expansion of agricultural capital in Paraguay. Its variants and impacts // Latam: Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales y Humanidades. № 5.

19. Данные по урожайности соевых бобов в Парагвае USDA // URL: <https://ipad.fas.usda.gov/countrysummary/Default.aspx?id=PA&crop=Soybean> (дата обращения: 15.04.2025)

который считается ценным, тесно связаны с социализацией молодых крестьян, то есть с возможностями образования, доступными информационными технологиями и т. д. Получение частного высшего образования по большей части предполагает карьеру, которая не реализуется в сельской местности.

В продолжение секции выступил *Хунио Кота Силва*, доцент и координатор Научно-исследовательского центра сельскохозяйственных наук Федерального университета Минас-Жерайс (Бразилия), с докладом *«Инновационный центр агробитехнологий: биорешения для зеленой экономики и устойчивого сельского хозяйства»*. ВВП агробизнеса Бразилии: 450 миллиардов долларов США (2023 год), что составляет 25% ВВП страны. Для разработки биорешений в рамках «зеленой экономики» и устойчивого сельского хозяйства была создана бразильская экосистема AgTechs развития инноваций (в 2018 году было зарегистрировано 338 стартапов). Объем инвестиций в 2023 году составил 220 миллионов долларов США, на долю AgTechs в Бразилии приходится 83% от общего объема в Латинской Америке. AgTech обеспечивает технологии для решения важнейших задач в сфере сельского хозяйства, например, повышения производительности, устойчивости и укрепления продовольственной безопасности.

Основные современные требования и вызовы рынка по всему миру включают в себя глобальный переход к устойчивому сельскому хозяйству и растущий спрос на биологические ресурсы и экологически чистые решения. Для ответа на эти вызовы необходимо решить ключевые задачи по биологической борьбе с вредителями; удобрения сельскохозяйственных культур; сохранения продуктов питания после сбора урожая; создания биоэкономики замкнутого цикла; адаптации к изменению климата; продовольственной безопасности; функционирования устойчивых продовольственных систем²⁰. Для этого AgTechs разрабатывает следующие инновационные сельскохозяйственные технологии. В области биологических препаратов: исследования и скрининг: микроорганизмы, биологическая активность, рецептура; производство и масштабирование: оптимизация процессов, контроль качества; валидация и применение: полевые испытания, эффективность (плодоводство, цветоводство, производство биотоплива, лесное хозяйство).

В области биоразнообразия для производства продуктов питания и здоровья: устойчивая экстрактивность: фрукты и растения биома Серрадо, традиционные знания; новые продукты: функциональные продукты питания, нутрицевтики, ингредиенты, анализ,

20. *Pena Júnior D. S., Almeida C. A., Santos M. C. F., Fonseca P. H. V., Menezes E. V., Farias de Melo Júnior A., Brandão M. M., de Oliveira D. A., de Souza L. F., Cota Silva J., de Royo V. A.* (2022). Antioxidant activities of some monofloral honey types produced across Minas Gerais (Brazil) // PLOS One. Vol. 17. № 1.

тестирование; устойчивое производство продуктов питания: фруктовые деревья, травы и бобовые, применение биопрепаратов.

В области смягчения последствий изменения климата: воздействие на окружающую среду: выбросы парниковых газов, связывание углерода, углеродный след; адаптация и устойчивость: устойчивость к засухе, устойчивое управление, выбор биологических препаратов; экономика замкнутого цикла: использование побочных продуктов, интегрированные производственные системы.

В области управления инновациями и передачи технологий: интеллектуальная собственность, академическое предпринимательство, распространение и разработка инструментов на базе искусственного интеллекта для сельского хозяйства.

Завершила работу секции *Соня Мария Карвальо Рибейро*, профессор Департамента картографии Федерального университета Минас-Жерайс (Бразилия). В своем докладе она представила результаты работы с моделями больших данных для изучения рынка продуктов и товаров социобиологического разнообразия. Поскольку экологическая повестка и необходимость экономического роста требуют обращения к самым неожиданным или порой «устаревшим» сферам производства, то сегодня наблюдается тренд на возвращение к традиционным продуктам.

Биологическое и социокультурное разнообразие тесно связаны между собой, а традиции и культура влияют на практики потребления. Одна из таких практик — использование в питании, медицине, рекреации, легкой и химических промышленности диких растений. На данный момент в мире насчитывается около 5000 произведенных на их основе товаров. Тем не менее не всегда понятно, будет ли спрос на такую продукцию на рынке, поэтому перед производителями стоят две задачи: продвижение продукции из диких растений на рынках за пределами ареала их произрастания и мониторинг появления новых образцов.

Ученые из бразильского Аграрного университета разрабатывают и используют модели больших данных для мониторинга урожайности, экологичности, востребованности и возможностей сбыта подобной продукции. В первую очередь собирается информация об ареале произрастания, климате, сообществах, которые производят или потребляют продукцию, промышленных производителей, заинтересованных в сырье. Модели также облегчают задачу по описанию цикла от сбора до потребления, способствуя прохождению сертификационных процедур²¹.

Поскольку цены на подобные продукты в Бразилии невысоки, следует собирать информацию о возможности увеличения добавоч-

21. Méndez Quintero J. D., Fonseca C., Nero M., Lobo C., Carvalho R., Sônia M. (2023). Quantifying land use change dynamics in agrotourism destinations: A case study from Venda Nova Do Imigrante, Brazil // *Geography Environment Sustainability*. № 16. P. 121-131.

ной стоимости, а также экономической выгоды от использования данного сырья. Соответственно, для обеспечения экономической выгоды важно аккумулировать информацию о государственном субсидировании производства, использования или потребления данной продукции или сырья. На сегодняшний день нет моделей, которые бы позволяли принимать безошибочные решения, тем не менее, если продолжать собирать информацию и обучать модели, можно надеяться, что подобные задачи станут повседневными.

Третья секция *«Человеческий капитал в контексте глобального потепления: российско-бразильский диалог»* объединила ученых из России и Бразилии по следующим основным темам: влияние изменений климата на агробизнес и агропроизводство в России и Бразилии; изучение факторов влияния климатической повестки на региональное развитие сельских территорий России, Бразилии и мира; причины продовольственной нестабильности.

Открыл заседание секции *Дмитрий Александрович Ползиков*, к.э.н., с.н.с., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия). В своем докладе *«Влияние изменений климата на зерновое хозяйство и развитие сельских территорий в России»* он описал основные направления влияния глобального изменения климата на сельское хозяйство России и обозначил основные сценарии адаптации российского сельского хозяйства к этим изменениям. Эти основные направления были разделены им на четыре группы²².

Погодные условия и краткосрочные и долгосрочные изменения урожайности сельскохозяйственных культур:

- прямое влияние долгосрочных изменений температуры и влажности в течение вегетационного периода на урожайность сельскохозяйственных культур;
- увеличение частоты и интенсивности опасных природных явлений;
- влияние изменения климата на сроки проведения агротехнических мероприятий и изменение нагрузки на сельскохозяйственную технику;
- влияние изменения климата на распространение вредителей и болезней растений.
- Структурная и техническая адаптация сельскохозяйственного производства к изменению климата:
- изменения в структуре посевов и перенос производства растениеводческой продукции в районы с более умеренным климатом;
- внедрение адаптивных сельскохозяйственных технологий.

Политика смягчения последствий изменения климата и изменения внутренних цен на сельскохозяйственные ресурсы и продукцию.

22. Порфирьев Б. Н., Колпаков А. Ю., Елисеев Д. О. и др. (2025). Экономические эффекты изменения климата в России // Проблемы прогнозирования. № 2(209). С. 20-36.

Связанные с климатом изменения цен на мировых сельскохозяйственных рынках.

До 2050–2059 годов прогнозируется увеличение средней температуры по всей России. Это приведет к более интенсивному потеплению в течение вегетационного периода в российских макрорегионах с развитым сельским хозяйством, к смягчению зимних погодных условий по всей России, особенно в Западной Сибири и на Урале, к потеплению и ухудшению летних погодных условий, особенно на юге Европейской части и в Сибири, а также к усилению экстремальных климатических явлений в основных сельскохозяйственных макрорегионах России. Ожидаемые долгосрочные негативные климатические изменения на юге Европейской части России будут смягчены за счет использования ирригации, адаптивных агротехнологий, засухоустойчивых и жаростойких сортов и культур, минеральных удобрений. В регионах с умеренным климатом производство зерна увеличится не только из-за изменения климата, но и из-за исчерпания ресурсного потенциала для роста производства зерна на юге Европейской части России, а также развития логистики в центральном и восточном макрорегионах.

В адаптационном сценарии докладчик отметил два механизма влияния на развитие сельских территорий в России. Первый — это повышение капиталоемкости и производительности труда в растениеводстве. Второй механизм заключается в том, что колебания производства зерна могут привести к снижению финансовой устойчивости растениеводства из-за неурожая или кризисов перепроизводства.

Далее с докладом выступил *Маркос Казмиерчак*, независимый консультант из Федерального университета Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия). В своем выступлении «*Влияние климатических изменений на агробизнес*» он представил результаты исследования влияния изменений климата на агробизнес. Результатом стали два сценария развития климатических изменений. Сценарии RCP 4.5 и 8.5 указывают на повышение среднегодовых максимальных температур, особенно в классах высокого и очень высокого риска. Последствия состоят в том, что происходит увеличение частоты и интенсивности периодов сильной жары, оказывающих воздействие на здоровье людей, сельское хозяйство и инфраструктуру; увеличение частоты экстремальных погодных явлений, таких как засухи и лесные пожары; изменения в экосистемах, которые могут привести к утрате биоразнообразия²³.

23. Basso M. F., Neves M. F., Grossi-de-Sa M. F. (2024). Agriculture evolution, sustainability and trends, focusing on Brazilian agribusiness: A review // *Frontiers in Sustainable Food Systems*. № 7. P. 296–337.

Таблица 5. Сравнение сценариев исторического, RCP 4.5, RCP 8.5 для определения среднегодовых максимальных температур в регионе Матопиба²⁴

Сценарий	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднеквадратическое отклонение
Исторический (1961–1990)	26,0	32,4	30,3	1,2	3,94%
RCP 4.5 (2011–2040)	27,4	34,4	31,7	1,1	3,59%
RCP 8.5 (2011–2040)	27,6	34,8	32,1	1,2	3,65%

И. Е. Полещук
Человеческий капитал в сельском развитии: БРИКС и мир

Также сценарии RCP 4.5 и 8.5 указывают на резкое увеличение числа очень жарких дней, причем в будущих сценариях, особенно в RCP 8.5, почти все дни будут классифицированы как очень жаркие.

Таблица 6. Сравнение сценариев исторического, RCP 4.5, RCP 8.5 для количества очень жарких дней в регионе Матопиба²⁵

Сценарий	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднеквадратическое отклонение
Исторический (1961–1990)	38,5 дня	39,6 дня	39,1 дня	0,2 дня	0,40%
RCP 4.5 (2011–2040)	101,2 дня	189,5 дня	131,4 дня	13,9 дня	10,62%
RCP 8.5 (2011–2040)	122,9 дня	209,4 дня	157,2 дня	17,1 дня	10,91%

Изменение климата может привести к значительному повышению среднегодовых максимальных температур в бразильском регионе Матопиба. Анализ предсказывает тревожный прогноз будущего, в котором число очень жарких дней будет возрастать в геометрической прогрессии. Эта тенденция может иметь серьезные последствия для общества и окружающей среды. Экстремальные явления значительно увеличивают климатический риск для производства продуктов питания, а также делают производства уязвимыми, все это выльется в серьезные социально-экономиче-

24. *Aparecido L. E., Dutra A., Lorençone P., De Alcântara Neto F., Lorençone J., Leite M.* (2023). Climate change in MATOPIBA region of Brazil: A study on climate extremes in agriculture // Theoretical and Applied Climatology.

25. Там же.

ские последствия. Возможные конкретные последствия для региона Матопиба — это снижение продуктивности, деградация почв, рост числа вредителей и болезней, развитие конфликтов из-за водных ресурсов и невозможность получения второго урожая в том же году.

Предлагаемые меры по смягчению последствий: уделить внимание существенному повышению климатических рисков, адаптировать методы ведения сельского хозяйства, организовать работу по сохранению почв и водных ресурсов, усилить диверсификацию производства, активизация научных исследований и развитие сельских районов.

Продолжил работу секции *Алексей Станиславович Наумов*, зав. кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран, к.геогр.н., географический факультет МГУ (Россия). В его докладе *«Климатическая повестка в региональном развитии сельских территорий России и зарубежных стран»* представлен анализ глобального влияния климата на крупные и мелкие (специализированные) сельскохозяйственные территории в мире и России.

Крупные сельскохозяйственные регионы (коммерческие, промышленные) обычно сосредоточены на производстве зерновых, масличных, сахарных, волокнистых культур, фруктов и т. д., в них производится основной объем продовольствия и сельскохозяйственного сырья, и развиваются они в схожих природных условиях. Специализация сложилась в индустриальный период, поэтому изменения зависят от спроса на новые продукты (например, биотопливо). Здесь используется преимущественно машинная вспашка и уборка урожая, а также наемный труд. Их экономика устойчива в случае государственных субсидий, контроля над перепроизводством²⁶.

26. *Наумов А. С.* (2024). Пространственно-дифференцированный подход к разработке сценариев развития сельских территорий в России с учетом зарубежного опыта // Комплексное развитие сельских территорий в местах добычи природных ресурсов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Десятилетию науки и технологий в Российской Федерации, Году семьи в Российской Федерации, 80-летию Алтайского района Республики Хакасия, Абакан, 5–6 июля 2024 года. Абакан: Хакаский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. С. 64–68.

Таблица 7. Глобальная концентрация сельскохозяйственного производства: доля ведущих стран в мировом производстве, %, и количество регионов, производящих >1% мирового урожая²⁷

Растение	Топ-5 стран, %	Топ-10 стран, %	Топ-20 стран, %	Количество специализирующихся регионов
Пшеница	53	71	86	22
Рис	70	85	94	21
Кукуруза	68	79	87	22
Соя	88	96	99	9
Рапс	71	87	96	7
Подсолнечник	63	81	95	11
Олива	72	91	98	8
Масличная пальма	91	95	99	9
Картофель	56	67	80	17
Сахарный тростник	74	83	92	19
Сахарная свекла	58	79	93	12
Хлопок	76	89	95	23
Лен	84	99	100	6
Чай	75	90	98	13
Кофе	65	81	92	18
Какао	82	94	98	5
Яблоки	64	75	87	16
Апельсины	61	76	90	17
Бананы	57	74	88	18
Кокосы	82	90	96	15
Виноград	49	70	87	17
Финики	67	90	99	5

В небольших сельскохозяйственных регионах (крестьянских районах, непромышленных регионах) производство обычно сосредоточено на выращивании овощей, фруктов, сыра, вина и т. д. Они обладают уникальными физико-географическими условиями, контрастирующими с близлежащей территорией, а природное плодородие гарантирует высокие урожаи. Сельское хозяйство в них основано на трудоемких технологиях с преобладанием мелких семейных фермерских хозяйств, экономика устойчива из-за постоянного демографического давления на землю, перенаселения, контролируемого миграцией. Их специализация определяется спросом на близ-

27. The State of Food and Agriculture (2015). Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO).

лежащем потребительском рынке, а производство поддерживается благодаря известности местных брендов и высокой квалификации местных производителей.

Последствия изменения климата и географии осадков ведут к опустыниванию, саванизации, с одной стороны, и к арктическому дрейфу сельскохозяйственных культур под открытым небом — с другой.

В качестве примера докладчик представил SWOT-анализ Ханты-Мансийского округа России, в котором климатические изменения привели как к положительным, так и отрицательным последствиям для развития этих территорий. С одной стороны, потепление климата влияет на расширение агроклиматической ниши, что позволит расширить производственные возможности, но в то же время оно учащает стихийные бедствия, таяние вечной мерзлоты и заболачивание почв.

Марилиа Луиз Давид, профессор, Федеральный университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия), представила результаты работы группы бразильских ученых по теме «*Политика в области климатической маркировки для цепочки поставок мяса в Бразилии*». В 2021 году на продовольственные системы Бразилии приходилось 73,7% от общего объема выбросов парниковых газов в стране, в том числе на производство говядины 77,6%, и 57% от общего объема выбросов парниковых газов в Бразилии. 70% выбросов, связанных с производством мяса, связаны с изменениями в землепользовании и лесном хозяйстве²⁸.

Исследование затрагивало возможности разработки маркировки для сельскохозяйственного сектора Бразилии, связанной с изменением климата. В первую очередь изучались проблемы, возникающие при измерении углеродного следа при производстве мяса в Бразилии (например, затраты, необходимость привлечения производителей, точность информации и т. д.). Команда столкнулась с чрезмерным изобилием методологий и отсутствием стандартизации как таковой. Помимо всего прочего, научные и технические дискуссии имели и политические последствия.

Исследование было связано с растущим спросом на отслеживание в Бразилии на национальном уровне предотвращения попадания на рынок мяса, связанного с экологическими преступлениями. Как показали результаты, бразильские потребители не связывают производство мяса с изменением климата, цена остается ключевым фактором при принятии решений о покупке.

В Бразилии внедрение климатической политики в практику финансирования и налоговую политику в секторе производства мяса все еще находится на начальном этапе, а в банковском регулиро-

28. *Попова И. М.* (2023). Основные направления и инструменты политики низкоуглеродного развития Бразилии // Вестник международных организаций. Т. 18. № 4. С. 34–61

вании отсутствуют обязательные меры контроля после одобрения кредитов. Командой ученых было предложено ввести климатическую маркировку мяса как способа привлечения и информирования потребителей, формирования общественного спроса на данные о происхождении мяса, помощи в выделении добросовестных производителей продуктов, а также для открытия новых рынков для бразильского мяса. Для этого необходимо разработать и утвердить официальные стандарты и законодательную базу для измерения выбросов и обоснования требований к продуктам.

С российской стороны выступили *Ирина Владимировна Троцук*, д.социол.н., профессор РУДН, и *Александр Михайлович Никулин*, директор Центра аграрных исследований Президентской академии, с докладом «*Основные причины продовольственной нестабильности в России: последствия изменения климата*». Рост производства продовольствия сделал Россию в целом продовольственно независимой и самодостаточной в производстве зерна (его импорт снижался с 2000 года по мере роста внутреннего потребления); в производстве свинины и птицы (хотя уровни потребления различаются в зависимости от региона, дохода и местного спроса). Сегодня Россия, возможно, более продовольственно обеспечена, чем когда-либо в постсоветский период²⁹.

Таблица 8. Индекс физического объема валовой сельскохозяйственной продукции (в % к предыдущему году)³⁰

Год	Индекс физического объема валовой сельскохозяйственной продукции, %
2013	105,1
2014	104,1
2015	102,1
2016	104,8
2017	102,9
2018	99,8
2019	104,3
2020	101,3
2021	99,1

Основными факторами продовольственной небезопасности являются: высокая корреляция между продовольственной безопас-

29. Шагайда Н. И., Узун В. Я., Троцук И. В., Шишкина Е. А., Потапова А. А. (2024). Состояние продовольственной безопасности России в условиях пандемии. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4799078/ (дата обращения: 25.04.2025)

30. Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года (2022). Статистический сборник. М.: ИИЦ «Статистика России».

ностью и бедностью; изменение климата, эрозии почвы, падение уровня грунтовых вод, засухи и наводнения. Рост населения мира в странах с низким уровнем дохода свидетельствует о глобальной продовольственной небезопасности, в то же время ситуация в России противоположная: сокращение населения и снижение качества человеческого капитала в сельских районах увеличивают потребность в механизации и автоматизации для поддержания производительности сельского хозяйства. Россия испытывает нагрузку на свою систему распределения продовольствия из-за размеров страны и больших расстояний, которые продовольствие должно преодолевать от мест его выращивания до районов с низким или нулевым сельскохозяйственным производством.

Усиливаются климатические угрозы российскому сельскому хозяйству. Южные регионы России становятся более сухими и жаркими, из-за этого производство зерна может сместиться из традиционных сельскохозяйственных регионов на юге в нечерноземные регионы на севере, где уровни производства и производительности ниже. Страна может потерять до 30% своего урожая к 2040 году, поскольку за последние 44 года температура воздуха в России росла в 2,8 раза быстрее, чем в среднем по миру. Такие риски увеличивают потребности в орошении, особенно на юге; из-за недостаточного количества осадков на данный момент орошение уже играет ключевую роль в производстве сельскохозяйственных культур в некоторых регионах.

Несколько ведущих сельскохозяйственных регионов подвержены водной эрозии из-за увеличения количества стихийных бедствий, а особенно наводнений. В центральной части России 34% пахотных земель и 51% пастбищ уязвимы для водной эрозии, на юге России две трети всех сельскохозяйственных земель — для водной эрозии и дефляции. Так, в 2024 году Оренбургская область, Алтайский край и Чувашская Республика объявляли чрезвычайное положение из-за наводнения.

Последствия изменения климата, вероятно, усилятся и приведут к дальнейшей модернизации в продовольственной системе России, что в краткосрочной перспективе означает угрозу продовольственной безопасности. Государство сохраняет свою ключевую роль в регулировании продовольственной системы, в первую очередь из-за того, что рассматривает продовольственную безопасность как фактор национальной безопасности, но, по-видимому, игнорирует проблемы глобальных антропогенных изменений и экологических/климатических изменений для российского агропромышленного сектора.

Завершил работу секции *Эрик Сабурин*, профессор Федерального университета Бразилиа (Бразилия), выступлением по теме «*Изменения в агроэкологических продовольственных системах*».

Существует много критиков глобализации: экологические движения, академические круги, секторы ГИЕС и ФАО, веганские

и зоозащитные движения, лоббисты промышленного животноводства, транснациональные корпорации и стартапы по производству клеточного мяса и т. д. В центре их внимания — единые правила оценки выбросов парниковых газов для всех типов систем производства мяса. В глобальных стандартах расчет ведется по количеству животных, а не по количеству продукта, по производственной системе или биому. Все это не учитывает контекст и характер производственной системы, например, компенсации за выпас³¹. Современное промышленное животноводство было бы более эффективным и легитимным за счет использования технологий нулевых пастбищ и почвы, в то время как неэффективное семейное животноводство выбрасывает больше из-за большого количества голов (Индия, Китай, Африка, пампасы).

Доля продуктов животного происхождения в выбросах парниковых газов составляет 12%, но эта глобальная оценка скрывает региональные различия, в первую очередь не учитываются выбросы метана по животному типу производства. В то время как европейская корова с 30 литрами молока в день выделяет меньше метана в расчете на метан на литр, сахельская корова с тремя литрами молока в день выделяет больше.

Тем не менее при использовании территориального метода видно, что 50% обрабатываемых земель мира используется для производства зерна и кормов для интенсивного животноводства, занимая место сельскохозяйственных культур, производящих в 2–50 раз больше растительного белка. Вместо этого экстенсивное животноводство не конкурирует с производством продуктов питания на основе растений. В мире насчитывается 35 млн км² пастбищ (обрабатываемые территории составляют 15 млн км²), которые занимают маргинальные земли (экстремальный климат, пустыни, горы...), не подходящие для возделывания. Экстенсивное животноводство может быть углеродно-нейтральной системой производства продуктов питания: с сохранением пастбищ и окружающей среды, органическим удобрением и естественной транспортировкой семян.

Экстенсивное животноводство производит пищевую биомассу, которая не может быть использована людьми и создается на необрабатываемых почвах. Эта биомасса преобразуется в мясо, молоко и другие продукты. Это вносит вклад в местную экономику, снижает риск пожаров и создает экологические преимущества. Экстенсивное животноводство не является причиной увеличения выбросов парниковых газов в атмосферу, но оно сталкивается с серьезными проблемами и вынуждено улучшить свои производственные и мар-

31. *Milhorance C., Lazarotto de Andrade M., Le Coq J.-Fr., Sabourin E.* (2024). Democratic public action during times of backsliding: Examining the resilience of Brazil's // Food and Water Policies.

кетинговые модели, независимо от процессов дифференциации и масштабов³².

Секция конференции «*Человечески капитал в сельском развитии: Россия и Китай*» стала местом обсуждения следующих тем:

- Влияние образовательных учреждений на человеческий капитал в сельской местности.
- Влияние лидерских качеств участников агропроизводств на развитие человеческого капитала в сельской местности.
- Кооперация мелких форм агропроизводства как фактор развития человеческого капитала в сельской местности.
- Влияние цифровизации сельской местности на развитие человеческого капитала.

Открыл работу секции доклад *Анны Васильевны Турчик*, к.соц.н., проректора по международным связям Московской высшей школы социальных и экономических наук (Россия), «*Школа как сердцевина сообщества: принципы самоорганизации в рамках семейных школ*». Ею были представлены результаты исследований местных семейных школ трех сообществ экопоселений «Ясная слобода», «Добрая Земля», «Орион», чье существование основано на трех принципах: сакральность, детскость (ориентация на детей) и связь с природой³³. Святость (сакральность) — это чаще всего не внешние атрибуты, а внутренняя готовность взрослых и детей к подлинному, искреннему взаимодействию, к «выращиванию» смыслов через сосуществование, совместное переживание и совместные действия. Если кратко резюмировать ее интервью с экспертами — это определенная аутентичность, в отличие от чего-то «искусственного», «изобретенного», «профанирующего», «имитирующего». Основные качества, формирующие сакральность: естественное происхождение, преемственность поколений, личностная трансформация, взаимоуважение, открытость переменам, индивидуальность против коллективного.

В ходе исследования феномена «детскости» в образовательной среде было выявлено существенное противоречие. С одной стороны, образовательные учреждения стремятся установить соответствие между возрастом учащихся и содержанием образовательного процесса. С другой стороны, по мнению большинства экспертов, школы часто принижают значимость детства как самоценного этапа развития личности, стремясь адаптировать ребенка к социально одобряемым форматам поведения. Эксперты особенно критично относят-

32. Niederle P., Tonin J., Schneider E., Schneider S., Sabourin E. (2024). Grassroots initiatives of digital food markets in southern Brazil: The barred window of opportunity for institutional changes opened by the pandemic // *Revista de Economia e Sociologia Rural*.

33. Меликая А. Р., Пронькина И. Л. (2022). Феномен «школьного сообщества»: границы, возможности, траектория развития // *Образовательная политика*. № 4 (92).

ся к традиционной государственной школе, которая, по их мнению, препятствует полноценному переживанию периода детства, заменяя его необходимостью интеграции в формализованную систему.

Изучая связь с природой, школа выходит за рамки классной комнаты. Особенно в Вальдорфском экоселении: принципы географии действуют на всей территории сообщества. Природа воспринимается как живой, постоянно меняющийся организм и противопоставляется «застойной», «мертвой», статичной и в значительной степени искусственной школьной среде. В отличие от «застывшего порядка», который кем-то организован, живой порядок живого организма позволяет увидеть естественные, органичные процессы, включая естественные геометрические формы, которые не всегда идеальны или симметричны.

Представитель Китая Ли Чжоу, профессор факультета сельского хозяйства и развития села Китайского университета Жэньминь (Китай), представила доклад *«Формирование команды сельских талантов в рамках программы “Зеленое возрождение сельских районов” в провинции Чжэцзян, Китай»*. С середины 2023 года центральное правительство Китая запустило новую кампанию «Изучение и применение опыта проекта Цянь-Ван (зеленое возрождение сельских районов)». Эта кампания не только придает новый импульс стратегии возрождения сельских районов на местном уровне, но и рекомендует местным органам власти изучить опыт провинции Чжэцзян³⁴.

В деревнях часто есть выдающиеся представители деревенской элиты, которые руководят долгосрочным развитием деревни, поэтому исследователи предложили свою точку зрения на механизм влияния капиталовложений сельской элиты на возрождение сельских районов. Как движение «Новая деревня» в Южной Корее, так и движение машиностроителей в Японии демонстрируют, что сельские элиты играют важную роль в объединении жителей деревни внутри и за ее пределами в процессе развития деревни.

«Теория межпоколений» указывает на то, что большинство представителей сельских элит сегодня являются потомками элит предыдущего, и обладают очевидными характеристиками наследования от поколения к поколению, в то время как «теория поглощения» считает, что новая группа сельских элит часто поднимается снизу, нарушая принцип наследственности статуса. Чтобы улучшить положение уязвимых групп, необходимо расширить возможности их членов и устранить препятствия путем расширения прав. Другими словами, воспроизводство элиты может быть достигнуто путем расширения прав и возможностей всех.

34. Программе «Возрождение сельских районов» в 2023 году исполнилось 20 лет // URL: <https://bigasia.ru/programme-vozrozhdenie-selskih-rajonov-v-2023-godu-ispolnilos-20-let/> (дата обращения: 19.04.2025)

Эволюция программы возрождения «зеленых» сельских районов включает в себя три этапа. На первом этапе (2003–2007) должно пройти восстановление окружающей среды и возвращение руководящих элит. На втором этапе (2008–2016) — развитие сельской общины и коллективных действий. Третий этап (2017 — настоящее время) — возрождение сельского бизнеса, чтобы общественное достояние пробудило сознание сельских жителей.

С докладом «Участие мелких и средних фермеров в местных фермерских рынках в России» выступил Александр Александрович Куракин, к.соц.н., старший научный сотрудник Лаборатории исследований экономической социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия).

На сегодняшний день домохозяйства производят овощи и зелень, корпоративные фермеры — основные экспортные культуры (зерно, подсолнечник). Конкуренция происходит между корпоративными фермерами и крестьянскими фермами в зерновых, корпоративными фермерами и домохозяйствами — по мясу и молоку. Корпоративные фермеры доминируют на Юге, в центральных регионах Черноземья и вокруг крупных городов, мелкие фермеры — в непривлекательных регионах (восток, север, центральные нечерноземные регионы), национальные республики.

Таблица 9. Дифференциация корпоративных фермеров в Российской Федерации по количеству земель в пользовании³⁵

Корпоративные фермеры (группы по тыс. га.)	Количество	% от общего количества	% от занимаемых земель
4–6	1 869	6	11,8
6–10	1 739	5,6	17,2
10–40	1 863	6	41,4
Больше 40	87	0,3	6,3

Таблица 10. Дифференциация личных подсобных хозяйств в Российской Федерации по количеству земель в пользовании³⁶

ЛПХ (группы по тыс. га.)	Количество	% от общего количества	% от занимаемых земель
0,2–0,5	17 147	14,5	13,5
0,5–1,5	13 934	11,8	29,2
1,–3	4 091	3,5	20,4
3–4	911	0,8	7,5

35. Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года (2022). Статистический сборник. М.: ИИЦ «Статистика России».

36. Там же.

Местные фермерские рынки пытаются формировать альтернативную продовольственную систему, где главными факторами становятся местная кухня, настоящий вкус, экологически чистые продукты, ответственное и устойчивое сельское хозяйство, экономическая выгода для мелких фермеров. В свою очередь, такое мелкое производство способствует выстраиванию взаимоотношений между производителями и сообществом потребителей. Иными словами, фермерский рынок — это новая городская площадь, где собираются люди³⁷.

Основные тенденции развития местных фермерских рынков в России: оживление торговли продуктами питания, от «диких» рынков к «цивилизованным» магазинам и фудкортам, интерес потребителей и цифровизация, растущий интерес к «зеленым» продуктам. По оценкам некоторых экспертов, в 2025 году до 1/3 продукции будет продаваться на цифровых торговых площадках. Также наблюдается рост влияния государства на продвижение фермерских рынков.

Исследовательские вопросы, которые ставятся сегодня в этой области:

- Есть ли какие-либо свидетельства того, что фермеры сотрудничают и/или кооперируются посредством участия в местных фермерских рынках?
- Российские фермеры, занимающиеся коммерческой деятельностью, имеют репутацию в высшей степени индивидуалистичных субъектов. Создает ли их участие в фермерских рынках социальную среду, выходящую за рамки индивидуальных действий?
- Создают ли местные рынки или общественные мероприятия какую-либо сплоченность между фермерами и/или местными сообществами?

Продолжил работу секции *Кунь Сан*, доцент факультета гуманитарных наук и исследований развития Китайского аграрного университета (Китай), с докладом «*Партнерство между семьями: социальная основа механизации в хозяйствах мелких фермеров (на основе опыта кооперирования молодых фермеров в сфере пользования сельскохозяйственной техникой в деревне на Севере Китая)*». Успех партнерства между молодыми фермерами-механизаторами, помимо преимуществ в технологии, физическом состоянии и возрасте, заключается, что еще более важно, в практическом сотрудничестве между их семьями. Сельскохозяйственная и промышленная структуры жизнеобеспечения в семьях дополняют друг друга, в частности, это способ управления отношениями и управленческим менталитетом, которые формируются в семье³⁸. Именно

37. Куракин А. А. (2023). Потребительская кооперация на селе: причины неудач // Крестьяноведение. Т. 8. № 1. С. 164–170.

38. Козырская И. Е., Бао Сяолун (2022). Сельское хозяйство Китая: краткая характеристика современного состояния // Российско-китайские исследования. № 2.

благодаря «налаживанию партнерских отношений с семьями» эти молодые операторы сельскохозяйственной техники могут наладить взаимодополняющее сотрудничество между сельским хозяйством и промышленностью с использованием других средств к существованию в условиях ограниченного рабочего дня и экономического дохода, а также обеспечить надлежащее положение услуг по эксплуатации сельскохозяйственной техники в структуре средств к существованию семьи.

Молодые фермеры — это будущее сельского хозяйства и сельских районов. Вместо ориентации на традиционное производство, они могут также использовать свои возрастные и технологические преимущества в выращивании продовольственных культур, стать поставщиками социальных сельскохозяйственных услуг и найти средства к существованию благодаря взаимодополняемости сельского хозяйства и промышленности в семье, тем самым укореняясь на родной почве.

Органическая связь между мелкими фермерами и современным сельским хозяйством всегда была сложной проблемой в условиях «Большой страны с мелкими фермерами». Партнерство по производству сельскохозяйственной техники в деревне Цзянь демонстрирует, что благодаря ему мелкие фермеры при внедрении соответствующих технологий и их масштабирования, скорее всего, сосредоточатся на опыте и технологиях ведения сельского хозяйства, придерживаясь определенного образа жизни, но смогут наладить производственное сотрудничество с кооперативами и семейными фермами, стать лидерами в области технологий и механизации сельского хозяйства и способствовать дальнейшему преобразованию сельского хозяйства.

С докладом «*Цифровизация сельского хозяйства в России: региональные и отраслевые особенности*» выступил *Илья Константинович Полещук*, аспирант, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований, Президентская академия (Россия).

Общий уровень цифровизации агропромышленного комплекса составляет около 30%, по данным Министерства сельского хозяйства, к августу 2024 года только 25–30% малых и средних сельскохозяйственных предприятий внедрили цифровые технологии. Более 60% крупных агрохолдингов и средних фермерских хозяйств уже используют такие технологии, ключевыми направлениями цифровизации агропромышленного комплекса России являются растениеводство и точечное земледелие³⁹. Цифровизация охватывает и другие сегменты агробизнеса, включая логистику и продажи продукции. Так, 55% сельхозпроизводителей используют цифровые платформы для продажи своей продукции, а 47% — для управления логистикой, что помогает снизить издержки на 8–12%. В то же

39. Александрова Р., Субаева А. К., Чутчева Ю. В. (2024). Цифровизация сельского хозяйства: тенденции и перспективы развития // ЕГИ. № 2 (52).

время малые и средние фермерские хозяйства сталкиваются с серьезными препятствиями при внедрении цифровых технологий — основным барьером оказывается нехватка финансовых ресурсов и квалифицированных специалистов.

Современные агрохолдинги инвестируют в первую очередь в такие решения, как цифровые поля, автоматическое планирование севооборота, цифровая сельскохозяйственная разведка для выявления проблемных зон, управление животноводством и оптимизация сроков реализации продукции.

Наиболее важные направления развития цифровизации российского агропромышленного комплекса в целом — это интернет вещей (IoT), искусственный интеллект, роботизация, геоаналитика. По прогнозам аналитиков, рынок цифровых технологий в агропромышленном комплексе будет расти в среднем на 13% ежегодно до 2035 года и достигнет 8,5 млрд долларов.

Завершила работу секции *Лися Тан*, профессор факультета гуманитарных наук и исследований развития Китайского аграрного университета (Китай), с докладом «*Сельское СЕО в Китае: мост, соединяющий сельскую местность и город*». Сельские СЕО — это лица, нанятые сельскими коллективными экономическими организациями для управления коллективными активами сельских общин. Ключевыми функциями сельского генерального директора являются: поддержание и повышение ценности активов сельских коллективов и укрепление сельской коллективной экономики. А также зарабатывание денег для деревни. Основными причинами, почему СЕО возвращаются из городов в сельскую местность, становятся высокая заработная плата и эффективность работы, политическое продвижение в карьере, обучение, а также социальная репутация. Отдельно можно отметить индивидуальные и моральные интересы и ценности, поиск новых возможностей для бизнеса. Некоторые возвращаются в родные места.

В рамках своей работы в сельской местности эти специалисты для повышения добавленной стоимости сельскохозяйственной продукции, разработки брендинга и контроля качества, электронной коммерции, переработки и упаковки, передачи новых технологий продвигают современные методы предпринимательства и производства. Основными сферами деятельности становятся: отели и питание, естественное образование, индустрия здоровья, загородный туризм, коммерциализация традиционной культуры, нематериальное культурное наследие, традиционные фестивали, традиционный образ жизни, традиционные виды спорта и развлечения.

СЕО являются мостом, соединяющим сельскую местность и город. Они создают добавленную стоимость сельскохозяйственного производства, развивают многофункциональность сельской местности: от жилых районов до смешанных пространств, определяют новую парадигму трансформации сельских районов.

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

Участники конференции высоко оценили научно-методический уровень и организацию, а также высказали пожелание о ежегодной периодичности ее проведения в связи с чрезвычайной актуальностью проблемы развития человеческого капитала во многих сельских регионах мира. По результатам конференции достигнуты договоренности о расширении направлений научного сотрудничества российских ученых с коллегами из Китая, Индии, Бразилии, Узбекистана и Парагвая.

Human capital in rural development: BRICS and the world

Ilya K. Poleshchuk, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

Вместе — мы сильнее!

Н. А. Кадашова

*Наталья Александровна Кадашова, руководитель представительства Архангельской области в Санкт-Петербурге, член экспертной комиссии по стратегии развития общественного самоуправления и местных сообществ ОАТОС, Санкт-Петербург, Финляндский проспект, 4, офис 712
E-mail: arhobl@yandex.ru*

EDN: FMLWKW

В Архангельской области самой успешной гражданской практикой участия населения в местном самоуправлении является территориальное общественное самоуправление (ТОС). Активная жизненная позиция и огромное желание людей улучшить свою малую родину — важные составляющие успеха тосовского движения. С помощью органов ТОС жители самостоятельно решают небольшие, но важные вопросы обустройства своего места проживания, досуга детей, сохранения культуры и истории, многие другие задачи.

Архангельская область имеет уникальный опыт по развитию территориального общественного самоуправления, прежде всего в сельской местности. Как показывает практика, ТОСы жизнеспособны там, где высок уровень поддержки инициатив муниципальной и государственной властью.

История территориального общественного самоуправления в Архангельской области насчитывает уже более 25 лет. Стартовой точкой стал непростой 1998 год, когда для активизации и организации населения небольшой северной деревни впервые была выбрана форма ТОС. Работа первых органов ТОС была отмечена и оценена на региональном уровне. В 2001 году состоялся первый конкурс «Сельское развитие» для поддержки проектов ТОС в сельской местности. В 2006 году было принято одно из важных для муниципалитетов решений, они впервые получили целевую субсидию из областного бюджета и самостоятельно, на конкурсной основе начали оказывать грантовую поддержку проектам ТОС. В рамках перехода областного бюджета на программно-целевой метод планирования в 2011 году разработана и принята профильная программа поддержки ТОС. Практически за год количество органов ТОС увеличилось в три раза. Впервые получили финансовую помощь проекты ТОС городских поселений. Буквально за несколько лет в городских поселениях число органов ТОС выросло до двух сотен.

В течение следующих двух лет в Архангельской области принят закон в сфере государственной поддержки ТОС и разработана первая концепция развития ТОС в Архангельской области. Все эти меры позволили стимулировать создание органов ТОС практически в каждом муниципалитете. Сегодня на территории региона работает 1253 органа ТОС, 25 из них — в форме юридического лица.

Важнейшие инициативы поддержки тосовского движения Архангельской области заслуживают определенно хорошей оценки. Это:

- финансовая поддержка проектов ТОС через субсидии муниципальным образованиям;
- создание обучающих площадок для активистов территориального общественного самоуправления и муниципальных служащих;
- вовлечение участников ТОС в проекты, нацеленные на формирование комфортных условий жизни населения.

Действующий механизм финансирования проектов ТОС стимулирует создание и активную работу органов ТОС на своей территории. Финансовая поддержка ТОС состоит из средств областного и местного бюджетов, а также включает собственные и привлеченные средства самих органов ТОС. Сумма бюджетной поддержки ТОС только из областного бюджета ежегодно составляет порядка 30 млн рублей, сумма софинансирования из местных бюджетов — около половины этих средств.

Проекты ТОС реализуются по разным направлениям, и все-таки большинство — по «благоустройству населенного пункта». Наши органы ТОС строят мосты и колодцы, оборудуют детские спортивные площадки, ремонтируют памятники и дома культуры, создают туристские маршруты и сохраняют историю в музеях, проводят фестивали и соревнования, создают и поддерживают бренды своих территорий и многое другое.

Помимо финансирования проектов ТОС через муниципальные конкурсы поддержка ТОС оказывается также и в рамках других мероприятий и проектов. С 2020 года в Архангельской области активно внедрялся механизм инициативного бюджетирования, участниками которого стали органы ТОС. В 2023 году началась реализация комплексного регионального проекта «Комфортное Поморье», что позволило увеличить объемы финансирования проектов в разы. По итогам конкурсного отбора в 2024 году 103 инициативных проекта выдвинуто органами ТОС, в то время как общее количество реализованных проектов составило 235 единиц. На реализацию проектов-победителей передано свыше 59,8 млн рублей.

В целях информационной поддержки деятельности ТОС активно используются официальные интернет-ресурсы. Информация о работе органов ТОС размещается на портале правительства Архангельской области, на специализированном региональном интернет-портале ТОС. Созданы группы в социальных сетях и сайты

региональных проектов, активно поддерживают ТОС наши районные газеты.

Для методической помощи в регионе создана и успешно работает «Архангельская региональная ассоциация территориального общественного самоуправления». Интересна практика создания ассоциаций ТОС и общественных организаций, обладающих потенциалом ресурсного центра, в отдельно взятом муниципалитете. Данные сообщества решают целый комплекс задач: обучают и методически помогают активистам на местах, привлекают средства для реализации проектов ТОС, вовлекают молодежь в активные сообщества, сами реализуют проекты.

На начало 2025 года в Архангельской области действуют 9 таких организаций. Особенно примечательно, что данные общественные организации, обладая статусом СО НКО, активно участвуют в конкурсах фондов для привлечения средств на свои проекты. Эту практику вполне можно рекомендовать для использования в других регионах.

Улучшение качества жизни населения невозможно без активного непосредственного участия населения в решении общественно значимых задач, стоящих перед местной и государственной властью. В Архангельской области система работы с территориальными общественными самоуправлениями стала реальной площадкой для диалога общества и власти в части реализации принципов гражданского общества.

Together we are stronger!

Natalia A. Kadashova, Head of the Arkhangelsk Region Representative Office in Saint Petersburg, Member of the Expert Commission on the Strategy for the Development of Public Self-Government and Local Communities of the National Association of Territorial Public Self-Government. Finlyandsky Prosp., 4, Saint Petersburg, 194044.
E-mail: arhobl@yandex.ru

Голоса воронежских ТОСов: «Ты начинаешь чувствовать территорию, на которой живешь...»¹

А. М. Никулин, Е. С. Никулина

*Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: harmina@yandex.ru*

*Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: nikulina@ranepa.ru*

EDN: FNJXOM

Воронежская область — одна из лидеров в развитии территориального общественного самоуправления России. За последние 10 лет в области создано более 2400 ТОСов, членами которых являются около полумиллиона жителей. В поддержку движения ТОСов в регионе действуют два грантооператора: АНО «Образ будущего» и Ассоциация «Совет муниципальных образований Воронежской области». В 2024 году создана Ассоциация ТОС и местных сообществ Воронежской области. Координирующую роль выполняет комитет Воронежской областной думы по местному самоуправлению и министерство внутренней политики. Данный системный опыт развития ТОС-движения является, безусловно, актуальным и перспективным общественным явлением, требующим еще своего внимательного научного изучения и осмысления.

10–11 марта 2025 года по приглашению правительства Воронежской области социологи Центра аграрных исследований РАНХиГС приняли участие в работе трех круглых столов, собравших активистов территориального общественного самоуправления и представителей муниципальных органов власти ряда воронежских сельских районов.

Некоторые, на наш взгляд, наиболее интересные и ценные мнения, описания, нарративы особенностей создания и развития ТО-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Сов, их сущностных характеристик мы приведем и проанализируем в записанных на круглых столах выступлениях их участников.

В этих дебатах неоднократно обсуждались обобщенные экспертные оценки соотношений основных видов тосовских проектов благоустройства воронежских сельских территорий за прошедшие десять лет: 30% — детские и спортивные площадки; 30% — обустройство кладбищ; 40% — дороги, освещение, тротуары. Это, прежде всего, свидетельствует о важнейшем значении поколенческого фактора в движении ТОСов.

Один из экспертов обсуждения констатировал: *«В области проектов обустройства кладбищ изначально даже было больше на протяжении первых 6–7 лет с 2015 года. Почему так? С одной стороны, для сельских территорий кладбища — это видимая проблема, которая всю жизнь была «не в тренде» у местных властей. А ведь так проще всего объединить людей вокруг поколений и общей истории своего села. У каждого там, на кладбище, кто-то лежит. Поэтому у нас до сих пор продолжают заявлять на такие тосовские проекты. С одной стороны, это устоявшаяся проблема, а с другой — людей проще на нее поднять».*

Такое мнение поддерживалось неоднократно: *«Что такое кладбище в селе, где не всегда есть даже Дом культуры? По сути, это точка общего сбора. Это и Троица, и другие праздники».*

От поколенческой памяти разговор о ТОС-проектах обращался к памяти сельского места в более широких, историко-экологических контекстах: *«Я проживаю в селе Костёнки Хохольского района Воронежской области. Нашему ТОСу в этом году десять лет и один из первых проектов у нас был — создание памятки краснокнижных растений. Мы посадили сосну меловую — это единственное дерево, внесенное в Красную книгу РФ, произрастающее на территории Воронежской области. И сосну крымскую. Нами было высажено полторы тысячи растений, разбиты аллеи на меловой горе, там, где практически ничего не растет. Сейчас эти деревья уже подросли, аллеи уже видно. Крымская сосна растет медленнее, но она растет дольше — до 600 лет, а меловой сосны некоторые экземпляры уже шесть метров. То есть без ухода, без полива эти деревья растут и улучшают экологическую атмосферу нашей территории. В этом проекте участвовали администрация, школа, волонтеры из Воронежа приезжали.*

На экологические проекты очень хорошо откликается любой житель, каких бы взглядов он ни придерживался, ведь природа для всех одна. Поэтому экологические проекты очень хорошо поддерживаются всеми — особенно проекты, связанные с посадкой растений. Мусор убирать люди не очень любят, а деревья сажать — да, приходит большое количество людей. Можно даже рекомендовать именно с таких проектов начинать общее дело на какой-то территории с нуля, если еще там и ТОС-сообщества никакого нет — а давайте посадим аллею или сад».

*А. М. Никулин,
Е. С. Никулина
Голоса воронежских ТОСов, март 2025: «Ты начинаешь чувствовать территорию, на которой живешь...»*

И все же по сравнению с экологическими проектами наиболее массовыми и актуально повседневными оказываются разнообразные ТОС-проекты, связанные с благоустройством инфраструктуры села, прежде всего дорог, затем различных общественных мест и площадей.

Тема дорог звучала постоянно даже среди представителей пригородных сельских территорий Воронежа, например, из самого большого российского села Новая Усмань (37 000 жителей). Здесь бойко осуществлялась интенсивная как коттеджная, так и многоэтажная застройка территории без соответствующего инфраструктурного обустройства. В результате именно местные ТОСы явились важным фактором самоорганизации жителей для развития общественного благоустройства. Что уж говорить об удаленных глубинных сельских районах.

Вот один из рассказов про проект дорожки — дороги в одном из воронежских поселков: *«Первое, с чего мы начали — мы выложили дорожку, которая соединяла две части нашего поселка через бугор. Я сегодня с огромной радостью хочу сказать, что на тот момент мы не понимали, а сейчас точно знаем, что эта дорожка соединила не улицы, а людей. Здесь все и понеслось: люди объединились в одном порыве, когда они увидели, что это не голословно, а есть результат, а самое главное, что этот результат зависит только от нас с вами. Мы привыкли все чего-то ждать от власти, от кого-то, а здесь людям дали понять, что есть другая возможность, и с того бугра люди потихоньку стали превращать поселок в благоустроенную территорию, которая была, на радость, в первую очередь нам, жителям».*

От отдельных проектов обустройства дорожек и дорог, порой протяженностью в несколько сот метров, расходятся и развиваются дальше целые комплексы ТОС-инициатив, как, например, в этом рассказе: *«Я — председатель ТОС «Школьник», наш ТОС образован в 2019 году, и уже в 2020-м мы получили первый грант на благоустройство площадки, причем первая же заявка наша заняла первое место по Воронежской области, набрав максимальное количество баллов из всех поданных заявок. Я понимала, что проигрывать не могу, площадка мне нужна сейчас, у меня ребенок растет. И на моменте подготовки заявки я прошла все возможные инстанции. Я пришла в администрацию района — посмотрите заявку, правильно или неправильно. Я приехала в совет муниципальных образований: можете посмотреть? Те замечания, которые были, я их учла все, и наша заявка выиграла. Территория, на которой организован мой ТОС, это не новый микрорайон, это старая застройка, исторически сложившиеся дома, (жителям) было ничего не надо. Они привыкли, что территория, на которой сейчас находится площадка, там козу пасти можно, ветки пожечь можно, собак выгулять. Мы с этим много боролись, говорили, что для детей делаем. В ответ: «Нам ниче-*

го не надо, нам нужно сделать костер здесь» — вот и все. Было мне достаточно сложно. Но для женщины в декрете недостижимых целей нет. На открытии нашей детской площадки был глава района с главой сельского поселения. И я увидела, сколько людей пришло. На открытии было около 250 человек. И я поняла, что то, что мы делаем, этого мало. Это была единственная современная детская площадка в сельском поселении. И все начали ходить к нам. И потом начали мы развивать благоустройство дальше: и тренажеры, и многофункциональную спортивную площадку. В общей сложности мы реализовали 6 проектов за 4 года. Нам помогала Ассоциация совета муниципального образования и организация «Образ будущего», мы им очень благодарны. У меня накопился достаточно успешный опыт, меня пригласили в администрацию сельского поселения на работу. Сейчас я являюсь пока еще не дипломированным наставником, помогаю новичкам влиться в ТОСы, помогаю развеять их страхи. Я круглосуточно на связи, если есть вопросы. У нас достаточно хорошие показатели по Воронежской области: у нашего ТОС максимальное количество побед. В том числе новички побеждают с первого раза».

Этот рассказ особо характерен тем, что презентует активную женскую позицию, в значительной степени доминирующую в воронежских ТОСах. По экспертным оценкам, около 75% женщин являются руководителями воронежских ТОСов и только 25% руководителей ТОСов — мужчины.

Обратимся к другому женскому ТОС-нарративу: «Я председатель ТОС «Мужичанское», мы граничим с Волгоградской областью. Село наше небольшое, в ТОС 298 членов. Чем мы отличаемся от многих сел — через наше село проходит трасса областного значения. В 2018 году центр села был максимально «украшен» бутылками, хламом. До ближайшей детской площадки — 20 км. В селе не было ни сквера, ни парка, ни площадок. И было огромное желание улучшить облик села, улучшить свою жизнь и односельчан. В 2018 году был семинар, который организовал Артем Николаевич Зубков, где я увидела, что есть «сумасшедшие люди», которые хотят и делают что-то для улучшения сельской жизни. Так, в 2018 году мы на месте пустырей начали реализовывать проекты. Вот это — фотографии проектов наших. Изначально, конечно, люди не верили. Было трудно. Один такой скептик говорил, что «ваш ТОС — это мертворожденный ребенок», на данный момент это наш рьяный помощник, а ему 90 лет. Тогда мы начинали проекты по благоустройству — вывезли мусор, поставили тренажеры там. Было очень тяжело, сколько субботников провели. И на данный момент ни одной сломанной скамейки. Вандализма нет. Ни одного сломанного цветка. Потому что дети знают цену труду своему и своих родителей, относятся совсем по-другому. На втором проекте — детская площад-

А. М. Никулин,
Е. С. Никулина
Голоса воронежских ТОСов, март 2025: «Ты начинаешь чувствовать территорию, на которой живешь...»

ка — были попытки повредить ее немного. Тогда мы самую свою «горькую» молодежь сделали ответственными. Сказали им, что если что-то будет сломано, то будут отвечать они. После этого вандализм прекратился. У нас четыре проекта по благоустройству: детские площадки, скверы, благоустройство колодцев.

Был у нас заброшенный сквер, куда несли мусор. А там еще в моем детстве стояли столики и лавочки, где бабушки и дедушки играли в домино. Мы подумали-подумали: давайте опять сквер сделаем. Вычистили территорию. Нашли спонсора, он пол-миллиона выделил. Заасфальтировали дорожку. Так преобразили всю территорию. Выиграли грант, поставили тренажеры для детей и для взрослого поколения. Поставили лавочки, сделали обрезку деревьев. Потянулись в сквер дети с соседних улиц, взрослые.

Субботники — начинаешь писать, отправлять объявления про субботники, тишина. Начинаешь граблями грести — дети появились на площадке. Начинают дети грести — смотришь, родители вылазят, и все больше и больше. Началось все с детей, теперь все больше людей приходят на субботники, уже не пытаются отлынивать. Для этого у нас всегда: стол, чай, какие-нибудь пироги, что-нибудь обязательно после субботника.

Дальше — у нас было на кладбище очень много старых деревьев, которые ломались, они падали на памятники. Мы решили поучаствовать еще в гранте, выиграли его, большую часть плохих деревьев убрали за счет гранта. У нас появился спонсор — он увидел нашу работу и возле нашего кладбища поставил маленькую часовенку, и давайте думать, мол, как ее облагородить».

Другими активистами ТОС-инициатив часто являются горожане, переехавшие по разным причинам в сельскую местность.

Вот другой характерный нарратив двух ТОС-лидеров из одного села, ставшего достаточно известным благодаря кино: «Я в село Кучугуры в свое время переехал... То самое, про которое документальный фильм «Кучугуры и окрестности» режиссер Владимир Герчиков снял и получил за это приз «ТЭФИ». Он там в 1990-е годы зафиксировал, что все рушится и всему конец.

Тем временем в Кучугуры приехали ребята с «северов», потом начали подтягиваться другие горожане, потому что посчитали жизнь в селе более гармоничной. Таким же образом и я туда попал. ТОС для меня — это выход за границы возможного, и я рассматриваю его даже шире, чем территориальное общественное самоуправление, поэтому я могу рассказать реальную историю про Кучугуры.

В общем, Кучугуры в свое время упустили, и вот первые приехавшие ребята обустроили источники, поставили купель, крест. Потом была история у нас с храмом — этот храм большой восстановить. У нас силы, смелости или веры не хватило, но хватило какой-то энергии, чтобы поставить рядом деревян-

ный храм. Мы своими деньгами скидывались, депутат от областной думы Ключников помог. Где-то пополам получилось людских денег, пополам — его, и мы поставили своими силами церковь, нам разрешили назвать ее храм Иоанна Богослова.

— Вот это село (показывает фото), как там плохо было — невозможно было там в распутицу ездить, и достаточно все заброшено, но энергия была, и мы делали проекты. Детскую площадку своими силами спроектировали и сделали, так как у нас столярные мастерские были, свои проектировки площадки — собирали, поставили, потому что детям это было нужно. Вот дом творчества: у нас там до шести кружков различных — самбо, танцы, пение, мягкая игрушка, лепка, еще что-то. Организовали свой детский сад, потому что своего детского сада не было.

— Забыл добавить, что те семьи, которые приехали, были и многодетные.

— Да, у нас много многодетных, есть приемные семьи, поэтому у нас была организация многодетных приемных семей «Белая вежа», в рамках ее тоже много получалось делать: устраивали летний детский лагерь, праздники. Это вот результаты (показывает фотографии) творчества, выставки, многочисленные праздники: Масленица, День семьи, любви и верности, Новый год и так далее. Детей у нас достаточно, как местных, так и приезжих: где-то бо местных детей, бо приезжих, постепенно и местные к этому подтягивались. Свой театр создали, свои костюмы, художники свои декорации рисовали.

Это помещение столярной мастерской — у нас клуба не было, приходилось освобождать столярную мастерскую, вымывать ее, чтобы в нем организовать маленький дом творчества.

— Да. Для меня ТОС — это территория объединяющего созидания».

Интересно, что в этом рассказе двух кучугурцев идея ТОСов имеет долгую историю, изначально часто не находившую понимания и поддержки не только у индифферентных местных жителей, но даже у ревнивых местных властей. И только в последнее десятилетие, в результате систематической организационной работы, проделанной в период губернаторского руководства А. В. Гордеева, движению ТОСов дали зеленый свет. Обратимся вновь к этому неспешному кучугурскому рассказу:

«ТОС в Кучугурах существовало у нас давно — до того, как официально начало активно развиваться в Воронежской области движение ТОС. Мы попытались его организовать еще в 2011 году, потому что знали, что эта возможность существует давно в рамках 131-го закона о местном самоуправлении. Когда мы пытались организовать, то сказали людям: хотим что-то делать для села, вместе собираться, какие у вас потребности? Тогда анкеты раздали с вопросами, заполнили их, в них сообщалось, что нам нужны дороги и еще что-то. А потом люди потянулись

А. М. Никулин,
Е. С. Никулина
Голоса воронежских ТОСов, март 2025: «Ты начинаешь чувствовать территорию, на которой живешь...»

обратно и начали просить свои заявления назад. Мы им говорим, что это не заявления, просто анкеты, они все равно анкеты просили вернуть. А потому что в тот момент районная власть видела в нас скорее конкурентов, сказала нам, что ни справки теперь мы не возьмем, ни похоронить не сможем на кладбище — в общем, ТОС мы не организовали.

— Потом, когда Алексей Васильевич Гордеев пришел губернатором в регион и увидел эту силу в низовом объединении граждан, и начал сверху уже рекомендовать настойчиво районным главам все-таки развивать это направление, тогда главы сами стали приходить к населению, чтобы поговорить о ТОСах. Так что истории про ТОСы они разные. А когда ТОС в 2016 году мы организовали, основная задача была — дороги, мы даже пытались их сами делать: скидывались деньгами, но это достаточно сложно было — было желание экспериментировать с химическими составами, мешать землю, но все это не то. Вот когда уже Алексей Васильевич начал нас поддерживать и ввел грантовую поддержку, мы начали дороги строить. Раньше приблизительно вот так дороги выглядели (показывает фото) почти по всем Кучугурам, чтобы с одной стороны села на другую сторону доехать, нужно было по горам как-то добираться. 16 км дорог у нас, это была глобальная проблема, которую достаточно сложно решить. Все же мы с 2016 по 2023 год эту проблему решили. Я на восемь грантов подал, выигрывал, плюс еще два гранта на физицо были: родник делали для сада Победы. Но изначально разговор был, прежде всего, про дороги.

— В то же время, если говорить про выход за границы, то я считаю, что такое ТОСы — в том числе и первый областной фестиваль ТОС — это и есть выход за границы, потому что нас в рамках законодательства в какую-то территорию ограничивают, чтобы мы думали об этой территории, но мы можем дальше объединяться и делать что-то вместе. Областной ТОС — это было как раз после одних из совместных ТОС-посиделок в Немецкой слободе, когда энергией накачались, что мы, ТОСы, можем что-то вместе дальше делать, как раз Артем Николаевич Зубков, курировавший ТОСы от Воронежской области, все это организовал. Оттуда у нас родилась идея потом еще раз собраться и сделать что-то большое совместное. Такое дальнейшее вовлечение людей, дает всем большую свободу.

— Разговор о служении. Вся эта история со взаимопомощью, которая и в кино была отражена, и в Кучугурах часто случается — когда мы просто друг другу помогаем. И строить дома, и делать общие дела. ТОСы, когда пришли, они в дальнейшую помощь этому стали. Сейчас мы пытаемся сотрудничать и с православными братствами, мы вместе с ними как раз читали «Письма из деревни» Александра Энгельгардта. Выходит, что помочь, братчины испокон века у нас были. Эта взаимопо-

мощь, когда вместе собираешься и делаешь какое-то дело, — это не то что сейчас изобретено, это тогда было, и к этому нужно обращаться.

Наиболее долгий ТОС, который существует, — тот, который вышел в состояние служения, в нем существует. У многих истории начинались даже до ТОС с некого служения территории: кто-то в кладбище заброшенном увидел страшное зрелище, туда эмоционально вложился... То, что долго существует, и то, к чему стоит прийти, — это творческое объединяющее служение, когда ты начинаешь чувствовать территорию, на которой живешь, объединяешься с людьми, которые похожим образом чувствуют и мыслят».

А. М. Никулин,
Е. С. Никулина
Голоса воронеж-
ских ТОСов, март
2025: «Ты начина-
ешь чувствовать
территорию, на ко-
торой живешь...»

Voices of the Voronezh territorial public self-governments: “You begin to feel the territory you live in...”

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: harmina@yandex.ru

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: nikulina@ranepa.ru

Крестьяноведение

2025. Том 10. №2

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.06.2025. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru